

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО

УНИВЕРСИТЕТА

имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 8 (74). № 4

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2022**

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
протокол № 5 от 12 октября 2022 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф. (заместитель главного редактора)	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц. (заместитель главного редактора)	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Александрова И. В. – д. филол. н., доц.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Лучинский Ю. В. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
	Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц. (ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литературы) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки)

Адрес редакции: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Подписано в печать 12.10.2022. Формат 70x100 1/16.
 Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 16,7. Бесплатно.
 Дата выхода в свет

Отпечатано в Издательском доме
 Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
 Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь,
 бул. Ленина, 5/7. <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2022 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82-22 Семенов Ю.

КОМЕДИЯ Ю. СЕМЕНОВА «ДВА ЛИЦА ПЬЕРА ОГЮСТА ДЕ БОМАРШЕ»: ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ¹

Александрова И. В.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
E-mail: iva-510@mail.ru*

В статье проанализирована комедия Ю. С. Семенова «Два лица Пьера Огюста де Бомарше», до сих пор не привлекавшая внимания исследователей. Рассмотрена специфика воплощения в пьесе фактов биографии французского комедиографа, решения проблем «творец и общество», «художник и власть». Сделан вывод о том, что Ю. Семенов переосмысляет элементы жанровой модели историко-биографической драмы, сюжет которой основывается на рецепции жизненного пути автора «Женитьбы Фигаро», и дополняет ее жанровыми свойствами сатирической комедии с элементами фарса. Особое внимание уделено условности хронотопических координат комедии, ее металитературности и метатеатральности, своеобразию персонажной системы, опирающейся на принцип двойничества. В ходе исследования выявлен глубокий символический потенциал образа часов, репрезентирующего идею временного – вневременного. Для создания образа писателя Ю. Семеновым активно используются игровые элементы, интертекстуальные включения. Конфликт творческой личности и мира в пьесе получает вневременной, субстанциальный характер. Горькая авторская ирония, пронизывающая комедию, вполне соответствует тенденции, характерной для национальной жанровой традиции: соединения в пространстве одной пьесы комических и драматических начал.

Ключевые слова: комедия, историко-биографическая драма, система персонажей, пространство, время, условность, метатеатральность.

ВВЕДЕНИЕ

Юлиан Семенович Семенов (1931–1993) широко известен в основном как создатель детективных, политических и так называемых «шпионских» романов и повестей. Они неоднократно становились объектом исследования литературоведов [1; 6; 14 и др.]. Однако издание дочерью писателя О. Ю. Семеновой в 2008 году двухтомного собрания его ранее не публиковавшихся или малоизвестных сочинений открыло читателям «неизвестного Юлиана Семенова» [12] – автора проникновенных писем, тонких лирических стихов, оригинальных пьес. Многие из этих текстов пока не стали предметом научной рефлексии исследователей. **Цель статьи** – путем анализа одного из драматических произведений писателя, включенных в данное издание, выявить своеобразие художественного «почерка» Ю. Семенова-драматурга, проявившееся в способах создания образа центрального персонажа – творческой личности.

Время написания комедии «Два лица Пьера Огюста де Бомарше» – середина 1970-х годов. По свидетельству О. Ю. Семеновой, пьеса о Бомарше была создана ее отцом в пору

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа "Приоритет-2030" № 075-15-2021-1323.

экранизации романа «Семнадцать мгновений весны» под воздействием конфликта с режиссером Т. Лиозновой: «...Он описывает муки литератора, которого мучит режиссер <...> Несколько запутанная, сложная пьеса, но все равно в ней есть свет, радость» [13]. Впервые комедия увидела свет в крымском журнале «Чёрное море» в 2004 году, однако мы не располагаем никакими сведениями о ее сценическом воплощении. Пьеса никогда не упоминалась в работах о творчестве писателя (см., напр: [3; 6; 8] и др.). Между тем она представляет определенный интерес и в плане характеристики векторов творчества Ю. Семенова, и в аспекте особенностей поэтики жанра комедии в русской литературе конца XX века. Этими обстоятельствами и обусловлены **актуальность** и **научная новизна** предлагаемой статьи.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В фокусе внимания Ю. С. Семенова оказываются взаимоотношения творца и власти, творца и общества. В этом плане комедия в некоторой степени созвучна булгаковской «Кабале святош», художественно осмысляющей данные проблемы на материале биографии Ж.Б. Мольера и его контактов с Людовиком XIV. Но если пьесе М. А. Булгакова особую остроту придает проекция отношений Мольера и короля на положение самого автора «Кабалы святош», вынужденного жить и творить в тоталитарную эпоху, то Семенов, современник иной поры, несколько сглаживает, смягчает эти аспекты, однако не снимает их полностью.

Центральным героем у Ю. Семенова становится классик французской литературы XVIII столетия Пьер Огюстен Карон де Бомарше (1732–1799). Как сообщает название, он предстает в «двух лицах»: талантливого комедиографа, создателя популярнейших пьес «Севильский цирюльник» (1775) и «Женитьба Фигаро» (1784), владельца театра – и королевского шпиона, тайного агента Людовика XV, человека, волею обстоятельств втянутого в сферу международной политики и государственных интриг. Блестящая карьера Бомарше во внешнеполитической разведке, самоотверженная защита им интересов Франции, способность мастерски улаживать скандалы, которые могли навредить его венценосному патрону, – эта сторона жизни драматурга практически неизвестна рядовому читателю (хотя сведения о ней приводятся в книге Ф. Гранделя, посвященной его судьбе [4]). Позже создатель образа Фигаро состоял на секретной службе и у Людовика XVI [11].

Выстраивая сюжет пьесы, Ю. Семенов отталкивается от жанровой модели историко-биографической драмы, использует некоторые факты биографии Бомарше. Значительная часть сюжета основана на подлинных перипетиях его судьбы: выполнении секретных поручений короля, поездке автора «Севильского цирюльника» в Лондон с целью выкупить у противников Людовика XV рукопись, подрывающую авторитет монархии; участии в поставках оружия американским повстанцам во время войны за независимость США. В этих операциях ярко проявляются его дипломатический талант, недюжинный ум, изворотливость, энергия, дар оратора. В тексте пьесы упоминаются также поездка Бомарше в Испанию, его неоднократные аресты на родине.

Однако по ходу развития действия Ю. Семенов ошутимо корректирует соотношение «историческая личность – художественный образ», свободно совмещает фактуальность и фикциональность, допускает собственную транскрипцию фактов жизни реального лица. Писателя, как и во многих его произведениях, привлекают драматические перипетии биографии героя, приключенческая сторона происходящего, события, пережитые

«шпионом», ассом секретного сыска и увиденные его глазами. Тем не менее эта сюжетная линия не играет в пьесе главенствующей роли, а авантюрное начало в характере героя представлено лишь как одна из его особенностей. Сам Бомарше относится к своей деятельности шпиона как к нетривиальному способу постижения человеческой природы, которое, по его мнению, составляет основу писательского труда: «Я окунул в дело лишь для того, чтобы лучше понять людей, ибо нигде, кроме как в интриге, ты не можешь увидеть человека в двух измерениях – таким, каков он с тобой, и таким, когда он пишет рапорт своему монарху о беседе со мною» [12, с. 406].

Современник драматурга, Ж.-Ф. Лагарп отмечал в «Лицее» (1800), что, по его представлению, «Бомарше-человек превосходит Бомарше-писателя и заслуживает особенного внимания» [4, с. 6]. В комедии Ю. Семенов исходит из иных позиций: в его Бомарше привлекательны обе ипостаси. Он наделен ярким талантом драматурга, предприимчивостью театрального директора и личным обаянием, остроумием, наблюдательностью; ненавидит тиранию, презирает низкопоклонство и расчёт, ценит в людях достоинство и честность, при этом мастерски сплетает политические интриги и урегулирует скандалы. Создатель Фигаро превосходит своих противников не только в тактическом, но и в нравственном отношении (свойство, типичное для произведений Семенова о тайных агентах и разведчиках). Недруги с удивлением обнаруживают в нем «суетливого коротышку», которого все почему-то считают «создателем французской закордонной разведки» [12, с. 403]. Это подчеркнутое несоответствие внешнего и внутреннего планов в характеристике персонажа усложняет его образ. Особенно значимым качеством французского драматурга в интерпретации Ю. Семенова становится его патриотизм. Собственную политическую позицию он обосновывает так: «Как и всякий сочинитель, я должен ненавидеть коронованного тирана, но я служу ему, потому что данность очевидна: Людовик – это Франция. Когда Франция станет просто Францией, а я мечтаю о Франции республиканской, воистину народной, я стану служить ей с еще большим рвением» [12, с. 411]; «монарх монархом; я же служу моему народу, идее свободы и закону» [12, с. 412]. Свой род занятий – сочинительство – Бомарше считает делом серьезным, требующим искренности, самоотдачи, гражданского мужества и полного бескорыстия: «с тех пор как я взял в руки перо, я лишился чувства страха» [12, с. 406]; «Сочинитель, если он хотя бы раз пересчитал свое искусство на деньги, не имеет право впредь брать в руки перо» [12, с. 412].

Речевая партия Бомарше очень эмоциональна, основана в значительной степени на остроумных афористических сентенциях: «Анекдоты умирают, потому что их не записывают» [12, с. 407], «предательство – самая невыгодная сделка в мире» [12, с. 412], «конокрада, как и литератора, узнают по почерку» [12, с. 407], «Интрига и смех – вот оружие будущего» [12, с. 408], «Я тороплюсь смеяться потому, что боюсь, как бы не пришлось плакать» [12, с. 408], «республика литераторов – это республика волков, готовых всегда перегрызть друг другу горло» [12, с. 407]. Большинство суждений – это дословные цитаты из монолога Фигаро в 1 действии «Севильского цирюльника»; данный прием позволяет Ю. Семенову акцентировать определенную автобиографичность образа Фигаро по отношению к его создателю, внутреннюю близость автора и героя.

Бомарше вынужден постоянно бороться с клеветой, возводимой на него, очень хорошо знает механизм ее возникновения: «Сперва чуть слышный шум, едва касающийся земли, пианиссимо, шелестящий, быстролетный, сеющий ядовитые семена. Чей-то рот подхватывает этот слух и, пиано, нежно сует его вам в ухо. Зло сделано – дайте время, и

оно прорастет! Оно движется, рифорзан-до! Пошла гулять по свету чертовщина! Клевета становится мнением, она выпрямляет спину, она – кресчендо – делается всеобщим воем ненависти и хулы!» [12, с. 412–413]. Здесь Семенов в уста Бомарше вкладывает слегка измененное рассуждение Базиля из «Севильского цирюльника» [2, с. 91–92] о природе клеветы как социального зла. Для создания речевой партии французского драматурга автор пьесы активно использует цитаты и парафразы из его «Мемуаров» (например, размышления о незавидной судьбе драматических произведений, искалеченных актерами и не понимаемых партером [12, с. 416–417]).

Речь ловкого, расторопного слуги Бомарше Фигаро столь же остроумна и афористична, как и высказывания его хозяина. Свою извечную занятость сразу множеством дел он характеризует знаменитой фразой из каватины Фигаро в 1 действии оперы «Севильский цирюльник» Дж. Россини: «Фигаро – здесь, Фигаро – там!» [12, с. 404]. Его реплики также обильно инкрустированы цитатами из монологов Фигаро – героя пьес Бомарше. Рассредоточение реплик Фигаро в речевых партиях его «прообраза» и создателя дает возможность Ю. Семенову внести необходимые акценты в истолкование личности Бомарше: умный, честный, смелый Фигаро воспринимается как своеобразный «двойник» комедиографа, откровенно и непосредственно выражающий его позицию в тексте написанной им пьесы.

Пьеса Ю. Семенова содержит вторую сюжетную линию, которая реализована в «Декорации второй» и связана с фигурой писателя XX столетия. Его судьба представляет собой ироническую проекцию на судьбу Бомарше, ее своеобразный иронический парафраз. Современник автора настолько же не понят окружающими (в том числе и членами собственной семьи), столь же зависим от материальных аспектов жизни и страдает от грубости публики, ее неразвитости, пошлости и меркантилизма, как и его знаменитый предшественник. Помимо творчества, у Писателя есть не менее экзотическое занятие, чем шпионаж у героя «Декорации первой»: произнесение речей на митингах сторонников Мао. Он занят написанием пьесы о Бомарше, и Семенов изображает непосредственно процесс создания художественного текста, фиксирует в сюжете пьесы авторскую рефлексию Писателя о творчестве, природе драматической словесности, о судьбе художника слова в обществе. Герой-писатель помещает в свою пьесу диалог Бомарше с Ж. Ж. Руссо, характеризующий французского комедиографа как противника театральной рутины и косности. В результате возникает пересечение жизни и литературы, что привносит в семеновскую пьесу черты металитературности, авторефлексии литературы. Последняя выступает формой экспликации авторской концепции творчества, воплощенной в структуре самой комедии Ю. Семенова. Авторские суждения о собственном произведении содержат и реплики Бомарше в «Декорации первой», характеризуя его как взыскательного художника: «В молодости я был бумагомарателем. Я до сих пор стыжусь своей пьески «Севильский цирюльник», как солдат стыдится невинности...» [12, с. 406]. Французский драматург объясняет, почему он избирает комедийный жанр, чтобы разоблачать пороки современного ему общества, «драться против устойчивой глупости и смиренной подлости» [12, с. 407]: «нельзя бороться с подлостью нашего мира трагедиями – над этим посмеются потомки» [12, с. 407].

Наряду с металитературностью пьеса Ю. Семенова включает в себя и элементы метатеатральности. Как замечает Р. Клайкомб, метатеатральность обнаруживается тогда, когда «драма, театр и представление говорят о драмах, театрах и представлениях» [цит.

по: 9, с. 87]. П. Пави именует это явление «театром в театре» и определяет его следующим образом: «Театр в театре предполагает такое построение спектакля, сюжетом которого является представление театральной пьесы» [10, с. 349].

Предметом изображения у Ю. Семенова становится не представление театральной пьесы, а ее репетиция. Местом действия «внешней» и «внутренней» пьес является комната, где находится Бомарше, а во второй части пьесы – кабинет Писателя; в результате сценическое пространство проникает в обыденное, внетеатральное, «реальное». Для композиционного приёма «театр в театре» характерна четкость границ между обеими пьесами, их неслиянность. В «Декорации первой» сигналом перехода к «внутренней» пьесе становится просьба Бомарше позвать лицедеев и фраза Фигаро: «Ребята, репетиция!» [12, с. 409], в «Декорации второй» – призыв Режиссера к актерам: «Ну-ка, мальчики, сыграйте нам сцену из первого акта его пьесы» [12, с. 421]. Однако граница между «реальностью» и «изображаемым» порой стирается, что позволяет увидеть в семеновском тексте проявление именно метатеатральности. Так, во второй части комедии Ю. Семенова герои пьесы, создаваемой Писателем, словно оживают, выходят из-под его контроля, и читатель становится свидетелем беседы Бомарше и Фигаро о специфике писательского труда и восприятия действительности. Нарушение границ миров реального и театрального обнаруживается и в непроизвольном проникновении в текст сочиняемой Писателем пьесы обстоятельств и реалий его собственной жизни: в создаваемом им тексте словно материализуется известная ахматовская мысль «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...» (в данном контексте – пьесы). Ю. Семенов наглядно демонстрирует, как Писатель конвертирует в текст пьесы явления первичной реальности: случайные чужие фразы, свои мысли, впечатления, чувства, явления собственной повседневности. Так формируется реальность вторичная, в которой Писатель – и автор, и действующее лицо.

Ни сам ход репетиции, ни содержание исполняемого во второй части пьесы драматического эпизода в тексте не явлены в подробностях, лишь отмечается, что «Менестрели поют в микрофон арию из “Женитьбы Фигаро”» [12, с. 409], «Менестрели поют песенку о судьбе Фигаро» [12, с. 421] и дважды повторяется ремарка «Менестрели пляшут и поют» [12, с. 410]. Введение в текст комедии сцены репетиции позволяет Ю. Семенову показать отношение Бомарше и Писателя к театральному творчеству, воплотить его концепцию автора-драматурга. Эпизод репетиции сцены из «Женитьбы Фигаро» включает в себя диалог ее создателя со слугой, «реальным» Фигаро, которому Бомарше объясняет свои творческие установки. «Если б я захотел вывести на сцену неутешную мать, обманутую супругу, сына, лишённого наследства, я бы прежде всего придумал для них королевство на каком-нибудь острове! Только тогда я могу быть уверен, что мне не поставят в вину неправдоподобие интриги, ходульность характеров и напыщенность слога!» [12, с. 410], – с горькой иронией характеризует драматург вкусы публики и претензии критики. Истинная комедия, в его представлении, должна отражать реальные отношения между людьми, а игра актеров – быть естественной и точно следовать за авторским видением жизненных явлений. Автор комедии для Бомарше – это тот, кто создает свой особый мир, управляет всем «организмом» пьесы, обеспечивает ее целостность и стройность, держит в руках все ее «нити». Поэтому на капризную просьбу молодой актрисы дописать ей реплики, чтобы оправдать присутствие ее героини на сцене, Бомарше отвечает: «...Ваше поведение оправдывать буду я. Думайте не о себе, но о целом, и верьте автору, верьте» [12, с. 411].

Метатеатральность «Декорации второй» связана со своеобразным «аудиотеатром»: Писатель, записывая на диктофон для стенографистки свою пьесу о Бомарше, исполняет роли своих героев, играет голосом, перевоплощаясь то в автора «Севильского цирюльника», то в его жену, то в директора театра. Создаваемая сцена демонстрирует унижительную зависимость драматурга от вкусов публики, кассовых сборов, непонимание женой особенностей мироощущения творческой личности. Смысловую параллелью для нее станут эпизоды разговоров Писателя с Режиссером, призванные показать несвободу сочинителя пьес от воли постановщика. Функцию «внутренней» пьесы выполняет здесь играемая менестрелями сцена из первого акта комедии, созданной Писателем, и песня о судьбе Фигаро. Оттенок абсурда вносит перемену суждений о жизни Бомарше пошлым торгом о количестве процентов гонорара Писателю в случае, если ему навяжут соавторов. На фоне искусства, призванного служить высоким целям, реплики участников диалога выглядят подчеркнуто низкими.

Таким образом, театрализация действительности становится структурообразующим принципом пьесы.

Центральные события первой части комедии Ю. Семенова – встречи Бомарше с проституткой-шпионкой Джерри Смит, с юным связным и с режиссером Тифозинни, который беспардонно напрашивается в соавторы, вызывается экранизировать (!) «Женитьбу Фигаро». Вторую часть можно интерпретировать как своего рода сюжетную «рифму» к предыдущей: изображаются отношения Писателя с женой, сыном, режиссером, продюсером (т. е. участниками коммуникации снова становятся женщина, представитель молодого поколения и собратья по творческому цеху). Здесь, как и в «Декорации первой», внятно артикулируются ситуации непонимания, обесценивания. Так, сын современного Писателя – физик, пытающийся объяснить искусство при помощи формул, поверить «алгеброй гармонию», считающий Пушкина всего лишь «русским журналистом» [12, с. 429]. Если Бомарше благодарен своей Жозефине хотя бы за то, что была с ним «в горестях и радости» [12, с. 431], то конфликты и разногласия Писателя с женой призваны подчеркнуть утрату семьей традиционного воплощения духовной опоры, деформацию прежней системы ценностей, что вызывает в герое острое чувство одиночества, неудовлетворенности жизнью. В пьесе поднимается и экзистенциальная проблематика. Писатель «поручает» Бомарше – героя создаваемой пьесы – размышления о драме человека, лишенного внутренней свободы: «Мы все – добровольные рабы: обстоятельств, любви, вражды, правителей, слуг, самих себя... Что может быть страшней добровольного рабства? Я оправдаю шаг вынужденный, готов оправдать предательства и ложь, исторгнутую под пыткой, но когда я сам надеваю на себя ярмо, когда я сам отказываюсь от того самого великого, что есть в этом мире – от свободы, когда я становлюсь жалким невольником привычек, мнений, выгоды, тишины, удобства, теплого клозета...» [12, с. 428]. В контексте сцены становится понятно: герой говорит о том, что волнует и самого автора.

Вторая часть комедии разворачивается под аккомпанемент постоянных разговоров о деньгах. Материальная сфера словно поглощает Писателя: каждый раз отрываясь от процесса создания пьесы, он выписывает чек жене, дает денег сыну, покупает машину, секретер времен Людовика Первого; но погруженность в материальное не убивает в нем окончательно стремления к самовыражению в творчестве. Слыша всё новые требования денег, он умоляет: «позвольте мне работать!» [12, с. 428], а затем, как следует из ремарки, «бессильно опускается у диктофона. За стеной слышен хохот» [12, с. 429]. Тщетно

отбивается Писатель и от назойливых приглашений принять участие в различного рода околосекретарских мероприятиях – «заседании фракции фантастов», «клуба поклонников Робеспьера» [12, с. 430] и т. п.: вся эта суета отвлекает его от творчества, безжалостно ворует время. Собственно, и приверженность Писателя идеям Мао вряд ли искренна: позиционируя себя их сторонником, он словно занимает определенную идейно-политическую нишу. Выступления Писателя на митинге маоистов вызывают иронию Ю. Семенова: не случайно пылкие тирады литератора, передаваемые по телевидению, звучат во время сеанса массажа и перемежаются замечаниями пациента, связанными с областью телесного низа. Так драматург снижает пафос речей оратора, а сама сцена приобретает фарсовые коннотации. В данных эпизодах нельзя не почувствовать семеновского иносказания, вуалирующего реалии современной ему действительности (поощряемое властью участие писателей в партийной жизни страны, их выступления на съездах и партсобраниях и т. п.). Его герою хотелось бы, как и изображаемому им Бомарше, «отринуть всё мелкое, что мешает нам видеть небо и слышать смех младенца» [12, с. 428], однако это «мелкое» обступает настолько плотно, что на «высокое» часто не остается сил и времени.

Как замечает О. А. Дашевская, «на рубеже 70–80 годов происходит “сдвиг” в поэтической системе традиционной драмы. Выражается он в ее тяготении к условности, к наращиванию символических смыслов пространства и времени, в их метафоризации и смещении» [5, с. 17]. В пьесе Ю. Семенова условность играет заметную роль. Так, в открывающей текст ремарке специально оговорено, что «Пьеса предполагает возможность заменяемости: истинный “Бомарше” может быть в чем-то похожим на современного “Писателя”, появляющегося во второй декорации; жена Бомарше может быть женой Писателя; современный продюсер – директором театра Анри и так далее» [12, с. 402]. Следует отметить и дублирование эпизода беседы Писателя с режиссером: как указывает Ю. Семенов, это разные режиссеры, но их роли исполняет, согласно авторскому замечанию, одна и та же актриса, практически дословно воспроизводя речевую партию персонажа из предшествующей сцены. Действие перемежается репетициями спектакля по «Женитьбе Фигаро», что дает эффект тесного переплетения реальности и игры. Сама установка на двойственность, переходность, текучесть явлений и взаимозаменяемость лиц обеспечивает ощущение определенной иллюзорности происходящего и его вневременного, общечеловеческого характера. В результате комедия Ю. Семенова обнаруживает устремленность к философским обобщениям, метафоризации и аллегории.

Создавая образ художника слова, автор использует многомерную модель построения хронотопа. Магистральным его свойством становится слияние времён, нерасчленённость временного потока: Бомарше – классик XVIII столетия, Писатель живет в XX веке, выходящие на подмостки менестрели – поэты-певцы эпохи Средневековья и раннего Возрождения. Творческая личность выступает в плотном ореоле вещных образов и узнаваемых культурно-исторических реалий, имеющих временное «прикрепление», зачастую не соответствующее изображаемой эпохе. Например, «Декорация первая» содержит упоминания издательского дома, мюзикла, кино («реальному» Бомарше хочется снять фильм о событиях, участником которых он был, но драматург вдруг спохватывается: кино-то еще не изобрели!), джаза, журнала «Тайм», Би-Би-Си, микрофона, диктофона, батареек – используемого в СССР элемента питания 343, который «в Лондоне днем с огнем не сыщешь» [12, с. 409], тем более в XVIII столетии.

Анахронизмом по отношению к изображаемому периоду воспринимается и произнесенная Бомарше сентенция «Искусство интриги заключается в том, чтобы вовремя повесить на стенку ружье» [12, с. 402] – прозрачная аллюзивная отсылка к широко известному чеховскому принципу: «Если в начале пьесы на стене висит ружьё, то оно обязательно должно выстрелить». Во второй части пьесы современность маркирована упоминанием телефона, кондиционера, телевизора с транслируемыми по нему рекламой и показом мод, водки «Смирнофф», режиссеров С. Крамера, И. Бергмана и К. Лелюша, актера Ж. П. Бельмондо, философа Г. Маркузе, немецкого диверсанта О. Скорцени, портрета Мао и митинга его приверженцев.

Особую значимость для понимания образа Писателя приобретает зафиксированное в ремарке театральное решение его перемещения по квартире: «включается круг, и писатель <...> проходит через холл, старинную библиотеку, громадную, в стиле Людовика столовую, будуар жены, современную комнату сына, гостиную стиля позднего рококо, и приходит <...> в комнату, обставленную с грубой и показной нищетой: койка, укрытая солдатским одеялом, стеллаж с книгами, большой портрет Мао» [12, с. 418]. Переход из одной комнаты в другую, а затем в последующие – это сложная метафора. Интерьеры комнат соотнесены с разными историческими эпохами, подчеркнутый аскетизм последнего знаменует пору «строительства коммунизма» (революционных преобразований). Такая смена локусов создает условное художественное пространство, подчеркивает вневременной характер происходящего, судьба драматурга экстраполируется на всю историю существования художественной словесности, приобретает всеобщий, типизированный характер. Этот эффект поддержан и номинацией героя – просто Писатель, без имени и фамилии, которые служили бы средством индивидуализации.

Если действие «Декорации первой» разворачивается в Англии и связано с культурной и социально-политической ситуацией во Франции XVIII века, то «Декорация вторая» лишена сколько-нибудь внятной топографической определенности. Писатель диктует стенографистке ремарку своей пьесы: «Комната в старом лондонском доме на Трафальгар, 7» [12, с. 417] и, забывшись, описывает интерьер собственного кабинета, однако из текста неясно, сам ли он находится в столице Англии или продолжает повествовать о лондонских страницах биографии Бомарше. Такая темпорально-пространственная локация обеспечивает некую зыбкость, неопределённость, условность происходящему, подчеркивает его всеобщность, универсальность, возможность соотнесения изображаемых событий с произвольным временем и пространством. Размытость пространственно-временных координат зафиксирована и в реплике Джерри: «*Время ведь действительно истекло, а я могу заиграться. <...> я перестала замечать время. Живу в ощущениях, а не в пространстве*» [12, с. 402]. В этом контексте симптоматичным выглядит то, что Ю. Семенов, как известно, весьма скрупулезно подходивший в своих расследованиях к фактам и датам, на сей раз как будто игнорирует то обстоятельство, что упомянутые в пьесе эпизоды шпионской карьеры Бомарше хронологически соотносятся с различными периодами истории Франции: выполнение драматургом секретного поручения в Англии имело место при Людовике XV, а участие в поставках оружия в Америку – в правление Людовика XVI [11]. В комедии же король назван просто «Людовик», и эта номинация позволяет Ю. Семенову прибегнуть к обобщению: он ведет речь не столько о конкретном правителе, сколько о воплощении идеи власти.

Глубокому авторскому осмыслению фигуры творческой личности способствует лейтмотивный образ, связывающий, «сшивающий» все действие пьесы в единое целое, – часы. Он обнаруживает существенный символический потенциал, репрезентируя идею соотношения временного и вневременного. Часы в комедии – это и измеряющий время прибор, и самоё течение времени, и его фрагмент. Ю. Семенов не оставляет без внимания известный факт биографии будущего создателя Фигаро – его работу в молодости в часовой мастерской отца и начало придворной карьеры в качестве королевского часовщика. В «Декорации первой» *«Бомарше считает бой часов»* [12, с. 405], как сообщает ремарка. Позже он пытается расплатиться с Джерри Смит за оказанные услуги изготовленными им самим часами с рубинами; дает совет Фигаро подарить часы кухарке, чтобы кормиться у нее бесплатно; намерен дать часы жене вместо денег. Интересно, что никого из «одариваемых» часы не привлекают. Госпожа Бомарше, отказываясь от подарка, упрекает супруга в неумении жить в текущем моменте, винит в полном разрыве с реальностью: «Ты, как дитя, – наивен и раним. Живешь в придуманном тобою мире. Твои заботы и тревоги создаются тобою же. Ты не хочешь жить, чтобы жить. Ты стараешься жить, чтобы остаться навечно, и обыкновенное, понятное всем счастье проходит мимо тебя, и ты не замечаешь его, увлеченный своею мечтой. А потом, когда ты захочешь остановить время и увидеть жизнь такой, какая она есть, – будет поздно, потому что *часы*, отпущенные нам Богом, страшнее тех *часов*, которые ты любишь мастерить: твои идут неделю, а наши, людские *часы*, подобны мгновеньям» [12, с. 402] (здесь и далее выделено мной. – И. А.). Во второй части комедии эту реплику процитирует Писатель в своей речи на митинге маоистов: «Слушает окончание своей фразы: *«...а наши людские часы подобны мгновеньям»* [12, с. 420].

«Декорация третья» воспроизводит эпизод читки пьесы Писателя в театре и обсуждения ее продюсером, труппой и научными консультантами. Здесь же присутствуют, как следует из ремарки, в современных костюмах, настоящие Бомарше и Фигаро, корректируют суждения участников, но эти два мира – реальный и литературный – параллельны и не вступают во взаимодействие. Предметом полемики становится соответствие / несоответствие образа Бомарше фигуре реального французского классика, а также его идейно-политическая позиция. «Консультант № 1» резко критикует версию личности Бомарше, предложенную Писателем («пламенный революционер, нежный семьянин, тихий супруг и страстотерпец» [12, с. 432]), предлагает показать истинного автора «Фигаро» – личность противоречивую, совмещающую в себе авантюризм, стремление к материальному преуспеянию и недюжинный талант драматурга. Однако его мнение дискредитируется подчеркнuto неуравновешенным поведением («бакалавр филологии» постоянно кричит) и комментариями возмущенного Фигаро. Второго же консультанта пьеса не устраивает своим апологетизмом и «осторожностью», но теперь уже сам Бомарше находит в доводах критика неприкрытую ложь [12, с. 434]. В этом споре слышны отголоски споров литературоведов об объективном значении комедий Бомарше, в частности, приводится точка зрения французского ученого Роже Помо (подробнее об этом см.: [7, с. 24]). По сути, в пьесе Семенова разворачивается полемика о степени достоверности и правды при создании образа реально существовавшего человека, по форме же она напоминает ожесточенные политические дебаты конца XX века.

Финал пьесы, как и многие ее эпизоды, получает метафорическое звучание. Бомарше и Фигаро уходят, игнорируя недовольство режиссера. Подлинное искусство выше политических интриг, карьерных устремлений, меркантильных интересов, мелких драг,

пошлой суеты, произвольных научных построений и гипотез. Приоритетом для писателя является лишь внутренняя свобода. Проблема взаимоотношений творца и общества получает в пьесе универсальный смысл, приобретает философско-этические очертания.

ВЫВОДЫ

Образ творческой личности в комедии Ю. Семенова о Бомарше создается на пересечении жанровых параметров историко-биографической драмы и сатирической комедии с элементами фарса. Переосмысляя жанровую модель историко-биографической драмы, фабула которой базируется на рецепции жизненного пути французского комедиографа, драматург ощутимо корректирует соотношение «историческая личность – художественный образ». Для создания последнего Ю. Семеновым привлекаются приемы двойничества, металитературности и метатеатральности, а также весомый интертекстуальный пласт (цитаты из пьес и «Мемуаров» Бомарше, из А. П. Чехова, из либретто оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник»). Пространственно-временной континуум пьесы Ю. Семенова достаточно сложен, отмечен многослойностью, условностью и метафоричностью, способствует созданию разветвленной системы культурных кодов. Благодаря этому конфликт творческой личности и мира в пьесе поднимается до универсального уровня, получает вневременной, субстанциальный характер, не может быть разрешим ни в границах пьесы, ни в жизни вообще.

Комическое в структуре образа творца не исключают горькой авторской иронии, что вполне соответствует специфике национальной жанровой традиции, синтезирующей в художественном пространстве одной пьесы комические и драматические, а порой и трагические начала. Сообщение пьесе иронической модальности способствует усложнению образа художника слова и его авторской оценки.

Список литературы

1. *Аронова Т. И.* «Альтернатива» Ю. Семенова как цикл политических романов: (проблемы, герои, жанр) : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.02. – Москва, 1986. – 16 с.
2. *Бомарше П. О.* Избранные произведения: в 2 т. – Т. 1: Театр. – М. : Худож. лит., 1966. – 456 с.
3. *Быков Д.* Противостояние. Юлиан Семенов // Быков Д. Советская литература. Краткий курс. – Режим доступа: <http://coollib.net/b/232524/read#t28>. – (Дата обращения 5.10.2022).
4. *Грандель Ф.* Бомарше. – М.: Книга, 1986. – 398 с.
5. *Дашевская О. А.* Структура действия в современной советской драматургии (пространственно-временная организация): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Томск, 1987. – 18 с.
6. *Ефимова О. В.* Роман Юлиана Семёнова «Семнадцать мгновений весны»: творческая история и вопросы поэтики: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – СПб., 2021. – 20 с.
7. *Зонина Л.* Жизнь и похождения Пьера Карона Огюстена де Бомарше // Бомарше П. О. Драматические произведения. Мемуары. – М. : Худож. лит., 1971. – С. 5–32.
8. *Литвинов В. М.* Семенов Юлиан Семенович // Русские писатели 20 века : Биографический словарь / гл. ред. и сост. П. А. Николаев. – М. : Большая Российская энциклопедия; Рандеву – АМ, 2000. – С. 630–632.
9. *Макаров А. В.* «Новая драма»: поиск литературоведческой оптики для описания метатеатральных экспериментов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 6 (17). – С. 85–89. – Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2012_6_20.pdf. – (Дата обращения 15.10.2022).
10. *Пави П.* Словарь театра. – М. : Прогресс, 1991. – 504 с.

11. Роуан Р. Очерки секретной службы. Из истории разведки / пер. с англ. С. Займовского. – М. : Воениздат, 1946. – 404 с. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/rowan_rw/index.html – (Дата обращения 8.10.2022).
12. Семенов Ю. Два лица Пьера Огюста де Бомарше // Неизвестный Юлиан Семенов. – Т. 2. – М. : Вече, 2008. – С. 402–444.
13. Юлиан Семенов: «Надо во всем и всегда видеть красоту»: [интервью с О. Ю. Семеновой] // Московская правда. – 8 октября 2020 г. – Режим доступа: <https://mospravda.ru/2020/10/08/167921/> – (Дата обращения 8.10.2022).
14. Laqueur W. Julian Semyonov and the Soviet Political Novel // Culture and Society. – 1986. – Vol. 23, № 5 (juli/august). – P. 72–80. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/463849>. – (Дата обращения 8.10.2022).

References

1. Aronova T. I. «*Al'ternativa*» Ju. Semenova kak cikel politicheskikh romanov: (problemy, geroi, zhanr) : Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk ["Alternative" by Y. Semenov as a cycle of political novels: (problems, heroes, genre). Abstract of thesis]. Moscow, 1986. 16 p.
2. Bomarshe P. O. *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. Vol. 1: Teatr*. [Selected works: in 2 volumes - Volume 1: Theater]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966. 456 p.
3. Bykov D. *Protivostojanie. Julian Semenov* [Confrontation. Yulian Semenov]. Bykov D. Sovetskaja literatura. Kratkij kurs. Available from: <http://coollib.net/b/232524/read#t28> (accessed 5 October 2022).
4. Grandel' F. *Bomarshe* [Beaumarchais]. Moscow : Kniga Publ., 1986. 398 p.
5. Dashevskaja O. A. *Struktura dejstvija v sovremennoj sovetskoj dramaturgii (prostranstvenno-vremennaja organizacija): Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The structure of action in modern Soviet dramaturgy (spatio-temporal organization). Abstract of thesis]. Tomsk, 1987. 18 p.
6. Efimova O. V. *Roman Juliana Semjonova «Semnadcat' mgnovenij vesny»: tvorcheskaja istorija i voprosy poetiki: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Yuliana Semyonov's novel "Seventeen Moments of Spring": creative history and questions of poetics. Abstract of thesis]. St. Petersburg, 2021. 20 p.
7. Zonina L. *Zhizn' i pohoždenija P'era Karona Ogjusta de Bomarshe* [The life and adventures of Pierre Caron Augustin de Beaumarchais]. Bomarshe P. O. *Dramaticheskie proizvedeniya. Memuary*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971. Pp. 5–32.
8. Litvinov V. M. *Semenov Julian Semenovich* [Semenov Yulian Semenovich]. *Russkie pisateli 20 veka : Biograficheskij slovar' / gl. red. i sost. P. A. Nikolaev*. Moscow : Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija; Randevu – AM Publ., 2000. Pp. 630–632.
9. Makarov A. V. «*Novaja drama*»: *poisk literaturovedcheskoj optiki dlja opisanija metateatral'nyh jeksperimentov* ["New Drama": the search for literary optics to describe metatheatrical experiments]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota Publ. 2012. № 6 (17). Pp. 85–89. Available from: http://sejournal.ru/articles/issn_1997-2911_2012_6_20.pdf (accessed 8 October 2022).
10. Pavi P. *Slovar' teatra* [Theater vocabulary]. Moscow : Progress Publ., 1991. 504 p.
11. Rouan R. *Očerki sekretnoj sluzhby. Iz istorii razvedki* [Essays on the Secret Service. From the history of intelligence] / per. s angl. S. Zajmovskogo. M. : Voениzdat Publ., 1946. 404 p. Available from: http://militera.lib.ru/h/rowan_rw/index.html (accessed 8 October 2022).
12. Semenov Ju. *Dva lica P'era Ogjusta de Bomarshe* [Two Faces of Pierre Auguste de Beaumarchais]. *Neizvestnyj Julian Semenov*. Vol. 2. Moscow : Vechе Publ., 2008. Pp. 402–444.
13. *Julian Semenov: «Nado vo vsem i vseгда videt' krasotu» : [interv'ju s O. Ju. Semenovoj]* [Yulian Semenov: “We must always see beauty in everything”: interview with O. Yu. Semenova]. *Moskovskaja pravda*. 8 oktjabrja 2020 g. Available from: <https://mospravda.ru/2020/10/08/167921/> (accessed 15 October 2022).
14. Laqueur W. Julian Semyonov and the Soviet Political Novel. *Culture and Society*. 1986. Vol. 23, № 5 (juli/august). Pp. 72–80. Available from: <https://www.prlib.ru/item/463849> (accessed 8 October 2022).

**THE COMEDY OF YU. SEMENOV
"TWO FACES OF PIERRE AUGUSTE DE BEAUMARCHAIS":
THE PRINCIPLES OF CREATING THE IMAGE OF A CREATIVE PERSON¹**

Aleksandrova I. V.

The article analyzes Yu. S. Semenov's comedy "Two Faces of Pierre Auguste de Beaumarchais", which has not yet attracted the attention of researchers. The specifics of reflection in the play of collisions of the French playwright's biography, the solutions of problems "the creator and society" and "the artist and the power" are considered. It is concluded that Yu. Semenov rethinks the elements of the genre model of historical and biographical drama, the plot of which is based on the reception of the life path of the author of The Marriage of Figaro and complements it with the genre properties of a satirical comedy with elements of farce. Special attention is paid to conventions of comedy chronotopic coordinates, its metaliterariness and metatheatricality, originality of the character system which is based on the principle of duality. The study revealed a deep symbolic potential of the image of the clock, representing the idea of the temporal - timeless. To create the image of the writer, Yu. Semenov actively uses game elements, intertextual inclusions. The conflict between the creative personality and the world in the play acquires a timeless, substantial character. The bitter author's irony that permeates the comedy is in full accordance with the trend characteristic of the national genre tradition: the combination of comic and dramatic principles in the space of one play.

Key words: comedy, historical-biographical drama, character system, space, time, conventionality, metatheatricality.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 programm N 075-15-2021-1323.

УДК 821.161.1

**ИМЕННОЙ СВЕРХТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ В. В. НАБОКОВА.
СТАТЬЯ 1: ПУШКИНСКИЙ ТЕКСТ¹**

Беспалова Е. К., Шмигельская Л. Р.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: korelkon1975@mail.ru; linashmigelskaya@gmail.com*

Статья посвящена специфике именного сверхтекста в литературном творчестве В. В. Набокова на материале Пушкинского текста. В результате анализа складывается представление о своеобразии создания Набоковым персонического мифа о Пушкине, раскрывается оригинальность его преобразования в именной сверхтекст, а также определяются эстетические и поэтические задачи в творчестве исследуемого писателя, разрешаемые им за счет образования сверхтекстового объединения. Материал исследования подтверждает, что мифологический образ А. С. Пушкина в художественном тексте Набокова преломляется через призму сакрального, представляя собой идеал поэта и человека, выступающий в качестве аксиологического камертона, используемого автором при построении собственных сюжетов и образов.

Ключевые слова: именной сверхтекст, персонический миф, Пушкинский текст, интерпретация, сакрализация, авторское сознание Набокова.

ВВЕДЕНИЕ

Теория сверхтекста зародилась на рубеже XX–XXI вв. Как известно, понятие «сверхтекст» было впервые теоретически обосновано В. Н. Топоровым в работе «Петербург и Петербургский текст русской литературы». Исследователь утверждает, что ядро надтекстового образования конструируется благодаря единству и целостности идеи, связанной с центральным субстратом (то есть индивидуально-авторским мифом о нем), а не с ним самим. Самостоятельно топоним, по мнению В. Н. Топорова, не может послужить единственной основой для создания петербургского текста. Неотъемлемым условием является формирование множества индивидуальных структурно-семантических особенностей выстраиваемого текста, преследующих определенные внутренние цели, заданные его автором или авторами. Особое значение в структуре сверхтекста исследователь закрепляет за словарем, который не только «задает языковую и предметно-качественную парадигму Петербургского текста» [18, с. 27], но определяет «семантическое пространство Петербургского текста – как “ближнее”, эмпирическое, так и “дальнее”, сферу последних смыслов и основоположных идей» [18, с. 27].

Продолжая мысль В. Н. Топорова, Н. А. Купина и Г. В. Битенская, предложили свое, достаточно емкое определение: «сверхтекст – это совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального/анормального» [4, с. 215]. Стоит заметить, что составляющие данной дефиниции, а именно целый ряд отличительных признаков изучаемого явления, легли в основу дальнейших классификаций сверхтекста.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа "Приоритет-2030" № 075-15-2021-1323.

Уточняющую формулировку *сверхтексту* выдвинула Н. Е. Меднис. Согласно ее точке зрения, «сверхтекст представляет собой сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [8, с. 13]. Исследователь заостряет внимание на «внетекстовой» направленности рассматриваемого дискурса, что, на наш взгляд, составляет одну из важнейших его характеристик, отграничивающую его от других смежных литературоведческих терминов. Что же касается утверждения о «незамкнутости» сверхтекстового объединения, то этот критерий видится нам полемическим, поскольку некоторые виды сверхтекстов обладают довольно точно очерченной структурой и законченным характером, что впоследствии было доказано учеными, занимающимися типологизацией исследуемого понятия.

Если В. Н. Топоров ограничился характеристикой исключительно топического сверхтекста, то другие ученые его исходным установкам дали закономерное развитие. Так, развернутая типология представлена в статье А. Г. Лошакова «Об авторской парадигме сверхтекстов»: исследователь выделяет несколько ключевых критериев, в соответствии с которыми составляет качественно различные классификации. Не только топические, но и событийные или именные сверхтексты при акцентировании авторского начала он делит на «собственно-авторские» (первичные тексты, имеющие в роли творца непосредственно литератора) и «квазиавторские» (вторичные тексты, созданные литературоведами или издателями). В зависимости от типа адресата, то есть читателя, на которого рассчитан тот или иной сверхтекст (конкретного, обобщенного и неопределенного), А. Г. Лошаков выявляет три соответствующих вида: по степени целостности и завершенности актуализирует «закрытый» и «открытый» сверхтексты, подразделяющиеся на более узкие категории «собранный» и «рассеянный», а уровень связанности позволил ученому характеризовать тексты как «сильные» или «слабые» [7, с. 53–54]. Ярким представителем сильного типа А. Г. Лошаков считает именно тот сверхтекст, который строится автором на подражании биографическому тексту, а следовательно, складывается в большей степени на основе все той же идеи, о которой говорил В. Н. Топоров, в то время как в качестве примера аналитического (слабого) сверхтекстового образования исследователь приводит циклы произведений, между прочим, также вполне способные к обладанию идеей. Но так или иначе, данное исследование внесло значительный вклад в теоретическую разработку проблемы сверхтекста и существенно пополнило его терминологический арсенал.

Особое внимание теоретическому освоению рассматриваемого явления сегодня уделяют и крымские учёные С. О. Курьянов и В. В. Курьянова [5; 6]. Так, С. О. Курьянов проводит довольно четкую грань между лингвистическим, культурологическим и литературоведческим осмыслением данной номинации, присваивая последнему несколько отличительных черт, главной из которых является принадлежность ядра выделяемого сверхтекста тексту художественной литературы. По мнению исследователя, необходимо также разделять и тексты, один из которых может представлять совокупность произведений определённого поэта или писателя, и потому носить его имя, а другой – образовывать континуум из тех произведений, что содержат в себе образную персонификацию или своеобразные упоминания имени, ставшего центральным концептом уже именного сверхтекста [5, с. 219]. Такой подход к изучению сверхтекста в рамках литературоведческой работы, на наш взгляд, является наиболее верным.

Разумеется, Пушкинский текст в художественной интерпретации Набокова изучается не впервые, однако, работы, посвященные этой теме, зачастую расходятся в понимании персонального текста. Например, В. П. Старк и В. А. Бодров [1; 17] акцентируют отражения Пушкина и его произведений в творчестве Набокова, но вектор их исследования заметно смещается в область интертекстуальности, а констатируемые биографические переключки почти не соотносятся с целенаправленным мифотворчеством. Максимально близкой для нашей работы позиции придерживаются Т. Н. Красавченко и Ю. В. Каминская [2; 3], характеризующие Пушкинский текст как множество поведенческих особенностей поэта, под влиянием времени превратившихся в образные модели, олицетворяющие его эпоху. Однако, при таком рассмотрении в центре внимания оказывается не столько образ самого Пушкина, сколько образ литературы XIX в. и специфика его реализации в романной прозе Набокова.

Исходя из всего вышесказанного, следует заключить, что под свертхтекстом мы понимаем сложное многомерное текстовое единство, имеющее генетическую связь с реальным жизненным событием, именем или местоположением, принимаемыми однако не в первоначальном, сугубо реалистическом виде, а в идейном, мифологическом обрамлении, подверженном авторскому переосмыслению для помещения в свертхтекстовый континуум. По нашему мнению, при еще не окончательно устоявшемся наборе теоретических концепций, определяющих свертхтекст, он имеет весьма широкую, логически обоснованную типологию. Однако нужно признать, что существующие классификации носят достаточно условный и обобщенный характер. Специфика же каждого отдельного типа может быть выявлена только при изучении его непосредственно в живой среде авторского пространства. Цель нашего исследования состоит в обнаружении уникальных особенностей индивидуально-авторских именных свертхтекстов с определением их формальных и содержательных сходств и различий в границах творчества одного автора – В. В. Набокова.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В. В. Набоков – русский и американский поэт и писатель XX века – известен своим скептическим отношением к литературной преемственности и ее месту в собственном творчестве. Однако при всей категоричности его суждений и бесспорном новаторстве авторского гения невозможно отрицать, что одни традиции русской литературы он продолжал, другие переосмысливал или оспаривал, но так или иначе предшественники на литературном поприще волновали сознание Набокова, а некоторые из них даже стали объектом его мифотворчества, получившего реализацию в пространстве художественных произведений, образовав внетекстовое единство или персонический свертхтекст.

Выбор А. С. Пушкина в качестве центрального концепта свертхтекстового образования, обнаруженного в творчестве В. В. Набокова, обусловлен тем, что именно этот писатель занимает один из важнейших полюсов Набоковского эмоционально-эстетического восприятия русских классиков, а потому рассмотрение созданного им мифа о нем и последующей интерпретации данного мифа позволит нам достаточно глубоко осмыслить природу его отношения к литературному наследию прошлого, а также специфику творческого взаимодействия с ним.

Пушкинский текст в русской литературе представляет собой совокупность различного рода художественных реализаций мифа о Пушкине, причем не только биографического, но и поэтического. А. С. Пушкин как человек и литератор становится

центром и основой именного сверхтекста, который по-разному интерпретируется творческим гением авторов в зависимости от избранного ими типа ценностного восприятия – сакрализации или профанизации. При сакрализации миф, как правило, поддерживается автором-интерпретатором, а также дополняется им и расширяется; при профанизации – наоборот, деконструируется и опровергается.

Как известно, начальным этапом формирования персонического мифа является создание мифа автобиографического и автопоэтического, возникающего в самом процессе жизни и творчества писателя, им же творимого, поддерживаемого и популяризируемого. Что касается Пушкинского мифа, то его построение осуществлялось в два периода – прижизненный и посмертный. Основные компоненты Пушкинского автомифа можно выразить в нескольких полуафористических формулах. Например, в своем происхождении поэт целенаправленно акцентировал именно нерусские корни, что породило мифологему «Пушкин – африканец», с помощью которой он не только обеспечил свой литературный портрет экзотическими чертами, но и демонстративно отграничил себя от всего остального русского аристократического общества, что наглядно отразилось в стихотворении «Моя родословная»: «Сей шкипер деду был доступен, / И сходно купленный арап / Возрос усерден, неподкупен, / Царю наперсник, а не раб...» [14, с. 332], однако необходимо отметить, что такая сепарация нисколько не изолирует поэта от русского народа, а напротив, соединяет с ним, основательно демократизируя его личность. Обучение его в Царскосельском лицее послужило причиной возникновения еще одной мифологической характеристики – «Пушкин – певец дружбы», которая, безусловно, получила закрепление в многочисленных поэтических текстах, посвященных теме дружбы, и, несмотря на известность Пушкина еще и в качестве мастера эпиграмм, сохранила в структуре его поэтического мифа доминирующую позицию. Отношение поэта к любви наиболее точно выражает мифологема «Я вас любил», являющая собой идеализацию любви альтруистического типа, весьма характерную как раз для Пушкинской аксиологии. Мифологема «Поэт – пророк» надолго утвердила в русской литературе идею об избранности и даре прорицания поэтического гения, призванного к гармонизации мира. После гибели Пушкина мифологизация его личности продолжилась. В посмертный период можно выделить две ключевые формулы. Первую «Погиб поэт! – невольник чести» породило стихотворение М. Ю. Лермонтова. Данная трактовка смерти Пушкина активизировала процесс своего рода канонизации поэта с присвоением его биографии житийных признаков и наделением смерти чертами мученической. Вторая мифологема «Пушкин – наше все» по сей день является едва ли не самой распространенной в нашем культурном сознании. Таким образом, А. С. Пушкин стал восприниматься не только как уникальный русский поэт, но и как национальный герой, а миф о нем трансформировался в определенный культ.

В. В. Набоков по-своему репрезентирует Пушкинский миф в тексте собственных сочинений, как прозаических, так и поэтических. Уже в стихотворении «На смерть А. Блока» (1921) он создает два мира: «сумрачную» и «одичалую» землю, на которой пребывание истинного поэта становится невозможным, и светлый рай, «благоухающий широко», где душу Блока встречают жившие ранее великие русские лирики: Пушкин, Лермонтов, Тютчев и Фет. Каждый поэт отождествляется Набоковым с определенным явлением природы: «Пушкин – радуга по всей земле, / Лермонтов – путь млечный над горами, / Тютчев – ключ, струящийся во мгле, / Фет – румяный луч во храме» [9, с. 449].

Сближение поэтов с той или иной природной стихией ассоциативно роднит их с героями древних мифов, однако понятно, что в данном случае параллели, проведенные автором, основаны на специфике творчества каждого из героев. Интересно, что солнце, всегда являвшееся устойчивым образным определением Пушкина, согласно знаменитой «аксиоме», впервые высказанной В. Ф. Одоевским в газетном сообщении о смерти поэта («Солнце нашей поэзии закатилось!» [13]), Набоков присваивает А. Фету, причем значительно сужает метафору, превращая солнце в «румяный луч», заключенный к тому же в стенах храма. Тьмой окружены и природные воплощения других поэтов («Лермонтов – *путь млечный* над горами, Тютчев – *ключ, струящийся во мгле*» [9, с. 449]), только Пушкина Набоков именует радугой, которая, ничем не ограничиваясь, охватывает всю землю. Являя собой соединение всех красок, радуга приобретает символическое значение полноты и гармонии, которое Набоков использует в качестве собирательной характеристики творческой миссии А. С. Пушкина. Безусловно, такая трактовка образа радуги коррелирует с мифологической формулой «наше все», обогащая ее семантику новыми коннотациями.

Тема встречи поэтов в загробном мире продолжается у Набокова в гексаметре «Памяти Гумилева» (1923). Подобно Блоку, умирающего Гумилева в «тиши Елисейской» приветствует Пушкин (на этот раз один) и повествует ему «о летящем медном Петре и о диких ветрах африканских» [9, с. 605]. Важно заметить, что с именем Пушкина автор связывает северный Петербург, на который указывает упоминание медного всадника, а также южную Африку с ее «жаркими ветрами». Вероятно, для Набокова Пушкинский миф органично вмещает в себя оба топонима. Любопытно, что А. С. Пушкин, долго живший в Петербурге и никогда не бывавший в Африке, с равной осведомленностью говорит об этих местах Гумилеву (который, в отличие от него, в Африке был). Набоков вновь объединяет под его именем удаленные точки земного шара, что уже на географическом уровне существенно масштабирует область его существования, расширяя ее пределы, а также наделяет поэта всеобъемлющим, надбывтийным знанием о мире, свидетельствующим о его сверхчеловеческой сущности.

В стихотворении «Петербург» (1923) Набоков, оживляя в воспоминаниях зимний пейзаж Северной столицы, воскрешает и А. С. Пушкина. Мир сна позволяет лирическому субъекту услышать голос давно умершего поэта: «Но иногда во сне я слышу звуки / далекие, я слышу, как в раю / о Петербурге Пушкин ясноглазый / беседует с другим поэтом...» [9, с. 598]. Указание на цвет глаз (Пушкин ясноглазый) не только составляет часть замифологизированного, контрастного по своим чертам, портрета поэта, воссоздаваемого автором, но и служит для поддержания образа Пушкина как «сказочного героя», поскольку употребление сложных эпитетов наиболее характерно именно для определения свойств фольклорных или эпических персонажей (луноликая дева, седовласый старец и т.д.). Благодаря помещению Петербурга (а вместе с ним и Пушкина) в метафизическое пространство для Набокова становится возможным воспроизведение речи великого предшественника. Он как бы берет на себя смелость озвучить Пушкинские воспоминания, те «крылатые мелочи» его жизни, которые для самого Пушкина должны были, по мнению Набокова, представлять особую ценность: «Я помню, как, женатый, / я возвращался с медленных балов / в карете дребезжащей по Мильонной, / и радуги по стеклам проходили, / но, веришь ли, всего живее помню / тот легкий мост, где встретил я Данзаса / в январский день, пред самую дуэль...» [9, с. 599]. Надо отметить, что Набоков в своем стихотворении несколько изменяет географическое положение знаковой встречи,

по воспоминаниям Данзаса, 27 января с Пушкиным он встретился не на мосту, а на Пантелеймоновской улице. Троицын мост упоминается им только при описании утра дуэли, однако по направлению к нему Данзас и Пушкин отправились, будучи уже вдвоем. Образ «легкого» моста, на котором акцентирует внимание Набоков, говоря от лица Пушкина, создает символическую локацию: мост, где Пушкин встречается с Данзасом, оказывается своего рода границей между жизнью и смертью, на которой в то время уже находился поэт.

Помимо воспоминаний и сна, в поэзии Набокова существует еще одно состояние сознания лирического субъекта, при котором А. С. Пушкин из абстрактной исторической реальности перемещается в объективную синхроническую – это состояние мечты. В стихотворении «Изгнанье», он, занятый «странными мечтами в часы рассветной полутьмы» [9, с. 636] задается вопросом о том, что было бы, если б Пушкин стал современником поэтов-эмигрантов начала XX в.: «что, если б Пушкин был меж нами – простой изгнанник, как и мы?» [9, с. 636]. Автор не просто пытается представить все возможные варианты развития жизни и творчества поэта при условии пребывания в постреволюционной эмиграции, а и наделяет его собственными чувствами и переживаниями, стремясь таким образом разрешить и свою психологическую проблему. Во-первых, А. С. Пушкин, оказавшись в чужом краю, мог бы «вздыхать о сумрачной России» [9, с. 637]. Используя усеченную цитату из «Евгения Онегина», Набоков предполагает, что он превратился бы в певца утраченной Родины. Расширение контекста цитируемого фрагмента позволяет нам заключить, что Пушкин, хотя и видел в удалении под небо Африки освобождение от «неприятной стихии», но в действительности расставание с Россией, где он «похоронил свое сердце», омрачает любую свободу, претворяя ее в рабство ностальгических воспоминаний. Во-вторых, изгнание на чужбину, по мнению Набокова, могло бы поспособствовать новому проявлению Пушкинского дара, посредством которого он «огласил бы мир еще неслышанным напевом» [9, с. 637]. Такой путь близок самому автору, проявившему себя в эмиграции новатором не только русской, но и мировой литературы. И наконец, последняя версия прохождения Пушкинского изгнания – это молчание, отказ от поэзии ради скорбной памяти об ушедших днях. Безусловно, некоторые современники Набокова совершали подобный выбор, однако примеряя данные обстоятельства к образу Пушкина, поэт вынужден провести разграничительную линию между ним и своим лирическим субъектом. В любом изгнании у Пушкина всегда оставалась жизненная опора – человек, способный его выслушать и понять – «Голубка дряхлая дождется! / Ворота настезь... Шум живой... / Вбежит он, глянет, к ней прижметя / и все расскажет – ей одной...» [9, с. 637]. В последней строфе стихотворения авторское сознание разводит два мира, ранее наслоившиеся друг на друга. Нельзя сказать, что роль «изгнанника» абсолютно характерна для биографического мифа о Пушкине, по крайней мере, она актуализируется в нем не так явно и отчетливо, как, например, в Лермонтовском или собственно Набоковском, но, несмотря на это, попытка обнаружить точки соприкосновения настоящего и прошлого именно в судьбе А. С. Пушкина, а также поиск истины в реконструкции Пушкинского мировосприятия говорит нам о неоспоримом доминировании его над другими русскими классиками в приоритетной системе Набокова. Только Пушкину он доверяет экспликацию важных для него самого вопросов и только его считает достойным транслировать жизненный опыт, актуальный для нелегкой судьбы литературных потомков.

Господствующую позицию А. С. Пушкина, а следовательно, и идеализацию его биографического и творческого облика Набоков утверждает и в другом своем произведении, а именно в стихотворении 1928 года – «Голстой». Рассуждая о жизни выдающегося писателя Льва Николаевича Толстого, поэт замечает, что она еще не подверглась окончательной мифологизации и необходимо время, «чтобы создать из сплетни эпопею» [10, с. 592]. Противоположную точку зрения он высказывает о Пушкине, творческий путь которого уже давно стал легендой, а каждое, даже самое незначительное событие его биографии, человек или предмет, связанный с ним, воспринимаются нами как имеющие глубокий сакральный смысл: «То ли дело - Пушкин: плащ, / скала, морская пена... Слово "Пушкин" / стихами обрастает, как плющом, / и муза повторяет имена, / вокруг него бряцающие: Дельвиг / Данзас, Дантес, - и сладостно-звучна / вся жизнь его, - от Делии лицейской / до выстрела в морозный день дуэли...» [10, с. 592]. Данный фрагмент можно по праву назвать манифестом Пушкинского мифа. В. Набоков в поэтической форме декларирует практически все основополагающие его компоненты. Не только лицей, где учился Пушкин, или дуэль, на которой он погиб, но и друзья, враги, даже примечательные элементы одежды, – все это под влиянием времени обретает таинственное значение и остается в народном сознании в виде одной большой «эпопеи», подобной древнему мифу, где каждый герой выполняет предназначение свыше, а всякая вещественная деталь – ритуальную или культовую функцию.

Бесспорным является тот факт, что миф о Пушкине получил достаточно широкое отражение в поэзии В. В. Набокова, однако не менее интересна его реализация и в прозе. В ней можно найти как примеры развития Пушкинского текста, намеченного еще в лирических произведениях, так и совершенно новые приемы интерпретации концепта «Пушкина» и его ретрансляции в индивидуально-авторской картине мира Набокова.

Одним из способов раскрытия Пушкинского образа в романах Набокова является связь с ним героев этих романов. Авторская (и читательская) симпатия закономерно оказывается на стороне тех персонажей, которые так или иначе следуют Пушкинской традиции или с уважением относятся к его литературному наследию. Так, в «Защите Лужина» один из эпизодических персонажей по фамилии Петров согласно внешнему описанию (он отличался невзрачностью и неприметностью) вполне мог бы выступить в роли своеобразного двойника главного героя, также не имеющего четких очертаний и контура. Однако если Лужин оказывается в «шахматной изоляции», не находя возможности гармоничного существования, то Петров, несмотря на внешнюю отъединенность от окружающего мира, все-таки сохраняет необходимый для жизни баланс. Одним из индикаторов полноценности бытия в романе служит знание и понимание Пушкина: «очень редко, только, когда улавливал в собеседнике родственную бережность, показывал на миг – из всего того огромного и таинственного, что он в себе нес, – какую-нибудь нежную, бесценную мелочь, строку из Пушкина или простонародное название полевого цветка» [10, с. 448]. Как известно, идеализируемым героем Набокова, особенно в ранней его прозе, был человек, универсально развитый во всех жизненных сферах. Простонародное название растения в данном случае указывает на широкий кругозор персонажа в области естествознания, а строка из Пушкина свидетельствует о глубине его познаний в сфере искусства вообще и литературы в частности. Особую важность представляет не просто осведомленность или образованность Петрова, а его верное (с точки зрения автора) эстетическое восприятие творчества (его замечание об изображении звезд у Тютчева) и способность дать ему правильную оценку.

В начале романа «Дар» повествователь, характеризуя поэтическую манеру Годунова-Чердынцева, отмечает его пристрастие к четырехстопному ямбу, которому, как утверждает Набоков, «уже Пушкин, сам пустивший его гулять, грозил в окно, крича, что школьникам отдаст его в забаву» [11, с. 213], отсылая читателя к первой строфе «Домика в Коломне», где поэт торжественно отказывается от прежде любимого стихотворного размера. Целью данной «реформы» у Пушкина является его стремление к простоте и доступности поэзии, в коей, по мнению лирика, не стоит пренебрегать ранее отвергаемыми средствами языка: «Мне рифмы нужны; все готов сберечь я, Хоть весь словарь; что слог, то и солдат — Все годны в строй: у нас ведь не парад» [15, с. 251]. Хотя повествователь и заверяет нас, что Годунов-Чердынцев «свою стихотворную задачу правильно разрешил» [11, с. 213], уже через несколько строк он, как бы случайно, роняет фразу, противоречащую предыдущему суждению, описывая «книжечку» со стихотворениями главного героя, он заявляет, что «слепому на паперти она ничего не может сказать» [11, с. 213]. Таким образом, Набоков ставит Пушкина значительно выше его последователя, тем самым соглашаясь с мифологемой о новаторской роли Пушкина в русской литературе, существенно снизившего градус ее элитарности и сделавшего ее язык понятным для всех общественных классов. Годунову-Чердынцеву же еще не доступна суть Пушкинской эволюции, а потому он лишь ограничивается «архиваживописным жанром», делающим его поэзию известной исключительно в узких читательских кругах. Однако справедливо будет заметить, что герой Набокова в качестве литератора развивается все-таки в русле Пушкинского течения и А. С. Пушкина считает единственным непоколебимым ориентиром, поэтому в споре с Кончеевым он пресекает малейшее нарекание на великого классика: «Не трогайте Пушкина: это золотой фонд нашей литературы» [11, с. 257], формулируя таким способом уже известную аксиому о непререкаемости Пушкинского авторитета в русской литературе. Безусловно, объективный взгляд требует признания и в творчестве А. С. Пушкина возможности и даже наличия художественно слабых произведений (это не значит, что следует соглашаться с конкретным высказыванием Кончеева о слабости Пушкинской «Русалки», но принять суть его фразы как полноправную альтернативную точку зрения вполне реально), но Годунов-Чердынцев немедленно отвергает подобное предположение, что свидетельствует о явной идеализации и сакрализации им Пушкина.

Однако мифотворчество Набокова не ограничивается внешними или внутренними связями с Пушкиным его прозаических персонажей, актуализируемыми в характеристиках повествователя или диалогах героев. Большое внимание писатель уделяет и визуальным деталям. В том же «Даре» в ходе перечисления тем поэтических произведений Яши автор в числе прочего замечает, что он в своих стихах воспевал «и тот Невский гранит, на котором едва уж различим след Пушкинского локтя» [11, с. 225]. Интересно, что след локтя в качестве знака Пушкинского присутствия Набоков использовал и ранее, например, в стихотворении «Санкт-Петербург» 1924 года: «Нева, лениво шелестя, / как Лета льется. След локтя / оставил на граните Пушкин» [9, с. 623]. Возникает вопрос: почему именно локоть поэта, оставивший след на Невском граните, Набоков решил наделить легендарным значением? Ведь этот след не исчезает на протяжении многих лет, нарушая границы реального времени и олицетворяя или, лучше сказать, опредмечивая собой Пушкинское наследие. Вероятнее всего, В. В. Набоков, хорошо знакомый с биографией поэта, знал и историю иллюстраций к «Евгению Онегину» А. В. Нотбека. Дело в том, что сам А. С. Пушкин предложил концепцию

знаменитого изображения Онегина вместе с автором, опирающихся во время беседы локтем на Невский гранит. Для Пушкина было чрезвычайно важно сохранение положения героев иллюстрации именно в таком виде, поэтому он и отправил в письме к своему брату самостоятельно сделанный эскиз с просьбой найти художника, который бы мог дать ему достойную реализацию: «Брат, вот тебе картинка для Онегина – найди искусный и быстрый карандаш. Если и будет другая, так чтоб все в том же местоположении. Та же сцена, слышишь ли? Это мне нужно непременно» [16, с. 117]. Однако художник, получивший конкретные указания, замысел поэта переиначил и изменил первоначальные позы героев, чем спровоцировал написание скандальной Пушкинской эпиграммы, высмеивающей как раз положение изображенных персон. При сопоставлении с биографическими фактами выбор Набоковым следа от локтя для сакрализации уже не кажется столь удивительным. Писатель как будто посмертно исполняет волю А. С. Пушкина, не только запечатлевая его в таком положении на страницах своих произведений, но и трансформируя обыкновенную позу в характерную портретную деталь его образа. Аналогичную функцию выполняют изображения русских классиков на переплетах книг, которые рассматривает главный герой одноименного романа Набокова – Пнин. Увиденные портреты вызывают у героя воспоминания из отрочества, «когда он, бывало, машинально водил пальцем по несколько потертому пушкинскому бакенбарду или запачканному носу Жуковского» [11, с. 72]. Синекдохическая конструкция позволяет автору формально оживить Пушкина в своем повествовании. Примечательный элемент его портрета выступает в роли номинального заместителя самого поэта. Прикосновение к Пушкинскому бакенбарду означает прикосновение к его творчеству, трепетное отношение еще в детском возрасте, а следовательно, и литературную основу формирования личности героя, явно возвышающую его в целом комический образ.

Возвращаясь к роману «Дар», необходимо акцентировать совершенно иной уровень коммуникации героя с Пушкинским миром. Примером такого оригинального взаимодействия может послужить эпизод из второй главы, где Годунов-Чердынцев, погружаясь в изучение пушкинских произведений («он питался Пушкиным, вдыхал Пушкина» [11, с. 280]), начинает видеть его героев во всех встречаемых им людях: «Навстречу шла Каролина Шмидт, девушка сильно нарумяненная, вида скромного и смиренного, купившая кровать, на которой умер Шонинг. За груневальдским лесом курил трубку у своего окна похожий на Симеона Вырина смотритель, и так же стояли горшки с бальзаминном. Лазоревый сарафан барышни-крестьянки мелькал среди ольховых кустов. Он находился в том состоянии чувств и души, когда сущность, уступая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосонья» [11, с. 280]. Пространство «Дара» перемежается с Пушкинским дискурсом. Видения героя – это не просто игра воображения или галлюцинации, а естественное слияние его творческого сознания с сознанием Пушкина, приобретение мировидения, свойственного только ему, заимствование и актуализация пушкинских образов в современной герою реальности, не помешательство на почве чрезмерного увлечения классиком, а становление им, преобразование узкожанрового модного поэта в истинного продолжателя универсального гения Пушкина.

Весьма необычное развитие в романе «Дар» получила тенденция, заложенная еще в лирике Набокова, а именно – в стихотворении «Изгнанье», в котором лирический субъект, в пространстве собственной фантазии, пытается превратить А. С. Пушкина в

своего современника. В «Даре» Набоков не просто оживляет поэта, а кардинальным образом переписывает миф о его смерти. Если другие поэты и писатели после гибели Пушкина стремились в своих произведениях придать ему черты житийного страстотерпца, увенчать его имя посмертной славой свободолюбивого героя, то Набоков вообще отказывается от факта смерти. В своем художественном мире он, вступая в полемику с судьбой, дарует Пушкину жизнь. Пользуясь все тем же ментальным состоянием героев, в котором действительность переплетается с вымыслом, и грань между ними становится едва заметной, он изображает пожилого Пушкина, сумевшего избежать гибели на дуэли и продолжающего полноценное существование «Что если это и впрямь Пушкин, грезилось мне, Пушкин в шестьдесят лет, Пушкин, пощаженный пулей рокового хлыща, Пушкин, вступивший в роскошную осень своего гения» [11, с. 284]. Надо отметить, что Пушкин в романе вовсе не представляется схематическим образом-маской, возникшим в воображении персонажей. Автор наделяет его описание множеством мельчайших подробностей, направленных на усиление его правдоподобности и заставляющих читателя поверить, что перед ним не пустой плод фантазии, а живой человек, к тому же – А. С. Пушкин: «Небольшого роста, в поношенном фраке, желтовато-смуглый, с растрепанными пепельными баками и проседью в жидких, взъерошенных волосах, он преоригинально наслаждался игрою африканца: толстые губы вздрагивали, ноздри были раздуты, при иных пассажах он даже подскакивал и стучал от удовольствия по барьеру, сверкая перстнями» [11, с. 283]. Рисуя реалистичный портрет, автор, хотя и признает, что явление Пушкина было всего лишь видением героя, однако вопреки здравому смыслу все-таки ненавязчиво убеждает и его, и себя в обратном. В конце концов, он уже без всяких оговорок сообщает: «вот эта желтая рука, сжимающая маленький дамский бинокль, написала “Анчар”, “Графа Нулина”, “Египетские ночи”...» [11, с. 284], а потом без тени сомнения говорит, что «седой Пушкин порывисто встал и все еще улыбаясь, со светлым блеском в молодых глазах, быстро вышел из ложи» [11, с. 284]. Начиная с рассказа о встрече похожего на Пушкина человека, писатель заканчивает верой героя в подлинность случайного предположения и присваиванием ему Пушкинских жизни и творчества. Герой как будто доказывает себе, что видит Пушкина и примиряется с мечтой, как с реальностью. Так Набоков не составляет из своих произведений хвалебный некролог поэту, не стремится его канонизировать, а то и дело по своему усмотрению переиначивает историю, творя собственную легенду о Пушкине, в которой возможна не только сакрализация его жизни, но и избавление от смерти – факта, столь тяжело принимаемого русским сознанием.

ВЫВОДЫ

Итак, на основании проведенного нами анализа, можно заключить следующее. Персонический миф об Александре Сергеевиче Пушкине не только принимается В. В. Набоковым, но и дополняется посредством введения новых компонентов. Поэт достаточно часто помещается автором во время романного или лирического действия, что позволяет читателю сделать вывод о том, что для него он по-прежнему жив. Совокупность визуальных деталей, относящихся к портрету Пушкина, переживает тотальную сакрализацию, а сам поэт целенаправленно наделяется свойствами мифического героя-божества. Непосредственная или ассоциативная связь с А. С. Пушкиным «оказывает честь» персонажу Набокова, именно она служит своеобразным мерилем его личностной ценности.

Перспективным представляется дальнейшее исследование форм и идейного содержания именных свертхтекстов в художественном пространстве Набокова для определения иных аксиологических центров его восприятия литературных предшественников, оказывающих естественное воздействие на организацию его индивидуально-поэтической картины мира, а также её реализации в тексте поэтических и прозаических произведений.

Список литературы

1. Бодров В. А. Постижение Пушкина (Владимир Набоков) // Современные проблемы науки и образования. – 2006. – № 3 – С. 38–39
2. Каминская Ю. В. "Пушкинский" и "ахматовский" тексты в романе В. В. Набокова "Пнин" // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 438. – С. 45–53.
3. Красавченко Т. Н. Набоков, Газданов и Пушкин // Русский путь. – 2000. – С. 86–95. – Режим доступа: <http://www.hrono.info/text/2002/krasav01.html>. – (Дата обращения: 01.09.2022).
4. Купина Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек – текст – культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург, 2004. – С. 215–222.
5. Курьянов С. О. К вопросу о литературоведческом понимании термина *сверхтекст* // ВРЛ. – 2013. – № 26. – С. 217–223.
6. Курьянова В. В., Сегал Н. А. Толстовский текст в творчестве Р. Акутагавы // Научный диалог. – 2021. – № 3. – С. 218–230.
7. Лошаков А. Г. Об авторской парадигме свертхтекстов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – № 203. – 2008. – С. 50–57.
8. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. – Новосибирск : НГПУ, 2003. – 170 с.
9. Набоков В. В. Собр. соч. русского периода : в 5 т. – СПб. : Симпозиум, 2004. – Т. 1 : Русский период 1918–1925. – 1999. – 832 с.
10. Набоков В. В. Собр. соч. русского периода : в 5 т. – СПб. : Симпозиум, 2009. – Т. 2 : Русский период 1926–1930. – 1999. – 784 с.
11. Набоков В. В. Собр. соч. русского периода : в 5 т. – СПб. : Симпозиум, 2002. – Т. 4 : Русский период 1935–1937. – 1999. – 784 с.
12. Набоков В. В. Собр. соч. американского периода: в 5 т. Т. 3. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 702 с.
13. Одоевский В. Ф. Некролог Владимира Федоровича Одоевского в газете «Литературные прибавления» к «Русскому инвалиду» от 30 января 1837 г. – Режим доступа: <https://онлайн-читать.рф/в-ф-одоевский-солнце-русской-поэзии-закатило>. – (Дата обращения : 05.08.2022).
14. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. – М. : Гос. Изд-во худ. лит-ры. – Т. 2. – 1959. – 799 с.
15. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. – М. : Гос. Изд-во худ. лит-ры. – Т. 3. – 1960. – 543 с.
16. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. – М. : Гос. Изд-во худ. лит-ры. – Т. 9. – 1962. – 494 с.
17. Старк В. П. А. С. Пушкин и творчество В. В. Набокова: Автореф. дисс. ... док. филол. наук: 10.01.01. – СПб., 2000. 42 с.
18. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы // Избранные труды. — Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2003. – 616 с.

References

1. Bodrov V. A. *Postizhenie Pushkina (Vladimir Nabokov)* [Comprehension of Pushkin (Vladimir Nabokov)] *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya Publ.* No. 3. 2006. pp. 38–39
2. Kaminskaja Ju. V. *"Pushkinskij" i "ahmatovskij" teksty v romane V. V. Nabokova "Pnin"* ["Pushkin" and "Akhmatov" texts in the novel by V. V. Nabokov "Pnin"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ.* No. 438. 2019. pp. 45–53.
3. Krasavchenko T. N. *Nabokov, Gazdanov i Pushkin* [Nabokov, Gazdanov and Pushkin] *Russkij put' Publ.* 2000. pp. 86–95. Available from: <http://www.hrono.info/text/2002/krasav01.html> (accessed 01.09.2022).
4. Kupina N. A. *Sverhtekst i ego raznovidnosti* [Overttext and Its Varieties]. N. A. Kupina, G. V. Bitenskaja *Chelovek – tekst – kul'tura* [Man – Text – Culture] Ed. by. N. A. Kupina, T. V. Matveeva. Yekaterinburg, 2004. pp. 215–222.

5. Kur'janov S. O. *K voprosu o literaturovedcheskom ponimanii termina sverhtekst* [To the question of literary understanding of the term supertext] *VRL Publ.* No. 26. 2013. pp. 217–223.
6. Kur'janova V. V., Segal N. A. *Tolstovskij tekst v tvorcestve R. Akutagavy* [Tolstoy's Text in Works of R. Akutagawa]. *Nauchnyj dialog Publ.* No. 3. 2021. pp. 218–230.
7. Loshakov A. G. *Ob avtorskoj paradigme sverhtekstov* [About the Author's Paradigm of Supertexts]. *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena Publ.* No. 203. 2008. pp. 50–57.
8. Mednis N. E. *Sverhteksty v russkoj literature* [The Supertexts in Russian Literature]: *ucheb. posobie. Novosibirsk, NGPU Publ.*, 2003. 170 p.
9. Nabokov V. V. *Sobr. soch. russkogo perioda* [Collected Works of the Russian Period] : in 5 v., *Sankt-Peterburg, Simpozium Publ.*, 2004. Vol. 1 : *Russkij period 1918–1925*. 1999. 832 p.
10. Nabokov V. V. *Sobr. soch. russkogo perioda* [Collected Works of the Russian Period]: in 5 v., *Sankt-Peterburg, Simpozium Publ.*, 2009. Vol. 2 : *Russkij period 1926–1930*. 1999. 784 p.
11. Nabokov V. V. *Sobr. soch. russkogo perioda* [Collected Works of the Russian Period]: in 5 v., *Sankt-Peterburg, Simpozium Publ.*, 2002. Vol. 4 : *Russkij period 1935–1937*. 1999. 784 p.
12. Nabokov V. V. *Sobranie sochinenij amerikanskogo perioda* [Collected works of the American Period]: in 5 v., Vol. 3, *Sankt-Peterburg, Simpozium Publ.*, 2004. 702 p.
13. Odoevskij V. F. *Nekrolog Vladimira Fedorovicha Odoevskogo v gazete «Literaturnye pribavlenija» k «Russkomu invalidu» ot 30 janvarja 1837 g.* [Obituary of Vladimir Fedorovich Odoevsky in the Newspaper "Literary Additions" to the "Russian Invalid" dated January 30, 1837.] Available from: <https://онлайн-читать.рф/в-ф-одоевский-солнце-русской-поэзии-закатилось/> (accessed 5 August 2022).
14. Pushkin A. S. *Sobr. soch.* [Collected Works]: in 10v. Moscow Gosudarstvennoe Izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ., Vol. 2, 1959. 799 p.
15. Pushkin A. S. *Sobr. soch.* [Collected Works]: in 10v. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ., Vol. 3, 1960. 543 p.
16. Pushkin A. S. *Sobr. soch.* [Collected Works]: in 10v. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ., Vol. 9, 1962. 494 p.
17. Stark V. P. A. S. *Pushkin i tvorcestvo V. V. Nabokov* [A. S. Pushkin and the work of V. V. Nabokov] *Avtoref. diss. ... dok. filol. nauk: 10.01.01. Sankt-Peterburg*, 2000. 42 p.
18. Toporov V. N. *Peterburgskij tekst russkoj literatury* [The Petersburg Text of Russian Literature] *Izbrannye trudy. Sankt-Peterburg, «Iskusstvo – SPB» Publ.*, 2003. 616 p.

PUSHKIN 'S TEXT IN THE WORKS OF V. V. NABOKOV¹

Bespalova E. K., Shmigelskaya L. R.

The article is devoted to the study of the specifics of the nominal supertext in the literary work of V. V. Nabokov on the material of the Pushkin text. The relevance of this work consists not only in addressing one of the most actively developed scientific problems in modern literary studies – the problem of supertext, but also in identifying individual features of the formation of the phenomenon under consideration within the artistic discourse of a particular author. It is impossible to deny the fact that the text about Pushkin has already become the object of scientific research, but it is the first time that it receives a full and detailed understanding of its role and functioning in Nabokov's literary world with structural and semantic analysis. As a result of the analysis, an idea is formed about the originality of Nabokov's creation of a personic myth about Russian writers in general and about Pushkin in particular, the originality of his transformation into a nominal supertext is revealed, and aesthetic and poetic tasks in the work of the writer under study are determined, which are resolved by him due to the formation of a supertext association. The research material confirms that the mythological image of A. S. Pushkin in the literary text of V. V. Nabokov is refracted through the prism of the sacred, representing the ideal of a poet and a man, acting as an axiological tuning fork used by the author in constructing his own plots and images.

Keywords: supertext, personic myth, Pushkin's text, Interpretation, sacralization, Nabokov's author's consciousness.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 programm N 075-15-2021-1323.

УДК 821.161.1

МОТИВ ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА О ЛЮБВИ¹

Иванова Н. П., У Хао (Wu Hao)

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия;
Jilin International Studies University, Chnagchun, PRC
E-mail: N-P-Ivanova@yandex.ru; czetyrdag@mail.ru*

В статье проанализированы формы реализации мотива парадоксальности в рассказах А. П. Чехова «Дама с собачкой» и «О любви». Целью статьи является рассмотрение содержательной и функциональной специфики данной литературоведческой категории. Доказывается концептуальная значимость мотива и существование его смыслообразующей функции. Мотив парадоксальности рассматривается как сквозной структурный элемент позднего периода чеховского творчества, связанный с мотивами глухоты и завершенности. В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что мотив парадоксальности, эксплицированный в рассказах А. П. Чехова о любви, реализован как на уровне смысловой и сюжетной организации исследуемых художественных текстов, так и на уровне их поэтики. Авторы приходят к заключению о реализации идеи парадоксальности любви и отказа от рациональности в осмыслении этого чувства в проанализированных литературных произведениях.

Ключевые слова: мотив, мотивная структура, формы реализации мотива, сюжет, парадоксальность.

ВВЕДЕНИЕ

За более чем двухвековую историю существования проблема организации мотивной структуры художественного произведения не утратила своей актуальности. В научный дискурс термин «мотив», понимаемый как сюжетный элемент, ввел еще И.-В. Гете в статье «Об эпической и драматической поэзии» (1797), а в конце XIX в. А. Н. Веселовский предложил называть мотивом «простейшую повествовательную единицу» и рассматривать сюжет «как комплекс мотивов» [2]. Затем данная проблема вышла за пределы нарратологии и прочно вошла в структуру феноменологии, мифопоэтики, литературной герменевтики и других литературоведческих наук. Этот процесс привел к появлению в конце XX в. работ Б. М. Гаспарова («Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX в.», 1994), утверждавшего, что «в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое “пятно”» [4, с. 30], и В. И. Тюпы «Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. От сюжета к мотиву» (1996), где мотив рассматривается как «один из наиболее существенных факторов художественного впечатления, единица художественной семантики, органическая “клеточка” художественного смысла в его эстетической специфике» [13, с. 12]. Уже в XXI в. наиболее весомый вклад в осмысление исследуемой проблемы внесли работы И. В. Силантьева «Поэтика мотива» (2004), Е. В. Волковой «Концепции мотива в современном литературоведении» (2008), И. В. Ершовой «К толкованию эпического мотива (постановка проблемы)» (2017). При этом наиболее многоаспектное определение мотива дано в монографии И. В. Силантьева: «а) эстетически значимая повествовательная единица, б) интертекстуальная в своем функционировании,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа "Приоритет-2030" № 075-15-2021-1323.

в) инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, г) соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками» [10, с. 96]. Это толкование, как представляется, открывает дорогу к установлению интертекстуальных связей литературных произведений на основе общности их мотивной (а значит, и смысловой) организации и, в частности, к возможности рассматривать мотив как средство экспликации определенной концептуально значимой мировоззренческой позиции автора в его творчестве.

Изучение мотивной структуры произведений А. П. Чехова – также актуальная проблема современного литературоведения, о чем свидетельствуют, к примеру, диссертация А. Н. Шехватовой «Мотив в структуре чеховской прозы» (2003), посвященная мотивам окна, страха и бессонницы, и работа Г. Л. Корольковой «Духовно-нравственные и подвижнические мотивы в творчестве А. П. Чехова» (2013), рассматривающая аксиологический аспект указанной проблемы. Мотив парадоксальности, изучению которого посвящена данная статья, служит еще одним доказательством смыслопорождающей функции и концептуальной значимости анализируемой литературоведческой категории. Особенно ярко он проявляется в осмыслении писателем такого не поддающегося рациональному постижению чувства, как любовь. Исследование проводится на материале рассказов «Дама с собачкой» и «О любви», посвященных этой теме и написанных А. П. Чеховым в зрелый период творчества, более того, в один год (1898), что позволяет судить о специфике определенного этапа формирования авторского сознания.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Истоки понятия «парадокс» лежат в древнегреческой философии, где оно использовалось для характеристики нового оригинального мнения. В словаре С. И. Ожегова оно толкуется как «странное мнение, высказывание, расходящееся с общепринятыми мнениями, научными положениями, а также мнение, противоречащее (иногда только на первый взгляд) здравому смыслу» [8, с. 490]. Следовательно, парадокс основывается на противопоставлении логике и, что особенно важно, – стереотипным представлениям. Парадокс заставляет признавать иррациональность действительности, испытывать сомнение в упорядоченности человеческого бытия.

На парадоксальность как характерную черту чеховского художественного мира указывали многие исследователи (в частности, М. М. Белякова, В. В. Кондратьев, М. Ч. Ларионова, А. Д. Степанов). Последний в монографии «Проблемы коммуникации у Чехова» писал: «Тотальная парадоксальность, скрытая под видимостью спокойного, уравновешенного и благополучного "чеховского мира", находит свое самое наглядное выражение в тех многочисленных инверсиях, переворачиваниях порядка и здравого смысла, которые можно обозначить инвариантом "человек не на своем месте"» [12]. События, происходящие в рассказах А. П. Чехова, не подлежат однозначной оценке, а вокруг персонажей все выглядит нелогичным и порой противоречивым. С этой точки зрения, определение художественного метода писателя, данное американской исследовательницей Д. К. Оутс в работе «На грани невозможного: трагические формы в литературе», – «символический натурализм, пытающийся описывать все необъяснимое, нелепое и парадоксальное» [11, с. 78], – выглядит вполне справедливым.

В рассказе А. П. Чехова «Дама с собачкой» наблюдается активное включение мотива парадоксальности в динамику сюжета. Самым характерным примером его проявления,

на наш взгляд, является рассуждение Гурова о двойственности жизни. Главный герой верил, что каждый человек живет одновременно двумя жизнями. Одна жизнь – явная, «которую видели и знали все, кому это нужно было, полная условной правды и условного обмана» [14, с. 141], и другая жизнь – скрытая: «под покровом тайны, как под покровом ночи, проходит его настоящая, самая интересная жизнь» [14, с. 141]. Фальшивое, подлинное, поддельное, настоящее – все смешивается и заново определяется, однако в этом новом определении моральные принципы уступают место некоей условности – «условной правде и условному обману» [12, с. 135]. Так происходит и в рассказе «О любви», в самом начале которого приведена история, которая, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к главной сюжетной линии, однако благодаря характерной для поэтики А. П. Чехова притчевости дает нам возможность увидеть парадоксальное взаимоисключение жизненных позиций двух любящих людей: «Алехин рассказал, что красивая Пелагея была влюблена в этого повара. Так как он был пьяница и буйного нрава, то она не хотела за него замуж, но соглашалась жить так. Он же был очень набожен, и религиозные убеждения не позволяли ему жить так; он требовал, чтобы она шла за него <...>» [14, с. 102].

Парадоксальная двойственность жизни порождает театральную наигранность поведения человека. В рассказе «Дама с собачкой» действие персонажа часто воспринимается как ролевая игра. В номере гостиницы, когда Анна Сергеевна раскаивалась в случившемся, Гуров то считал, что она «точно грешница на старинной картине» [14, с. 132], то думал, «что она шутит или играет роль» [14, с. 133]. В Москве, когда он не мог найти собеседника, с кем можно было бы поговорить о своем чувстве, и говорил о любви и женщинах неопределенно, жена говорила ему: «Тебе, Димитрий, совсем не идет роль фата» [14, с. 137]. В театре города С, когда Гуров неожиданно появился перед Анной Сергеевной, «запели настраиваемые скрипки и флейта, стало вдруг страшно, казалось, что из всех лож смотрят» [14, с. 139]. В этом эпизоде герои словно стали актерами на сцене. И поэтому, думаем, небезосновательно считать, что театр как место встречи был выбран А. П. Чеховым неслучайно: в нем разыгрывалась кульминационная часть «Дамы с собачкой».

Интересно, что в рассказе «О любви» Павел Константинович и Анна Алексеевна также особенно остро чувствуют близость друг друга именно в театре, и им кажется парадоксом существование внутреннего барьера для выражения своих чувств: «...мы сидели в креслах рядом, плечи наши касались, я молча брал из ее рук бинокль и в это время чувствовал, что <...> нам нельзя друг без друга, но, по какому-то странному недоразумению, выйдя из театра, мы всякий раз прощались и расходились, как чужие» [14, с. 104].

Эта театральность часто приводит к тому, что в восприятии героями друг друга встречается стирание грани между видимым и воображаемым. Д. К. Оутс замечает, что для А. П. Чехова «человеческое бытие кажется иллюзорным, обманчивая видимость предпочитается реальности», а «человек охотно обманывает себя <...> воображаемым представлением о жизни» [11, с. 86]. Это наблюдение представляется справедливым и в отношении рассказа «Дама с собачкой», в конце которого Гуров признавался в том, что «он всегда казался женщинам не тем, кем был, и любили они в нем не его самого, а человека, которого создавало их воображение <...>» [14, с. 142]. Подобное замечание он делал и ранее, когда герои прощались на станции: «<...> она называла его добрым,

необыкновенным, возвышенным; очевидно, он казался ей не тем, чем был на самом деле» [14, с. 135].

Герой рассказа «О любви», чувствуя себя глубоко несчастным, также вынужден играть роль довольного жизнью человека: «Когда я приходил к Лугановичам, прислуга улыбалась приветливо, дети кричали <...> и вешались мне на шею; все радовались. Не понимали, что делалось в моей душе, и думали, что я тоже радуюсь» [14, с. 104]. Эта вынужденная театральность приводит к появлению идеи о непостижимой нелогичности распределения жизненных ролей, что также является формой реализации мотива парадоксальности: «Я всё старался понять, почему она встретила именно ему, а не мне, и для чего это нужно было, чтобы в нашей жизни произошла такая ужасная ошибка» [14, с. 105].

Итак, парадоксальная двойственность жизни приводит к ощущению ее иллюзорности, когда действительность становится похожей на сон. Это заметно по состоянию Гурова после прощания с Анной Сергеевной: «<...> Оставшись один на платформе <...>, Гуров слушал крик кузнечиков и гудение телеграфных проволок с таким чувством, как будто только что проснулся» [14, с. 135]. То есть реальные события – любовь к Анне Сергеевне – кажутся герою сновидением. Но проходит время, Гуров, находясь в Москве, тоскует по Анне Сергеевне, и его воображение рисует образ возлюбленной: «Анна Сергеевна не снилась ему, а шла за ним всюду, как тень, и следила за ним. Закрывши глаза, он видел ее, как живую» [14, с. 136]. Теперь воображаемое воспринимается как реальность.

Нечто похожее происходило и с героиней рассказа «Дама с собачкой». Опять вернемся к эпизоду встречи героев в театре: когда Анна Сергеевна видела Гурова, то она «глядела на него со страхом, с мольбой, с любовью, глядела пристально, чтобы покрепче задержать в памяти его черты» [14, с. 140]. Память связана с процессом воссоздания. В этой сцене героиня будто готовится к будущему воспоминанию, создает образ любимого человека, которого не будет рядом. Смесь реальности и иллюзии в восприятии героев усиливает ощущение парадоксальности их жизни: «Объективная реальность... из чеховских произведений не исчезает, но ее границы расширяются за счет иллюзий, которыми живут персонажи. Действительность, оказавшись на периферии сознания героя, представляется ему враждебной и непонятной» [7].

Парадоксальность присутствует и в характеристиках персонажей. У мужа Анны Сергеевны «дед был немец, но сам он православный» [14, с. 133]. Гуров – «по образованию филолог, но служит в банке; готовился когда-то петь в частной опере, но бросил» [14, с. 130]; презирал женщин, но без них «не мог бы прожить и двух дней» [14, с. 128]; «прочитывал по три газеты в день и говорил, что не читает московских газет из принципа» [14, с. 136].

Мотив парадоксальности сопрягается с известным чеховским мотивом глухоты, когда занятые своими будничными делами люди не слышат, что с ними делятся самым сокровенным. Попытка Гурова рассказать о своей любви московскому знакомому наталкивается на известное «осетрина-то с душком!». Отсюда и знаменитая «реникса»: парадокс на уровне речевой характеристики персонажей обнаруживает неспособность людей понимать друг друга. Проявляется он и на уровне поэтики. При создании образа Анны Сергеевны А. П. Чехов прибегает к помощи серого цвета, который по своей природе является результатом смешивания белого с черным – красок, устойчиво сопровождающих составляющие оппозиций «добро – зло», «правда – ложь», что само по

себе уже говорит о присутствии неопределённости и даже парадоксальности. В рассказе серый цвет, с одной стороны, символизирует обыденность и скуку жизни: серое сукно в гостинице города С, серый забор напротив дома Анны Сергеевны. С другой стороны, когда речь идет о главной героине, этот цвет вносит явный положительный оттенок: «красивые, серые глаза» [14, с. 130]; когда она приехала в Москву, то была одета «в его любимое серое платье» [14, с. 142]. Но Гуров в провинциальном театре, когда наконец-то увидел Анну Сергеевну, с волнением признался, что «эта маленькая женщина, ничем не замечательная, с вульгарною лорнеткой в руках, наполняла теперь всю его жизнь» [14, с. 139]. Красивая, любимая, но ничем не замечательная. В этой цепочке серый цвет, как ничто другое, парадоксально сочетается с каждым определением. Следует заметить, что он вполне подходит и к первому впечатлению, которое главная героиня произвела на Гурова: «Что-то в ней есть жалкое все-таки» [14, с. 130]. Когда их отношения перешли в следующую стадию (в эпизоде раскаяния Анны Сергеевны), проявились более конкретные качества, раскрывающие обобщенное понятие «жалкое»: «несмелость, угловатость неопытной молодости, неловкое чувство; и было впечатление растерянности» [14, с. 132]. Эти характеристики, как и серый цвет, обладают нейтральной, даже слегка отрицательной эмоциональной окраской. Однако, когда герой вспоминал других женщин, с которыми имел отношения, то использовались слова с положительной семантикой: «у него сохранилось воспоминание о беззаботных, добродушных женщинах, веселых от любви, благодарных ему за счастье» [14, с. 131]. Парадокс, но если вспомнить вывод главного героя о двойственности жизни, то находим объяснение: в отношениях с другими не было искренности. И в конце рассказа мы видим итог его былых походов: «Время шло, он знакомился, сходил, расставался, но ни разу не любил; было все, что угодно, но только не любовь» [14, с. 143]. Таким образом, серое и жалкое ощущение, которое проявилось в образе Анны Сергеевны, воспринималось Гуровым как ненаигранное, естественное качество. И именно серый цвет неожиданно выделяет главную героиню из женского окружения героя.

Множество противоречий и алогизмов существует и в отношениях между персонажами. Гуров, который имел большой успех среди представительниц прекрасного пола, женился на неизящной женщине, которую в тайне считал «недалекой»; Анна Сергеевна в жизни стремилась к лучшему, но вышла замуж за человека, которого не уважала и в порыве душевного кризиса назвала «лакеем». Главная героиня ценила «честную, чистую жизнь», и грех ей был «гадок», тем не менее изменяла мужу. Будучи не в силах объяснить противоречие между своим стремлением и поступком, она видела вмешательство некой «высшей силы»: «со мной что-то делалось, меня нельзя было удержать», «меня попутал нечистый» [14, с. 133]. Здесь необходимо подчеркнуть, что парадокс уже по самому своему определению всегда противоречит здравому смыслу, и ощущение присутствия некой необъяснимой силы косвенно подтверждает парадоксальность жизни героев: их мир иррационален и не поддается логическому объяснению. Гуров в своей мысли о двойственности жизни также не находил логики, смутно примеряя обобщенное понятие «по какому-то странному стечению обстоятельств, быть может, случайному» [14, с. 141]. Таким образом, герои, словно марионетки, сами не могут управлять своими действиями: Гурова «женили», Анна Сергеевна вышла замуж ради «любопытства». Они в конце концов «любили друг друга, как очень близкие родные люди, как муж и жена» [14, с. 143], но были словно «две

перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках» [14, с. 143].

Как непоправимый и неизбежный алогизм видит отношения Лугановичей и герой рассказа «О любви»: «<...> Я старался понять тайну молодой, красивой, умной женщины, которая выходит за неинтересного человека, почти за старика <...>, имеет от него детей, – понять тайну этого неинтересного человека, добряка, простяка, который рассуждает с таким скучным здравомыслием, на балах и вечеринках держится около солидных людей, вялый, ненужный <...>, который верит, однако, в свое право быть счастливым» [14, с. 105]. Возможно, причина в парадоксальности самой человеческой привязанности – об этом говорит А. П. Чехов, вводя фигуру повествователя и тем самым явственнее устанавливая связь с авторским сознанием: «Как зарождается любовь, – сказал Алехин, – почему Пелагея не полюбила кого-нибудь другого, более подходящего к ней по ее душевным и внешним качествам, а полюбила именно Никанора, этого мурло, <...> поскольку в любви важны вопросы личного счастья – всё это неизвестно и обо всем этом можно трактовать как угодно» [14, с. 102]. Сам заголовок рассказа напоминает название философского труда, что еще раз доказывает концептуальность исследуемого мотива.

Парадоксальность отмечается и в поступках героев. К знакомству с «дамой с собачкой» подтолкнула Гурова мысль «о скорой, мимолетной связи, о романе с неизвестной женщиной, которой не знаешь по имени и фамилии» [14, с. 129], но он тут же выяснил не только имя и фамилию героини, но и ее жизненные подробности. Интерес к личности безымянной «дамы с собачкой», по нашему мнению, предопределил исход истории, которая дальше проходила не по привычному для него сценарию «приключения». В рассказе герои два раза встречаются в гостиничном номере. В Ялте Анна Сергеевна горько сожалела о своем падении, пыталась объяснить, но «Гурову было уже скучно слушать, его раздражал наивный тон, это покаяние» [14, с. 133]. А в Москве она плакала от горя и не могла говорить, но герой понял, что действительно любит ее, и «чувствовал глубокое сострадание, хотелось быть искренним, нежным» [14, с. 143]. Видимо, слова – это безуспешная попытка рационального объяснения чувства, парадоксального по самой своей природе. Интересно, что Чехов подмечает и отчасти высмеивает эту склонность сопровождать разъяснениями и вопросами переживания, которые от этого лишь разрушаются, и считает ее принадлежностью именно русского национального характера: «Обыкновенно любовь поэтизируют, украшают ее розами, соловьями, мы же, русские, украшаем нашу любовь этими роковыми вопросами, и притом выбираем из них самые неинтересные. В Москве, когда я еще был студентом, у меня была подруга жизни, милая дама, которая всякий раз, когда я держал ее в объятиях, думала о том, сколько я буду выдавать ей в месяц и почем теперь говядина за фунт. Так и мы, когда любим, то не перестаем задавать себе вопросы: честно это или нечестно, умно или глупо, к чему поведет эта любовь и так далее. Хорошо это или нет, я не знаю, но что это мешает, не удовлетворяет, раздражает – это я знаю» [14, с. 104].

Финал же рассказа «О любви» является в высшей степени закономерным воплощением мотива парадоксальности, реализованного на сюжетном уровне: герои осознают глубину и взаимность своих чувств, признаются в них друг другу и расстаются. И концептуально значимый итог произведения – также утверждение понимания и принятия любви как парадокса: «Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе» [14, с. 106].

И внутренние изменения чеховских героев порождаются совсем не попытками объяснить парадоксы. Так, в рассказе «Дама с собачкой» прослеживается явный перелом в отношении Гурова к Анне Сергеевне. Поворотным пунктом сюжета является сцена в Ореанде. Величественный горный пейзаж, бесконечное водное пространство сопровождает философское размышление: «И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства» [14, с. 133]. Н. Е. Разумова в статье «"Дама с собачкой" А. П. Чехова: "непрерывное совершенство" и его переводческая трансформация» [5] придает выражению «непрерывное совершенство» особое значение. По мнению исследователя, данное выражение представляет собой «суть итоговой позиции Чехова» в этом рассказе, в нем «парадоксальный, оксюморонный характер» [5, с. 157]. Соглашаясь с этим мнением, считаем необходимым добавить, что между рассматриваемым выражением и концовкой рассказа, в которой также проявляется явная противоречивость, существует некая параллель: «И казалось, что еще немного – и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается» [14, с. 143]. Рассказ заканчивается словом «начинается» – таким образом автор выводит фокус читательской рецепции за пределы литературного произведения. Открытый финал – характерный для чеховской поэтики художественный прием – сам по себе парадоксален, поскольку он буквально означает «бесконечный конец». Такое толкование, на наш взгляд, в полной мере подходит и к выражению «непрерывное совершенство», т. к. в значении слова «совершенство» – высшая степень какого-нибудь положительного качества – также прослеживается мотив завершенности. На этом основании считаем, что идея «непрерывного совершенства» для человека состоит в том, что его путь к совершенству бесконечен: человек может лишь максимально приближаться к конечной точке, но чем ближе к ней, тем сложнее становится процесс ее достижения. Что касается концовки рассказа «Дама с собачкой», то решение, как полагает автор, безусловно, будет найдено, какое будет – счастливое, печальное или компромиссное – в принципе, не так важно ни для героев, ни для автора. Важно то, что произошло изменение к лучшему. Несмотря на нелегкие последствия, жизнь для героев стала прекраснее. Когда они вдвоем, тот двойственный мир, который окружает их, перестает существовать. Они могут любить, страдать, и все по-настоящему.

На наш взгляд, к мировоззренческой концепции А. П. Чехова, реализованной в рассказе «Дама с собачкой», стоит добавить еще одно философское размышление, прозвучавшее также в Ореанде: «...все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве» [14, с. 134]. Жизнь прекрасна, ее могут испортить только действия и мысли людей, несвободных в своих чувствах, ведущих приспособленческий к социальным условностям образ жизни, окутанный иллюзиями. Единственный путь, который оправдывает существование человека на Земле, – это путь к освобождению из плена иллюзий и самообмана. И на этом пути важно всегда помнить о человеческом достоинстве и непрерывно совершенствоваться. Интересно, что к этому выводу герои рассказа «Дама с собачкой» приходят в Крыму, Анна Алексеевна в финале рассказа «О любви» также уезжает в Крым, и сам А. П. Чехов в 1898 году – в год написания обоих рассказов – покупает участок в Ялте.

ВЫВОДЫ

Таким образом, мотив парадоксальности, эксплицированный в чеховских рассказах о любви, реализован как на уровне смысловой и сюжетной организации исследуемых художественных произведений, так и на уровне их поэтики, речевой и поведенческой характеристик персонажей. Он проявляется в изображении двойственности их жизни, смешении реальности и иллюзий, противоречивости и алогизме отношений и действий, внешних и внутренних проявлений. Кроме того, в рассказах «Дама с собачкой» и «О любви» А. П. Чехов утверждает парадоксальность любви как чувства, определяющего жизненные приоритеты человека, и отказ от рациональности в его осмыслении.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении видятся в необходимости изучения форм реализации мотива парадоксальности на более широком текстовом материале, а также в связи с другими элементами мотивной структуры чеховских произведений.

Список литературы

1. Вахрушев В. Логика Абсурда, или Абсурд Логики // Новый мир. – 1992. – № 7. – С. 233–235.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – Л., 1940. – 357 с.
3. Волкова Е. В. Концепции мотива в современном литературоведении // Преподаватель XXI век. – 2008. – № 1. – С. 89–94.
4. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX в. – М.: Наука: Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. – 303 с.
5. Еришова И. В. К толкованию эпического мотива (постановка проблемы) // Новый филологический вестник. – 2017. – № 2 (41). – С. 14–20.
6. Королькова Г. Л. Духовно-нравственные и подвижнические мотивы в творчестве А. П. Чехова // Вестник Чувашия государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. Серия: Гуманитарные и педагогические науки. – 2013. – №. 1 (77). – Ч.1. – С. 90–93.
7. Мазенко В. С. Игровое начало в произведениях А. П. Чехова.. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/igrovoe-nachalo-v-proizvedeniyah-a-p-chehova>. – (Дата обращения: 15.09.2022).
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.
9. Разумова Н. Е. «Дама с собачкой» А. П. Чехова: «непрерывное совершенство» и его переводческая трансформация // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). – 2014. – Вып. 7 (148). – С. 157–165.
10. Силантьев И. В. Поэтика мотива. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 294 с.
11. Сохряков Ю. И. Чехов и «Театр абсурда» в истолковании Д. К. Оутс // Русская литература в оценке современной зарубежной критики. – М.: Изд.-во Московского университета, 1981. – С. 76–87.
12. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – Режим доступа: <http://my-chekhov.ru/kritika/problem/problem6-4.shtml>. – (Дата обращения: 15.09.2022).
13. Тона В. И. Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. От сюжета к мотиву. – Новосибирск, 1996. – 192 с.
14. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. – М.: Наука, 1977. – Т. 10. – 171 с.
15. Шехватова А. Н. Мотив в структуре чеховской прозы: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – СПб., 2003. – 26 с.

References

1. Vaxrushev V. *Logika Absurda, ili Absurd Logiki* [The Logic of the Absurd, or the Absurd of Logic]. *Novy`j mir*, 1992, no. 7, pp. 233–235.
2. Veselovskij A. N. *Istoricheskaya poe`tika* [Historical poetics]. Leningrad, 1940. 357 p.
3. Volkova E. V. *Koncepcii motiva v sovremennom literaturovedenii* [Concepts of motive in modern literary criticism]. *Prepodavatel` XXI vek*, 2008, no.1, pp. 89–94.

4. Gasparov B. M. *Literaturny`e leitmotivy` : Ocherki russkoj literatury` XX v.* [Literary Leitmotifs: Essays on Russian Literature of the 20th Century]. M.: Nauka: Publ. firm «Vost. lit.», 1994. 303 p.
5. Ershova I. V. *K tolkovaniyu e`picheskogo motiva (postanovka problemy`)* [On the interpretation of the epic motif (statement of the problem)]. *Novy`j filologicheskij vestnik*, 2017, no.2 (41), pp. 14–20.
6. Korol`kova G. L. *Duxovno-nravstvenny`e i podvizhnicheskie motivy` v tvorchestve A. P. Chexova* [Spiritual, moral and ascetic motives in the work of A. P. Chekhov]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. Ya. Yakovleva. Seriya: Gumanitarny`e i pedagogicheskie nauki*, 2013, no. 1 (77), Part 1, pp. 90–93.
7. Mazenko V. S. *Igrovoe nachalo v proizvedeniyax A. P. Chexova* [Game beginning in the works of A. P. Chekhov]. Available from: <http://cheloveknauka.com/igrovoe-nachalo-v-proizvedeniyah-a-p-chehova>. (Accessed: 15 September 2022).
8. Ozhegov S. I. *Slovar` russkogo yazy`ka* [Russian Dictionary]. Moscow, Russkij yazy`k Publ., 1990. 921 p.
9. Razumova N. E. «*Dama s sobachkoj*» A. P. Chexova: «*neprery`vnoe sovershenstvo*» i ego perevodcheskaya transformaciya ["The Lady with the Dog" by A. P. Chekhov: "Continuous Perfection" and Its Translation Transformation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Gumanitarny`e nauki (Filologiya)*, 2014, Iss. 7 (148), pp. 157–165.
10. Silant`ev I. V. *Poe`tika motiva* [Poetics of motive]. Moscow, Yaz. slavjan. kul`tury` Publ., 2004. 294 p.
11. Soxryakov Yu. I. *Chexov i «Teatr absurda» v istolkovanii D. K. Oats* [Chekhov and the Theater of the Absurd as interpreted by D. K. Oates]. *Russkaya literatura v ocenke sovremennoj zarubezhnoj kritiki*. Moscow, Moscow University Publ., 1981, pp. 76–87.
12. Stepanov A. D. *Problemy` kommunikacii u Chexova* [Communication problems in Chekhov]. Available from: <http://my-chekhov.ru/kritika/problem/problem6-4.shtml>. (Accessed: 15 September 2022).
13. Tyupa V. I. *Materialy` k slovarju syuzhetov i motivov russkoj literatury` . Ot syuzheta k motivu* [Materials for the dictionary of plots and motives of Russian literature. From plot to motive]. Novosibirsk, 1996. 192 p.
14. Chexov A. P. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t.* [Complete works and letters: In 30 v.]. Moscow, Nauka Publ, 1977, Vol. 10. 171 p.
15. Shexvatova A. N. *Motiv v strukture chexovskoj prozy` : Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk* [Motif in the structure of Chekhov's prose: abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological sciences]. Saint-Petersburgh, 2003. 26 p.

MOTIVE OF PARADOX IN THE STORIES OF A. P. CHEKHOV ABOUT LOVE ¹

Ivanova N. P., Wu Hao

The article analyzes the forms of realization of the motif of paradox in A. P. Chekhov's stories "The Lady with the Dog" and "About Love". The purpose of the article is to consider the content and functional specifics of this literary category. The study is carried out using the means of motive analysis, the method of literary hermeneutics, as well as a phenomenological approach aimed at studying the author's consciousness and ways of its explication in a literary text. In the process of research, the conceptual significance of the motive and the existence of its meaning-forming function are proved. The motif of paradoxicality is considered as a cross-cutting structural element of the late period of Chekhov's work, associated with the motifs of deafness and completeness. As a result of the analysis, it was concluded that the motif of paradox, explicated in A. P. Chekhov's stories about love, is realized both at the level of semantic and plot organization of the studied literary texts, and at the level of their poetics. The authors come to the conclusion about the realization of the idea of the paradox of love and the rejection of rationality in the understanding of this feeling in the analyzed literary works.

Key words: motive, motive structure, forms of motive implementation, plot, paradox.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 program N 075-15-2021-1323.

УДК 821.16.1-992.09 (Грибоедов)

ПРОСОПОГРАФИЯ ПЛАНОВ ПОЕЗДКИ А. С. ГРИБОЕДОВА НА КАВКАЗ В 1824–1825 гг.¹

Минчик С. С.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: sersermin@ukr.net*

К числу участников революционного движения А. С. Грибоедова относят, во многом отталкиваясь от наблюдений над его встречами на Украине и в Крыму (июнь – сентябрь 1825 г.), где тот оказался по дороге на Кавказ. Но детальное и объективное рассмотрение источников помогает понять, что, путешествуя, создатель «Горя от ума» чаще общался не с декабристами, как утверждалось ранее, а с литераторами, религиозными деятелями и хозяйственниками, о чем грибоедовиана советских лет умолчала. Цель представленной работы – выяснить, кого из лиц, чьи имена сочинитель-дипломат назовет в переписке в период подготовки к своему странствию (июнь 1824 – май 1825 гг.), ученые обходят вниманием так же, как это делалось с его окружением в пути, и почему это происходит. Исследование посвящено связям Грибоедова с Анри Жомини, Марком-Антуаном Жюльеном, Аркадием Столыпиным и Вацлавом Ржевуским. Образ последнего воссоздается для выявления обстоятельств, которые обусловили позицию экспертов касательно причастности к писательской поездке его однофамильца Генриха. Устанавливается наличие родственных отношений между обоими шляхтичами, показывается, чем занимались Жомини, Жюльен, Столыпин и В. Ржевуский в 1824–1825 гг., определяется характер их вовлеченности в политический и культурный процесс. Раскрываются способы номинации этих лиц в грибоедовском эпистолярии и детали их знакомства с будущим классиком, переосмысливается трактовка произошедшего между ним и Южным обществом в Киеве.

Ключевые слова: грибоедоведение, просопография, вульгарный социологизм, русско-европейские связи.

1

В годы СССР Александр Сергеевич Грибоедов (1794–1829) оказался одним из тех авторов, чью биографию ученые искажали систематически. Делалось это, чтобы придать образу революционной борьбы привлекательности, вписав в ее историю знаковое для России имя. Ключевое место здесь отводилось окружению Грибоедова, которое позволяет судить о том, какими в действительности были его взгляды. Исключением не стал и писательский вояж на юг в 1825 г. В литературе о данном событии (Г. Н. Кунцевская, А. И. Маркевич, В. П. Мещеряков, И. И. Петрова, Н. А. Тархова и др.) персоналии, встретившие классика, учитываются не в полном объеме, многое из произошедшего между ними интерпретируется вопреки источникам [15, с. 27–60].

Ономастикон киевского и крымского периодов жизни Грибоедова невелик. В своем дневнике он прямо называет семь человек (А. М. Бороздина, М. Ш., М. А. Манто, Джеймса Педди, А. И. Султана Кадиgireя Крымгиреева, Е. О. Офрейн, Селями-Эфенди), встретившихся ему по дороге на Кавказ [20, с. 322–334]. Пятеро (В. Н. Бегичева, А. К. Бодде, А. Д. Грибов, Д. А. Кологривова, Н. Н. Оржицкий) фигурируют в писательской корреспонденции [21, с. 94, 100, 102]. Еще шестнадцать имен, относящихся

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

к визиту Грибоедова на юг (о. Агафангел, Бейм, М. П. Бестужев-Рюмин, И. А., С. И. и И. С. Мальцовы, София Манто, А. З. Муравьев, А. Н. Муравьев, С. И. Муравьев-Апостол, Л. А. и З. А. Офрейн, М. Ф. Орлов, П. П. Свиньин, Н. В. Сушков и С. П. Трубецкой), удастся воссоздать на основе эпистолярия его современников, мемуаристики, материалов Следственного комитета по делу о тайных обществах и устных свидетельств [15, с. 27, 46–59]. Итого – двадцать восемь субъектов, мало похожих друг на друга как родом занятий, так и увлечениями. Дать им если не целостную, то хотя бы фрагментарную, но, что важнее, и концептуальную характеристику первой в грибоедоведении сумеет академик М. В. Нечкина. Будучи крупнейшим специалистом в области революционного движения в России XIX в., с тайным заговором она ассоциировала и создателя «Горя...». Преимущественно на основе просопографических наблюдений – включая его встречи в Киеве и на полуострове. Впрочем, вольнодумцами из числа лиц, видевшихся с Грибоедовым в период странствия в 1825 г., судя по имеющимся документам, являлись всего шестеро (Бестужев-Рюмин, Муравьев, Муравьев-Апостол, Оржицкий, Орлов и Трубецкой). То есть почти пятая часть от совокупного числа деятелей, входивших в подтвержденный источниками круг писательского общения в пути. А этого недостаточно, чтобы делать какие бы то ни было решительные выводы касательно поездки Грибоедова в Полуденный край. И тем более изображать ее так, как историк Нечкина (и, шире, вульгарная социология) – лишь в свете активности подполья и без учета иных контекстов. Многообразие таких можно увидеть благодаря крымскому материалу, который показывает: большинство людей, связанных с пребыванием Грибоедова на юге, в действительности отражали его интересы к искусству, религии и экономике, но не к политике, как считалось ранее [15, с. 46–60]. В центре представленного труда – еще одна категория лиц, относящаяся к, собственно, замыслу «одиссеи» 1825 года. Кого из них наука не замечает доныне и почему это происходит? Поиск ответов на данные вопросы составляет цель предпринятого анализа.

В наши дни окружение создателя «Горя...» в науке изучается мало. В тех же публикациях, где о нем говорится, рассматриваются такие дискурсы, которые уступают широте просопографических выводов Нечкиной [27, с. 96–100; 31, с. 71–72, 73–75, 76–78]. Все это определяет новизну разысканий, обращенных к теме писательских контактов и преодолевающих ограниченность устоявшихся трактовок биографии классика и его наследия.

Актуальность статьи продиктована необходимостью понять, что мешает экспертному сообществу противопоставить системе выводов Нечкиной соразмерную им теорию, которую бы отличала такая же установка на цельность осмысления грибоедовской личности. Работа выполнена на основе метода, который предполагает создание групповых характеристик лиц [1, с. 95–96], в повествовании задействованы источники на белорусском, немецком, польском и французском языках, позволяющие узнать больше о современниках литератора-дипломата и о его исследователях.

2

Визиту Грибоедова в Грузию через Крым предшествует длительная подготовка, которая включает два периода: петербургский и киевский. Первый характеризуется выбором маршрута странствия, второй – его реализацией.

В марте 1823 г., после четырех с половиной лет службы на востоке, Грибоедов возвращается в столицы. Однако уже в конце декабря, «будучи одержим сильною

болезнью» [21, с. 352], он вновь заявляет о желании покинуть Россию – «для восстановления расстроенного здоровья» [21, с. 352]. Разрешат ему «ехать за границу для лечения» [21, с. 50] 1 мая 1824 г., 10 июня своему другу С. Н. Бегичеву будущий классик сообщит: «Знаю об отпуске моем и позволении ехать в чужие края» [21, с. 71], – а спустя две с половиной недели П. А. Вяземский получит от него следующие строки: «Очень хорошо сделали, что приписали параграф для показания Jullien, я вам очень благодарен, особенно коли не удастся мне более побывать в Москве... Это послужит вместо литературного паспорта» [21, с. 73]. 17 октября Грибоедов известит П. А. Катенина: «Отсюда в Париж, потом в южную Францию, коли денег и времени достанет, захвачу несколько приморских городов, Италию и Фракийским Воспором в Черное море и к берегам Колхиды» [21, с. 82]. Но уже 4 января 1825 г. в писательской корреспонденции появятся первые признаки разочарования в ситуации, которая сложилась вокруг его поездки: «Теперь я пропустил славный случай. Жюльен хотел со мною путешествовать. Mais en attendant, qu'il faisait ses malles, je faisais l'amour, и он укатил один» [21, с. 85]. 18 мая, получив свидетельство МИД «о возвращении его на службу в Грузию» [8, с. 66], Грибоедов пожалуется Бегичеву: «Ты уже, верно, из газет знаешь, что Столыпин, с которым я в путь собирался, умер» [21, с. 93]. А 10 июня, уже находясь в Киеве, напишет В. Ф. Одоевскому следующее: «Меня приглашают неотступно в Бердичев на ярмарку, которая начнется послезавтра, там хотят познакомить с Ржевцукиным» [21, с. 93].

Приведенные цитаты – в сущности, все, что известно о грибоедовских планах попасть на Кавказ от первого лица. И по ним видно, что более чем за два года поменяются не лишь сроки задуманного странствия, но также и география. Что же до персоналий, имена которых значатся в эпистолярной авторской «Горя...» в свете его возвращения к месту службы, таковых всего четыре.

3

Марк-Антуан Жюльен (1775–1848) известен как один из видных деятелей Революции во Франции. Сын депутата Конвента, который проголосовал за смертный приговор королю Людовику XVI, он рано станет якобинцем и благодаря таланту пропагандиста попадет в окружение диктатора Максимилиана Робеспьера. После Термидорианского переворота Жюльен окажется в рядах соратников уже другого лидера Республики – командующего армией Наполеона, а с его падением отойдет от политики и государственного управления, вернувшись в публицистику [11, с. 92–93; 32, с. 121–122]. В 1819 г. им будет основан журнал «Revue Encyclopedique», который сведет его с передовыми литераторами Европы и России. Многие из них были друзьями Грибоедова: в частности, Н. И. Греч, привлеченный к работе русского отдела редакции, и В. К. Кюхельбекер, который в 1821 г. привезет в Петербург корреспонденцию Жюльена [5, с. 37–38].

Состоял в контакте с учредителем «Revue...» и князь Вяземский. Именно он, пригласив Жюльена к сотрудничеству, в 1824 г. получит встречное предложение стать иностранным обозревателем издания – и даже успеет подготовить к печати на его страницах свои творения. Однако, находясь под тайным надзором властей, Вяземский скроет факт своего общения с публицистом-революционером. Потому его ответ на письмо Жюльена дойдет до места назначения не почтой, а оказией, через посредничество В. Ф. Гагарина [11, с. 94–101]. Возможно, что в целях конспирации Вяземский

постарается использовать и Грибоедова, как раз и приобщив к очередным бумагам, которые предназначались для отправки в Париж, некий «параграф для показания Jullien» [21, с. 73]. Каково было их содержание, в настоящее время не ясно – равно как и то, что же опальный князь написал своему адресату относительно создателя «Горя...». Но если в «дончкиновский» период своего развития [28, с. 4] наука о Грибоедове хотя бы пыталась выяснить это, после 1940-х гг. соответствующие попытки не предпринимались ни в СССР, ни в других странах [12, с. 236–239; 35, р. 204]. В итоге на сегодняшний день имя Жюльена почти не фигурирует на страницах «титульных» проектов. А если и называется грибоедоведами, то без упоминаний о поэтической, естественнонаучной, педагогической и гражданской активности учредителя «Revue...» – и характеристик, помогающих увидеть роль данного СМИ в жизни Европы [11, с. 93]. То есть в подаче, которая едва ли приближает к прояснению мотивов писательского желания непременно попасть в Грузию через Францию [9, с. 209, 520; 21, с. 638].

Анри Жомини (1779–1869) вошел в историю как полководец, пользовавшийся доверием Наполеона в бытность того уже Императором. Перейдя на службу к Александру I, в России это выходец из Швейцарии не жил, но регулярно ее посещал [26, с. 53–57]. Вот и в 1824 г. его пребывание в Петербурге будет краткосрочным: приехав сюда в июле – августе, домой он отправится уже в конце декабря или начале января следующего года. Накануне отъезда Жомини успеет не единожды встретиться с Царем и представителями русского Штаба [38, с. 102–104]. Однако круг его интересов здесь не ограничится лишь сферой службы.

Жомини – автор научных публикаций на военную тематику, а среди тех, кто общается с ним в период с 30 августа по 17 октября 1824 г., особое место занимает грибоедовский приятель и родственник генерал И. Ф. Паскевич [26, с. 58; 38, с. 103]. Неслучайно 4 января 1825 г. создатель «Горя...» назовет именитого швейцарца буднично – как будто бы речь шла не об одном из величайших стратегов Европы, но о человеке, к которому в писательском окружении привыкли давно: «*Жоминьи хотел со мною путешествовать. Mais en attendant, qu'il faisait ses malles, je faisais l'amour, и он укатил один*» [21, с. 85]. А 17 октября 1824 г. в его корреспонденции появятся такие строки: «*В театре перевозносят Каратыгина и тебе приписывают развитие его дарования. Жоминьи и пр<очие> его чрезвычайно хвалит; находит только, что не должно бы ноги ставить параллельно*» [21, с. 82]. Как видно, герой наполеоновских войн изображен здесь таким же знатоком прекрасного, как и сам Грибоедов. И упомянут в связи с театром – который в 1824 г. Жомини посетит в обществе все того же Паскевича [38, с. 103].

Не был чужд высокому и Аркадий Столыпин (1778–1825). Член Правительствующего Сената, искусству он посвящал много времени. И хотя признать его удачливым литератором не приходится, ряд напечатанных им трудов современникам запомнится [33, с. 685]. Включая «Письмо с Кавказской линии ...» (1795 г.), которое станет первым в отечественной лирике творением, где описывался край воинственных горцев [7, с. 550].

Присутствует Восток и в других опытах Столыпина, однако свяжет этого человека с Грибоедовым не лишь ориентальная тема. Общался он с Н. М. Карамзиным и В. А. Жуковским, входили в его окружение писательские друзья Кюхельбекер и К. Ф. Рылеев [7, с. 550; 22, с. 559–560]. Последних, помимо стихосложения, также объединяла причастность к тайному заговору – организаторам которого, в свою очередь, Столыпин симпатизировал [19, с. 73]. Сблизит его с Грибоедовым и жизнь в одном доме

в Петербурге [29, с. 30, 288, 405], ему же в знак доверия одному из первых будет представлен текст только что завершеного «Горя...» [21, с. 75]. Но если в середине июля 1824 г. сочинитель-дипломат напишет: «*Пуквиля не мог еще достать, запрещен, есть он у Столыпина*» [21, с. 77], имея в виду популярного среди вольнодумцев французского политика и мыслителя [23, с. 294–296], меньше, чем через год, характер его высказываний станет более трогательным. Сообщив Бегичеву о смерти приятеля, в компании которого планировался вояж на юг, 18 мая 1825 г. Грибоедов добавит: «*Мы бы его похоронили и все тут, но вдова его ангел, а не женщина, одно утешение находит быть со мною*» [21, с. 93]. И далее: «*От меня слишком бы жестоко было лишить ее (хоть это и не может продлиться) моего присутствия в ту самую минуту, в которой оно необходимо, и я покуда остаюсь*» [21, с. 93].

Вацлав Ржевуский (1785–1831) был сыном «польного» Гетьмана Речи Посполитой. Еще в юношестве он увлечется Востоком и подружится с видными ориенталистами, примет участие в войне с Наполеоном и попробует себя на ниве педагогики и меценатства. Как знаток конного дела в 1817 г. Ржевуский отправится в арабские земли с целью приобрести табун первоклассных скакунов для продажи и выполнить тайные поручения Царя. Но останется на чужбине, снискав уважение местных племен и присоединившись к их борьбе за свободу [37, с. 90–92, 98–101, 102–104, 111–114, 118–120, 157–220].

В родные края, на Волынь и Подолье, Ржевуский вернется лишь в 1820 г. Дома он примется за разведение лошадей, станет вести образ жизни бедуина, займется музыкой, переводами с азиатских языков и сочинительством. А увлекшись идеей возрождения украинского казачества, сойдется с Польским патриотическим обществом [37, с. 221–252, 237–259, 324–331]. И, видимо, с русским подпольем, что подтвердит грибоедовское письмо к Одоевскому за 10 июня 1825 г.: «*Меня приглашают неотступно в Бердичев на ярмарку, которая начнется послезавтра, там хотят познакомить с Ржевуцким, притом в Любаре семейство Муравьевых устраивает мне самый приятный прием*» [21, с. 96]. Как видно, слова о шляхтиче-авантюристе создатель «Горя...» сгруппирует с упоминанием декабристов, чем подчеркнет свое восприятие их как некой общности лиц.

4

Итак, людей, о которых Грибоедов в разное время говорил по случаю своего намерения попасть на Кавказ через Европу и Крым, так или иначе объединяет причастность к политике и государственной деятельности. Однако ни Жомини с Жюльеном, ни Столыпина с Ржевуским в публикациях, которые посвящены писательскому вояжу, относить к данному событию не привыкли. Причем объяснить логику авторов, печатавшихся до 1991 г., в этой ситуации так же трудно, как и в случае с постсоветской эпохой. Ведь если гуманитаристика в СССР в основном «вульгарно социологизировала» Грибоедова, не ясно, почему она проигнорировала зримую связь с ним как раз тех, кто оказался причастен к революционному процессу – во Франции (Жюльен и Жомини) и России (Столыпин и Ржевуский).

Причины избирательности ученых в оценке грибоедовских планов можно понять, если обратить внимание на имя, которое академик Нечкина отнесет одновременно к двум этапам странствия 1825 г. В отношении киевского ею будет написано следующее: «*Грибоедов собирается на ярмарку в Бердичев, хочет познакомиться с Ржевуцким, не прочь воспользоваться "самым приятным приемом"*», который ему в Любаре

устраивает семейство Муравьевых» [18, с. 537]. Крымский она прокомментирует так: «По мнению польского исследователя Леона Гомолицкого (в работе «Дневник пребывания Адама Мицкевича в России. 1824–1829», изданной в Варшаве в 1949 г.), вилла графа Олизара [в Артеке – С. М.] явилась местом конспиративных свиданий польских революционных деятелей и декабристов» [18, с. 541]. И далее: «Л. Гомолицкий при сопоставлении дат приезда к графу Олизару Мицкевича, Ржевусского и Грибоедова доказывает, что все они приехали одновременно, к одному общему сроку, но каждый порознь» [там же]. В соответствующем указателе к тексту ее монографии при этом будет сказано: «Ржевусский Г. (Rzewuski H.) – 537, 541» [18, с. 727]. Как видно, писательские слова о торжище на Волыни авторитетный историк отнесет к человеку, чье имя фигурирует в книге Л. Н. Гомолицкого «Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji» [36, с. 80, 86]. А именно, к спутнику первого поэта Польши Генриху Ржевускому, который приходился своему однофамильцу еще и племянником [24, с. 464–466; 37, с. 22–87]. Однако традицию включать его в контекст грибоедовских слов о Бердичеве заложит вовсе не Гомолицкий.

Первыми ассоциировать создателя «Горя...» с Г. Ржевуским начнут публикаторы и комментаторы письма от 10 июня 1825 г. [25, с. 812], чьи выводы в истории грибоедоведения сыграют определяющую роль. Не повлияют они лишь на полониста С. С. Ланда – усомнившегося в их обоснованности и заявившего, что на ярмарке подполье хотело познакомить будущего классика не с малоизвестным приятелем Мицкевича, а с куда более примечательной персоной, коей в то время был как раз Вацлав Ржевуский [10, с. 149]. Но поддерживать Ланду Нечкина не станет, вследствие чего знаменитый шляхтич-авантюрист окажется вне списка «грибоедовских имен». И это несмотря на такие, казалось бы, привлекательные (с точки зрения идеологического потенциала) эпизоды его жизни, как арест по делу декабристов и участие в Ноябрьском восстании [37, с. 262–300].

В период либерализации отечественной науки ситуация вокруг версии Ланды не изменится. Вслед за Нечкиной В. Ржевуского будут игнорировать уже современные грибоедоведы – свой выбор в пользу одного из двух родственников так же не объясняя никак [3, с. 270; 8, с. 218; 9, с. 539; 21, с. 663; 30, с. 264, 496]. Хотя знать соответствующую аргументацию важно, а воссоздать ее не составляет труда.

5

Помимо исследовательской деятельности автор книги «Dziennik...» успешно занимался поэзией и критикой [2, с. 265–266]. Уже по этой причине ему должно было быть известно о Вацлаве Ржевуском – именитом беллетристе и переводчике с восточных языков, также общавшемся с Мицкевичем [37, с. 218, 251]. Тем не менее, реплику Грибоедова о Бердичеве из письма от 10 июня 1825 г. Гомолицкий отнесет не к нему, а к его родственнику – который в ту пору, собственно, был примечателен только дружбой с главным поэтом Польши. Почему? Данное решение не выглядит странным, если понимать, что в XX веке многие эксперты во что бы ни стало стремились выявить «нити» [13, с. 411], тянувшиеся от Мицкевича к революционным кругам. Поскольку же приятельствовал этот человек не с Вацлавом Ржевуским, а с Генрихом, вокруг последнего Гомолицкий и выстроит линию своего повествования еще об одном вольнодумце Грибоедове. В итоге угодив официозной науке как в ПНР, так и в СССР. Ведь вероятность контакта с Мицкевичем-заговорщиком через его спутника Г. Ржевуского не просто

усиливала акцент оппозиционности в грибоедовском образе. Вдобавок она позволяла поддерживать красивую теорию о единении классиков славянских литератур в борьбе против царизма. И, в целом, «империализма», противостояние которого со странами соцлагеря в год публикации работы Гомолицкого достигнет апогея [6, с. 74, 76]. Фигурируй же на ее страницах Вацлав Ржевуский, а не Генрих, связать Грибоедова и Мицкевича было бы сложнее. В частности, той же Нечкиной. Последняя, судя по всему, предпочла одного шляхтича другому под влиянием фактора эрудиции – узнав о «Дневнике...» спустя целых два десятилетия после его выхода в свет и потому сославшись на Гомолицкого лишь в третьем издании монографии «Грибоедов и декабристы» (1977 г.), но не во втором (1951 г.) [16, с. 682]. А это доказывает: в реалиях польской культуры Нечкина ориентировалась недостаточно хорошо и о существовании В. Ржевуского она попросту могла не догадываться. В отличие от Гомолицкого – который свой выбор в пользу спутника Мицкевича делал как раз осознанно.

Во-вторых, о Ноябрьском восстании в Польше, участником которого был В. Ржевуский, советская гуманитаристика писала мало [34, с. 183]. Данное событие она считала попыткой консервативного переворота, который выражал интересы радикальной части аристократии и не поддерживался низами. Признаки беспокойства о свободе народа, которые присущи программе ряда декабристов, в нем, напротив, не усматривались [14, с. 491–493]. Соответственно, и участники мятежа 1830–1831 гг. если и воспринимались в СССР как революционеры, то не в социально-классовом, а в националистическом и, стало быть, в антироссийском смысле. Который, бесспорно, скомпрометировал бы Грибоедова как державника и гражданина – позволь он себе общение с В. Ржевуским.

В-третьих, показательна тональность упомянутого письма к Одоевскому. После реплики о В. Ржевуском Грибоедов признается: *«Притом в Любарь семейство Муравьевых устраивает мне самый приятный прием, боюсь сдать на их веру, не скоро вырвешься»* [21, с. 96]. Предшествует словам о нем следующий пассаж: *«За статью в «Телеграфе» приношу тебе заранее мою благодарность, только вопрос теперь, где я наткнусь на нее? – Здесь не найдешь, в Крыму, где буду слоняться недели с три, того мене»* [21, с. 96]. И еще: *«В Керчи сяду на корабль и поплыву в Имеретию, оттудова в горы к Ермолову, так, прощайте журналы до Тифлиса»* [21, с. 96]. Из приведенных строк видно, что 10 июня 1825 г. Грибоедов тверд в желании покинуть Украину, продолжив свою поездку на Кавказ. Однако воплотить в жизнь намеченное ему явно не дают: то приглашая посетить Любарь, где живет Артамон Муравьев и бывают декабристы, связанные с ним родством [4, с. 118, 121, 122, 118, 287, 288, 289], то продвигая идею визита в Бердичев. Налицо намерение вольнодумцев не столько устроить Грибоедову *«самый приятный прием»*, сколько любыми средствами задержать его против воли самого путника. Неслучайно в ходе Следствия по делу о заговоре выяснится, что свое общение с «южанами» создатель «Горя...» прервет, покинув их вопреки правилам приличия. Сделает он это ни с кем *«не простясь»* [19, с. 23] – либо вследствие нежелания находиться в компании с Бестужевым-Рюминым, Муравьевыми и Трубецким, либо по причине конфликта, произошедшего между ними. Как бы то ни было, именно обстоятельства отъезда Грибоедова из Киева поставят под сомнение его вовлеченность в антиправительственные планы, вынудив советских ученых защищать выдуманный ими же миф о ней. С одной стороны, объясняя произошедшее не писательской ссорой с подпольем, а лишь расхождением в их взглядах на характер готовившегося мятежа

[18, с. 533]. И, с другой, сопрягая слова о ярмарке на Волыни в грибоедовском письме к Одоевскому не с Вацлавом Ржевуским, а с Генрихом. То есть с личностью, биография которой не бросала бы на бунтовщиков тень подозрения в желании замирить сочинителя-дипломата и отложить его отъезд. Используя для этого (в роли поощрения, компенсации либо своеобразной приманки) человека с похожими увлечениями – в области путешествий, искусств, а также политики, военного дела и предпринимательства.

Вот, что с большой степенью вероятности определило уникальность ситуации с В. и Г. Ржевускими в грибоедовiane. Причины же, вытеснившие за ее пределы еще и Жюльена с Жомини и Столыпинам, становятся ясны, если вновь обратиться к просопографическому методу. И рассмотреть с его помощью фактологию, относящуюся к способу упоминания этих лиц в писательском эпистолярии, к их роду занятости и, наконец, связям с автором «Горя...».

6

Муравьевы, Олизар и Оржицкий (последний, что примечательно, в свете воспоминаний об одном из лидеров мятежа Рылееве) в грибоедовском дневнике и корреспонденции 1825 г. будут названы прямо [20, с. 325; 21, с. 96, 102]. То есть вразрез с принципами, придерживаясь которых тайное сообщество в то время было просто вынуждено. Но о Жюльене, Жомини, Столыпине и В. Ржевуском Грибоедов напишет точно так же [21, с. 93, 96]. А это едва ли сделает желательным появление их имен уже в научных публикациях, навязывавших классику образ одного из «попутчиков» декабризма, которые были обязаны соблюдать правила конспирации.

Авантюрист, педагог и меценат, хозяйственник и вояжер, военачальник и политический деятель, переводчик и беллетрист, музыкант. Таковы грани личности В. Ржевуского – к революционным процессам примкнувшего, но посвятившего себя не лишь им. Это же можно сказать о Жюльене, Жомини и Столыпине, чья активность на государственном поприще не помешала им состояться вне ее рамок, то есть в науке и в искусствах. Рассказывать о роли таких людей в планах Грибоедова посетить Грузию – значит, ставить под сомнение нечкиновскую мысль о преобладании в его окружении убежденных оппозиционеров. Которые, оказавшись готовыми к самовыражению в условиях одной борьбы (подобно ветеранам наполеоновских войн Бестужеву-Рюмину, Муравьевым, Орлову и Трубецкому), в мирной жизни, в сущности, если себя и нашли, в полной мере не раскрыли.

Третье обстоятельство, в силу которого в СССР афишировали не все лица из писательского круга общения, – спонтанность событий путешествия 1825 г. Планы знакомства с Жюльеном в Париже и с В. Ржевуским в Бердичеве принадлежали не самому Грибоедову, а князю Вяземскому и киевскому подполью, идея покинуть столицы со Столыпиным объяснялась их соседством, с Жомини (в компании которого отъезд на Кавказ затевался изначально) сочинитель-дипломат сойдется благодаря родственным связям с Паскевичем. Иными словами, все, кто в теории могли стать спутниками Грибоедова в 1824–1825 г., на практике оказались сопряжены с ним в силу случая. Но то же касается хронологии и географии данного странствия – которое изначально задумывалось не в год Восстания декабристов, а ранее, и затрагивало не связанные с ними места в Киеве и в Крыму, а Францию [15, с. 65–73]. Более того, реализация Грибоедовым «европейского» сценария вояжа и вовсе привела бы к тому, что с ним не встретились бы как члены Южного общества (на Украине), так и Оржицкий с Орловым (на полуострове).

А ведь именно эти контакты послужили причиной для его ареста по Делу о тайном заговоре – став одним из важнейших столпов, на которых в Советском Союзе держалось грибоедоведение. В итоге, не решившееся признать, что в канун событий на Сенатской площади создатель «Горя...» увидел революционеров в пути нечаянно. И отказавшееся развивать тему с Жюльеном, Жомини, Столыпиным и В. Ржевуским – чьи встречи с ним так же не были преднамеренными.

7

Приведенные факты доказывают, что причин не писать о Жюльене, Жомини, Столыпине и В. Ржевуском у науки «нечкиновского» периода было достаточно. Во-первых, их имена называются в эпистолярии Грибоедова прямо, что ставит под сомнение навязанный ему образ вольнодумца, который был вынужден вести скрытный образ жизни. Во-вторых, решения взаимодействовать с кем-либо из этой группы лиц накануне отъезда из столиц и приезда в Грузию сочинитель-дипломат принимал ситуативно, поскольку Жомини был другом его семьи, Столыпин соседом, а замысел встречи с Жюльеном и В. Ржевуским принадлежал третьей стороне. Наконец, помимо участия в политике, вышеназванные деятели также отличились успехами в иных сферах жизни, из чего следует, что, если вояж 1825 г. в итоге и затронул людей, вовлеченных в борьбу за власть, поначалу предполагал контакты с теми, кто не считал ее приоритетом. Сказанное согласуется с аналогичными наблюдениями над окружением Грибоедова в Крыму, позволяющими увидеть несостоятельность традиционных взглядов на его путешествие. Но просопография планов данного события имеет и отличительные черты. Если Жюльена, Жомини и Столыпина в СССР просто замолчали, В. Ржевуского из грибоедовианы вычеркнули – предпочтя этому человеку его однофамильца и родственника из круга общения Адама Мицкевича. Последний в советскую пору причислялся к революционерам, вследствие чего фраза о ярмарке на Вольни из писательского эпистолярия не могла быть отнесена к В. Ржевускому. С главным поэтом Польши не дружившему и, как результат, не подходившему на роль связующего звена между ним и представителем оппозиции Грибоедовым. Сближая же создателя «Горя...» именно со спутником Мицкевича, «вульгарные социологизаторы», напротив, помимо данной выгоды достигали еще двух целей. С одной стороны, снимая с Южного общества подозрения в намерении вовлечь Грибоедова в орбиту влияния радикальной шляхты (стоявшей за В. Ржевуским). И, с другой, сужая потенциал версии о произошедшем в Киеве писательском конфликте с подпольем (разрешить который как раз и помогло бы появление на его периферии знаменитого беллетриста и востоковеда). Такой комментарий к словам Грибоедова о Бердичеве, разумеется, противоречил фактам, но, усиливая «*мицкевичский подтекст*» [17, с. 22], устраивал отечественных и зарубежных экспертов. Включая задававшую тон в их среде академика Нечкину, которая едва ли догадывалась о существовании двух Ржевуских. Прочим же ученым оказалось не под силу противопоставить ее видению жизни и творчества классика нечто соразмерное, по причине чего в повествованиях о поездке 1825 г. донныне сохраняется статус-кво. Наблюдается он в общепризнанном трактовании причастных к ее проекту лиц, которое, как видно, не учитывает целый ряд деталей. И, в первую очередь, широту интересов Грибоедова – осведомленного о многообразии деятельности Жюльена, сблизившегося с Жомини благодаря своему зятю Паскевичу, вряд ли знавшего Генриха Ржевуского, но наверняка слышавшего о его дяде Вацлаве.

Список литературы

1. Ганчарэнка С. А. Прасапаграфія: гісторыя станаўлення і развіцця метаду // Журнал Белорусского государственного университета. – История. – 2017. – № 3. – С. 94–100.
2. Гомолицкий Л. Сочинения русского периода. – Том 1. Стихотворения и поэмы / ред. Л. С. Флейшман. – М.: Водолей, 2011. – 701 с.
3. Грибоедов: энциклопедия / ред. С. А. Фомичев. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 393 с.
4. Декабристы: биографический справочник / ред. М. В. Нечкина. – М.: Наука, 1988. – 446 с.
5. Заборов П. Р. Н. И. Греч и «Revue Encyclopédique» // Русская литература. – 2019. – № 3. – С. 36–41.
6. Зырянова А. В. Реакция Соединенных Штатов на политические изменения в Польше (1949–1952 гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 3 (1). – С. 74–79.
7. Лермонтовская энциклопедия / ред. В. А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.
8. Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова, 1791–1829 / ред. А. Л. Гришунин. – М.: Наследие, 2000. – 239 с.
9. Летопись жизни и творчества Александра Сергеевича Грибоедова. 1790–1829 / ред. Н. А. Тархова. – М.: Минувшее, 2017. – 604 с.
10. Литература славянских народов / ред. Д. Ф. Марков. – Вып. 4. Из истории литератур Польши и Чехословакии. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 283 с.
11. Литературное наследство / ред. С. А. Макашин. – Том 31–32. Русская культура и Франция. – Часть 2. – М.: Журнально-газетное объединение, 1937. – 1028 с.
12. Литературное наследство / гл. ред. П. И. Лебедев-Полянский. – Том 47–48. А. С. Грибоедов. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – 376 с.
13. Литературное наследство / гл. ред.: В. В. Виноградов. – Том 60. Декабристы-литераторы. – Книга 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 674 с.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / ред. Л. И. Гольман. – Том 4. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 615 с.
15. Минчик С. С. Грибоедов и Крым. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – 276 с.
16. Минчик С. С. Грибоедовская тема в переписке А. И. Полканова с В. И. Филоненко // Сб. тезисов II Науч. конф. «Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь, 24–28 октября 2016 г.) / ред. С. И. Федоркин. – Том 7. Таврическая академия. Симферополь: Изд-во КФУ им. В. И. Вернадского, 2016. – С. 681–682.
17. Науменко Г. А. «Из Пиндемонти» в Страстном сюжете Каменноостровского цикла // Litera. – 2014. – № 2. – С. 22–65.
18. Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. – М.: Художественная литература, 1977. – 735 с.
19. Нечкина М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова. – М.: Мысль, 1982. – 104 с.
20. Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова / гл. ред. С. А. Фомичев. – Том 2. Драматические сочинения. Стихотворения. Статьи. Путевые заметки. – СПб.: Нотабене, 1999. – 617 с.
21. Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова / гл. ред. С. А. Фомичев. – Том 3. Письма. Документы. Служебные бумаги. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 686 с.
22. Полное собрание сочинений и писем В. А. Жуковского / гл. ред. А. С. Янушкевич. – Том 2. Стихотворения 1815–1852 годов. – М.: Язык русской культуры, 2000. – 840 с.
23. Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / ред. Ю. Г. Оксман. – [Вып.] 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 520 с.
24. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. – Часть 4. – СПб.: Изд-во III Отделения Собственной Его Имп. Величества канцелярии, 1857. – 482 с.
25. Русский архив. Историко-литературный сборник / ред. П. И. Бартенев. М.: Петр Бартенев, 1864. – 862 с.
26. Русский биографический словарь / ред. А. А. Половцев. – Том 7. Жабокритский – Зяловский. – СПб.: Изд-во Имп. Русского исторического общества, 1897. – 588 с.
27. Ситникова Г. В. Русская провинция: А. С. Грибоедов и братья Бегичевы // Материалы Всерос. науч. конф. «Россия Ивана Бунина и культура русского Подстепья» (г. Елец, 24–26 сентября 2020 г.) / ред. Т. П. Дудина. – Елец: Изд-во ЕГУ им. И. А. Бунина, 2020. – С. 96–100.
28. Степанов Л. А. Эстетическое и художественное мышление А. С. Грибоедова. – Краснодар: Изд-во КГУ, 2001. – 312 с.
29. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга, с планом и таблицей

- пожарных сигналов: на 1823 год / авт.-сост. С. Аллер. – СПб.: Изд-во Департамента народного просвещения, 1822. – 663 с.
30. Фомичев С. А. Александр Грибоедов: биография. – СПб.: Вита Нова, 2012. – 511 с., XXXII.
 31. Фомичев С. А. Дополнения к «Грибоедовской энциклопедии» // Культура и текст. – 2021. – № 3 (46). – С. 70–79.
 32. Французский ежегодник 2009 / ред. А. В. Чудинов. – [Вып. 52] Левые во Франции. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 389 с.
 33. Энциклопедический словарь / ред.: К. К. Арсеньев, Ф. Ф. Петрушевский. – Том 31А (62): Статика – Судостроительств. – СПб.: АО «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон», 1901. – 854 с.
 34. Юшков И. П., Хорева Н. В. Польское восстание 1830–1831 гг. в дореволюционной и советской историографии // Мат-лы XXIV Науч. конф. «Пироговские чтения» (г. Нижний Новгород, 26 ноября 2018 г.) / гл. ред. А. В. Грехов. – Н. Новгород: Изд-во Приволж. исслед. мед. ун-та, 2018. – С. 182–185.
 35. Bonamour J. A. S. Griboyedov et la vie littéraire de son temps. – Paris: Presses universitaires de Franc, 1965. – 454 p.
 36. Gomolicki L. Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji, 1824–1829. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1949. – XXVII, 379 s.
 37. Kucera F. Wacław «Emir» Rzewuski (1784–1831): podróżnik i żołnierz. – Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 2016. – 376 s.
 38. Langendorf J.-J. Krieg führen: Antoine-Henri Jomini. – Zürich: Hochschulverlag AG, 2008. – 528 s.

References

1. Ganchar`nka S. A. *Prosopografiya: istoriya stanovleniya i razvitiya metoda* [Prosopography: History of Formation and Development of the Method]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2017, no 3, pp. 94–100.
2. Gomolicki L. *Sochineniya russkogo perioda* [Works of the Russian period]. Ed. L. S. Fleishman. Vol. 1. Moscow, Vodolei Publ., 2011. 701 p.
3. *Griboedov: entsiklopediya* [Griboyedov: encyclopedia]. Ed. S. A. Fomichev. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2007. 393 p.
4. *Dekabristy: biograficheskiy spravochnik* [Decembrists: biographical reference book]. Ed. M. V. Nechkina. Moscow, Nauka Publ., 1988. 446 p.
5. Zaborov P. R. *N. I. Grech i «Revue Encyclopédique»* [N. I. Grech and Revue Encyclopédique]. *Russkaya literatura*, 2019, no 3, pp. 36–41.
6. Zyryanova A. V. *Reaktsiya Soedinennykh Shtatov na politicheskie izmeneniya v Pol'she (1949–1952 gg.)* [Reaction of United States to political changes in Poland (1949–1952 gg.)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2012, no 3 (1), pp. 74–79.
7. *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov Encyclopedia]. Ed. V. A. Manuilov. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1981. 784 p.
8. *Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Griboedova, 1791 – 1829* [Chronicle of Life and Works of A. S. Griboyedov, 1791–1829]. Ed. A. L. Grishunin. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 239 p.
9. *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Sergeevicha Griboedova. 1790–1829* [The Chronicle of Life and Work of Alexander Sergeevich Griboyedov. 1790–1829]. Ed. N. A. Tarkhova. Moscow, Minuvshie Publ., 2017. 604 p.
10. *Literatura slavyanskikh narodov* [Literature of the Slavic peoples]. Ed. D. F. Markov. Vol. 4. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959. 283 p.
11. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Ed. S. A. Makashin. Vol. 31–32. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1937. 1 028 p.
12. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Ed. P. I. Lebedev-Polyanskii. Vol. 47–48. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1946, 376 p.
13. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Ed. V. V. Vinogradov. Vol. 60. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1954, 674 p.
14. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [The Works]. Ed. L. I. Gol'man. Vol. 4. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1955. 615 p.

15. Minchik S. S. *Griboedov i Krym* [Griboedov and the Crimea]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2011. 276 p.
16. Minchik S. S. *Griboedovskaya tema v perepiske A. I. Polkanova s V. I. Filonenko* [Griboedov's theme in the correspondence of A. I. Polkanov with V. I. Filonenko]. *Sbornik tezisev II Nauchnoi konferentsii «Dni nauki KFU im. V. I. Vernadskogo» (g. Simferopol', 24–28 oktyabrya 2016 g.)*. Simferopol, Izdatel'stvo KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2016, pp. 681–682.
17. Naumenko G. A. «*Iz Pindemonti*» v *Strastnom syuzhete Kamennooostrovskogo tsikla* [«From Pindemonti» in the Passion Plot of Kamennooostrovsky Cycle]. *Litera*, 2014, no. 2. pp. 22–65.
18. Nechkina M. V. *Griboedov i dekabristy* [Griboedov and the Decembrists]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 735 p.
19. Nechkina M. V. *Sledstvennoe delo A. S. Griboedova* [Investigative case of A. S. Griboedov]. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 104 p.
20. *Polnoe sobranie sochinenii A. S. Griboedova* [The Complete Works of A. S. Griboedov]. Ed. S. A. Fomichev. Vol. 2. Saint-Petersburg, Notabene Publ., 1999. 617 p.
21. *Polnoe sobranie sochinenii A. S. Griboedova* [The Complete Works of A. S. Griboedov]. Ed. S. A. Fomichev. Vol. 3. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 686 p.
22. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem V. A. Zhukovskogo* [The Complete Works and Letters of V. A. Zhukovsky]. Ed. A. S. Yanushkevich. Vol. 2. M.: Language of Russian Culture, 2000. 840 p.
23. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin: A Temporary Book of the Pushkin Commission]. Ed. Yu. G. Oksman. Iss. 2. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1936. 520 p.
24. *Rossiiskaya rodoslovnaya kniga, izdavaemaya knyazem Petrom Dolgorukovym* [Russian genealogical book published by prince Peter Dolgorukov]. Part 4. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo III Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii Publ., 1857. 482 p.
25. *Russkii arkhiv. Istoriko-literaturnyi sbornik* [Russian archive. Historical and literary collection]. Ed. P. I. Bartenev. Moscow, Petr Bartenev Publ., 1864. 862 p.
26. *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Ed. A. A. Polovtsev. Vol. 7. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva Publ., 1897. 588 p.
27. Sitnikova G. V. *Russkaya provintsiya: A. S. Griboedov i brat'ya Begichevy* [Russkaia provintsiia: A. S. Griboedov i brat'ia Begichevy]. *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Rossiya Ivana Bunina i kul'tura russkogo Podstep'ya» (g. Elets, 24–26 sentyabrya 2020 g.)*. Yelets, Izdatel'stvo EGU im. I. A. Bunina Publ., 2020, pp. 96–100.
28. Stepanov L. A. *Esteticheskoe i khudozhestvennoe myshlenie A. S. Griboedova* [Aesthetic and artistic thinking of A. S. Griboedov]. Krasnodar, Izdatel'stvo KGU Publ., 2001. 312 p.
29. *Ukazatel' zhilishch i zdaniy v Sankt-Peterburge, ili Adressnaya kniga, s planom i tablitsyeyu pozharnykh signalov: na 1823 god* [Index of Houses and Buildings in St. Petersburg, or Address Book, with the Plan and Table of Fire Signals: For 1823]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Departamenta narodnago prosveshcheniya Publ., 1822. XVI, 663 p.
30. Fomichev S. A. *Aleksandr Griboedov: biografiya* [Alexander Griboedov: biography]. Saint-Petersburg, Vita Nova Publ., 2012. 511 p., XXXII.
31. Fomichev S. A. *Dopolneniya k «Griboedovskoi entsiklopedii»* [Supplements to the Griboedov Encyclopedia]. *Kul'tura i tekst*, 2021, no 3 (46), pp. 70–79.
32. *Frantsuzskii ezhegodnik 2009* [French Yearbook 2009]. Ed. A. V. Chudinov. Iss. 52. Moscow, LIBROCOM Publ., 2009, 389 p.
33. *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Eds.: K. K. Arsen'ev, F. F. Petrushevskii. Vol. 31 A (62). Saint-Petersburg, “F. A. Brokgauz – I. A. Efron” Publ., 1901. 854 p.
34. Yushkov I. P., Khoreva N. V. *Pol'skoe vosstanie 1830–1831 gg. v dorevolyutsionnoi i sovetskoj istoriografii* [The Polish uprising of 1830-1831 in pre-revolutionary and Soviet historiography]. *Materialy XXIV Nauchnoi konferentsii «Pirogovskie chteniya» (g. Nizhnii Novgorod, 26 noyabrya 2018 g.)*. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo PIMU Publ., 2018, pp. 182–185.
35. Bonamour J. A. S. *Griboedov et la vie littéraire de son temps*. Presses universitaires de France. Paris: Presses universitaires de France Publ., 1965, 454 p.
36. Gomolicki L. *Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji, 1824 – 1829*. Warszawa: Książka i Wiedza Publ., 1949. XXVII, 379 s.

37. Kucera F. Waclaw «Emir» Rzewuski (1784 – 1831): podróżnik i żołnierz. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 2016. 376 s.
38. Langendorf J.-J. Krieg führen: Antoine-Henri Jomini. Zürich: Hochschulverlag AG, 2008. 528 s.

THE PROSOPOGRAPHY OF THE PLANS OF A. S. GRIBOYEDOV'S TRIP TO THE CAUCASUS (1824–1825)¹

Minchik S. S.

The practice to attribute Alexander S. Griboyedov (1794–1829) to the revolutionary movement goes from the observations of his meetings in Kiev and Crimea in June – September 1825. However an objective investigation of the sources makes clear that while his voyaging the author of "Woe from Wit" mainly communicated not with freethinkers, as was previously claimed, but with writers, religious figures and businessmen. The purpose of present issue is to find out which of the persons, that names in the correspondence of artist-diplomats before his journey in June 1824 – May 1825, the scholars still avoid to study, as it was done in researches about his surroundings in the South. The narrative focuses on the relations of the classicist with Henri Jomini, Marc-Antoine Julien, Arkady Stolypin and Waclaw Rzewuski. It establishes what did these persons do while Griboyedov's preparations to leave the capital, the nature of their affinity with politics, arts and sciences is described. The nomination of Jomini, Julien, Stolypin and W. Rzewuski in the epistolary of the author of "Woe ..." is reviewed, the details of his acquaintance with them are recognized, the certain scenes with the participation on Southern Society in Kiev are reinterpreted.

Keywords: griboyedovistic, prosopography, vulgar sociology, Russian-European relations.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 programm N 075-15-2021-1323.

УДК 78:821

ЛИТЕРАТУРА В МУЗЫКЕ: ОПЕРА «МОЦАРТ И САЛЬЕРИ»¹

Норец М. В., Элькан О. Б.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского;
Крымский университет культуры, искусств
и туризма, Симферополь, Россия
E-mail: mnorets@yandex.ru*

Литературно-музыкальный синтез – явление, часто встречающееся не только в отечественном, но и в зарубежном искусстве. Литературные произведения А. С. Пушкина во все времена пользовались популярностью у композиторов, таких как М. П. Мусоргский («Борис Годунов» (1872), П. И. Чайковский («Евгений Онегин» (1877), «Мазепа» (1883) и «Пиковая дама» (1890), Ц. А. Кюи («Кавказский пленник» (1883), «Пир во время чумы» (1900), «Капитанская дочка» (1911), С. В. Рахманинов («Алеко» (1892), «Скупой рыцарь» (1906), Направника («Дубровский» (1894), Н. А. Римский-Корсаков («Моцарт и Сальери» (1897), «Сказка о царе Салтане» (1900), «Золотой петушок» (1907). Опера «Моцарт и Сальери» – яркий пример такого симбиоза, отличающийся точностью передачи чувств и эмоций, яркостью художественной репрезентации, красотой исполнения и особой популярностью. Следует отметить точность музыкальной передачи чувств, глубину художественного восприятия и охват идейной и лирико-эстетической композиции. Музыкальное воплощение драмы А. С. Пушкина стало прекрасным примером литературно-музыкального синтеза, не теряющего свою привлекательность, актуальность и яркость.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Н. А. Римский-Корсаков, музыкальное воплощение, опера «Моцарт и Сальери», пьеса «Моцарт и Сальери».

ВВЕДЕНИЕ

Историей музыки всегда интересовались наиболее высокообразованные из музыкантов и наиболее музыкальные из ученых. Достаточно вспомнить фамилию Бэlsa [1, 2]: отец и сын были известными культурологами, историками музыки, музыкантами и литературоведами. Именно литературно-музыкальные изыскания этих исследователей производят неизгладимое впечатление на слушателей и читателей во все времена.

Музыка и литература – два величайших искусства, которые издавна неразрывно связаны друг с другом. Музыка зародилась одновременно с человеческой речью, ведь речь – это звуки, интонация – это способ общения и самовыражения. В течение тысячелетий в неразрывном единстве с музыкой существовали такие виды искусства, как лирика и эпос, драма и поэзия. Поэзия в этом списке занимает особую роль: поэтические произведения благодаря лаконичности являются более музыкальными. Поэзия А. С. Пушкина отличается особенной музыкальностью, что подтверждается большим количеством музыкальных произведений.

Несмотря на достаточную изученность оперы Н. А. Римского-Корсакова и трагедии А. С. Пушкина, в настоящее время взгляд у современных исследователей на эти произведения несколько отличный от того, что был десятилетия назад. Собственно, этот факт и обуславливает новизну и актуальность данного исследования.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа "Приоритет-2030" № 075-15-2021-1323.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Трагедия «Моцарт и Сальери» – одно из самых коротких драматических произведений А. С. Пушкина [4], в котором великий русский поэт достиг предельного совершенства образов и чувств, эмоций и слов. Трагедия была создана в октябре 1830 г. и впервые опубликована в 1831 г. в Петербурге. Представлена на сцене трагедия «Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина была дважды на сцене Петербургского Большого театра в январе-феврале 1832 г.

Александр Сергеевич, основываясь на переводе с немецкого легенды об отравлении Моцарта, планировал создать литературную мистификацию, но позже отказался от этого замысла. Первоначальным названием произведения считается «Зависть», однако трагедия не только об этом пороке.

Образы Моцарта и Сальери, созданные А. С. Пушкиным, – это не только реальные исторические лица, но и обобщенные философские категории, заключающие в себе особую глубину и поразительную точность характеристик обоих персонажей. Гениальность поэта также характеризуется психологической проницательностью, широкими познаниями в истории, музыке, искусстве. А. С. Пушкин наиболее точно раскрыл облик Моцарта (что подтверждается высказыванием А. К. Лядова), таким образом опередив историков музыки. Характер композитора передан с поразительной глубиной, предельной точностью и исторической достоверностью. Великий поэт передал Великому композитору часть крайне положительных характеристик: жизнерадостность и талант, великодушие и гениальность. Речь героя сопровождается светлыми, чуть лукавыми интонациями, которые раскрывают многогранность образа.

Драматические сцены трагедии были переданы в опере Н. А. Римского-Корсакова. Это была первая, но не последняя работа композитора с текстами А. С. Пушкина, композитор работал со сказками поэта, его кантатой «Песнь о вещем Олеге», а также с пушкинскими романсами. Н. А. Римский-Корсаков при создании музыкальных произведений всегда глубоко проникал в художественную идею произведения, в концепции этического и философско-эстетического содержания.

Камерная опера «Моцарт и Сальери» чрезвычайно лаконична, содержит она всего две картины, собственно, как и сама трагедия А. С. Пушкина. Количество действующих лиц также совпадает и в литературной, и в музыкальной версиях. Скрипач и хор учувствуют лишь в отведенных им ролях, опера не содержит арий и ансамблей, в отличие от других классических опер. Музыкальное воплощение отличается особой динамичностью, быстротой развития событий и яркостью образов.

Н. А. Римский-Корсаков был в зените славы и расцвете творческих сил, когда задумал написать оперу «Моцарт и Сальери» на сюжет одноименной трагедии Пушкина. К тому времени им уже были созданы оперы «Псковитянка», «Майская ночь», «Снегурочка», «Млада», «Ночь перед рождеством», «Садко», три симфонии и несколько других оркестровых произведений, в том числе завоевавшие мировую известность «Каприччио на испанские темы» и сюита «Шехерезада». Музыка Римского-Корсакова отличалась поразительной красотой гармонии, колоритом и необычайной мелодической выразительностью, которой он придавал особое значение, считая, что «чистая мелодия, шедшая от Моцарта через Шопена и Глинку, жива и поныне и должна жить, без нее судьба музыки – декаденство».

Подобно многим русским композиторам, начиная с Глинки и Даргомыжского, Римский-Корсаков находился под сильнейшим воздействием творчества Пушкина.

Однако, как уже сказано, «драматические сцены» (так определил композитор жанр своего произведения) «Моцарта и Сальери» – его первая пушкинская опера.

Период, когда создавалась опера «Моцарт и Сальери», сам Римский-Корсаков считал переломным в своем творчестве. Если в подавляющем большинстве романсов, созданных им ранее, мелодия выдвигалась на первый план, передавая лишь эмоциональное содержание слов, но в общем подчиняя себе текст, в котором нередко делались изменения, обусловленные характером музыки, то в этот период Римский-Корсаков, внимательно, по его собственным словам, «следуя за изгибами текста» и вслушиваясь в интонации стиха, стал сочетать с этими интонациями мелодические очертания вокальных партий, имеющих поэтому преимущественно речитативный характер, а затем и партии инструментальные.

«Однажды я набросал небольшую сцену из пушкинского «Моцарта и Сальери» (вход Моцарта и часть разговора его с Сальери), причем речитатив лился у меня свободно, впереди всего прочего, подобно мелодии последних романсов. Я чувствовал, что вступаю в какой-то новый период и что овладеваю приемом, который у меня являлся до сих пор как бы случайным или исключительным» [цит. По: 1, с. 242], – писал Римский-Корсаков в «Летописи... музыкальной жизни». Так интонации русской речи, обогащенной великим поэтом, и звуковой строй его стиха стали началом, во многом определившим интонации вокально-инструментальных произведений Римского-Корсакова, включая и сценические, начиная с «Моцарта и Сальери». Было бы, разумеется, ошибочным сводить восприятие Римским-Корсаковым пушкинского творчества только к несравненной красоте звучания стиха. Вчитываясь в строки Пушкина, композитор постигал глубину и величие произведений «русского Данте», гениальность и пронизательность его психологических и исторических концепций. Особенно увлекали Римского-Корсакова морально-этические проблемы, волновавшие поэта еще с лицейских лет. Николай Андреевич придавал огромное значение чистоте морального облика художника, и, естественно, в сердце его нашли живейший отклик слова, вложенные Пушкиным в уста Моцарта: «А гений и злодейство – две вещи несовместные...». Над всеми нотами, соответствующими слогам этой фразы, композитор поставил акценты, требующие от исполнителя партии Моцарта особого выделения слов, в которых сформулирована глубокая общечеловеческая концепция. С неотразимой силой она воплощена в «маленькой трагедии» Пушкина и в «драматических сценах» Римского-Корсакова.

Работал композитор над новой своей оперой с истинным увлечением. Первая из двух сцен в изложении для голоса и фортепьяно была закончена 10 июля 1897 г., а уже 5 августа того же года Римский-Корсаков завершил сочинение и инструментовку всей оперы в целом.

«Мелодическая ткань, следящая за изгибами текста, сочинялась впереди всего, – отметил он в «Летописи...», – сопровождение, довольно сложное, образовалось после, и первоначальный набросок его весьма отличался от окончательной формы оркестрового сопровождения» [5, с. 17].

Ученик и один из ближайших друзей Николая Андреевича композитор А. К. Лядов назвал пушкинскую трагедию «лучшей биографией Моцарта». Каждого, кто знаком с жизнеописанием величайшего европейского композитора, в трагедии Пушкина поражает точность приводимых бытовых деталей, эпитетов, достоверность событий, вплоть до отравления Моцарта, логика психологических состояний, высокий профессионализм

музыкальных определений – все, что дает основание исследователям говорить о пушкинской «поэтике жизненной правды».

Не менее внимательно Пушкин изучил, видимо, и биографию «завистника презренного» и его психологию, узнал о его дружбе и совместной работе с Бомарше и о том, что молва обвинила его в убийстве Моцарта.

Пушкин показывает и мучительные сомнения Сальери, и даже его минутное раскаяние после содеянного им уже непоправимого зла – отравлен тот, кого он сам считал богом. Но главное – это раздумья о том, гений ли он, Сальери, или Моцарт все же прав: «Гений и злодейство – две вещи несовместные». И если переживания Сальери и можно назвать трагическими, то это трагедия преступника, благодаря творческой мощи Пушкина вызывающая порой такое же сочувствие к Сальери, как к «преступному, царю Борису».

В двух небольших сценах трагедии Пушкин сумел раскрыть различные аспекты психологического состояния Моцарта: то веселого, доверчивого, приветливого, то печального, мучимого зловещими предчувствиями, которые, по воспоминаниям родных и близких, действительно преследовали его в последние месяцы жизни, когда он сказал жене, что кто-то дал ему яду. Для этого широкого раскрытия образа Моцарта Пушкин привлек в помощь слову звучание музыки, вначале инструментальной, к которой в трагическом эпилоге добавляется и звучание хора.

Ни в одном драматическом произведении мировой литературы музыка не играет такой значительной роли, как в этой «маленькой трагедии» Пушкина. Это, конечно, представило немалую трудность для Римского-Корсакова. Естественным, казалось бы, ввести какой-либо фрагмент из моцартовской музыки в ту сцену, где Моцарт играет пьесу, сочиненную им ночью, когда «бессонница его томила». Но Римский-Корсаков предпочел сам сочинить фортепьянную пьесу, эмоциональное содержание которой соответствует словам Моцарта, рассказывающего Сальери о замысле этого произведения. Николай Андреевич вышел при этом за пределы средств выразительности, применявшихся Моцартом, у которого никогда не встречаются, например, тяжелые, «густые» аккорды в низком регистре. Римский-Корсаков стремился, следовательно, не к стилизации, а к развитию постигнутых им черт музыки Моцарта, в частности трагедийных. Интересно, что два последних такта пьесы – торжественно-сумрачные аккорды – Римский-Корсаков включил и в финал оперы, завершив ими все произведение.

Музыка Моцарта представлена в опере «Моцарт и Сальери», если не считать игры слепого скрипача, лишь четырнадцатью тактами Реквиема, которые Римский-Корсаков вставил в последнюю сцену и которые воспринимаются здесь как отпевание Моцарта и торжественное утверждение его гения.

В последней статье знаменитого цикла «Сочинения Александра Пушкина» Белинский писал о «Моцарте и Сальери»: «Какая глубокая и поучительная трагедия! Какое огромное содержание и в какой бесконечно художественной форме!» [цит. по: 2, с. 56]. Музыка Римского-Корсакова не только органически слилась с пушкинским текстом, к чему стремился композитор, но и раскрыла все то эмоциональное богатство, которое заключено в пушкинской трагедии.

Как и «Каменный гость» А. С. Даргомыжского, памяти которого Римский-Корсаков посвятил своего «Моцарта и Сальери», это произведение написано на полный и неизменный текст Пушкина. В окончательной редакции композитор выпустил лишь восемнадцать строк.

В истории сценической жизни «Моцарта и Сальери», занимающего особое положение в творческом наследии Римского-Корсакова, выделяются имена трех великих мастеров русской художественной культуры: Шаляпина, который был первым исполнителем роли Сальери на премьерах оперы и в Москве (25 ноября 1898 г.), и в Петербурге (21 декабря 1905 г.), Врубеля, написавшего декорации к московской постановке, и Рахманинова, дирижировавшего этим произведением.

Еще до московской премьеры «Моцарта и Сальери» эта первая пушкинская опера Римского-Корсакова не раз звучала в домашнем исполнении – сначала дома у композитора, когда вокальные партии пели Г. А. Морской (Моцарт) и М. В. Луначарский (Сальери), а инструментальную часть исполнял на фортепьяно пианист и дирижер Ф. М. Blumenфельд. В августе 1898 г. в подмосковном имении певицы Т. Е. Любатович в небольшом кругу ее друзей опера «Моцарт и Сальери» была целиком спета Шаляпиным (некоторые места теноровой партии Моцарта он пел, разумеется, «говорком»), а за роялем сидел Рахманинов, значение которого в судьбе этой оперы выразилось и в том, что, по словам самого Шаляпина, он помог ему в прохождении партии Сальери, ставшей затем одним из высших достижений великого певца, не раз обращавшегося впоследствии к этому творению Римского-Корсакова. 6 ноября 1906 г. «на вечере у Римских-Корсаковых Шаляпин декламировал и пел «Моцарта и Сальери» (обе партии)», – вспоминал А. Н. Римский-Корсаков, сын и биограф композитора. Советский музыковед А. А. Соловцов с полным основанием приходит к выводу, что шаляпинская трактовка роли Сальери «может служить ключом к пониманию этого образа» [6].

ВЫВОДЫ

Душевность, лаконичность и поразительная передача чувств, присущие опере Н. А. Римского-Корсакова, реализованы, если учесть небольшой объем произведения и ограниченности вокальных форм, на высочайшем уровне. Лирико-психологическое содержание трагедии было передано благодаря высокой художественной весомости и композиционной стройности текстов, переданных в музыке.

Русло творчества Н. А. Римского-Корсакова лежит в границах воспевания красоты, и в этом смысле опера «Моцарт и Сальери» отражает художественно-эстетическое мировоззрение великого русского композитора. Создатель оперы все так же был вдохновлен замыслом прославить красоту, и носителем духовной красоты для него стал Моцарт – гений музыки. Композитор проявил высочайшее мастерство, обогатив широкую общественность оперой «Моцарт и Сальери». Следует отметить, что это произведение несмотря на свой малый размер ничуть не уступает большим формам ни в актуальности, ни в точности художественной передачи, ни в глубине отражения действительности.

Сценическая жизнь корсаковской оперы продолжается и в наше время. Возвращение этого шедевра в репертуар Большого театра с полным правом можно назвать радостным и значительным событием в его славной истории.

Список литературы

1. *Бэлза И. Ф.* Моцарт и Сальери: (Об исторической достоверности трагедии Пушкина) // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 4. – С. 237–266.
2. *Бэлза И. Ф.* Моцарт и Сальери: трагедия Пушкина: драматические сцены Римского-Корсакова. – М.: Музыка, 1953. – 136 с.

3. Джумайло О. А. Понятие интермедийности и его эволюция в современном научном знании // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 4. – С. 58–62.
4. Пушкин А. С. Моцарт и Сальери // Собр. соч. в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1978. – С. 256–263.
5. Пылаев М. Е. «Музыка в литературе» и «Литература в музыке»: о возможностях синтеза искусств // Colloquium-Journal. – 2019. – № 24-6 (48). – С. 16–19.
6. Соловцов А. Н. А. Римский-Корсаков. Очерк жизни и творчества. – М.: Музыка, 1984. – 400 с.

References

1. Belza I. F. *Mocart i Sal'eri: (Ob istoricheskoy dostovernosti tragedii Pushkina) // Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Mozart and Salieri: (On the historical authenticity of Pushkin's tragedy)] / AN SSSR. Institut russkoy literatyri (Pushkin. Dom). Moscow, Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1962, vol. 4, pp. 273–266.
2. Belza I. F. *Mocart i Sal'eri: tragediya Pushkina: dramaticheskie sceny Rimskogo-Korsakova* [Mozart and Salieri: Pushkin's Tragedy: Rimsky-Korsakov's Dramatic Scenes]. Moscow, Muzyka Publ., 1953. 136 p.
3. Dzhumajlo O. A. *Ponyatie intermedial'nosti i ego evolyuciya v sovremennom nauchnom znanii* [The concept of intermediality and its evolution in modern scientific knowledge]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*, 2018, no 4, pp. 58–62.
4. Pushkin A. S. *Mocart i Sal'eri* [Mozart and Salieri]. *Sobranie sochineniy v 2 tomah. Vol. 2.* Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ., 1978, pp. 256–263.
5. Pylaev M. E. «*Muzyka v literature*» i «*Literatura v muzyke*»: o vozmozhnostyah sinteza iskusstv ["Music in Literature" and "Literature in Music": on the Possibilities of Synthesizing the Arts]. *Colloquium-Journal*, 2019, no 24-6 (48), pp. 16–19.
6. Solovcov A. N. A. *Rimskij-Korsakov. Oчерk zhizni i tvorchestva* [Rimsky-Korsakov. Sketch of life and work]. Moscow, Muzyka, 1984. 400 p.

LITERATURE IN MUSIC: OPERA "MOZART AND SALIERI"¹

Norets M.V., Elkan O.B.

If a piece of music becomes a continuation of any literary work, this can only mean the highest degree of creative development of both authors - both the writer and the musician. Literary and musical synthesis is a fairly common phenomenon not only in domestic, but also in foreign literature and culture. The literary works of A. S. Pushkin have always been popular with composers such as M. P. Mussorgsky ("Boris Godunov" (1872)), P. I. Tchaikovsky ("Eugene Onegin" (1877), "Mazepa" (1883) and "The Queen of Spades" (1890)), Ts. A. Cui ("Prisoner of the Caucasus" (1883), "Feast during the Plague" (1900), "The Captain's Daughter" (1911)), S. V. Rachmaninov ("Aleko" (1892), "The Miserly Knight" (1906)), Napravnik ("Dubrovsky" (1894)), N. A. Rimsky-Korsakov ("Mozart and Salieri" (1897), "The Tale of Tsar Saltan" (1900), "The Golden Cockerel" (1907)). The opera "Mozart and Salieri" is a vivid example of such a symbiosis, the accuracy of conveying feelings and emotions, the brightness of artistic representation, the beauty of performance and special popularity. It should be noted the accuracy of the musical transmission of feelings, the depth of artistic perception and the scope of the ideological and lyric-aesthetic composition. The musical embodiment of the drama by A. S. Pushkin has become an excellent example of literary and musical synthesis, attracting the attention of viewers and listeners for hundreds of years, without losing its attractiveness, relevance and brightness.

Key words: A. S. Pushkin, N. A. Rimsky-Korsakov, musical embodiment, opera "Mozart and Salieri", play "Mozart and Salieri".

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 programm N 075-15-2021-1323.

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.11

СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТЕКСТАХ СМИ

Клыкова Ю. Ю.

*Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова,
Чебоксары, Россия
E-mail: julja07@yandex.ru*

В статье предложены результаты исследования особенностей перевода фразеологических единиц в текстах СМИ, определены основные способы их перевода в текстах средств массовой информации в политическом секторе. Целью данного исследования является выявление фразеологизмов в английском и немецком языках и определение возможных способов их перевода на русский язык без ущерба экспрессивной коннотации в медиатекстах. Актуальность исследования определена тем, что достижение адекватного перевода фразеологических единиц в текстах СМИ обретает все большую значимость, так как фразеологизмы в межкультурной коммуникации могут оказывать воздействие на реципиента. Научная новизна статьи заключается в использовании в качестве материала исследования аутентичных текстов из британских, американских и немецких печатных изданий: Foreign Affairs, Guardian, The New York Times, Global Times, The Wall Street Journal, Financial Times, South China Morning Post, The Washington Post, Forbes, The American Conservative, Fox News, The National Interest, Bloomberg, The Daily Mash, Foreign Policy, Der Spiegel, Die Welt – за период с марта 2022 г. по апрель 2022 г. Представленный в статье материал имеет практическую ценность. Выявление степени эквивалентности способствует более адекватному переводу фразеологических единиц. Сделан вывод о том, что наиболее востребованными приемами перевода являются методы фразеологического аналога (26 %) и эквивалента (23 %), затем следуют прием калькирования (20 %) и обертональный перевод (18 %), наименее употребительными выявлены описательный (11 %) и лексический (2 %) переводы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, прием перевода, эквивалентность, адекватность, язык перевода, текст СМИ.

ВВЕДЕНИЕ

Человек постоянно ощущает влияние средств массовой информации. Язык средств массовой информации реагирует на любые социальные явления и влияет, в свою очередь, на человеческое восприятие, способствуя тем самым развитию информационного общества, его способа мышления и мировосприятия. Особенно в текстах массовой информации находят отражение новые языковые тенденции, а вместе с ними и языковые проблемы, которые связаны, прежде всего, как с исследованием роли языка в СМИ, так и с анализом внутривидовых особенностей возможных модификаций языка в связи с применением его в данной сфере, а также и с социолингвистическими проблемами массовой коммуникации [1, с. 160]. Именно при создании информационного текста немаловажен выбор конкретных языковых средств, которые имеют влияние на процесс восприятия действительности. Среди особенностей текстов современных СМИ можно выделить использование устойчивых выражений, идиом или игры слов, экспрессивность языка, использование разговорной или сниженной лексики др. [5, с. 126], которые и вызывают трудности, возникающие при переводческих средствами другого языка. Кроме того, в последние годы появилось множество фразеологических неологизмов и их

трансформаций как раз в статьях современных СМИ, в которых динамично реализуются семантические потенции новых слов.

В данной статье мы рассмотрим фразеологические единицы как вид специфической лексики, отражающие образность восприятия явлений реального мира в когнитивном сознании иноязычного общества при их переводе на русский язык [8, с. 203]. Таким образом, фразеологизмы включают в себя фрагменты мира, актуальные для конкретного лингвообщества.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ способов передачи фразеологизмов целесообразно начать с определения термина «фразеологизм». Вслед за А. В. Куниным, под фразеологизмом мы понимаем «устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением при высоком удельном весе коннотативного аспекта» [7, с. 28].

Очень часто на страницах медийных текстов авторы используют фразеологические единицы благодаря их образности и экспрессивности. Они выполняют прагматическую функцию, в связи с чем проблема адекватной передачи фразеологизмов и достижение эквивалентности при их переводе приобретают все большее значение. Прагматический потенциал фразеологизма напрямую связан с модальностью, сохранение которой как семантической составляющей чрезвычайно важно. Поэтому при достижении прагматической адекватности необходимо помнить, что «в переводе не все адекватно, что эквивалентно и не все эквивалентно, что адекватно» [3, с. 292].

Выбор в пользу того или иного способа перевода безусловно обусловлен стратегическим решением с целью достижения эквивалентности и адекватности перевода.

В данном исследовании мы рассмотрим ряд основных приемов перевода фразеологических единиц, а именно, подбор фразеологического эквивалента, подбор фразеологического аналога, калькирование, описательный перевод [6], а также обертональный [7] и лексический [2] переводы, каждый из которых активно применяется в переводческой практике.

Подбор фразеологического эквивалента и подбор фразеологического аналога (полные и частичные) относят к фразеологическому переводу, а остальные – к нефразеологическому.

В случае невозможности подбора полного языкового соответствия значение можно передать с помощью других средств с сохранением жанровой, стилистической и коммуникативной особенностей фразеологизма, употребленного в оригинальном тексте [6].

В рамках данной статьи рассмотрим самые яркие примеры переводов фразеологизмов, отражающих нынешнюю политическую ситуацию в мире.

1. Подбор фразеологического эквивалента. При использовании этого типа соответствий подбирается фразеологический эквивалент по значению, лексическому составу и окраске, по образности и грамматической структуре.

(1) *China and its yuan will be key players in all these changes* [18]. □ Судя по всему, во всех этих изменениях Китай и его юань будут ключевыми игроками [4].

В приведенном примере переводчик использует метод полного эквивалента без потери смысла и фигуральности словосочетания, так как *key player* сохраняет как

семантическую составляющую “one with a lot of influence on a result” [17] в обоих языках, так и компонентный состав и грамматическую структуру.

(2) *Governor Elvira Nabiullina decided to risk that in 2014 when sanctions over the Crimea annexation and slumping oil prompted her to switch the currency to a free float* [9]. □ Глава Центробанка России Эльвира Набиуллина решила пойти на риск в 2014 году, когда санкции после вхождения Крыма в состав России и падения цен на нефть вынудили ее отпустить рубль в свободное плавание [4].

Сохранить в полном объеме образ во фразеологическом сочетании “to switch to a free float” позволяет существующий в русском языке эквивалент «отпустить в свободное плавание», который означает, что государство в лице Центробанка прекратит валютные интервенции при биржевых торгах.

(3) *In dem nun beginnenden Machtkampf zeigte Mehmed Ali seinen politischen Weitblick, indem er stets auf die richtige Karte setzte* [12]. □ В начавшейся борьбе за власть Мухаммед Али проявил недюжинную политическую дальновидность и всегда ставил на правильную карту [4].

Фразеологизм “auf die Karte setzten” соответствует русскому варианту «поставить на карту». В данном примере автору перевода удалось путем равнозначного соответствия с расширением компонентного состава передать живой образ немецкого фразеологизма.

(4) *Der Herr mit Säbel und Degen ist gerade dabei, sich ein gehöriges Stück aus dem Kuchen zu sichern* [12]. □ Некий суровый господин с саблей в руках собирается отхватить солидный кусок от пирога [4].

Немецкому фразеологическому сочетанию “sich ein gehöriges Stück aus dem Kuchen sichern” соответствует русский вариант с аналогичной образной основой «урвать свой кусок пирога», который сохраняет свою стилистическую направленность. Несмотря на незначительное лексическое расхождение и варьирование компонентного состава у автора получилось донести до читателя истинное содержание фразеологизма.

(5) *But Mr Putin smiled broadly as he high-fived Prince Mohammed and took a seat next to the beaming Saudi* [13]. □ Однако г-н Путин широко улыбался в тот момент, когда он «дал пять» принцу Мухаммеду, а затем сел рядом с улыбающимся саудитом [4].

В указанном примере мы видим частичное соответствие в обоих языках, поскольку лексический состав словосочетания в переводящем языке имеет незначительные расхождения. Оба сочетания получают тождественную семантику «приветствовать жестом руки (путем хлопанья открытыми ладонями)».

(6) *But instead of the usual talking points, the United States would be better served giving its Ukrainian counterparts a dose of brutal honesty: a war is the worst possible option for your country* [22]. □ Но вместо того, чтобы повторять заезженные фразы, Вашингтону лучше преподнести украинским партнерам урок жестокой честности, сказав: война для вашей страны – это худший из всех возможных вариантов [4].

В данном примере автором подобран адекватный по значению относительный фразеологический эквивалент, который отличается по своей образной основе, но полностью передает смысл выражения «сказать человеку правду, даже если она может причинить боль».

(7) *The prime minister made a surprise visit to Moscow, hoping his cordial relations with Russian donors will convince Putin to ‘help him out of a bit of a scrape’* [20]. □ Премьер-министр прибыл с неожиданным визитом в Москву, рассчитывая, что Путин вспомнит

про его теплые отношения с российскими спонсорами и "поможет ему выйти из передраги" [4].

Несмотря на расхождения в компонентном составе, автор перевода подбирает равноценный эквивалент, сохранив аналогичное денотативное и коннотативное значения.

2. Подбор фразеологического аналога. В случае невозможности подбора полного языкового соответствия переводчик обращается к аналогам, которые совпадают в стилистическом и лексическом планах, но получают иной образ.

(8) *It is also a big gamble for the oil-dependent kingdom* [13]. □ Кроме того, это игра с большими ставками для зависимого от нефти Саудовского королевства [4].

Еще один пример подбора оптимального варианта перевода, который позволяет не только передать контекстуальное соответствие, но и разнообразить перевод фразеологизма, который имеет значения «большая игра на деньги», «большая авантюра».

(9) *Dmitry Medvedev, deputy chief of the Russian Security Council and former president, took an apparent satirical shot at U.S. President Joe Biden on Wednesday (...)* [10]. □ Заместитель председателя Совета безопасности России и бывший президент Дмитрий Медведев выступил с ядовитой тирадой в адрес президента США Джо Байдена (...) [4].

Примененный в данном примере прием подбора фразеологического аналога является наиболее удачным, так как равноценно передает метафорический окрас выражения.

(10) *“There’s no better wake-up call than the current moment, with sky-high food prices and skyrocketing hunger, to have a serious conversation about rethinking global food systems”* [14]. Нет лучше сигнала тревоги, чем данный момент, когда цены на продовольствие выросли до небес, а голод усилился. Сейчас самое время провести серьезный разговор о перестройке глобальных продовольственных систем" [4].

Фразеологическая единица “*sky-high price*” «заоблачная цена» путем подбора аналога преобразована в языке перевода во фразеологизм с аналогичной образной основой «вырасти до небес» с изменением грамматической формы.

(11) *Wir Franzosen akzeptieren den Blutzoll* [11]. □ Мы, французы, согласны платить кровью [4].

Фразеологическое сочетание “*den Blutzoll akzeptieren*” получает такие значения, как «дать согласие на расплату человеческими жизнями», «принять большие жертвы», но в данном примере автор переводит его путем подбора соответствующего аналога «платить кровью», не нарушая при этом норму русского языка, поэтому данный вариант перевода можно считать весьма уместным.

(12) *Daniel Froschauer sagte: «Die Kultur darf nicht zum Spielball von politischen Auseinandersetzungen werden»* [12]. □ Даниэль Фрошауер сказал: "Культура не должна становиться разменной картой в политических схватках [4].

В русском языке существует вариант перевода немецкого фразеологического единства “*zum Spielball werden*” «становиться игрушкой в чьих-л. руках», который подразумевает человека или любой объект, которым можно пожертвовать ради достижения каких-либо важных целей». Как видно из объяснения, фразеологизм «стать разменной картой» в языке перевода полностью раскрывает значение немецкого фразеологизма. Таким образом, несмотря на то что оба варианта различаются по образности, автору удалось подобрать аналог, который совпадает и по семантике, и по стилистической направленности.

(13) *Damit konnte Mehmed Ali gleich zwei Fliegen mit einer Klappe schlagen: (...)* [12]. □ Это дало Мухаммеду Али возможность убить двух зайцев одним махом: (...) [4].

Фразеологическое сращение "*zwei Fliegen mit einer Klappe schlagen*" является частичным аналогом, поскольку в данном примере мы имеем дело с расхождением в сигнификативно-денотативном значении и в словесно-образной основе.

(14) "*He's suggested a 'mini-invasion' of Estonia to keep the pot boiling. We'd send some troops to help, obviously* [20]. □ "Он предложил своего рода "мини-вторжение" в Эстонию, чтобы, так сказать, подбросить дровишек. Мы, разумеется, пошлем на подмогу войска [4].

Еще один интересный пример подбора фразеологического аналога к идиоматическому выражению "*keep the pot boiling*" (букв. «поддержать кипение котла») представлен в языке перевода. Интересен он именно тем, что в русском языке он имеет такие эквиваленты, как «поддерживать быстрый темп», «зарабатывать на кусок хлеба», «халтурить». Однако автору перевода удалось подобрать аналог с сохранением всего комплекса значений оригинала и передать содержание фразеологизма с присущей ему стилистической окраской.

(15) *China's and Russia's operational satellite fleets have grown by leaps and bounds over the past two years—by some 70 percent, according to a new Defense Intelligence Agency report* [15]. □ За последние два года спутниковые флоты Китая и России выросли как на дрожжах – примерно на 70%, сообщает разведывательное управление Министерства обороны США [4].

Не всегда закреплённые в словарях варианты можно считать в равной степени адекватными и эквивалентными, поэтому переводчику приходится подбирать фразеологические единицы с близким аспектным составом, как, например, в данном случае фразеологическое единство "*grow by leaps and bounds*" имеет эквиваленты «расти не по дням, а по часам», «идти семимильными шагами», «бежать сломя голову», но именно вариант «расти как на дрожжах» является равноценным как по семантической составляющей, так и по стилистической окраске.

3. Калькирование. При переводе безэквивалентной фразеологической единицы осуществляется замена ее составных частей лексическими соответствиями в языке перевода.

(16) *Das Problem ist: Es hat – bitte entschuldigen Sie den Ausdruck – die Europäer militärisch entmannt, sich jahrzehntelang nur auf die Nato, also auf die Amerikaner zu verlassen* [11]. □ Проблема в следующем: европейцы подвергли себя в военном отношении – извините за выражение – кастрации, годами надеясь только на НАТО, то есть на американцев [4].

Более точным эквивалентом выражения "*militärisch entmannen*" является русский вариант «демобилизовать в военном отношении». Однако автор предпочел передать полное содержание оригинала и перевел данное фразеологическое сочетание буквально, видимо, с целью подчеркнуть сложную политическую ситуацию в мире.

(17) *That is the crucial context for Johnson's ludicrous claim this week to the House of Commons that no government could "conceivably be doing more to root out corrupt Russian money".* [21]. □ Вышеуказанное представляет собой лишь контекст для смехотворного заявления Джонсона, сделанного им на этой неделе в Палате общин, о том, что ни одно правительство, помимо его собственного, "не могло бы сделать больше, чтобы вырвать с корнем из Британии коррумпированные российские деньги" [4].

Еще один пример перевода фразеологических единиц *root out money* «выколачивать деньги», *ludicrous claim* «абсурдное заявление» выполнен приемом калькирования с

сохранением их стилистической функции с целью привлечения внимания читателей на образную основу фразеологических сочетаний.

(18) *Parliament's intelligence and security committee wrote two years ago that our investigative agencies are underfunded, our economy is awash with dirty money, and oligarchs have bought influence at the very top of our society.* [21]. □ Комитет парламента по разведке и безопасности заявлял еще два года назад, что наши следственные органы недофинансированы, наша экономика наводнена грязными деньгами, а олигархи купили себе влияние на самом верху нашего общества [4].

Все устойчивые словосочетания в данном предложении, такие как *dirty money* «грязные деньги», *be awash with money* «купаться в деньгах», *buy influence* «приобрести влияние» переведены автором перевода посредством семантического калькирования с сохранением грамматических и лексических особенностей исходных лексем.

(19) *We journalists have long been writing about this, but it is not simply overheated rhetoric from overexcited hacks.* [21]. □ Мы, журналисты, давно об этом пишем, но это не просто накаленная риторика от перевозбужденных любителей [4].

Устойчивое словосочетание “*overheated rhetoric*” «горячая риторика» употребляется преимущественно в языке средств массовой информации в значении «пламенная, зажигательная речь». В данном примере автор перевода использует прием калькирования с целью донесения до читателя эмоционального воздействия текста оригинала. Следующее словосочетание „*overexcited hack*” имеет в русском языке такие значения, как «первозбужденный карьерист», «разгоряченный литературный поденщик», но в данном случае автор перевода осуществляет контекстуальную замену для стилистической окраски устойчивого словосочетания.

(20) *Dig at Biden? Russia Says U.S. Should Not Be 'Refuge for the Senile'* [10]. □ Шпилька в адрес Байдена? Россия не хочет, чтобы США превращались в последнее пристанище марзматииков [4].

В следующем примере семантическое калькирование выражения *Refuge for the Senile* привело к созданию нового фразеологического оборота речи с сохранением всего комплекса значений.

4. Описательный перевод. В данном случае подразумевается создание полного смыслового аналога благодаря более полному толкованию этого значения на переводящий язык.

(21) (...), *or stop the flow of satellite imagery, which has proved a real-time thorn in the side of the Kremlin during its ongoing war in Ukraine.* [15]. □ (...), но и остановит поток спутниковых изображений в режиме реального времени – для Кремля на фоне непрекращающегося конфликта на Украине это вечная головная боль [4].

Идиоматическое выражение “*prove a thorn*” (букв. «оказаться занозой») не имеет эквивалентов в языке перевода, поэтому при поиске переводческого соответствия переводчику необходимо учитывать те фразеологические единицы, которые обладают совокупными значениями. В данном примере автор перевода использует описательный перевод посредством толкования. И нельзя не согласиться, что автору перевода не только удалось сохранить метафоричность фразеологизма, но и передать его коннотацию и экспрессию.

(22) *Just ask the officials who provided rosy scenarios for the wars in Vietnam, Afghanistan and Iraq, only to be proven horribly wrong* [21]. □ Вы спросите тех руководителей, которые

розовыми красками рисовали сценарии войн во Вьетнаме, Афганистане и Ираке, а в итоге оказывалось, что они абсолютно и ужасно не правы [4].

Фразеологизм “*provide rosy scenarios*” «строить радужные планы» означает «планировать будущее и представлять его благополучное разрешение». Автор решил отказаться от соответствующего фразеологического эквивалента и передать смысл выражения с помощью описательного перевода с сохранением как образности, так и эмоциональной окраски предложения.

5. Обертональный (контекстуальный) перевод. В этом случае автор перевода подбирает окказиональные эквиваленты, которые имеют логическую связь с фразеологизмом и значительно отличаются от словарных значений.

(23) *Crown Prince Mohammed bin Salman was at a low ebb when President Vladimir Putin of Russia swept into a room packed with world leaders* [13]. □ Наследный принц Мухаммед бин Салман чувствовал себя не в своей тарелке, когда российский президент Владимир Путин стремительно вошел в зал, заполненный мировыми лидерами [4].

Фразеологическое единство “*to be at a low ebb*” имеет значения «быть на спаде», «находиться в состоянии глубокого кризиса», «быть в затруднительном положении», но автор перевода использовал метод фразеологического аналога посредством ситуативного эквивалента для усиления эмоционально-психологического эффекта. Лексическая трансформация фразеологической единицы в данном примере является вполне правомерной, так как с помощью контекстуальной замены переводчику удалось достичь равенства коммуникативного эффекта.

(24) *Kretschmer's position has won him scorn* [20]. □ Позиция Кречмера сделала его мишенью для издевок [4].

Данное фразеологическое единство имеет эквивалент в русском языке «вызвать презрение», но автор перевода с целью достижения адекватности перевода и сохранения образности выигрышно подобрал окказиональный эквивалент, полностью отражающий смысл исходного фразеологизма.

(25) *Aber vielleicht ermöglichte ihn gerade sein verschlungener Lebensweg dazu, sich nicht an überkommene Glaubenssätze zu halten und Traditionen einfach über den Haufen zu werfen. Hinzu kam eine Skrupellosigkeit, die jeden Condottiere im Italien der Renaissance hätte erblassen lassen* [12]. □ Но не исключено, что именно богатым событиями жизненный путь позволил ему не держаться за устаревшие религиозные догмы и отбросить все традиции как ненужный хлам. К этому добавились беспощадность и цинизм, в которых он мог дать сто очков вперед даже какому-нибудь командиру наемников в Италии эпохи Ренессанса [4].

В следующем примере автор перевода, мастерски используя контекстуальную замену, подбирает окказиональные эквиваленты к идиоматическим выражениям “*über den Haufen werfen*” (досл. «бросить через кучу») и “*jeden Condottiere erblassen lassen*” (досл. «заставить побледнеть любого наемника»).

(26) *Critics slammed the remarks as liberals having 'one beat: Russia, Russia, Russia'* [16]. □ Критики обрушились на канадскую ведущую: "Да у либералов одна пластинка: Россия, Россия, Россия" [4].

Интересный пример замены образа оригинала в словосочетании “*have one beat*”, имеющий значение «иметь колебание/ритм/такт». Для его перевода был использован подбор аналога «звучать как заезженная пластинка» с похожим значением «беспрерывно

повторять одно и то же». Трансформация данного выражения оправдана и связана с контекстом.

(27) *And the signals from Moscow are that it is in for the long haul* [Financial Times]. □ А поступающие из Москвы сигналы свидетельствуют о том, что она готова к длительной игре.

Представляет интерес перевод идиоматического выражения *to be in for the long haul*, значение которого согласно словарю, Oxford Learner's Dictionaries “*to be willing to continue doing a task until it is finished*” [17]. Следует отметить, что автору перевода посредством метода выборочного аналога удалось подобрать контекстуальную замену.

(28) *Some imported products are disappearing from store shelves and prices for food and medicine are rising fast, squeezing regular Russians “beyond belief,”* Guriev said during a webinar hosted by Columbia University’s Harriman Institute on Wednesday [24]. □ Импортные товары исчезают с прилавков, а цены на продукты питания и лекарства стремительно растут. Это “невероятно давит” на обычных россиян, сказал Гуриев на вебинаре, организованном в среду Институтом Гарримана при Колумбийском университете [4].

В следующем примере идиоматическое выражение *beyond belief* имеет значение “(in a way that is) *too great, difficult, etc. to be believed*” [17], что соответствует таким оборотам в русском языке, как «не укладываться в голове», «уму непостижимо». В данном случае автор перевода, несмотря на существующие в русском языке фразеологические эквиваленты, умело подбирает наиболее уместный вариант перевода, опираясь на контекст предложения.

a.i. Лексический перевод используется в случаях, когда фразеологическая единица заменяется лексемой в переводящем языке.

(29) *Mr. Klever gave conflicting accounts of how exactly he exited the country and declined to provide details. But for many other Ukrainian men, Moldova has become the favorite trap door* [23]. □ На вопрос, как именно он покинул страну, Клевер ответил уклончиво, и подробности раскрывать не стал. Но для многих украинских мужчин отдушиной стала Молдавия [4].

Данное фразеологическое сочетание переведено нефразеологическим способом, так как из-за несочетаемости фразеологизма с контекстом автору перевода пришлось передать его значение при помощи лексических средств языка. В вышеприведенном примере автору удалось безболезненно приблизиться к фразеологическому способу, сохранив при этом и стилистическую окраску фразеологизма, и его экспрессивность.

ВЫВОДЫ

Как известно, медиатексты как источник передачи реальных событий жизни благодаря выразительным средствам и экспрессивности воздействуют на реципиента и формируют у него определенную позицию происходящих политических процессов в стране. Кроме того, они наиболее быстро реагируют на все изменения в жизни общества и отражают динамические процессы обновления лексики и их функционирования в языке.

Именно поэтому язык средств массовой информации пополняется новыми фразеологическими единицами, чем и объясняется такое многообразие способов перевода фразеологизмов. Стратегии перевода при этом могут варьироваться в зависимости и от условий контекста, и от точности истолкования значения

фразеологической единицы в языке перевода, и от структуры фразеологической единицы, а также и от ее эмоционально-экспрессивной окраски.

Итак, в рамках данного исследования нами было выявлено путем сплошной выборки 55 сегментов (38 – из статей британских и американских печатных изданий, 17 – из статей немецких печатных изданий). Как показал анализ приведенных в статье фразеологических соответствий, ведущим способом перевода фразеологизмов является прием подбора фразеологического аналога (26 %), поскольку огромное количество фразеологических единиц имеют в переводящем языке максимально приближенное значение и содержание. Вторым по частотности употребления был отмечен в указанный период времени прием подбора фразеологического эквивалента (23 %), так как выявление эквивалентности облегчает восприятие фразеологических единиц и способствует их более адекватному переводу. В большом количестве употребляются также кальки (20 %), позволяющие сохранить нехарактерную для языка перевода образную составляющую. Почти с такой же частотностью (18 %) был зафиксирован обортональный перевод, который предполагает контекстуальные изменения с целью полной передачи содержания фразеологизма. Использование описательного перевода как переводческого решения встретилось нами лишь в 11 % случаях употребления, поскольку его использование приводит зачастую к смысловым потерям дополнительных значений и оттенков фразеологизма. По результатам анализа наименее частотным способом перевода фразеологизмов является лексический перевод (2 %), так как он лишь в редких случаях указывает на точное семантическое значение фразеологической единицы.

Список литературы

1. Аюпова Л. Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект. – Уфа: Восточный университет, 2000. – 156 с.
2. Влахов С. Непереводимое в переводе. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Высш. шк., 1986. – 416 с.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода: Учебник. – 2 изд. – М.: Издательство Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
4. *ИноСМИ.ру*: новостной сайт. – 2004. – Москва, 2022. – Режим доступа: <https://inosmi.ru> – (Дата обращения: 09.04.2022).
5. Кобозева И. М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ. – Новосибирск, 1995. – 130 с.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие. – М., 2002. – 420 с.
7. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 2009. – 396 с.
8. Шачкова И. Ю., Клыкова Ю. Ю. Стратегии перевода фразеологизмов в контексте пандемии Covid-19 // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – 2021. – Вып.8. – С. 202–209.
9. *Bloomberg*: поставщик финансовой информации. – 1981. – Нью-Йорк, 2022. – Режим доступа: [bloomberg.com](https://www.bloomberg.com) – (Дата обращения: 09.04.2022).
10. *Breitbart News*: американский ультраправый веб-сайт. – 2007. – Нью-Йорк, 2022. – Режим доступа: <https://www.breitbart.com/> – (Дата обращения: 09.04.2022).
11. *Der Spiegel*: немецкий еженедельный информационно-политический журнал. – 1947. – Мюнхен, 2022. – Режим доступа: [spiegel.de](https://www.spiegel.de/) – (Дата обращения: 09.04.2022).
12. *Die Welt*: немецкая информационная еженедельная газета. – 1946. – Гамбург, 2022. – Режим доступа: <https://www.welt.de/> – (Дата обращения: 09.04.2022).
13. *Financial Times*: международная деловая газета. – 1888. Лондон, 2022. – Режим доступа: [ft.com/](https://www.ft.com/) – (Дата обращения: 09.04.2022).
14. *Forbes*: американский финансово-экономический журнал. – 1917. – Нью-Йорк, 2022. – Режим доступа: <https://www.the-guardian.com> – (Дата обращения: 09.04.2022).
15. *Foreign Policy*: американский журнал. – 1970. – Вашингтон, 2022. – Режим

- доступа: <https://foreignpolicy.com/> – (Дата обращения: 09.04.2022).
16. *Fox News*: американский информационный канал. – 1996. – Нью-Йорк, 2022. – Режим доступа: foxnews.com – (Дата обращения: 09.04.2022).
 17. *Oxford Learner's Dictionaries*: Оксфордский словарь английского языка. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> – (Дата обращения: 09.04.2022).
 18. *South China Morning Post*: китайская газета. – 1903. – Гонконг, 2022. – Режим доступа: <https://www.scmp.com/> – (Дата обращения: 09.04.2022).
 19. *The American Conservative*: американский журнал. – 2002. – Вашингтон, 2022. – Режим доступа: theamericanconservative.com – (Дата обращения: 09.04.2022).
 20. *The Daily Mash*: британский сатирический веб-сайт. – 2007. – Лондон, 2022. – Режим доступа: thedailymash.co.uk – (Дата обращения: 09.04.2022).
 21. *The Guardian*: британская ежедневная газета. – 1821. – Лондон, 2022. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com> – (Дата обращения: 09.04.2022).
 22. *The National Interest*: американский консервативный журнал. – 1985. – Нью-Йорк, 2022. – Режим доступа: nationalinterest.org – (Дата обращения: 09.04.2022).
 23. *The New York Times*: американская ежедневная газета. – 1851 – Нью-Йорк, 2022. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com> – (Дата обращения: 09.04.2022).
 24. *The Washington Post*: американская ежедневная газета. – 1877. – Вашингтон, 2022. – Режим доступа: [washingtonpost.com](https://www.washingtonpost.com) – (Дата обращения: 09.04.2022).

References

1. Ayupova L. L *Yazykovaya situatsiya: sotsiolingvisticheskii aspekt* [The language situation: sociolinguistic aspect: sociolinguistic aspect]. Ufa, Vostochnyj universitet Publ., 2000. 156 p.
2. Vlahov S. *Neperevodimoe v perevode* [The untranslatable in translation]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1986. 416 p.
3. Garbovskii N. K. *Teoriya perevoda: Uchebnik* [Theory of Translation: Textbook]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2007. 544 p.
4. *InoSMI.ru: novostnoj site* [InoSMI: news website]. 2004. Moscow, 2022. Available from: <https://inosmi.ru> (accessed 09 April 2022).
5. Kobozeva I. M. *Lingvo-pragmaticheskii aspekt analiza yazyka SMI* [Linguo-pragmatic aspect of media language analysis]. Novosibirsk, 1995. 130 p.
6. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie: uchebnoe posobie* [Modern Translation Studies: Textbook]. Moscow, 2002. 420 p.
7. Kunin A. V. *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka* [Modern English Phraseology Course]. Moscow: Vysshaya shkola, 2009. 396 p.
8. Shachkova I. Yu, Klykova Yu. Yu. *Strategii perevoda frazeologizmov v kontekste pandemii Covid-19* [Strategies of Translating Covid-19 Pandemic Phraseologisms]. *Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedenie: aktual'nye voprosy i perspektivy issledovaniya: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. 2021. Vyp.8. pp. 202–209.
9. *Bloomberg: postavshchik finansovoj informatsii* [Bloomberg: business and markets news deliver]. 1981. New-York, 2022. Available from: [bloomberg.com](https://www.bloomberg.com) (accessed 09 April 2022).
10. *Breitbart News: amerikanskij ul'trapravyyj web-sajt* [Breitbart News: an American far-right website]. 2007. New-York, 2022. Available from: <https://www.breitbart.com/> (accessed 09 April 2022).
11. *Der Spiegel: nemetskij ezhenedel'nyj informatsionno-politicheskij zhurnal* [Der Spiegel: a German weekly news magazine]. 1947. Munich, 2022. Available from: [spiegel.de](https://www.spiegel.de) (accessed 09 April 2022).
12. *Die Welt: nemeckaya informatsionnaya ezhenedel'naya gazeta* [Die Welt: a German national daily newspaper]. 1946. Hamburg, 2022. Available from: <https://www.welt.de/> (accessed 09 April 2022).
13. *Financial Times: mezhdunarodnaya delovaya gazeta* [Financial Times: a British daily newspaper]. 1888. Лондон, 2022. Available from: [ft.com/](https://www.ft.com/) (accessed 09 April 2022).
14. *Forbes: amerikanskij finansovo-ekonomicheskij zhurnal* [Forbes: an American business magazine]. 1917. New-York, 2022. Available from: <https://www.theguardian.com> (accessed 09 April 2022).

15. *Foreign Policy: amerikanskij zhurnal* [Foreign Policy: an American news publication]. 1970. Washington, 2022. Available from: <https://foreignpolicy.com/> (accessed 09 April 2022).
16. *Fox News: amerikanskij informatsionnyj kanal* [Fox News: an American multinational cable news channel]. 1996. New-York, 2022. Available from: foxnews.com (accessed 09 April 2022).
17. *Oxford Learner's Dictionaries: Oksfordskij slovar' anglijskogo yazyka* [Oxford Learner's Dictionaries: the Oxford English Dictionary]. Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed 09 April 2022).
18. *South China Morning Post: kitajskaya gazeta* [South China Morning Post: a Hong Kong-based English language newspaper]. 1903. Hong Kong, 2022. Available from: <https://www.scmp.com/> (accessed 09 April 2022).
19. *The American Conservative: amerikanskij zhurnal* [The American Conservative: an American magazine]. 2002. Washington, 2022. Available from: theamericanconservative.com (accessed 09 April 2022).
20. *The Daily Mash: britanskij satiricheskij veb-sajt* [The Daily Mash: a British satirical website]. 2007. London, 2022. Available from: thedailymash.co.uk (accessed 09 April 2022).
21. *The Guardian: britanskaya ezhednevnyaya gazeta* [The Guardian: a British daily newspaper]. 1821. London, 2022. Available from: https://www.theguardian.com (accessed 09 April 2022).
22. *The National Interest: amerikanskij konservativnyj zhurnal* [The National Interest: an American bimonthly international relations magazine]. 1985. New-York, 2022. Available from: nationalinterest.org (accessed 09 April 2022).
23. *The New York Times: amerikanskaya ezhednevnyaya gazeta* [The New York Times: an American daily magazine]. 1851. New-York, 2022. Available from: https://www.nytimes.com (accessed 09 April 2022).
24. *The Washington Post: amerikanskaya ezhednevnyaya gazeta* [The Washington Post: an American daily magazine]. 1877. Washington, 2022. Available from: [washingtonpost.com](https://www.washingtonpost.com/) (accessed 09 April 2022).

SPECIFIC FEATURES OF THE TRANSLATION OF PHRASEOLOGISMS IN MEDIA TEXTS

Yu. Yu. Klykova

The article describes the results of phraseological units interpretation in media texts, determines various ways of their translation in media texts on the political issue. The aim of the study is analyzing ways of translation of phraseological units from English and from German into Russian and to determine possible ways of translation them into Russian without loss of the expressive connotation in media texts. The relevance of the study is determined by the fact that the achievement of an adequate translation of phraseological units in media texts is becoming increasingly important, since phraseological units in intercultural communication can have an impact on the recipient. The scientific novelty of the article is as follows: the research is based on the authentic articles of the British, American and German press: Foreign Affairs, Guardian, The New York Times, Global Times, The Wall Street Journal, Financial Times, South China Morning Post, The Washington Post, Forbes, The American Conservative, Fox News, The National Interest, Bloomberg, The Daily Mash, Foreign Policy, Der Spiegel, Die Welt – since March 2022 till April 2022. The material presented in the article is of practical value. Revealing the degree of equivalence contributes to a more adequate translation of phraseological units. As a result of the research it was found out that the prevailing strategy of translating of phraseologisms is the analogue (26%) and equivalent (23%), calquing (20%) and overtone translation (18%), the least used are descriptive (11%) and lexical (2%) translations.

Key words: phraseologisms, strategies of translating, faithfulness, adequacy, target language, media text.

УДК 81'367.7

АВТОРСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Лю Хаотун

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: liuhaotong@yandex.ru*

В статье понятие медиадискурса определяется как особый вид дискурса, который представляет собой основную единицу в медиалингвистике, синтезирующую процессы и результаты речемыслительной деятельности в рамках медийного пространства, включающую в себя как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. В практической части работы исследуются основные способы передачи авторского отношения к сообщаемому. Рассматриваются традиционные языковые способы выражения данной изучаемой категории, как лексические, так и синтаксические. Особое внимание уделяется индивидуально-авторским средствам выражения субъективной модальности в разных типах информационно-аналитического медиадискурса. В результате анализа материала выясняются функциональные особенности авторских способов выражения изучаемой категории.

Ключевые слова: субъективная модальность, основные языковые и авторские способы выражения субъективной модальности, медиадискурс.

ВВЕДЕНИЕ

Язык СМИ – особый тип современного литературного языка, имеющий специфические характеристики. В связи с этим функционирование языка СМИ всё чаще становится объектом изучения. Модусные компоненты высказывания при создании медиадискурса являются обязательными, следовательно, способы выражения данной категории разнообразны, и зачастую употребляются различные собственно авторские средства, при помощи которых говорящий может достигать особого эффекта. В лингвистической литературе существует много работ, посвящённых описанию средств выражения субъективной модальности (В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова, И. Г. Никольская, Е. В. Падучева, А. В. Величко, Е. Н. Орехова, и др.), однако вопрос об авторских средствах выражения данной категории на материале современного информационно-аналитического медиадискурса недостаточно изучен.

Цель нашей работы – проанализировать функционирование категории субъективной модальности в современном информационно-аналитическом медиадискурсе, описать основные способы выражения этой категории в данном типе медиадискурса, составить классификацию индивидуально-авторских способов выражения данной категории. В качестве материала для анализа выступили статьи из газеты «Коммерсантъ», диалоги из подкаста «Розенталь и Гильденстерн» и видеоблога «А поговорить?». Были проанализированы 169 текстов, среди которых 80 текстов из материалов газеты, 45 – из видеоблога и 44 – из подкаста.

Поставленные цели исследования определили используемые в работе методы: дискурсивный анализ, контент-анализ, семантический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В последние десятилетия термин дискурс активно употребляется в различных научных исследованиях, также наблюдается «дискурс-бум», который представляет собой «следствие ряда интеллектуальных и социальных факторов: современных технологий связи и власти СМИ, активной междисциплинарной диффузии, лингвистического поворота в философии и введения термина “коммуникация” в философское употребление» [4, с. 286]. В рамках современного языкознания выделилось новое научное направление – дискурсология и новый метод научного исследования – дискурсивный анализ. Следует отметить, что существуют немало работ, посвящённых данной тематике, однако отсутствует общепризнанное определение дискурса, которое охватывало бы все его характеристики употребления, учёные определяют данный феномен по различным основаниям, учитывая цели своих исследований. В данной работе вслед за В. В. Красных дискурс определяется как коммуникативное явление в виде речемыслительной деятельности, которая одновременно представляет собой как и процесс, так и продукт данной деятельности, в структуру дискурса входят собственно лингвистические и экстралингвистические параметры, обеспечивающие удачную коммуникацию между её участниками [7, с. 112].

С 70-х гг. XX в. в России и на Западе исследователи активно обращают внимание на вопросы функционально-стилевых особенностей языка в сфере массовой коммуникации, поскольку в это время при помощи современных информационно-коммуникационных технологий создаётся глобальная сеть медиа коммуникации и формируется новое единое информационное пространство, язык СМИ приобретает свои особенности и теперь представляет собой особый тип речи. Однако изучение текстов массовой коммуникации не имеют единого подхода, они рассматриваются с разных точек зрения: в рамках социолингвистики, психолингвистики, функциональной стилистики, когнитивной лингвистики, дискурсивного анализа и т. д. В конце XX в. постепенно формируется самостоятельное научное направление в русистике – медиалингвистика (термин введён в русистику Т. Г. Добросклонской в 2000 г.), которая объединяет различные подходы к изучению языка СМИ, в ее центре находится анализ *медиадискурса* [3, с. 10–21]. Итак, в рамках данной работы медиадискурс определяется как особый вид дискурса, синтезирующий процессы и результаты речемыслительной деятельности в рамках медийного пространства, включающую в себя как лингвистические, так и экстралингвистические факторы.

Как отмечают многие исследователи (Т. Я. Солганик, В. В. Учёнова), в настоящее время в сфере СМИ происходит процесс размывания границ жанров и сведения их системы к безмерному каталогу-перечислению. По мнению Т. Я. Солганика, СМИ – это «плави́льный котёл», и в результате нет единой классификации, которая не вызывает сомнения, кроме того, появляются новые смешанные жанры. В нашем случае информационно-аналитический медиадискурс рассматривается как группа смешанных жанров журналистики, имеющий одновременно характеристики информационных и аналитических произведений. К этой группе относятся такие жанры, как статья, интервью, беседа, комментарий и др.

Как известно, основной функцией медиадискурса является информирование. Однако, выделяя информационно-аналитический медиадискурс, важно отметить, что данный особый тип медиадискурса не только информирует о событиях и происходящем в окружающем нас мире, но и воздействует на развитие общества в разных областях

жизни человечества, влияет на формирование определённого мировоззрения у адресата. Можно отметить, что категория субъективная модальность активно функционирует в данном изучаемом жанре, чтобы передать собственные личные авторские мнения адресату, и способы выражения данной категории выступают в качестве дискурсивных маркеров, которые представляют собой отдельную группу языковых средств, которые передают особую информацию и структурируют разные типы дискурса.

На материале современного информационно-аналитического медиадискурса обнаруживается большой набор общих языковых средств выражения субъективной модальности. В современной лингвистике субъективно-модальные значения принято рассматривать с позиции функционально-семантического поля (далее ФСП); ФСП субъективной модальности имеет ядерно-периферийную структуру. К ядру ФСП можно отнести лексические средства, а к периферии – синтаксические. В реальной коммуникации в зависимости от конкретной речевой ситуации могут активно использоваться не только ядерные способы, но и периферийные средства.

Анализ материала позволяет выделить следующие основные лексические средства:

1. Вводное слово: *наверное, пожалуй, видимо, по крайней мере, например, в общем* и др.
2. Модальная частица: *якобы, вроде, вряд ли*, и др.
3. Оценочная лексика: *классно, бессмысленность, наконец-то, ненавидеть* и др.
4. Междометие: *увы, ведь, господи, ага* и др.
5. Фразеологическая единица: *китайская грамота, с ума сойти, спустя рукав, уязвимые места* и др.

При выражении субъективной модальности в изучаемых жанрах медиадискурса также активно употребляются синтаксические средства. Следует отметить, что в центре структуры обнаруженных синтаксических средств находятся лексические единицы, которые представляют собой ядерные способы выражения данной категории.

1. Риторические вопросы: *неужели ты считаешь, что у тебя какой-то небольшой активный запас? Смайлики плохо что ли?*

2. Сложные синтаксические конструкции: *бояться, что...; утверждать, что...; уверен в том, что...; мне кажется, что ...; то ли..., то ли ...; не то ..., не то ...* и др.

Кроме вышеперечисленных общих языковых средств выражения субъективной модальности, в изучаемом информационно-аналитическом медиадискурсе активно употребляются собственные авторские средства, в структуру которых вложены имплицитные авторские коннотации, раскрывающиеся при помощи контекста. Под понятием «авторская коннотация» в данной работе понимается авторский смысл, который не является исконной коннотативным значением употребляемого слова, а проявляется только в определённом контексте. Из всех отобранных текстов выявлено 35 контекстов, содержащих авторские средства выражения субъективной модальности, в первую группу входит 16 единиц, во вторую – 4 единицы, в третью – 15 единиц. Рассмотрим несколько примеров.

1. Оценочные лексические единицы, проявляющие индивидуальные коннотации в контексте. В эту группу входят общеязыковые средства, с помощью которых отражается авторская оценка, однако авторская коннотация проявляется полностью в рамках контекста.

Например, «– *И можно вообще взять какие-то более классические, может быть, даже если избитые надоевшие примеры, почему по-разному пишем слова «каменный» и «юный», например. Вот в слове юный, бывает, часто ошибочно пишут две буквы -н-*

– *Точно так же, я, вот главная моя боль в школе, я никак не мог, т. е. я запомнил, но каждый раз себя одёргиваю, слово «длина»»* [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», Выпуск 06.10. 2020]. В данном фрагменте текста употребляются разные способы передачи субъективности. С помощью выделенного выражения даётся негативная оценка говорящего (лексическая единица «боль» передаёт и физическое, и душевное страдание), объект оценки – состояние человека, вынужденного писать с соблюдением норм (написание слова «длина» – сложный вопрос для говорящего, для него это не автоматический выбор правильного написания). Вырванная из контекста конструкция «главная моя боль» может выполнять различные функции: быть номинацией физического ощущения (например, в диалоге пациента и врача), быть обозначением мгновенного, возможно однократного переживания (ср., например: «я плохо сдал экзамен. Главная моя боль – я ведь был готов, и не смог этого показать»). В приведенном же выше контексте мы видим, что автор хочет выразить негативное отношение к повторяющейся ситуации, в которой ощущал свою неполноценность.

«*Помнишь ли ты заголовки о том, что лингвисты, тюменские лингвисты обнаружили в русском языке новый союз «в смысле». Помнишь заголовки? В прошлом году это был, хайп такой»* [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», Выпуск 06.10. 2020]. В этом примере употребляется варваризм, который происходит от английского слова «хуре» (шумиха, назойливая реклама), он отражает отрицательное отношение к тому, что было много сообщений в прессе о новом союзе в русском языке. В данном случае оценка выражается собственно языковым средством, лексической единицей (так современная молодежь пренебрежительно отзывается о факте излишнего шума в СМИ, создании искусственного ажиотажа), однако контекст раскрывает полный авторский смысл и дополняет структуру оценки (здесь порицание, неодобрение и отстранение, ирония).

2. Нейтральные лексические единицы в функции оценочных:

«– *Раньше, раньше я приводил этот, вот пример с Макдоналдсом, был такой проект, когда помещали на долгое время чизбургер, гамбургеры и картошку, и показывали, что он не портится <...> Это булочка в целом она, знаешь, как говорят, **растворяется** во рту, в целом там не будет вот этой, вот важной составляющей»* [Видеоблог «А поговорить?», Интервью с микробиологом, Выпуск 09.07.2021]. Глагол «растворяться» обозначает химический процесс, эмоционально не окрашен (напротив, мы ожидаем, что сахар и кофе могут растворяться). Однако из контекста можно узнать, что обсуждаемая булочка из сети быстрого питания, по мнению говорящего, не содержит важного для здоровья человека компонента и потому вредна для здоровья. Говорящий передает негативное отношение к предмету разговора с помощью нейтрального в других контекстах глагола.

«– *Ну вот вопрос, в таком случае, от школьника, может поступить ... что есть и такая теория, и такая, а как же на уроке-то действовать, если сейчас школьник заявит, что местоимение-то вообще-то ваше не часть речи?*

– *Но это же не такой **волюнтаризм**, если ты говоришь, что ты согласен с точкой зрения лингвистов, которые местоимения не считают за часть речи, то ты должен понимать принципы, по которым они так считают, основание для этой классификации, если ты можешь это доказать и утверждаешь, что ты придерживаешься такой точки*

зрения, ну да здорово!» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», Выпуск 08.09.2020]. В данном контексте при выражении авторского мнения употребляется слово «волюнтаризм» (философский термин, «воля – это первооснова всего сущего», а также шире – «субъективистские, произвольные решения, игнорирующие объективно существующие условия и закономерности общественной жизни, экономики и т.п.» [6]). Авторская интенция заключается в оценке, описанной собеседником ситуации: он считает, что недостаточно утверждать, что нет такой части речи, важно дать объяснение своей позиции. Говорящий считает, что при выражении мнения нельзя опираться только на своё желание, нужно понять суть вопроса. В данном контексте слово «волюнтаризм» имеет негативные коннотации, позволяет говорящему передать отношение к обсуждаемому предмету речи.

3. Индивидуально-авторские выражения:

«Но вот меня в школе учили по тому учебнику, в той концепции, в которой меня учили, что причастие, деепричастие – это отдельные части речи, для меня это были слова вполне нормальные, самостоятельные части речи. И после того, как я узнал категорию состояния, был второй шок узнать о том, что причастие, деепричастие в академической грамматике рассматриваются не как отдельные части речи, как формы глагола» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн». Выпуск 8.09.2020]. В этом примере сочетание «второй шок» является авторским средством. В русском дискурсе есть устойчивые выражения «кто-либо в шоке» и «(у кого) был шок», которые указывают на сильное удивление и иногда разочарование субъекта (ср. например: «Это был шок: жительница Новороссийска обнаружила дома настоящего скорпиона», статья в региональной газете <https://gorod-novoross.ru/news.php?id=28119>, дата публикации 14.05.2022). В примере из подкаста используется другая конструкция: «был шок + инфинитив» (был шок понять, был шок услышать и т.п.). Синтаксическое стяжение характерно для устной формы неподготовленной речи (ср. *для меня был шок, когда я узнал...), но в рамках нашего исследования отмечаем этот способ выражения субъективной модальности. Автор использует лексическую единицу, имеющую негативные коннотации (связанные с причинами и/или последствиями шока в прямом или переносном значении), для выражения своей негативной оценки описываемого события (ср. *я узнал, что существуют слова категории состояния, и очень огорчился, что этого не знал. Вторым неприятным открытием, к сожалению, было то, что...).

«А которые совмещают окончания разных типов склонения, и слово «путь», которое имеет окончание третьего склонения во всех падежах кроме творительного падежа, где представлено окончание второго склонения, то есть путём, и на самом деле, вот со словом «путь» особый вид интересной истории, у слова «путь» особый путь, потому что откуда вообще всё это взялось, просто потому что раньше число склонений в русском языке было больше, и в древнерусском языке было шесть типов склонения существительных» [Подкаст «Розенталь и Гильденстерн», Выпуск 8.09.2020]. В этом примере авторским средством выражения отношения является языковая игра (лексическая единица «путь» соплагается с устойчивым выражением «(у кого) особый путь»), с помощью которой эмоционально выражается авторская позиция. По контексту можно выяснить, что у слова «путь» интересная история и потому особое склонение.

ВЫВОДЫ

1. Антропоцентрическая категория субъективной модальности представляет собой особенное отношение индивида к сообщаемому, которое присутствует в процессе

речемыслительной деятельности, и структурирует различные типы дискурса, в том числе, информационно-аналитический медиадискурс.

2. В изучаемом типе дискурса, который представляет собой гибридный жанр журналистики, субъективная модальность употребляется для достижения различных коммуникативных целей, и её способы выражения представляют собой дискурсивные маркеры, которые функционируют для структурирования дискурса и передают различные объективно, субъективно-модальные значения.

3. Анализ данного типа дискурса показал, что при выражении модальности сомнения зачастую употребляются равноуровневые общие языковые средства, которые представляются в ядерно-периферийной структуре. К ядру относятся лексические способы, включающие в себя вводные единицы, модальные частицы, оценочные слова и междометия. На периферии расположены синтаксические средства, к ним относятся вопросительные конструкции, сложные предложения и фразеологические единицы. Следует отметить, что в центре структуры синтаксических средств могут располагаться лексические единицы, выражающие субъективную модальность.

4. В современном информационно-аналитическом медиадискурсе при выражении изучаемой категории активно используются индивидуально-авторские средства, которые приносят коннотацию, характеризующую адресанта. Можно выделить следующие подгруппы: оценочные лексические единицы, проявляющие индивидуальные коннотации в контексте, нейтральные лексические единицы в функции оценочных и индивидуально-авторские выражения.

Список литературы

1. *Величко А. В.* Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: структурно-грамматическая и семантическая характеристика // Вестник Московского университета сер. 9. Филология. – 2012. – № 4. – С. 7-24.
2. *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. – М.: 1975. – С. 53-87.
3. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: теория, методы, направления. – М.: 2020. – 180 с.
4. *Касавин И. Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: Канон+, 2008. – 437 с.
5. *Коньков В. И., Манаенко Г. Н.* Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник, под ред. Л. Р. Дускаевой. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 440 с.
6. *Комлев Н. Г.* Словарь иностранных слов – М.: Эксмо, 2006. – 669 с.
7. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
8. *Никольская И. Г.* Выражение семантики сомнения в современном русском языке // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 118. – С. 197-201.
9. *Орехова Е. Н.* Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: Автореф. дис. докт. филол. наук. – Москва, 2011. – 44 с.
10. *Солганик Г. Я.* Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. – 3-е изд. – М.: ФЛИНТА: наука, 2018. – 232с.
11. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.
12. *Учёнова В. В.* Современные состояния и тенденции развития журналистских жанров // Вестн. Моск. ун-та. сер. 10. Журналистика. – 1976. – № 4. С. 17-26.
13. *Шведова Н. Ю.* Русская грамматика: в 2 т. / Н. Ю. Шведова. – М., 1980.

Материалы для исследования

1. Газета «Коммерсантъ»: <https://www.kommersant.ru/>.
2. Подкаст «Розенталь и Гильденстерн»: <https://tehnikarechi.studio/podcasts/rozentali-gildenstern>.
3. Videоблог «А поговорить?»: <https://m.youtube.com/channel/UCp2J7GRxQ36QLqW4ReLLt5g>.

References

1. Velichko A. V. *Predlozhenija frazeologizirovannoj struktury v russkom jazyke: strukturno-grammaticeskaja i semanticheskaja harakteristika* [Sentences of phraseologized structure in the Russian language: structural-grammatical and semantic characteristics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta Ser. 9. Filologija*, 2012, no 4. pp. 7–24.
2. Vinogradov V. V. *O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom jazyke* [On the category of modality and modal words in the Russian language]. *Issledovanija po russkoj grammatike: izbrannye Trudy*. Moscow, 1975. pp. 53–87.
3. Dobrosklonskaya T. G. *Medialingvistika: teorija, metody, napravlenija* [Medialinguistics: theory, methods, directions]. Moscow, 2020. 180 p.
4. Kasavin I. T. *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v social'nuju jepistemologiju jazyka* [Text. Discourse. Context. An introduction to the social epistemology of language]. Moscow, Kanon+ Publ., 2008. 437 p.
5. Konkov V. I., Manaenko G. N. *Medialingvistika v terminah i ponjatijah: slovar'-spravochnik* [Medialinguistics in terms and concepts: a reference dictionary]. Ed. L. R. Duskaeva. Moscow, FLINTA Publ., 2018. 440 p.
6. Komlev N. G. *Slovar' inostrannyh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 669 p.
7. Krasnykh V. V. «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? ["Own" among "strangers": myth or reality?]. Moscow, YTDGK "Gnosis" Publ., 2003. 375 p.
8. Nikolskaya I. G. *Vyrazhenie semantiki somnenija v sovremennom russkom jazyke* [Expression of the semantics of doubt in modern Russian]. *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena*, 2009, no 118, pp. 197–201.
9. Orekhova E. N. *Sub'ektivnaja modal'nost' vyskazyvanija: forma, semantika, funkcii: Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Subjective modality of utterance: form, semantics, functions: Abstract of Thesis]. Moscow, 2011. 44 p.
10. Solganik G. Ya. *Jazyk sovremennoj publicistikki: sb. statej* [The language of modern journalism: digest of articles]. Moscow, FLINTA: science Publ., 2018. 232p.
11. Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovanija: Semantika vremeni i vida v russkom jazyke; Semantika narrativa* [Semantic research: Semantics of time and aspect in the Russian language; The semantics of narrative]. Second edition. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2010. 480 p.
12. Uchenova V. V. *Sovremennye sostojanie i tendencii razvitija zhurnalistskih zhanrov* [Modern trends in the development of journalistic genres]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*, 1976, no 4, pp. 17–26.
13. Shvedova N. Yu. *Russkaja grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vol.]. Moscow, 1980.

Material for analysis

1. «Kommersant» newspaper: <https://www.kommersant.ru/>.
2. «Rosenthal and Guildenstern» podcast: <https://tehnikarechi.studio/podcasts/rozenthal-i-gildenstern>.
3. «How about talking?» video blog: <https://m.youtube.com/channel/UCp2J7GRxQ36QLqW4ReLLt5g/>

AUTHOR'S MEANS OF EXPRESSING SUBJECTIVE MODALITY IN MODERN INFORMATION AND ANALYTICAL MEDIA DISCOURSE

Haotong Liu

In this paper, the category of subjective modality is considered as one of the most important components in the creation of a modern information and analytical media discourse. Within the framework of this work, the category of subjective modality is one of the anthropocentric categories that conveys the attitude of the speaker's face to the reported. The concept of media discourse is defined as a special kind of discourse, which is the basic unit in media linguistics that synthesizes the processes and results of speech-thinking activity within the media space, including both linguistic and extralinguistic factors. In the practical part of the work, the main ways of transmitting the author's attitude to the reported are investigated. Particular attention is paid to individual author's means of expressing subjective modality in different types of information and analytical media discourse. As a result of the analysis of the material, the functional features of the author's ways of expressing the category under study are clarified.

Keywords: subjective modality, basic linguistic and author's ways of expressing subjective modality, media discourse.

УДК81'282.8

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАСНЫХ МОНОФТОНГОВ В БРИТАНСКОМ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОМ СТАНДАРТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ УЧАСТНИКОВ КОМЕДИЙНОГО ТОК-ШОУ)¹

Петренко А. Д., Онищенко Ю. В.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: aldpetrenko@mail.ru, schenec11@mail.ru*

Статья посвящена исследованию особенностей реализации сегментного состава фонетической системы английского языка (гласных монофтонгов) в речи информантов-британцев – участников комедийного ток-шоу «Шоу Грэма Нортон», владеющих нормативным произношением. В ходе эмпирического изучения звучащей речи основное внимание уделено теоретическим аспектам развития и становления британской произносительной нормы, а также ее статусу в современном британском обществе. Осуществлен анализ реализации гласных монофтонгов в речи британцев-участников «Шоу Грэма Нортон», владеющих произносительной нормой. Данные, полученные в результате проведения комплексного фонетико-фонологического анализа, сопоставлены с соответствующими показателями (средним значением формант F1 и F2) в более ранних трудах фонетистов, что призвано проиллюстрировать актуальные тенденции развития современной произносительной нормы британского национального варианта английского языка. Исследование выполнено с помощью общих научных и частных специализированных методов, нацеленных на выявление особенностей дистрибуции фонетических переменных, систематизацию полученных данных, интерпретацию результатов в социофонетическом и фоностилистическом аспектах.

Ключевые слова: произносительный стандарт, языковое изменение, британская произносительная норма, спонтанная речь, гласные монофтонги, сдвиг гласных.

ВВЕДЕНИЕ

С середины XX века социолингвистический подход в исследовании национальных языков позволил по-новому трактовать понятие языковой нормы и выявить факторы, приводящие к языковому изменению. Одной из центральных проблем, привлекающих внимание исследователей в русле социофонетики, является статус произносительной нормы, а также диверсификация произносительных стандартов языков международного общения, в частности – английского языка (далее – АЯ).

Проблематика вариативности и кодификации произносительной нормы находится в фокусе внимания большого числа отечественных и зарубежных языковедов, чьи труды послужили теоретической базой для данного исследования. Принципы функционирования языка в различных социальных группах освещены в трудах В. А. Аврорина, О. С. Ахмановой, Л. В. Бондарко, В. М. Бухарова, Л. А. Вербицкой, В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского, Л. Р. Зиндера, А. Д. Петренко, Р. К. Потаповой, Л. И. Прокоповой, У. Лабова, Д. А. Шахбаговой.

Авторы статьи опираются на принципы социофонетического эксперимента, разработанные в трудах У. Лабова, Дж. Уэллса, а также методологические наработки,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

успешно применяемые в эмпирических исследованиях членами Научной школы социофонетики и фоностилистики А. Д. Петренко: Л. С. Бор, Т. В. Бридко, Н. М. Евстафьевой, Э. В. Лихачёвым, К. А. Мележик, С. Е. Перепечкиной, А. Д. Петренко, Д. А. Петренко, А. В. Пономаревой, А. Я. Поповской, Е. А. Устинович, Ю. Б. Федотовой, Д. М. Храбской. Исследования британского национального варианта АЯ находятся в центре внимания таких ученых, как К. Аптон, П. Керсуилл, Д. Кристал, П. Роуч, П. Традгил, Дж. Уэллс, П. Эжерт.

По определению О. С. Ахмановой, «норма – это принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [1, с. 46]. Л. А. Вербицкая подчеркивает, что вопрос о том, заложена ли нормативность в самом языке, или она вносится в язык извне, до сих пор остается открытым в языкознании. Исследователь выделяет два аспекта в проблематике нормы: первый связан с наличием в системе языка потенциальных возможностей обозначения одного и того же явления, и подразумевает под нормой «результат действия социальных факторов, определяемых существованием данного языка в определенном речевом коллективе в определенный период времени» [2, с. 12]. Второй подход расценивает норму как осознание средств языкового выражения в качестве образцовых и предписывает их употребление (кодификация).

Как справедливо отмечает А. Д. Петренко, с тех пор, как в лингвистике произошло становление перспективного направления социолингвистических исследований – социофонетики, наметился новый путь в вопросах изучения динамики языковой системы в диахронии и синхронии, установления причин языковых изменений и ряде других. «В научных дискуссиях о тенденциях и перспективах развития орфоэпической нормы языка постоянно возникает вопрос о том, какой региональный или социальный вариант оказывает на нее наибольшее влияние» [7, с. 109]. Кроме того, суть социолингвистического похода относительно проблемы нормы заключается в том, что «...норма предстает в двух или нескольких вариантах, характерных для разных социальных групп. <...> выбор того или иного варианта зависит от возраста, образования, социального положения, места, где прошло детство, места наиболее длительного проживания, социального положения родителей и т. п. [2, с. 18].

Начиная с 70-х годов прошлого века, произносительная вариативность языкового стандарта в проблемном поле социофонетики и фоностилистики неотъемлема от понятия «ситуации общения», что находит отражение в стилистических вариантах произношения. «Как нами не раз отмечалось, произносительная норма подвержена существенным изменениям, которые находят свое объяснение не только в действии внеязыковых факторов, но и в существовании целого ряда функциональных, региональных и социальных вариантов. Не последнюю роль при этом играет речевая ситуация» [5, с. 11].

Таким образом, **актуальность** проблемы определяется недостаточной разработанностью вопросов вариативности современного стандартного британского произношения в спонтанной речи и необходимостью осветить тенденции изменения произносительной нормы в современный период развития британского национального варианта АЯ.

Цель исследования состоит в установлении переменных правил реализации гласных монофтонгов сегментного состава фонетики английского языка в разговорном стиле произношения с учетом гендерного и возрастного факторов. Для достижения указанной цели требовалось решить ряд следующих теоретических и практических **задач**:

проанализировать состояние британской произносительной нормы и ее функционирование в аспекте социальной стратификации британского общества; установить социолингвистические параметры целевой группы информантов; охарактеризовать фонемный инвентарь гласных монофтонгов и актуальные тенденции его реализации; осуществить комплексный фонетико-фонологический анализ корпуса данных на материале речи участников комедийного ток-шоу «Шоу Грэма Нортон»; выявить особенности реализации переменных гласных монофтонгов с учетом гендерного и возрастного факторов; интерпретировать полученные результаты в социофонетическом и фоностилистическом аспектах в соответствии с исследованиями стандартного произношения в специализированной научной литературе.

Материалом исследования послужили видеозаписи ток-шоу «Шоу Грэма Нортон», содержащие спонтанную речь британцев, владеющих произносительным стандартом. В основе принципа отбора информантов лежит принадлежность к единой социальной группе и профессиональной среде (актеры театра и кино, телеведущие). Число информантов составляет 30 человек, сгруппированных по гендерному и возрастному признаку: мужчины и женщины младшей (22-58 лет) и старшей (75-85 лет) возрастных групп. Средняя продолжительность звучания образца спонтанной речи составляет 10-12 минут. Общий объем видеозаписей составил 70 выпусков ток-шоу, транслируемых с 2015 по 2021 год (13,5 Гб в цифровом виде), общая длительность аудиозаписей, отобранных для составления корпуса фонетико-фонологического исследования – 5 ч. 35 мин. (0,9 Гб).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Разнообразные процессы, затрагивающие стратификацию британского общества, связаны с социальной и территориальной мобильностью и находят отражение в изменениях произносительных форм языка соответствующих социальных групп и дискурсивных сообществ. Подобные изменения неизбежно влияют на статус произносительной нормы и определение понятия языкового стандарта.

Как известно, произносительным стандартом образованной Англии считается норма Received Pronunciation (RP), которая символизирует принадлежность к высшему социальному классу, надлежащее воспитание и происхождение его носителей. Однако, к концу прошлого века количество англичан, говорящих на RP, сократилось до 3% [30], а некогда элитарное произношение наделяет своих носителей такими качествами, как надменность, высокомерие, желание казаться лучше остальных [27].

Британский фонетист П. Традгил подчеркивает, что, уникальность языковой ситуации в Великобритании проявляется в расхождении сфер влияния языкового и произносительного стандарта. Все носители языка, владеющие произношением RP, говорят на стандартном английском (Standard British English, далее – SBE), тогда как не все говорящие на стандартной форме языка используют в речи произносительный стандарт образованной элиты общества [29, с. 16]. Существует также точка зрения, которая заключается в преимуществах статуса RP и функционировании в качестве произносительной нормы современного стандарта SBE, поскольку RP в том виде, который был кодифицирован А. Гимсоном в 1962 году [18], устарел, и не отображает реальной картины современного произношения образованных жителей Великобритании [25]. Авторы «*Handbook of the International Phonetic Association*» определяют стандартный южно-британский английский (SSB) (где «стандартный» не

предусматривает оценочное суждение о «правильности») как современный эквивалент того, что ранее имело название «RP». Другими словами, SSB – произношение юго-востока Англии, которое функционирует в качестве престижной нормы в указанном (в той или иной мере) и других регионах Британских Островов и за их пределами) [цит. по: 25].

П. Роуч, главный редактор Словаря Джоунза (первое издание датируется 1917 г.), в предисловии к 18 изданию говорит о том, что произношение, называемое RP, следует называть акцентом BBC, поскольку оно сохранилось только в речи дикторов указанной телекомпании [20, с. 6.].

А. Краттенден, вслед за А. Гимсоном, выделяет общий (General RP), рафинированный (Refined RP) и региональный (Regional RP) стандарт [14, с. 78].

Неоднозначность трактовки понятий «стандартное произношение», «произносительная норма» в специфике британской социолингвистической традиции и практические аспекты анализа современного состояния статуса произносительной нормы рассматривается в более ранних трудах членов Крымской школы социофонетики и фоностилистики [3, 4, 8].

Произносительный стандарт RP прошел путь от статуса южно-английского регионального диалекта в 18 веке до надрегionalной социально престижной формы произношения, тиражируемой через систему частных школ и университетов Англии, сценическую и дикторскую речь. В конце 20 века британские фонетисты указывали на то, что особенностью нормы произношения является отсутствие региональных характеристик в речи представителей высших слоев социальной иерархии в Великобритании, в то время как в США для речи представителей элиты общества нередко характерен региональный акцент [19].

В Лондоне, на родине RP, количество англичан, предпочитающих произносительную норму образованного населения, продолжает снижаться. Британцы стали инкорпорировать в свою речь большее количество черт, ранее ассоциировавшихся с Лондонским диалектом, или Эстуарным английским (Estuary English, далее – EE). Эстуарное произношение было определено в 1980-90-е годы как новая произносительная форма, характерная для жителей устья Темзы, после чего элементы эстуарного произношения стали фиксироваться в разных точках страны. Так, мы можем обратиться к предположению Д. Джоунза в 1949 году о том, что «английский язык будет развиваться в сторону Кокни, если только никакие особые влияния не вступят в сопротивление этому» [цит. по: 15].

Новые произносительные черты, сформировавшиеся вследствие сближения слоя населения Кокни со средним слоем населения из-за повышения их платежеспособности и продвижения по социальной лестнице вверх (языковое изменение «снизу вверх»), были отмечены еще в 70-е годы 20 века. И наоборот, стремление быть менее «posh» (аристократичными, снобами) у представителей высшего класса приблизило их произношение к более демократичному (изменение «сверху вниз»). С 1990-х годов языковое восприятие представителей британской нации претерпело ещё более стремительные изменения, стандарт RP, в свою очередь, стал получать негативную оценку как пафосный и отдаленный, тогда как «демократичные» варианты были охарактеризованы как «теплые, дружеские» [27].

Социальная структура Соединенного Королевства исторически подвергалась значительному влиянию разделению на социальные классы, что продолжает влиять на

Британское общество и в наши дни [11]. Стратификационная иерархия Великобритании включает низший класс, рабочий класс и его подгруппы – квалифицированный и неквалифицированный рабочий класс, средний класс и его подгруппы – низший средний класс, средний класс и высший средний класс, и, наконец, высший класс [17].

Как известно, каждый социальный класс обладает своим набором набором определенных языковых особенностей, формирующих собственный социолект, а также испытывает влияние «смежных» форм языка. Рабочий класс Лондона реализует социолект малообразованного городского населения Кокни. Лондонский мультикультурный английский – диалект, используемый молодежью Лондона, гибридная форма языка, включающая элементы языков Карибского бассейна, сформировавшаяся в Лондоне в конце 20 века. Ряд лингвистов предполагает, что в будущем эта форма английского языка заменит Кокни [22]. Средний класс Лондона и прилегающих к нему графств широко использует ЕЕ, границы которого не всегда являются четко обозначенными в лингвистике, поскольку исследователи склонны считать континуумом переход от Кокни к ЕЕ и от ЕЕ к RP [9]. Кроме того, демократизация RP за последние два десятилетия сделала некогда консервативную форму произношения открытой к инновациям из менее престижных социолектов.

Высший средний класс в Великобритании традиционно состоит из образованных профессионалов, которые произошли из семей с высоким материальным достатком; данная прослойка традиционно использует RP и ассоциируется с культурным лидерством. Предполагается, что это класс доминирует в прилегающих к Лондону графствах («Home counties») и наиболее оживленных городах поблизости Лондона. Некоторые представители высшего среднего класса имеют происхождение, связывающее их с высшим классом. Атрибуты в форме фамильного герба могут свидетельствовать о подобном статусе. О более дальней связи может свидетельствовать статус сквайра или лорда, без сохранения имущественных прав [16].

Информанты, чья речь была проанализирована как относящаяся к современному произносительному стандарту, могут быть причислены к высшему среднему классу британского общества согласно таким факторам, как происхождение, уровень полученного образования, высокое положение в рейтинге популярности и финансовых доходов, количество побед в престижных номинациях в сфере искусства. Ряд знаменитостей удостоен звания почетного сэра или дамы (Иэн Маккеллен, Джуди Дэнч, Эмма Томпсон, Мэгги Смит, Хелен Миррен, Джули Эндрюз, Патрик Стюарт и т. д.). Кроме того, участники комедийного ток-шоу «Шоу Грэма Нортон» (далее – ШГН) являются знаменитостями в области кинематографа и театрального искусства, что означает, что их произношение воспринимается зрителями и слушателями как нормативное, подходящее для подражания.

Согласно К. Аптону, произносительная норма RP содержит 19 ударных и 2 безударных гласных, реализация которых имеет отличия в консервативном (trad-RP) и более современном (RP) нормативном произношении [34, с. 220–221]. В настоящем исследовании проанализировано 9 монофтонгов: [ɪ] KIT, [e]~[ɛ] DRESS, [æ]~[a] TRAP, [ʊ] FOOT, [ʌ] STRUT, [ɒ] LOT, [u:] GOOSE, [ɔ:] THOUGHT, [ɑ:] BATH, традиционно обозначенных в соответствии со «Стандартными лексическими наборами» Дж. Уэллса [31, с. 122–167].

Для изображения гласных звуков британского варианта в данном исследовании используется схема британского фонетиста П. Роуча.

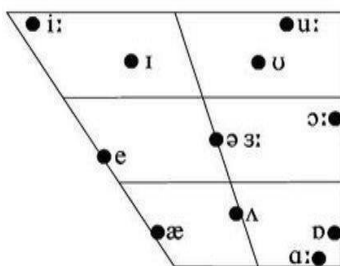

Рисунок 1. Система сонантов британского нормативного произношения [26, с. 13–18]

К началу 21 века исследователями были отмечены определенные инновации в артикуляции фонетических, или фоностилистических переменных (ФСП), укоренившиеся в нормативном произношении со времени публикации словаря английского произношения Д. Джоунзом в 1917 году. Фонетические переменные определяются как единицы произносительных вариантных структур, для каждой из которых (и их вариантов) возможно определять средние индексы реализации в различных условиях общения [6, с. 24]. К примеру, в британском варианте АЯ отмечается изменение положения гласного [æ]: сдвиг «против часовой стрелки» (вправо и вниз в пределах трапеции), в результате чего он стал больше похож на [a]. Известно также продвижение вперед ФСП [u:] и [ɔ]. В 60-х годах прошлого столетия продвинулись вперед гласные [ʌ] и [ɑ:]. По мнению А. Краттендена, в результате данных изменений наметилась тенденция к сужению вокалического пространства (далее – ВП), к «централизации» гласных, как если бы современный человек, ускоряя темп речи, невольно нейтрализовал контрасты гласных. Фонетисты отмечают, что явление сдвига всех гласных к центру заметнее у мужчин, чем у женщин [13]. Изменение одной фонемы влечет за собой целый ряд цепных изменений, как это было отмечено У. Лабовым при изучении Сдвига северных городов и Южного сдвига на территории США [23]. Дж. Линдси в своей книге «English after RP», опубликованной в 2018 году, приводит схему, иллюстрирующую механизм сдвига гласных против часовой стрелки в современном британском варианте АЯ [24, с.18].

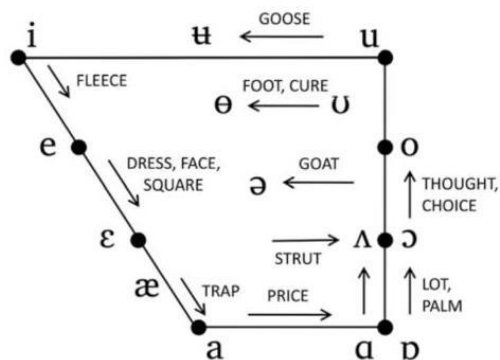

Рисунок 2. Сдвиг гласных против часовой стрелки в современном британском варианте АЯ

Для выявления тенденций, свойственных носителям современного нормативного произношения RP, которыми являются британцы-участники комедийного ток-шоу «Шоу Грэма Нортон», были проанализированы данные формантных показателей гласных

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАСНЫХ МОНОФТОНГОВ...

ФСП монофтонгов в спонтанной речи. Исследовательский интерес представляет наблюдение за речевым поведением носителей нормативного произношения и звучащая речь в регистре неформального общения. Информанты, чья речь была отобрана в качестве объекта комплексного фонетико-фонологического анализа, являются знаменитостями в области кинематографа и театрального искусства, что означает, что их произношение воспринимается зрителями и слушателями как нормативное, эталонное. Кроме того, согласно изложенным выше параметрам социальной дифференциации, данная группа принадлежит к высшему классу, интеллектуальной элите, т.е. к слою населения, который традиционно ассоциировался с произносительным стандартом.

По итогам проведенного исследования выполнено сравнение полученных результатов с данными, представленными в исследованиях ведущих британских фонетистов, выполненных в последние десятилетия. Отмечен ряд особенностей реализации гласных монофтонгов в речи участников ШГН (обозначения монофтонгов согласно СЛН). На следующих графиках представлено распределение монофтонгов по четырем группам в гендерном и возрастном аспектах.

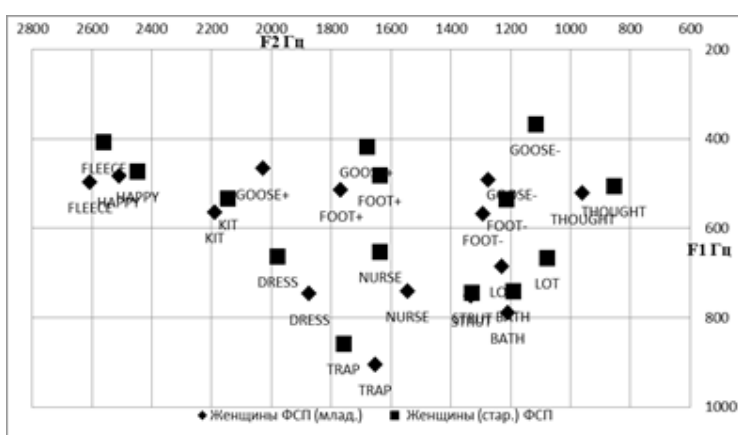

Рисунок 3. ФСП гласные монофтонги в речи женщин-участниц ШГН

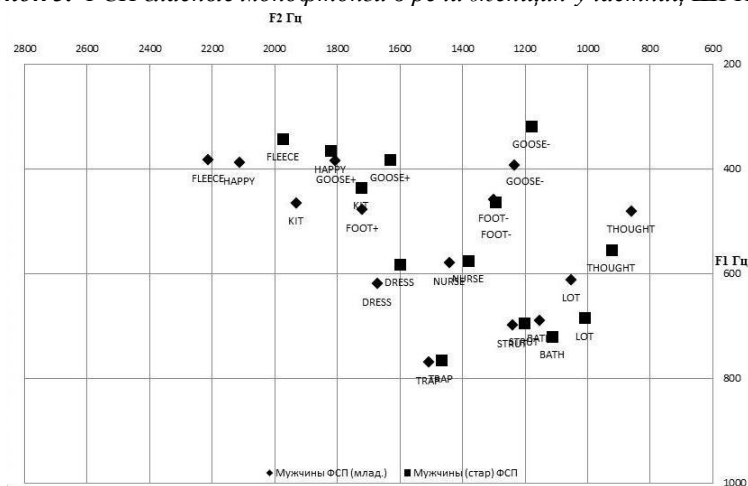

Рисунок 4. ФСП гласные монофтонги в речи мужчин-участников ШГН

KIT, DRESS. Фонетисты отмечают тенденцию к более открытой артикуляции монофтонга KIT в южных регионах Великобритании, отодвиганию к центру ВП в речи жителей Лондона по сравнению с традиционным произношением [10, с. 188]. К. Аптон указывает на более закрытую артикуляцию ФСП в речи старшего поколения и отмечает, что в безударном положении ФСП KIT редуцируется в следующем слоге после ударного гласного с большей вероятностью (*horrible*), чем в предударном положении (*significant*) [34, с. 222].

Гласный DRESS классифицируется как монофтонг переднего ряда [Roach, 2009]. Отмечено варьирование гласного по признаку подъема от полуоткрытого до более закрытой артикуляции, не достигающей, однако, позиции полузакрытого гласного [ɛ]~[e]. Исследователи отмечают тенденцию к более открытой артикуляции (*general lowering*) монофтонгов переднего ряда в RP и южно-британском произношении [34, с. 222; 10, с. 188], что подтверждается результатами данного исследования.

Для реализации указанных ФСП характерна гендерная и возрастная вариативность. Краткие монофтонги переднего ряда KIT, DRESS в речи участников ШГН реализованы по признаку подъема более открытыми гласными у информантов младшей группы. По признаку ряда наблюдается фронтинирование гласных младшими информантами, что наиболее выражено в речи мужчин. Исключением является ФСП DRESS в речи женщин: участницы младшей группы реализуют гласный отодвинутым к центральному ряду вариантом (см. Рисунок 3, 4).

TRAP. Субституция аллофоном [a] традиционной реализации [æ] – одно из наиболее обсуждаемых явлений в английской фонетике за последние годы. Ряд авторов полагает, что данный вариант переменной привнесен в RP из нестандартных северных диалектов: в северных акцентах отсутствует открытый монофтонг [ʌ], поэтому для жителей юга слова, содержащие ФСП TRAP и STRUT могут быть омофонами [21, с. 201; 31, с. 291–292]. По мнению К. Аптона, продвижение артикуляции монофтонга TRAP у молодых носителей языка к [a], представляет собой один из «классических сдвигов», отмечаемых также и в нестандартных диалектах [34].

А. Краттенден отмечает, что в современном RP некогда полуоткрытый [æ] в TRAP артикулируется полностью открыто, что обуславливает замену символа транскрипции на [a] нижнего подъема для современного британского нормативного произношения [14].

В ходе данного исследования было установлено, что монофтонг TRAP артикулируется наиболее открыто по сравнению с долгими и краткими монофтонгами нижнего подъема. Монофтонг реализован открытым гласным у всех информантов, у мужчин как гласный среднего ряда [e], у женщин занимает по признаку ряда средне-переднее положение [ä] (см. Рисунок 3, 4).

Реализация гласного TRAP варьируется как в гендерном, так и в возрастном аспектах. В речи женщин младшей группы монофтонг реализован более пониженным и отодвинутым к среднему ряду гласным, чем у участниц старшей группы, тогда как у мужчин отмечена более фронтинированная реализация со снижением возраста информантов. Таким образом, монофтонг TRAP артикулируется не только более открыто по сравнению с традиционным произношением ФСП, но и отодвигается к средне-переднему ряду у женщин и среднему ряду у мужчин. В Таблице 1 приведены показатели, представленные в исследованиях Дж. Уэллса [32], А. Краттендена [13], А. Белякович [12], и формантные показатели речи участников ШГН (Hz). Сравнение показателей формант F1 и F2, установленных исследователями произносительной нормы в последние

десятилетия, свидетельствует об окончании процесса расширения артикуляции по признаку подъема к началу 21 века в речи женщин и некотором запаздывании расширения в речи мужчин.

ФСП TRAP [æ]	Дж. Уэллс, 1962 г. [32]		А. Краттенден, 2001 г. [13]		А. Беякович, 2016 г. [12]		Показатели участников ШГН, 2022 г.	
Мужская речь	F1	748	F1	732	F1	698	F1	770
	F2	1746	F2	1527	F2	1545	F2	1507
Женская речь	F1	-	F1	1011	F1	845	F1	905
	F2		F2	1759	F2	1663	F2	1652

Таблица 1. Сравнительные показатели формант монофтонга TRAP в диахронической перспективе.

LOT, STRUT. ФСП выступает маркером для разграничения южных и северных диалектов, в речи жителей северной части страны оппозиция [ʊ]→[ʌ] отсутствует (ср [kʊp]). Проявлением гиперкорректности в произношении является замена [ʊ]→[ʌ] не только в привычном STRUT [strʊt], но и в FOOT: [fʊt]→[fʌt] [34]. Многие носители RP артикулируют [ʌ] как более центральный [ɑ:], в числе инноваций – повышение и отдаление от центра ВП. Фонетисты отмечают, что в стандартном произношении [ʌ] от [ɑ] отличается долготой, кроме того, как в RP, так и в южно-британском произношении TRAP, STRUT, BATH различаются только по признаку подъема, представляя своеобразную «цепочку» на трапеции [28]. В произношении жителей Лондона и южных графств STRUT продвигается к центру и более похож на [e] [34, с. 188]. Дж. Линдси говорит о диапазоне артикуляции ФСП в пределах вариантов [ə]~[ʌ]~[ɑ], и рекомендует желающим освоить британский акцент артикулировать гласный STRUT ближе к нейтральному гласному, что связано с продвижением к среднему ряду ФСП TRAP и нивелированию оппозиции между [æ] и [ʌ] (см. выше) [23].

Изменения в современном варианте RP также затрагивают ФСП LOT: молодые носители нормы используют более закрытый вариант реализации, приближающийся к кардинальному [ɔ], тогда как старшие носители нормы используют вариант, промежуточный между кардинальными [ɔ] и [ɒ] [33]. Таким образом, в trad-RP LOT по признаку подъема более близок к BATH, при $F1 \geq 600\text{Hz}$, тогда как в южно-британском произношении LOT ближе к THOUGHT, при $F1 \leq 600\text{ Hz}$ [28]. Информанты-участники ШГН реализуют LOT в диапазоне $F1=586\text{--}690\text{ Hz}$, что в целом свидетельствует о сохранении традиционного произношения ФСП. Следует отметить, что в речи всех информантов – участников ШГН монофтонг [ɔ] ближе к [ɑ:], чем к [ɔ:].

Исследование речи участников ШГН показало, что монофтонги LOT, STRUT имеют слабую вариабельность и относительную стабильность артикуляции в гендерном и возрастном отношении, однако, в женской речи наблюдается более закрытая и фронтированная артикуляция, чем в мужской. То есть, можно утверждать, что женщины не участвуют в продвижении гласного против часовой стрелки, что свидетельствует о разнонаправленных тенденциях, демонстрируемых различными гендерными группами (см. Рисунок 3, 4).

И мужчины, и женщины младших групп артикулируют гласные LOT, STRUT ближе к среднему ряду, чем участники старших групп, что наиболее выражено в речи женщин.

По сравнению с мужчинами старшей группы, в речи мужчин младшего возраста LOT реализован более открытым гласным.

В речи участников ШГН артикуляция STRUT и BATH не имеет тенденцию к сближению с диапазоном TRAP: все информанты реализуют [ʌ] и [ɑ:] более закрыто, чем [æ], с наиболее закрытой артикуляцией [ʌ] в речи женщин младшей возрастной группы.

FOOT, GOOSE. По мнению К. Аптона, всем формам RP свойственна артикуляция ФСП GOOSE как гласного заднего ряда высокого подъема, артикуляция может быть продвинутой, в особенности, у молодых информантов. ФСП артикулируется как полностью отодвинутый назад гласный перед [ɪ] (*pool, rule*) во всех вариантах RP и во всех позициях в рафинированном RP. Дифтонгизированный [ʊ] можно услышать в конце слова (как в *sue, who*) [34, с. 225]. Тенденция к централизации долгого [u:] отмечается еще Дж. Уэллсом в 1982 году, а в 2014 году А. Краттенден отмечает аллофонию ФСП в речи британцев: реализацию продвинутого к центру [ü:]/[ü̈] и дифтонгизированного [ʊ] [14]. В лондонском и южном произношении происходит фронтинг ФСП от [ɝ:] среднего ряда к гласному средне-переднего ряда [y:], что является также характеристикой речи жителей сельских юго-восточных регионов. Данное утверждение справедливо и по отношению к нелабиализованным вариантам [ɜ:]-[ɜ:/ɪ]. Фонетисты утверждают, что для пожилых информантов характерен вариант [ɝ:], для молодежи – [y:] и даже [y:] в палатальном окружении [10, с. 190].

По результатам исследования речи участников ШГН для краткого монофтонга FOOT и долгого монофтонга GOOSE характерно распределение всех реализаций на две группы аллофонов: с [ʊ/u:] (FOOT-, GOOSE-), выступающим как гласный средне-заднего ряда и продвинутым до средне-переднего ряда [ɝ/ɝ:] (FOOT+, GOOSE+). В данном исследовании впервые предпринята попытка анализа гендерной и возрастной специфики распределения двух вариантов указанных ФСП. В целом, женщины младшей группы используют более продвинутые варианты переменных, чем мужчины, в речи которых аллофон FOOT- близок по положению в ВП к нейтральному гласному [ə]. Однако, аллофон FOOT+ в речи мужчин младшей группы продвигается к средне-переднему ряду при F2 FOOT+>F2 DRESS. В реализации долгого монофтонга GOOSE аллофония еще более выражена, вариант GOOSE- у женщин и мужчин младших групп имеет тенденцию продвижения к центральному ряду и более открытой артикуляции, тогда как продвинутый вариант GOOSE+ ближе по ряду к монофтонгу KIT, чем DRESS в речи женщин младшей группы с максимальным значением F2=2027 Hz (см. Рисунок 3, 4).

BATH. Дж. Уэллс справедливо отмечает, что британец, владеющий произношением, близким к нормативному (near-RP), отличается от носителя RP отсутствием в речи фонемных оппозиций, свойственных RP. Подобным примером является сближение артикуляции монофтонгов TRAP [æ]~[a] и BATH [ɑ:] [31, с. 297]. На графиках, представляющих формантные показатели, наблюдается различие по признаку ряда между монофтонгами в речи мужчин более 300 Hz, в речи женщин – более 400 Hz, что свидетельствует о сохранении фонемной оппозиции между [æ]~[a] и [ɑ:].

Долгий монофтонг BATH незначительно варьируется в гендерном и возрастном аспектах, продвигаясь в перед в речи информантов младших групп. В речи как мужчин, так и женщин старшего возраста наблюдается схожесть положения гласного по признаку подъема, тогда как женщины младшей группы реализуют ФСП более открытым гласным, чем мужчины аналогичной возрастной группы и женщины старшей группы, что может свидетельствовать об отражении тенденции к сближению ФСП TRAP и BATH,

характерной для южно-британского произношения в целом, в речи женщин младшей возрастной группы.

THOUGHT. Долгий монофтонг [ɔ:] не проявляет выраженную вариативность; диапазон форманты F1, обозначающей подъем гласного, совпадает с данными о традиционной реализации монофтонга носителями RP. Артикуляция монофтонга в значительной степени подвержена влиянию L-вокализации, вследствие чего ФСП дифтонгируется до [ou] либо заменяется закрытым или средне-закрытым [u/ʊ]. Подобные изменения зафиксированы преимущественно в речи женщин. В частности, в речи молодых женщин зафиксировано до 15% реализаций [u/u:], что говорит о проникновении в RP особенностей, свойственных жителям Большого Лондона. Следует упомянуть об исчезающем различии между произношением [ɔ:] в речи носителей trad-RP и стандартным южно-британским произношением: южный [o] по форманте F1 не превышает 400 Hz, консервативный [ɔ:] находится на уровне 500 Hz [28]. В целом, информанты-участники ШГН демонстрируют диапазон реализации F1=458–555 Hz, что в небольшой степени отличается от данных о консервативном произношении. Вариативность в возрастном аспекте проявляется в стремлении к более закрытой реализации гласного в речи мужчин младшей группы по сравнению с показателями речи мужчин старшей группы, что свидетельствует об отдалении от традиционного произношения. Женщины младшей возрастной группы демонстрируют обратную тенденцию, что свидетельствует о выраженной гендерной вариативности ФСП [ɔ:].

ВЫВОДЫ

Многообразие произносительного стандарта, функционирующего в британском варианте АЯ, находится в центре проблемного поля социофонетики с середины прошлого века. Изменения, происходящие в стратификационной иерархии британского общества, отображаются в произносительных характеристиках социальных групп, затрагивая произносительную норму, которая более не является «закрытой» системой, устойчивой к воздействию смежных социолектов. Исследование реализации гласных монофтонгов в спонтанной речи участников «Шоу Грэма Нортон» – британцев, принадлежащих к высшему среднему классу и владеющих произносительной нормой, свидетельствует том, что участники возрастной группы 22–58 лет используют в своей речи варианты гласных переменных, соответствующие актуальным тенденциям южно-британского произношения, выявленным фонетистами за последние десятилетия. Для реализации сонантов в речи участников ШГН характерна как гендерная, так и возрастная вариативность. Сравнение произношения младшей и старшей возрастных групп позволило выявить следующие закономерности:

1. Фронтирование, расширение KIT, DRESS (в речи женщин младшей группы отодвигание DRESS к центральному ряду);
2. Ретардация TRAP и расширение артикуляции в речи мужчин, завершившееся в речи женщин (по результатам сравнения показателей в диахроническом срезе, см. Таблицу 1);
3. Сохранение оппозиций TRAP-STRUT-BATH (со сближением по подъему TRAP-BATH в речи женщин младшей группы);
4. Тенденция к консервативному произношению LOT, STRUT с централизацией LOT в речи женщин младшей группы до 100 Hz;

5. Аллофония [ʊ]/[u:] как в женской, так и в мужской речи: долгий монофтонг реализован продвинутым вплоть до [y:]/[i:] гласным и дифтонгизированным [ou], краткий [ʊ] выступает продвинутым [ʊ] и близким к нейтральному [ə];

6. Реализация более традиционного варианта THOUGHT в речи женщин с тенденцией к более авангардной, закрытой артикуляции в речи мужчин младшей возрастной группы.

Взаимосвязь расширения монофтонгов переднего ряда, тенденции к более закрытой артикуляции [ɔ:], продвижения по ряду [ʊ]/[u:] с L-вокализацией, отмечаемая в трудах фонетистов последних лет, представляет интерес для последующего более пристального изучения.

Список литературы

1. *Ахманова О. С., Онищенко Ю. В.* Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. *Вербицкая Л. А.* Давайте говорить правильно. Пособие по русскому языку: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2001. – 239 с.
3. *Мележик К. А.* Социолингвистическая вариативность дискурса английского «реального» телевидения (на материале реалити-шоу «Большой Брат»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – Донецк, 2009. – 20 с.
4. *Онищенко Ю. В.* Современные особенности английского произношения на материале речи женщин - участниц дискурса массмедиа Великобритании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 102–107.
5. *Петренко А. Д., Петренко Д. А.* К 120-летию формирования немецкой произносительной нормы // Иностранные языки в высшей школе. – 2018. – №1 (44). – С. 7–16.
6. *Петренко А. Д., Петренко Д. А.* Опыт социофонетического изучения звучащей речи // Иностранные языки в высшей школе. – 2019. – №3 (50). – С. 23–36.
7. *Петренко А. Д., Петренко Д. А.* Социофонетические аспекты вариативности языка // Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации. Сборник научных трудов. В 2-х томах. – Ярославль, 2017. – Т. 2. – С. 107–116.
8. *Федотова Ю. Б.* Фоностилистика вариативность социолекта лондонских студентов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Донецк, 2014. – 20 с.
9. *Altendorf U.* Estuary English. Levelling at the Interface of RP and South-Eastern British English. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003.
10. *Altendorf U., Watt D.* The dialects in the South of England: phonology // A Handbook of Varieties of English. – Vol. 1: Phonology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – 1168p. – p. 178–204.
11. *Biressi A., Nunn H.* Class and Contemporary British Culture. – London: Palgrave Macmillan, 2013.
12. *Bjelaković A.* The vowels of contemporary RP: Vowel formant measurements for BBC newsreaders // English Language and Linguistics. – 2017. – Vol. 21. – Iss. 3. – pp. 501–532.
13. *Cruttenden A.* Gimson's pronunciation of English, Sixth Edition. – London: Hodder Arnold, 2001. – 339 p.
14. *Cruttenden A.* Gimson's Pronunciation of English. Eighth ed. L. – N. Y.: Routledge, 2014. – 410 p.
15. *Crystal D.* Language and time. – 2014. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/voices/yourvoice/feature2_4.shtml. – (Дата обращения: October 2022).
16. *Delingpole J.* Thank God I Don't Have that Ghastly Sense of Entitlement that Eton Instils // The Spectator. – 17 December 2011. – Режим доступа: <https://www.spectator.co.uk/article/thank-god-i-don-t-have-that-ghastly-sense-of-entitlement-that-eton-instils>. – (Дата обращения: October 2022).
17. *Evans I.* 'New affluent workers' and 'precariats'? Britain's classes get makeover. – Режим доступа: <https://www.csmonitor.com/World/Europe/2013/0403/New-affluent-workers-and-precariats-Britain-s-classes-get-makeover>. – (Дата обращения: October 2022).
18. *Gimson A. C.* An introduction to the pronunciation of English. – London: Edward Arnold, 1962. – 294 p.
19. *Honey J.* Does Accent Matter? – London, 1989. – 208 p.
20. *Jones, D.* English pronouncing dictionary, 18th edition, ed. Peter Roach, Jane Setter & John Esling. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 614 p.
21. *Kerswill P.* Models of linguistic change and diffusion: new evidence from dialect leveling in British

- English // Reading Working Papers in Linguistics. – 2002. – № 6. – P. 187–216.
22. Kroes R. Language awareness. – Режим доступа: <https://languageawarenessbyrosalie.weebly.com/social-dialects.html>. – (Дата обращения: October 2022).
 23. Labov W. Principles of Linguistic Change, vol. 2: Social Factors. – Oxford: Blackwell, 2001. – 592 p.
 24. Lindsey G. English After RP: Standard British Pronunciation Today. – Cham Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. – 153 p.
 25. Lindsey G. The British English vowel system. – 8 March 2012. – Режим доступа: <https://www.englishspeechservices.com/blog/british-vowels>. – (Дата обращения: October 2022).
 26. Roach P. English phonetics and phonology: a practical course. – 4th ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 231 p.
 27. Rosewarne D. Estuary English – tomorrow’s RP? English Today. – 1994. – Vol. 10. – No. 1. – Режим доступа: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/rosew94.htm>. – (Дата обращения: October 2022).
 28. Southern British English. – Режим доступа: <https://swphonetics.com/articulation/accents/sbe/>. – (Дата обращения: October 2022).
 29. Trudgill P. Sociolinguistics: an Introduction to language and society. – 4-th ed. – London: Penguin Books, 2000. – 222 p.
 30. Trudgill P. The Social Differentiation of English in Norwich. – Cambridge: Cambridge University Press, 1974. – 211 p.
 31. Wells J. C. Accents of English, 3 vols. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 673 p.
 32. Wells J. C. A study of the formants of pure vowels of British English. MA dissertation. – London: University College London, 1962. Режим доступа: <https://www.phon.ucl.ac.uk/home/wells/formants/index.htm> (Дата обращения: October 2022).
 33. Wikström J. An acoustic study of the RP English LOT and THOUGHT vowels // Journal of the International Phonetic Association. – 2013. – № 43 (01). – pp. 37–47.
 34. Upton C. Received Pronunciation // A Handbook of Varieties of English. Vol. 1: Phonology. –Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – P. 217–231.

References

1. Ahmanova O. S. *Slovar' lingvистических терминов* [Dictionary of linguistic terms]. 2nd edition. Moskva, URSS: Editorial URSS, 2004. 571 p.
2. Verbickaja L. A. *Davajte govorit' pravil'no. Posobie po russkomu jazyku* [Let us speak correctly. Textbook for Russian language studies]. 2nd edition. Moskva, Vysshaya shkola, 2001. 239 p.
3. Melezhik K. A. *Sociolingvистическая вариативность дискурса англйского «real'nogo» телевидения (na materiale realiti-show «Bol'shoj Brat»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04* [Sociolinguistic variability of English «real TV» discourse (on the material of the reality-show «Big Brother»). Abstract of thesis]. Doneck, 2009. 20 p.
4. Onishenko Ju.V. *Sovremennye osobennosti англйского произношения na materiale rechi zhenshin - uchastnic diskursa massmedia Velikobritanii* [Modern peculiarities of English pronunciation on the material of speech of female participants of mass-media discourse in Great Britain]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2021, Vol. 14, no 1, pp. 102–107.
5. Petrenko A. D. Petrenko D. A. *K 120-letiju formirovaniya nemeckoj proiznositel'noj normy* [On the 120th anniversary of formation of the German pronunciation norm]. *Inostrannye jazyki v vysshej shkole*, 2018, no 1 (44), pp. 7–16.
6. Petrenko A. D. Petrenko D. A. *Opyt sociofoneticheskogo izuchenija zvuchashhej rechi* [The experience of sociophonetic study of sounding speech]. *Inostrannye jazyki v vysshej shkole*, 2019, no 3 (50), pp. 23–36.
7. Petrenko A. D. Petrenko D. A. *Sociofoneticheskie aspekty variativnosti jazyka* [Sociophonetic aspects of language varieties]. *Chelovek v informacionnom prostranstve: ponimanie v kommunikacii. Sbornik nauchnyh trudov*. In 2 Vol. Jaroslavl', 2017, Vol. 2, pp. 107–116.
8. Fedotova Ju. B. *Fonostilistическая вариативность социолекта лондонских студентов: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04* [Phonostylistic variability of the sociolect of London students. Abstract of thesis]. Doneck, 2014. 20 p.
9. Altendorf U. *Estuary English. Levelling at the Interface of RP and South-Eastern British English*. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 2003.

10. Altendorf U., Watt D. *The dialects in the South of England: phonology*. A Handbook of Varieties of English, Vol. 1: Phonology. Berlin : Mouton de Gruyter, 2004, pp. 178-204.
11. Biressi A., Nunn H. *Class and Contemporary British Culture*. London, Palgrave Macmillan, 2013.
12. Bjelaković A. *The vowels of contemporary RP: Vowel formant measurements for BBC newsreaders*. English Language and Linguistics, 2017, Vol. 21, Iss. 3, pp. 501–532.
13. Cruttenden A. *Gimson's pronunciation of English*. Sixth Ed. London, Hodder Arnold, 2001. 339 p.
14. Cruttenden A. *Gimson's Pronunciation of English*. Eighth Ed.. New York, Routledge, 2014. 410 p.
15. Crystal D. *Language and time*. 2014. Available from: http://www.bbc.co.uk/voices/yourvoice/feature2_4.shtml (accessed October 2022).
16. Delingpole J. *Thank God I Don't Have that Ghastly Sense of Entitlement that Eton Instils*. The Spectator, 17 December 2011. Available from: <https://www.spectator.co.uk/article/thank-god-i-don-t-have-that-ghastly-sense-of-entitlement-that-eton-instils> (accessed October 2022).
17. Evans I. *'New affluent workers' and 'precariats'? Britain's classes get makeover* Available from: <https://www.csmonitor.com/World/Europe/2013/0403/New-affluent-workers-and-precariats-Britain-s-classes-get-makeover> (accessed October 2022).
18. Gimson Alfred C. *An introduction to the pronunciation of English*. London, Edward Arnold, 1962. 294 p.
19. Honey J. *Does Accent Matter?* London, 1989. 208 p.
20. Jones, D. *English pronouncing dictionary*. 18th edition. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. 614 p.
21. Kerswill P. *Models of linguistic change and diffusion: new evidence from dialect leveling in British English*. Reading Working Papers in Linguistics, 2002, no 6, pp. 187–216.
22. Kroes R. *Language awareness*. Available from: <https://languageawarenessbyrosalie.weebly.com/social-dialects.html> (accessed October 2022).
23. Labov W. *Principles of Linguistic Change. Vol. 2: Social Factors*, Oxford, Blackwell, 2001. 592 p.
24. Lindsey G. *English After RP: Standard British Pronunciation Today*. Cham Switzerland, Palgrave Macmillan, 2019. 153 p.
25. Lindsey G. *The British English vowel system*. 8 March 2012. Available from: <https://www.englishspeechservices.com/blog/british-vowels>. (accessed October 2022).
26. Roach P. *English phonetics and phonology: a practical course*. 4th ed. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 231 p.
27. Rosewarne D. *Estuary English – tomorrow's RP?* English Today 1994, Vol. 10, No. 1. Available from: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/rosew94.htm> (accessed October 2022).
28. *Southern British English*. Available from: <https://swphonetics.com/articulation/accents/sbe/> (accessed October 2022).
29. Trudgill P. *Sociolinguistics: an Introduction to language and society*. 4-th ed. London, Penguin Books, 2000. 222 p.
30. Trudgill P. *The Social Differentiation of English in Norwich*. Cambridge, Cambridge University Press, 1974. 211 p.
31. Wells J. C. *Accents of English*. 3 vols. Cambridge, Cambridge University Press, 1982. 673 p.
32. Wells J. C. *A study of the formants of pure vowels of British English. MA dissertation*. London, University College London, 1962. Available from: <https://www.phon.ucl.ac.uk/home/wells/formants/index.htm> (accessed October 2022).
33. Wikström J. *An acoustic study of the RP English LOT and THOUGHT vowels*. Journal of the International Phonetic Association, April 2013, no 43(01), pp. 37–47.
34. Upton C. *Received Pronunciation*. A Handbook of Varieties of English, Vol. 1: Phonology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004, pp. 217–231.

**CURRENT TRENDS IN THE REALIZATION OF VOWEL MONOPHTHONGS
IN STANDARD BRITISH PRONUNCIATION (ON THE MATERIAL OF THE
COMEDY TALK SHOW PARTICIPANTS' SPEECH)¹**

Petrenko A. D., Onishenko Ju. V.

The article is devoted to the investigation of realization of the specific features on the segment level of the English phonetic system in the speech of British participants of the comedy show “Graham Norton Show” which use the standard pronunciation. To conduct the mentioned empiric research close attention was paid to theoretical aspects of the development and establishment of British pronunciation norm and its status in the modern British society. Analysis of vowel monophthongs of contemporary RP in the speech of British participants of the comedy show “Graham Norton Show” is carried out. The data obtained in the result of the complex phonetic-phonological analysis (average measurements of F1 and F2 formants) are compared with the relevant data found in the latest papers of British phoneticians in order to demonstrate some current trends in the development of contemporary pronunciation norm of national British English. The research uses general scientific methods and those which are specific for identifying the peculiar features of phonetic variables distribution, systematizing of the obtained data and interpretation of the results in the aspects of sociophonetics and phonostylistics.

Key words: standard pronunciation, linguistic change, British pronunciation norm (RP), unprepared speech, vowel monophthongs, vowel shift.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 program N 075-15-2021-1323.

УДК 81'27

MULTIVECTORIAL NATURE OF IDENTIFICATION WITHIN THE FRAMEWORK OF SOCIOLINGUISTIC RESEARCH¹

Petrenko A. D., Shevel V. G.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: aldpetrenko@mail.ru; shevel.valeriya@gmail.com*

The paper is devoted to the issues of individual and collective identification within the context of globalized, internalized, digitalized implications of the modern world. The article discusses multivectorial representations of the concept of identification from the sociolinguistic point of view, is aimed at describing the constituents of an identity creation process in terms of primary and secondary affiliation. Multivectoriality of identification is seen as evoking of accumulated social, national, cultural, communicative, situational, psychological mechanisms to verify the descriptors of personal and ascribed nature, to gain an understanding of feasibility to adapt to and assimilate to situational as well as communicative landscape. The paper also attempts to delineate the reflexive identificational markers of group susceptibility to contribute validity of verification, introduce a complimentary mechanism of supporting a rapport among group participants. The dynamic modifications of situational conditions, affiliations are made to, has brought forward synchronous and asynchronous contexts of online means for identity construction, reconstruction of a meaning. Online identification is seen in terms of initial and recurrent creation of a meaning, social assertions and psychological outcomes. Online identity recreation is a process of implementing a complex of planned and circumstantial steps and actions, aimed at achieving subjective conformity between introspective understandings of oneself and prospective image to be presented and apperceived by others, by way of translating virtual representations, to get societal feedback in reaffirmation, reassessment.

Keywords: sociolinguistics, multivectorial identification, self-identification, collective identification, national identification, online identification, reflexive identificational markers.

INTRODUCTION

The multifaceted and intercultural nature of sociolinguistic agenda and a research design, respectively, requires thorough differentiation of what is identification, social and national identification, language identification as components (structural elements) of identity creation process in terms of individual and collective perspective, within the framework of primary and secondary identification, from the sociolinguistic standpoint.

The ethno-social outcomes of pervasive processes of globalization and transnationalization have increasingly foregrounded the importance of the ideas of oneness, preserving, establishing one's own unique identities, which is seen as an important condition of functioning of a contemporary society, bordering on striving for declaring oneself, searching for identity, building the identity, showing distinctive uniqueness, self worth and value, self-image, social and national exclusiveness as well as diachronic value [1–11; 15].

The particularities of description of the identity concept are connected to the dynamics of complexity and polysynthesis of its content. The societal structuralism, dichotomies of approaches, cultural diversity, protean character of societal roles, clusteriness of interaction sphere contribute the issue of individual and collective differentiation [12–19; 33; 40; 41; 54;

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 program N 075-15-2021-1323.

58]. Tendency to hyper-reflection and elaborated self questioning as to the conditions of the modern world implicates the dialectic of personal and collaborative identification [40].

Identities are representations of our «self», showing ascribed description of inner self that could be changed due to various extrinsic (status or prestige found in a group, receptivity to situational factors, existential self and mutual perception, social commitment, environmental concerns, demographic transitions such as migration, culturally-driven issues as acculturation) or intrinsic (switch in aspirations, lowering of a degree of personal motivation or satisfaction, reversion of a value system) conditions, modifications of which represent contextual and introverted motives that correlate to persons multicomponent vectoring – values that introduce an hierarchy of ideas, stemmed from inhabited beliefs, accumulated experience, personal observations that result in choices and decisions that are made, evaluations are based on.

RESULTS AND DISCUSSION

Cognitive and cultural matters of self-discovery, making up and exhibiting identity are of interdisciplinary interest, accentuating multiplicity and reduplication of roles [41]. The dichotomy of nature of portraying an identity is marked by its inhabited and ascribed constituents [30]. Inhabited identity is a first-person retrospective representation of himself/herself, «I»-identity he/she considers himself/herself, while ascribed one is a third-person signified projection. In terms of socializing, M. Hecht accentuates four-tiered compound structure of identity construction: personal identity – introspective internal portrait of an individual, induced and confined by an individual himself/herself; reproduced (articulated) identity – the manner, individual regulates the patterns of functional task-oriented and socially acknowledged behavior, is organized, articulated and produced in speech interactions, realized by means of pragmatizing and collaborating with others; interpersonal identity – explicitly stated correlation of individuals' identity compared to otherselves i.e. behavioral identity, seen as a cause-effect consistency of reactions and patterns formed by external reality and prior experiences to specify a degree of involvement, embodiment in relationship; communal identity – bounded reproductions of multiple interacting identities that reflect common accumulated impedimenta [44; 45]. The cohesion of fragmented personal, performed, contact and conjoint segments and their internalized concepts that influence each other and interpenetrate [45], determine multiplicity of roles of an individual, performed through the personifications of interacting identities, set a diapason of variability of groupings, individuals, being a part of.

Group inclusion – incorporating new members, of coherent or spontaneous manner, to aggregate and find group stability. Understanding a group concept implies rendering to contacting individuals, sharing opinionated vision of belonging to a particular form of collective expression, that constantly or occasionally cooperate, in terms of essential importance or functional complementarity, as according to C. H. Cooley, within primary groups and secondary groups [35]. The first one, follow personal approach to interaction, so that private affiliation contributes identification, the second one, practice performance-oriented approach to interaction, whilst achievements define the identity. T. Parsons highlights the model of distinctive characteristics that delineate the groups: the initial, tend to be relational, private, personally exposed, group-centered, are not theme restricted; the latter, balance the behavior in personally and emotionally detached, structured, hierarchically constructed, concentrated on pursuing goal attainment, matter-of-fact cooperation, concrete and denotative manner [60].

Affiliation to a certain group or group of choice, any representation of collective identity define a set of rules and behaviours that is understood as common or in-group accepted, breeding and constructing intragroup, as proposed by H. Tajfel and J. Turner [65], solidarity, loyalty, the

members of which, are affected by identity-type cognitive rules and pursued categorizations, confine themselves to models of a focal group, internalizing its opinions, orientations and expectations, promoted to show acceptance, commitment and respect to intragroup peers, sharing group-centered thinking [65]. The scope of a necessary affiliation is valid, if the aim of an inclusion, alliance, need for joint attention, cooperation in group shared environments is met, or if identification is seen through the lens of plural value systems, gratification of needs, through the pragmatic perspective of resources and physical assets to be attained by means of this affiliation, considering association with this inheritance and granting of a group as a driving force to be communicated to the outer circle [61]. Therefore, primary affiliation implies initial stage of categorization and internalization of coordinate group system, whilst secondary affiliation is regarded as recategorization, second stage internalization of coordinate group system.

The concept of collective identity could be developed and realized in a variety of social contexts depending on the scope of groupings, mission, situational conditions, people are encountered to counteract in. The unifying background that bind and aggregate the groupings: regular contacts, used coordinate system that is defined as accepted. According to C. Corrigan-Brown, sharing the concept of collective identity in the context of social identification, breeds high social performance and influence the exponent of excellence [36].

Collective identity is often negotiated in terms, referred to cultural aspects: ethnicity, religion; social categories: gender, occupation, income classification; national factors. Collective identity exhibits self-affiliated distinctiveness of an ethnos, which forms inner motivation to conform to certain group related descriptors and translate them to the world by right of their exclusiveness [27]. Cultural inheritance and common genealogical milieu build what is referred to as ethnic identity [53]. Individuals of collectivistic cultural orientation tend to consolidate social order, agreement, social patterns and guidelines of relationship and cooperation, aimed at pledging allegiance [66].

Social identity theory, as formulated by H. Tajfel [64; 65], is concerned with social belonging of a person to a certain category or grouping and structuring of his/her self is based on this affiliation, ranging the importance of the group in accordance with the system of ideas, beliefs and principles, categorizing the facts of social reality and finding resemblances through the multivector lens of criterion [63–65]. In the context of identity as a part of social self, A. Giddens notes the interdependence of social institutes and the identity [40]. The reciprocal basis of the interaction is expressed by defining centrifugal vectors of societal dynamics, given rise by institutions, translated via agreed and joint informative account of recommendations, descriptions and samples to consider, that individuals learn, assimilate to and follow.

In terms of societal life, P. Bourdieu evolves the guidelines that are laid down in ones infancy, through which choices could be made and culture consumed, assimilated and adapted to individuals system of concept accumulations [31].

In its denotative meaning, nation is a large group of people of homogenous ethnicity, who share the same language, traditions and history, but who might not all live in one area [32]. Being a representation of an ethnic unity, the nation, is one of the groups of high significance, people allude to, to mark their identity [29], means of nomination that is aimed at interpreting its representatives as involved and present.

G. Cohn highlights that nations are not to be compared to other communities of shared descent by ancestor or dwelling [34]. J. Herder implied by nation, unity of people that are connected by triple background of kinship, governance and language [38].

The description of the fourfold nature of national identities is subsumed to a) a common origin of a group, b) a common language code, c) a certain territorial unity, people inhabiting it, and an administrative (regulatory) body of control d) coherence of economic life [53]. Oftentimes perplexed by the willingness to coexist, sense of a shared destiny [39], characteristics of national consciousness.

In most general terms national identity is understood as a representation of collective self or collective identity, being structurally intertwined with social identity, originating from the idea of perceiving and differentiating oneself, understanding oneself as a distinguished or separate individual, but as a part of complex linguo-cultural communal self.

According to R. Jenkins, national identity, being a way of expression of collective identity, is a construct of identity formation of an individual by means of which, the discovery of his/her place in the world is learned and perfected, in relation to others, impressing on them a mission that they acknowledge and make them feel accepted and secure [51]. Traditionally, national identification takes place in point of other representatives of potentially shared national trajectory and forms of symbolism: of unity and exercising sovereignty. R. Allott mentions that individuals make the most considerable use of national attributes of identification, oftentimes acquire personal identity [25].

Tokening of a concept of national identification is connected to collective expression of national character, which is seen, as a unified sum of the most remarkable ethnic-dependent demonstrative patterns of thinking, behavior, emotional response that guide individuals through the performance within ethnic related environment. As far as the worldwide cultural arena is concerned, it is commonly being associated with global identities, which address susceptibility to various social, cultural, and political realities of a macro-centered context, to integrate to individual micro-centered contexts and develop understanding of himself/herself as a part of complex multivariate unity, therefore, regarding to global national identities, refer to «postnational self» – the fact of attributing oneself to a multifaceted multiple arrays of particularities, states and embodiments, such as beliefs, ideas, perceptions, concerns of national origin, allegiance, adaptivity, civil position, symbolical indicators [67; 46].

National identity is always marked by a language and language policy [26; 30]. H. G. Schmid stresses that national identity and speaking codified language are convolved and interrelated phenomenon [62].

Being retrospectively and currently seen as a means of nation building, nation unity, an opportunity to perpetuate a composition of the national mind, a language, in this connotation, specifically, is interpreted as immersed metalinguistic manifestations, transmitted by cultural and social ways of identity representations, of language and language variants [30].

Sociolinguistic specter of research implies rendering to a linguistic landscape of a community, which functions as a tool of expressing, translating accumulated communicative, cultural, cognitive heritage – collective experience. Language portrait of a nation, in the context of association with national collective self, depicts traits of traditional socio-psychological mechanism, including values, beliefs, ideas, characteristics of national meaning that people, sharing conjoint collective identity, possess. The isomorphic nature of shared system of traditions and a common communicative tool – national language is as follows – consolidating, for those professing adherence (inner circle), and, restrained, for those, who are not engaged in cultural and communicative dialogue in terms of a nation (outer circle).

The purport of the unifying function of a language is accumulated in its cohesion as a characteristic of a nation, that presupposes creation of a common language zone, that depending

on the nature of its constituents, provide acceptable communicative space each group representative, each speaker. Elaborating this code, by means of mutual engagement – affiliates, codifies and nostrifies, giving a sense of belonging to a certain spectrum of linguistic and non linguistic practices, contributes the process of forming a collective identity. The realization of a restrained function is implicated in propensity of an aggregate of people – to choose a particular communicating instrument, to distinguish themselves, differentiate as speakers by means of ratification. Individuals construe themselves in the world through the language or language variety they implement [56], thus, implications and projections that they attribute, demonstrate the potential, anticipate social destinations and outcomes as to the expected performance, contacts. B. Bernstein theorizes probability of meeting high standards of social efficiency due to usage of elaborated code in context-dependent situations [28]. Respectively, reducing the potential repertoire of decoding a meaning, results in statics of interpretation, neutralize capacity to change, develop large-scale or short scale awareness.

Every communicative situation, every speech act implies not just the physical articulated process itself, but linguocultural background of a speaker, psychological and emotional aspects of speech i.e. being polychannel, what makes the content of identity an important part of communicated utterance, aimed to perform particular functions and aims [20–24; 43; 49]. In this connection, non isomorphic background of identity creation process is as follows, either reflexive, in terms of susceptibility, including linguistic, or habitual, led by previously accumulated patterns and scripts [31]. The multivectority of reflexive identificational susceptibility herein after is understood as implementation of accumulated communicative, cultural, situational instruments, available to the participants of communicative situation, invoked to achieve compositional adaptivity, that denotes the diapason of the realization of a distinctive function, the positive dynamics of which, enlarges the space for fulfillment of the intentions of a particular communicative situation, deducing a sum of unifying markers, to regulate and sustain communicative cooperation within a wide range of situational conditions, the necessity of interpretation of which, was brought forward by J. Gumperz [42].

Perceptual susceptibility could be inferred to receptivity to distinguished speech characteristics as sounds combining and manipulation, to particularities of articulated basis, applied to cultural impedimenta of participants, of a communicative situation; cultural susceptibility is concerned with assigned significance, attributed to cultural phenomenon and facets, by means of a language code by cultural-experienced speakers; situational susceptibility is referred to formulating an intention, to recognize the traits of personal and conjoint affiliation of the speakers, ability to decode conditions to assimilate to; elicitation and acknowledging of socio-pragmatic motives, such as recognition-driven preference, towards implementation of a respective language code.

Language-oriented activities, meant to support and formalize the instrument of communication, could find fulfillment in different related and unrelated to language practices. D. Crystal puts forward a tiered structure of descriptors, aimed at language consolidation: increasing an overt prestige of social value, improving the level of extrinsically valuable resources of speakers in relation to others, promoting nostrification in the context of a particular language situation, ratification of public educational policies of national matter, intense use in written forms of communication, acknowledgement as a network means of interaction [37; 50]. Among the language conservation procedures, E. Jones points out elaboration and teaching codified language representation; creating communities that serve as mediators to support the continued usage of the language in daily contexts [52; 57]; introducing preschool programs;

practicing elementary school programs of immersion to integrate a language in curriculum [59]; pursuing broadcasting via telecommunication [52].

Touching upon the issue of intermediate forms of interaction, aimed at language consolidation, the vector of communicative intention could be directed towards the language policy, put into practice through the computer-mediated communication (CMC), which is seen as a unifying term that represents different types of communicative co-operation via-network-supported means. Either synchronous or asynchronous ways of their occurrence, are commonly multidirectional, thus, could be pursued to maintain communicative engagements, balance the process, register translated utterance, document acoustic data, accumulate written database, keep and protocol authenticity of a prosody and emotive prosody landscape. In relation to national and cultural milieu – to construct language solidarity, transmit a sense of commonness, foster unity, construct identity, reconstruct a meaning [47; 55].

Re-creation of your individual self, structuring a self-concept according to your own accepted or selective criteria, in a virtual context, with the help of computer-mediated means of communication – are the processes, related to the conceptualizations of building an online identity. Online identity – a set of differentiating characteristics of an individual that represents a person in cyber environment. It is suggested that, varying from offline identity, evolving virtual identity is a) not limited by harsh time constraints, enabling a fast pace initial and secondary identification coining, b) could be realized by asynchronous steps, c) changes or edits can have infinite character; b) the vector of development is not restrained, d) could be situation-dependent i.e. limited by the immanent functions of the used platform [55].

Mechanisms that are endogenous, find exogenous impact: translate socially-desired image to obtain social recognition, enhance outer self actualization and prestige that could be unattainable in offline contexts, extend ways of communicating. Though social assertions, outcomes of the activities are psychologically associated: raising subjective self-esteem by means of converting or avoiding factors of deflation; transmitting factual identity content as well as simulating real life contexts via effortless achievements; changing and handling multiple identities; evolving self-efficacy as to the persons' capability to achieve specific result within the social and professional framework; contributing potential performance as a part of self validation and validation made by others; developing self-awareness in regard to results of interactive behavior with the members of online community and ascertaining their role in a group.

The progressive deviation exponent of elaborated image and objective representation of an individual, from the first or third person perspective, is shown in self-discrepancy theory introduced by E. T. Higgins [48]. The multidimensional approach to description of online identity re-creation implies self-referential components: the actual self (a number of physical, cognitive, social realizations, a person has in real life contexts), the ideal self (hypothetically, the most prominent and elaborated realizations of an individual, living up to potential) and the ought self (personification, centered on, to meet expectations of the outer circle, follow the accepted patterns of behaviour in terms of individual and collective performance) and third person referential inference of these concepts, the correlation of which denotes downgraded long term cognitive, though social outcomes.

Consequently, online identity re-creation is a process of implementing a complex of planned and circumstantial steps and actions, aimed at achieving subjective conformity between introspective understandings of oneself and prospective image to be presented and apperceived

by others, by way of translating virtual representations, to get societal feedback in reaffirmation, reassessment.

CONCLUSION

The identity construct of an individual is a complex eclectic set of characteristics that compose a structured unity of self-expression. Internalized attitudes and behaviors, which are being assimilated in the process of personal and collective experiences, contribute the dynamics of idiosyncratic, though, tiered process of identification, the plausibility of which, is connected to the matters of personally affiliated and ascribed constituents, primary and secondary identification, existential, motivational aspects of external and internal nature. The diapason of these processes is defined by orientations of realities within a global landscape (globalization, hybridization, digitalization) and segmented micro contexts of individuals (need for self-actualization, self-definition). The significance of the content of identity is defined by the role of the linguo-cultural and situational multivector lens of identification of a person that is implemented to realize a distinctive function, assign significance, create and recreate a meaning.

Список литературы

1. Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ялта - Симферополь, 04–05 мая 2017 года / под ред. А. Д. Петренко. – Ялта - Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2017. – 564 с.
2. Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы II Международного научного конгресса, Симферополь, 03–28 апреля 2017 года / под ред. А. Д. Петренко, Е. В. Полховской, Д. М. Храбсковой, Е. Н. Мазиной. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2017. – 540 с.
3. Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы III Международного научного конгресса, Симферополь, 02–20 апреля 2018 года / под ред. Е. В. Полховской, А. Д. Петренко. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. – 624 с.
4. Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы IV Международного научного конгресса, Симферополь, 01–19 апреля 2019 года / под ред. Е. В. Полховской, А. Д. Петренко. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2019. – 500 с.
5. Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы V Международного научного конгресса, Симферополь, 09–24 апреля 2020 года / под ред. Е. В. Полховской, А. Д. Петренко. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2020. – 352 с.
6. Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы VI Международного научного конгресса / под ред. А. Д. Петренко, Е. В. Полховской, М. В. Беловенцевой, Н. А. Вовк, Т. А. Радченко. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – 464 с.
7. Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: Материалы II Международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 30 ноября – 04 декабря 2017 года / под общей редакцией А. Д. Петренко. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью "Антиква", 2018. – 272 с.
8. Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: материалы III Международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 28 ноября – 05 декабря 2018 года / под ред. А. Д. Петренко. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью "Антиква", 2019. – 260 с.
9. Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: материалы IV Международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 28–29 ноября 2019 года

- / под ред. А. Д. Петренко. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью "Антиква", 2020. – 384 с.
10. Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: V Международная междисциплинарная научная конференция, Симферополь, 26–27 ноября 2020 года / под общей редакцией А. Д. Петренко. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью "Антиква", 2021. – 502 с.
 11. Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: Материалы VI Международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2021 года / под общей редакцией А. Д. Петренко. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью "Антиква", 2022. – 344 с.
 12. Научная школа социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко / под ред. Д. М. Храбсковой, К. А. Мележик, Д. А. Петренко, Э. Ш. Исаева. – Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2017. – 44 с.
 13. *Петренко А. Д., Бухаров В. М., Петренко Д. А., Храбскова Д. М.* и др. Социофонетика и фоностиликтика (опыт, актуальная проблематика, перспективы). – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2018. – 370 с.
 14. *Петренко А. Д., Ласкова М. В., Лазарев В. А., Петренко Д. А., Храбскова Д. М., Мележик К. А.* и др. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры. – Москва: Издательство "Перо", 2015. – 491 с.
 15. *Петренко А. Д., Мележик К. А.* Вариативность языковой ситуации в Европейском союзе: Курс лекций. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2016. – 87 с.
 16. *Петренко А. Д., Мележик К. А., Петренко Д. А., Бридко Т. В., Храбскова Д. М.* Социальные аспекты языковой вариативности: Монография. – Саки: Издательство ПП «Предприятие Феникс», 2013. – 276 с.
 17. *Петренко А. Д.* Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. – Киев: Рідна мова, 1998. – 254 с.
 18. *Петренко А. Д., Храбскова Д. М., Петренко Д. А., Исаев Э. Ш.* Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2011. – 204 с.
 19. *Петренко А. Д., Петренко Д. А., Храбскова Д. М., Исаев Э. Ш.* Социолингвистическая вариативность национального языка как целостной структуры. – Севастополь: Украинский морской институт, 2009. – 182 с.
 20. Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы VII Международного научного конгресса / под ред. А. Д. Петренко, Е. В. Полховской, Н. А. Вовк, Е. Н. Мазиной, Т. А. Радченко, А. И. Безверхней, В. М. Каберкон. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – 636 с.
 21. Социофонетика и фоностиликтика: От теории к практике: Материалы V Межрегиональной научной конференции, Симферополь, 16–17 июня 2022 года / под ред. А. Д. Петренко. – Симферополь: «Полипринт», 2022. – 62 с.
 22. Социофонетика и фоностиликтика: От теории к практике: Материалы IV Межрегиональной научной конференции, Симферополь, 17–18 июня 2021 года / под ред. А. Д. Петренко. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2021. – 60 с.
 23. Социофонетика и фоностиликтика: От теории к практике: материалы III Межрегиональной научной конференции, Симферополь, 17–18 июня 2020 года / под ред. А. Д. Петренко. – Симферополь: ИП Бровко А. А., 2020. – 77 с.
 24. Социофонетика и фоностиликтика: От теории к практике: материалы Межрегиональной научной конференции, Симферополь, 15–16 ноября 2018 года / под ред. А. Д. Петренко. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2018. – 90 с.
 25. *Allott R.* The natural origin of language: the structural inter-relation of language, visual perception and action. – Xlibris Corporation, 2012. – 400 p.
 26. *Anderson. B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London: Verso, 1983. – 256 p.
 27. *Ben-Rafael E.* Ethnicity, Sociology of. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. – Blackwell Publishing Ltd, 2001. – P. 4838-4842.

28. *Bernstein B.* Class, Codes and Control. – London: Routledge, 1971. – Vol. 1. – 225 p.
29. *Billig M.* Banal Nationalism. Loughborough University: SAGE Publications Ltd, 1995, 208 p.
30. *Blommaert J.* Language Policy and National Identity. An Introduction to Language Policy: Theory and Method. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006. – P. 238-254.
31. *Bourdieu P.* Outline of a Theory of Practice. Cambridge Studies in Social and Cultural Anthropology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – 255 p.
32. Cambridge Dictionary. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/nation>. – (Дата обращения: 20. 10. 2022).
33. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture: The Power of Identity. – Oxford: Blackwell, 1997, vol. II. – 625 p.
34. *Cohn G.* A history of political economy. – Wentworth Press, 2019. – 144 p.
35. *Cooley C. H.* Human nature and the social order. – New York: Scribner, 1902. – 413 p.
36. *Corrigall-Brown C., Snow D. A., Quist T., Smith K.* Protest among the homeless: Explaining differential participation // Sociological Perspectives. – 2009. – No 52(3). – P. 309–336.
37. *Crystal D.* Language death. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 208 p.
38. *Dover C.* “The Racial Philosophy of Johann Herder” // The British Journal of Sociology. – JSTOR. – 1952. – Vol. 3. – No. 2. – Pp. 124–33.
39. *Emerson R. M.* ‘Exchange Theory, Part I: A Psychological Basis For Social Exchange’. Sociological Theories in Progress. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1976, v. 2. – P. 335–362.
40. *Giddens A.* The construction of society. – Cambridge: Polity, 1984. – 417 p.
41. *Grieser R.* How do we construct identity?. – GRIN Publishing, 2013. – 18 p.
42. *Gumperz J.* On interactional sociolinguistic method. Talk, Work and Institutional Order. – Berlin: Mouton, 1999. – P. 453-71.
43. *Hall K.* Identity and Interaction: A Sociocultural Linguistic Approach // Discourse Studies. – 2005, v. 7 (4–5). – P. 585–614.
44. *Hecht M. L., Jackson R. L., Ribeau S.* African American communication: Exploring identity and culture. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2001. – 344 p.
45. *Hecht M. L., Choi H. J.* The Communication Theory of Identity as a Framework for Health Message Design. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2003. – 16 p.
46. *Hedetoft U., Hjort M.* "The Postnational Self, Belonging and Identity". – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. – 360 p.
47. *High A. C., Ruppel E. K., McEwan B., Caughlin, J. P.* Computer-Mediated Communication and Well-Being in the Age of Social Media: A Systematic Review // Journal of Social and Personal Relationships. – 2022. – 30 p.
48. *Higgins E. T.* Self-discrepancy: a theory relating self and affect. – Psychology, 1987, Rev. 94. – P. 319–340.
49. *Hymes D. H.* On Communicative Competence. – Harmondsworth: Penguin, 1972. – P. 269–293.
50. *Iagupova L., Kaliuscenko V., Katny A., Roll H.* Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik). – Peter Lang GmbH, 2013. – 275 p.
51. *Jenkins R.* Social Identity. – London: Routledge, 1996. – 256 p.
52. *Jones E. E.* Major developments in five decades of social psychology // The handbook of social psychology. Boston: McGraw-Hill. – 1998, 4th ed., vol. 1. – P. 3–57.
53. *Joseph J. E.* Language and Identity. – Palgrave Macmillan London, 2004. – 268 p.
54. *Labov W.* The social motivation and language change. – Word, 1963. – V. 19. – P. 273–309.
55. *Lee E., Ahn J., Kim Y. J.* Personality traits and self-presentation at facebook. Personal. Individ. Differ. – Elsevier Ltd., 2014. – V. 69. – P. 162–167.
56. *Littlejohn S.* Theories of Human Communication. – Albuquerque: Wadsworth, 2002. – 487 p.
57. *Maguire G.* Our Own Language: An Irish Initiative. – Multilingual Matters, 1991. – V. 66. – 256 p.
58. *Milroy L.* Language and Social Networks. – Oxford: Basil Blackwell, 1980. – 248 p.
59. *Mougeon R., Rehner K., Nadasdi T.* Expression de la notion de “véhicule automobile” dans le parler des adolescents francophones de l’Ontario. Francophonies d’Amérique, 2004. – P. 91–106.
60. *Parsons T.* Politics and Social Structure. – Free Press, First Edition, 1969. – 448 p.

61. *Roccas S., Schwartz S. H.* Personal value priorities and national identification // *Political Psychology*. – 2010. – V. 31. – P. 393–419.
62. *Schmid H. G.* Cognitive Linguistics. *The Routledge Handbook of Applied Linguistics*. – Routledge, 2011. – P. 611–624.
63. *Tajfel H.* The achievement of inter-group differentiation. *Differentiation between social groups*. – London: Academic Press, 1978. – P. 77–100.
64. *Tajfel H., Turner J. C.* An integrative theory of inter-group conflict. *The social psychology of inter-group relations*. – Monterey CA: Brooks Cole, 1979. – P. 33–47.
65. *Tajfel H., Turner J. C.* *Human Groups and Social Categories. Studies in Social Psychology*. – New York: Cambridge University Press, 1986. – P. 277–293.
66. *Triandis H. C.* Collectivism and Individualism as Cultural Syndromes // *Cross-Cultural Research*. – 1993. – V. 27 (3–4). – P. 155–180.
67. *von Scheve C., Beyer M., Ismer S., Kozłowska M., Morawetz C.* Emotional entrainment, national symbols, and identification: A naturalistic study around the men's football World Cup // *Current Sociology*. – 2014. – V. 62 (1). – P. 3–23.

References

1. *Aktual'nye problemy sovremennoj gumanitarnoj nauki: otechestvennye tradicii i mezhdunarodnaja praktika: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Jalta - Simferopol', 04–05 maja 2017 goda* [Current issues of contemporary arts: national traditions and international practices]. Ed. By A. D. Petrenko. Jalta – Simferopol, Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Izdatel'stvo Tipografija Arial, 2017. 564 p.
2. *Inostrannaja filologija. Social'naja i nacional'naja variativnost' jazyka i literatury: Materialy II Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa* [Foreign philology. Social and national variability of language and literature: proceedings of II International scientific congress]. Ed. by A. D. Petrenko, E. V. Polhovskaja, D. M. Hrabskova, E. N. Mazina. Simferopol', Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Izdatel'stvo Tipografija Arial, 2017. 540 p.
3. *Inostrannaja filologija. Social'naja i nacional'naja variativnost' jazyka i literatury: Materialy III Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa* [Foreign philology. Social and national variability of language and literature: proceedings of III International scientific congress]. Ed. by E. V. Polhovskaja, A. D. Petrenko. Simferopol', Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Izdatel'stvo Tipografija Arial, 2018. 624 p.
4. *Inostrannaja filologija. Social'naja i nacional'naja variativnost' jazyka i literatury: Materialy IV Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa* [Foreign philology. Social and national variability of language and literature: proceedings of IV International scientific congress]. Ed. by E. V. Polhovskaja, A. D. Petrenko. Simferopol', Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Izdatel'stvo Tipografija Arial, 2019. 500 p.
5. *Inostrannaja filologija. Social'naja i nacional'naja variativnost' jazyka i literatury: Materialy V Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa* [Foreign philology. Social and national variability of language and literature: proceedings of V International scientific congress]. Ed. by E. V. Polhovskaja, A. D. Petrenko. Simferopol', Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Izdatel'stvo Tipografija Arial, 2020. 352 p.
6. *Inostrannaja filologija. Social'naja i nacional'naja variativnost' jazyka i literatury: Materialy VI Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa* [Foreign philology. Social and national variability of language and literature: proceedings of VI International scientific congress]. Ed. by A. D. Petrenko, E. V. Polhovskaja, M. V. Belovenceva, N. A. Vovk, T. A. Radchenko. Simferopol', Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Izdatel'stvo Tipografija Arial, 2021. 464 p.
7. *Konvergentnye tehnologii of the 21 st century: variativnost', kombinatorika, kommunikacija: Materialy II Mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii* [Convergent technologies of the 21 st century: variability, combinatorics, communication: proceedings of II interdisciplinary scientific conference]. Ed. by A. D. Petrenko. Simferopol', Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Antikva Publ., 2018. 272 p.
8. *Konvergentnye tehnologii of the 21 st century: variativnost', kombinatorika, kommunikacija: Materialy III Mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii* [Convergent technologies of the 21 st century: variability, combinatorics, communication: proceedings of III interdisciplinary scientific conference]. Ed. by A. D. Petrenko. Simferopol', Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Antikva Publ., 2019. 260 p.
9. *Konvergentnye tehnologii of the 21 st century: variativnost', kombinatorika, kommunikacija: Materialy IV Mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii* [Convergent technologies of the 21 st century:

- variability, combinatorics, communication: proceedings of IV interdisciplinary scientific conference]. Ed. by A. D. Petrenko. Simferopol', Obshestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Antikva Publ., 2020. 384 p.
10. *Konvergentnye tehnologii of the 21 st century: variativnost', kombinatorika, komunikacija: Materialy V Mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii* [Convergent technologies of the 21 st century: variability, combinatorics, communication: proceedings of V interdisciplinary scientific conference]. Ed. by A. D. Petrenko. Simferopol', Obshestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Antikva Publ., 2021. 502 p.
 11. *Konvergentnye tehnologii of the 21 st century: variativnost', kombinatorika, komunikacija: Materialy VI Mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii* [Convergent technologies of the 21 st century: variability, combinatorics, communication: proceedings of VI Interdisciplinary Scientific Conference]. Ed. by A. D. Petrenko. Simferopol', Obshestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Antikva Publ., 2022. 344 p.
 12. *Nauchnaja shkola sociofonetiki i fonostilistiki professora A. D. Petrenko* [Scientific school of sociophonetics and phonostylistics of Professor A. D. Petrenko]. Ed. by D. M. Hrabskova, K. A. Melezhik, D. A. Petrenko, Je. Sh. Isaev. Simferopol, IP Zueva T.V. Publ., 2017. 44 p.
 13. Petrenko A. D., Buharov V. M., Petrenko D. A., Hrabskova D. M. *Sociofonetika i fonostilistika (opyt, aktual'naja problematika, perspektivy)* [Sociophonetics and phonostylistics: traditions, current issues, perspectives]. Moskva, Obshestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Nauchno-izdatel'skij centr INFRA-M Publ., 2018. 370 p.
 14. Petrenko A. D., Laskova M. V., Lazarev V. A., Petrenko D. A., Hrabskova D. M., Melezhik K. A. *Sociolingvisticheskie problemy variativnosti jazyka kak celostnoj struktury* [Sociolinguistic issues of variability of a language unity]. Moskva, Izdatel'stvo Pero, 2015. 491 p.
 15. Petrenko A. D., Melezhik K. A. *Variativnost' jazykovej situacii v Evropejskom sojuze: Kurs lekcij* [Variability of a language situation in European Union: course of lectures]. Simferopol', Krymskij federal'nyj universitet im. V. I. Vernadskogo Publ., 2016. 87 p.
 16. Petrenko A. D., Melezhik K. A., Petrenko D. A., Bridko T. V., Hrabskova D. M. *Social'nye aspekty jazykovej variativnosti* [Social aspects of language variability]. Saki, Izdatel'stvo PP Predpriyatje Feniks, 2013. 276 p.
 17. Petrenko A. D. *Sociofoneticheskaja variativnost' sovremennogo nemeckogo jazyka v Germanii* [Current issues of sociophonetic variability of the German language in Germany]. Kiev, Ridna mova Publ., 1998. 254 p.
 18. Petrenko A. D., Hrabskova D. M., Petrenko D. A., Isaev Je. Sh. *Aktual'nye problemy jazykovej variativnosti v aspekte mirovoj integracii i globalizacii* [Current issues of language variability: aspects of globalization and integration]. Simferopol', Krymskij federal'nyj universitet im. V. I. Vernadskogo Publ., 2011. 204 p.
 19. Petrenko A. D., Petrenko D. A., Hrabskova D. M. Isaev Je. Sh. *Sociolingvisticheskaja variativnost' nacional'nogo jazyka kak celostnoj struktury* [Sociolinguistic variability of national language unity]. Sevastopol', Ukrainskij morskij institut Publ., 2009. 182 p.
 20. *Sovremennaja filologija. Social'naja i nacional'naja variativnost' jazyka i literatury: materialy VII Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa* [Modern philology. Social and national variability: proceedings of VII International scientific congress]. Ed. by A. D. Petrenko. E. V. Polhovskaja, N. A. Vovk, E. N. Mazina, T. A. Radchenko, A. I. Bezverhnyaya, V. M. Kaberkon. Simferopol', Obshestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Izdatel'stvo Tipografija Arial, 2022. 636 p.
 21. *Sociofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike: Materialy Mezhrefional'noj nauchnoj konferencii* [Sociophonetics and Phonostylistics: from Theory to Practice: proceedings of Interregional Scientific Conference]. Ed. by A. D. Petrenko. Simferopol', Krymskij federal'nyj universitet im. V. I. Vernadskogo Publ., 2018. 90 p.
 22. *Sociofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike: Materialy III Mezhrefional'noj nauchnoj konferencii* [Sociophonetics and Phonostylistics: from Theory to Practice: proceedings of III Interregional Scientific Conference]. Ed. by A. D. Petrenko. Simferopol', IP Brovko A. A. Publ., 2020. 77 p.
 23. *Sociofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike: Materialy IV Mezhrefional'noj nauchnoj konferencii* [Sociophonetics and Phonostylistics: from Theory to Practice: proceedings of IV Interregional Scientific Conference]. Ed. by A. D. Petrenko. Simferopol', Krymskij federal'nyj universitet im. V. I. Vernadskogo Publ., 2021. 60 p.

24. *Sociofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike: Materialy V Mezhhregional'noj nauchnoj konferencii* [Sociophonetics and Phonostylistics: from Theory to Practice: proceedings of V Interregional Scientific Conference]. Ed. by A. D. Petrenko. Simferopol', Poliprint Publ., 2022. 62 p.
25. Allott R. *The natural origin of language: the structural inter-relation of language, visual perception and action*. Xlibris Corporation, 2012, 400 p.
26. Anderson. B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983, 256 p.
27. Ben-Rafael E. *Ethnicity, Sociology of*. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Blackwell Publishing Ltd, 2001, p. 4838-4842.
28. Bernstein B. *Class, Codes and Control*. London: Routledge, 1971, vol. 1, 225 p.
29. Billig M. *Banal Nationalism*. Loughborough University: SAGE Publications Ltd, 1995, 208 p.
30. Blommaert J. *Language Policy and National Identity*. An Introduction to Language Policy: Theory and Method. Oxford: Blackwell Publishing, 2006, p. 238-254.
31. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge Studies in Social and Cultural Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1977, 255 p.
32. Cambridge Dictionary. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/nation> (accessed 20 October 2022).
33. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture: The Power of Identity*. Oxford: Blackwell, 1997, vol. II, 625 p.
34. Cohn G. *A history of political economy*. Wentworth Press, 2019, 144 p.
35. Cooley C. H. *Human nature and the social order*. New York: Scribner, 1902, 413 p.
36. Corrigan-Brown C., Snow D. A., Quist T., Smith K. *Protest among the homeless: Explaining differential participation*. Sociological Perspectives, 2009, no 52(3), p. 309–336.
37. Crystal D. *Language death*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 208 p.
38. Dover C. "The Racial Philosophy of Johann Herder". The British Journal of Sociology: *JSTOR*, 1952, vol. 3, no. 2, p. 124–33.
39. Emerson R. M. 'Exchange Theory, Part I: A Psychological Basis For Social Exchange'. Sociological Theories in Progress. Boston: Houghton Mifflin Company, 1976, v. 2, p. 335-362.
40. Giddens A. *The construction of society*. Cambridge: Polity, 1984, 417 p.
41. Grieser R. *How do we construct identity?*. GRIN Publishing, 2013, 18 p.
42. Gumperz J. *On interactional sociolinguistic method*. Talk, Work and Institutional Order. Berlin: Mouton, 1999, p. 453-71.
43. Hall K. *Identity and Interaction: A Sociocultural Linguistic Approach*. Discourse Studies, 2005, v. 7 (4-5), p. 585-614.
44. Hecht M. L., Jackson R. L., Ribeu S. *African American communication: Exploring identity and culture*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2001, 344 p.
45. Hecht M. L. Choi H. J. *The Communication Theory of Identity as a Framework for Health Message Design*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2003, 16 p.
46. Hedetoft U., Hjort M. "The Postnational Self, Belonging and Identity". Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002, 360 p.
47. High A. C., Ruppel E. K., McEwan B., Caughlin, J. P. *Computer-Mediated Communication and Well-Being in the Age of Social Media: A Systematic Review*. Journal of Social and Personal Relationships, 2022, 30 p.
48. Higgins E. T. *Self-discrepancy: a theory relating self and affect*. Psychology, 1987, Rev. 94, p. 319–340.
49. Hymes D. H. *On Communicative Competence*. Harmondsworth: Penguin, 1972, p. 269–293.
50. Iagupova L., Kaliuscenko V., Katny A. Roll H. *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik)*. Peter Lang GmbH, 2013, 275 p.
51. Jenkins R. *Social Identity*. London: Routledge, 1996, 256 p.
52. Jones E. E. *Major developments in five decades of social psychology*. The handbook of social psychology. Boston: McGraw-Hill, 1998, 4th ed., vol. 1, p. 3–57.
53. Joseph J. E. *Language and Identity*. Palgrave Macmillan London, 2004, 268 p.
54. Labov W. *The social motivation and language change*. Word, 1963, v.19, p. 273-309.
55. Lee E., Ahn J., Kim Y. J. *Personality traits and self-presentation at facebook*. *Personal. Individ. Differ*. Elsevier Ltd., 2014, v. 69, 162–167 p.

56. Littlejohn S. *Theories of Human Communication*. Albuquerque: Wadsworth, 2002, 487 p.
57. Maguire G. *Our Own Language: An Irish Initiative*. Multilingual Matters, 1991, v. 66, 256 p.
58. Milroy L. *Language and Social Networks*. Oxford: Basil Blackwell, 1980, 248 p.
59. Mougeon R., Rehner K., Nadasdi T. *Expression de la notion de "véhicule automobile" dans le parler des adolescents francophones de l'Ontario. Francophonies d'Amérique*, 2004, p. 91–106.
60. Parsons T. *Politics and Social Structure*. Free Press, First Edition, 1969, 448 p.
61. Roccas S., Schwartz S. H. *Personal value priorities and national identification*. *Political Psychology*, 2010, v. 31, p. 393–419.
62. Schmid H. G. *Cognitive Linguistics*. The Routledge Handbook of Applied Linguistics. Routledge, 2011, p.611-624.
63. Tajfel H. *The achievement of inter-group differentiation*. Differentiation between social groups. London: Academic Press, 1978, p. 77–100.
64. Tajfel H., Turner J. C. *An integrative theory of inter-group conflict*. The social psychology of inter-group relations. Monterey CA: Brooks Cole, 1979, p. 33–47.
65. Tajfel H., Turner J. C. *Human Groups and Social Categories*. Studies in Social Psychology. New York: Cambridge University Press, 1986, p. 277-293.
66. Triandis H. C. *Collectivism and Individualism as Cultural Syndromes*. *Cross-Cultural Research*, 1993, v. 27 (3–4), p. 155–180.
67. von Scheve C., Beyer M., Ismer S., Kozłowska M., Morawetz C. *Emotional entrainment, national symbols, and identification: A naturalistic study around the men's football World Cup*. *Current Sociology*, 2014, v. 62 (1), p. 3–23.

МНОГОВЕКТОРНАЯ ПРИРОДА ИДЕНТИФИКАЦИИ В РАМКАХ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Петренко А. Д., Шевель В. Г.

Статья посвящена описанию составляющих индивидуальной и коллективной идентификации, актуализированных воздействием процессов глобализации, интернализации, компьютеризации современного мира. Рассматривается многовекторность реализации идентификационных маркеров с социолингвистической точки зрения, систематизируются факторы первичной и вторичной аффилиации. Многовекторность идентификации определяется как задействование накопленных навыков и умений социального, национального, культурного, коммуникативного, ситуативного, психологического порядка с целью распознавания характеристик, являющихся результатом самоопределения и/или внешнего проецирования, с целью оценки способности к ситуативной и коммуникативной адаптации, ассимиляции. Предпринимается попытка описания рефлексивных маркеров адаптивности, предлагаемых по принципу дополнительности, и способствующих взаимодействию представителей группы. Динамика модификационных процессов ситуативного характера находит отражение в синхронных и асинхронных способах общения в онлайн-среде, что определяет пространство для создания смыслов. Онлайн-идентификация рассматривается в контексте первичного и вторичного отождествления, ее просоциальных мотивов, психологических последствий. Первичная онлайн-идентификация – первичное приобретение набора дифференциальных характеристик личности, представляющих ее в онлайн-среде. Вторичная онлайн-идентификация – процесс применения совокупности планомерных и последовательных приемов и действий, направленных на достижение субъективного соответствия между интроспективным пониманием себя и предполагаемым образом, вызывающим общественное одобрение, посредством транслирования виртуальных олицетворений с целью получения положительной переоценки.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

**К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ
МОРФОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ
АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ
(НА ПРИМЕРЕ СЛОЖНОСОСТАВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ)¹**

Полховская Е. В., Рейнова А. В.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: nastya36511@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы о месте имени прилагательного в системе морфологических ресурсов английского и русского языков, а также о выявлении изморфных и алломорфных признаков структурирования сложносоставных прилагательных. В ходе исследования использовались методы сравнительного, трансформационного, оппозиционного анализа и дедукции. Иллюстративным материалом послужили сложносоставные прилагательные, полученные методом сплошной выборки из англоязычных и русскоязычных источников. Актуальной представляется проблематика, связанная с выявлением набора типологических признаков, которые лежат в основе отражения признаковости, через морфологические ресурсы английского и русского языков. Результаты исследования показывают, что внутри одного и того же семантического пространства выделяются определенные дифференциальные черты, что приводит к возникновению разных продуктивных словообразовательных моделей в данных языках.

Ключевые слова: сложносоставное прилагательное; категориальное значение; лексико-грамматический класс; оценочность.

ВВЕДЕНИЕ

Цель исследования заключается в том, чтобы показать вариативность равноуровневых языковых средств при моделировании и репрезентации признаков, качеств и свойств объектов, что позволит установить системность межъязыковых связей в их передаче. Под типологическими признаками подразумеваются свойства, показатели, моделирующие внутреннюю структуру языка. Поставленная цель обусловила решение конкретных **задач**, направленных на то, чтобы определить типологические признаки сложносоставных прилагательных относительно значения, форм, способа словообразования, а также их контекстуальной актуализации.

Теоретическая концепция исследования строится на положениях, изложенных в работах В. Д. Аракина [1], Н. Г. Комиссаровой [5], А. И. Приходько [11], в соответствии с которыми можно утверждать, что при наличии универсальности ряда когнитивных процессов существуют различия в восприятии, категоризации окружающего мира представителями разных языков, в частности английского и русского. Это, в свою очередь, приводит к различиям в процессах словопроизводства, поскольку особенность словообразования заключается в его зависимости от экстралингвистических явлений, от практических потребностей, лежащих за пределами языка, но которые данный язык должен удовлетворить.

Настоящее исследование выполняется в рамках морфологической типологии с помощью **методов** сравнительного, трансформационного, оппозиционного анализа и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

метода дедукции. Иллюстративным материалом для данного исследования послужила выборка примеров из англоязычных [14], [15], [16], [18] и русскоязычных источников [8].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Место имени прилагательного в системе морфологических ресурсов английского и русского языков

Структура языка строится на внутренней организации, схеме связей и отношений множества его элементов, обеспечивающих его функционирование в форме коммуникативного акта. При рассмотрении нескольких языков легко обнаруживаются как сходные, так и различные черты. Исследование строится на положении, требующем рассматривать прилагательные как лексико-грамматический класс, определяемый общим инвариантным категориальным значением, отраженным в сложной системе отношений внутри морфемной, словообразовательной и мотивационной структуры. Сложносоставные прилагательные являются ярким примером структурного и смыслового разнообразия, что проявляется в разных способах моделирования и репрезентации признаков, качеств и свойств объектов. Необходимо учитывать, что план выражения значений признака предметного качества в морфологической парадигматике и в синтаксических моделях зависит от структурной организации английского и русского языков. В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением, что «преломленная в языковом сознании носителей внеязыковая объективная действительность основана на способности языка соответствующим образом отражать смысловой потенциал, ассоциируемый с определенной грамматической формой» [4, с. 279].

По своей категориальной природе прилагательные являются именами предметного признака и обладают рядом функциональных черт: категориальное значение свойства или признака; наличие форм степеней сравнения (сема «компаративность» имеется у качественных прилагательных в обоих языках, но морфологические способы ее выражения структурно различны); адъективная функция в предложении. Однако в русском языке прилагательное характеризуется наличием согласования с существительным в роде, числе и падеже и категорией степени качества. В отличие от русского, в английском языке прилагательное не имеет согласования с существительным в этом плане [1, с. 99–100].

По своему составу прилагательные в русском языке делятся на три разряда: качественные (полная и краткая форма), относительные и притяжательные. Качественные прилагательные обозначают признак непосредственно и образуют ряд семантических групп: размера, цвета, вкуса, температуры, оценки и т.д. Относительные прилагательные в русском языке являются производными от основ имен существительных: *научно-исследовательский институт, лексико-грамматический разряд, русско-английский словарь, земледельческий календарь*. Притяжательные прилагательные обозначают принадлежность предмета лицу или животному. В то время как в английском языке есть только два лексико-грамматических разряда: прилагательные качественные и относительные. Прилагательные относительные представлены лексическими единицами, значительная часть которых относится к области науки: *psychic-failure torment, class-based regulations, time-release system, food-desert hypothesis, state-matching funds*. Также в этом разряде следует отдельно выделить прилагательные, обозначающие локализации (*South American*) и национальности (*old Russian*); оба эти класса можно назвать потенциально «открытыми» и частотными.

Отсутствие притяжательных прилагательных компенсируется особым оформлением соответствующего существительного с помощью притяжательной частицы 's [1, с. 111–112].

Семантика оценки в именах прилагательных

Членение объективного мира говорящим носит ценностный характер, обусловленный особенностями взаимодействия человека с окружающим миром. Оценочные суждения рассматриваются с точки зрения различных подходов:

- в рамках **функционально-семантического подхода** оценка рассматривается в единстве семантического и прагматического аспектов;
- **коммуникативный подход** изучает цель, с которой участники коммуникации применяют то или иное оценочное суждение, какое воздействие на адресата оно оказывает, какое психологическое состояние вызывает, т. е. отражает прагматический аспект знаковой ситуации;
- **когнитивный подход** стремится дать всестороннее описание языкового явления с учетом многогранного исследования человеческих знаний.

Важно отметить, что оценочность – это свойство качественных прилагательных. Относительные прилагательные не имеют оценочной функции и формируют только семантическую структуру, а не оценочную. Качественные же прилагательные могут выражать непосредственно оценку или совмещать значения признака и оценки. Таким образом, прилагательные могут быть как лишены оценочного компонента (притяжательные и относительные), так и обладать им (качественные). Нельзя считать, что все качественные прилагательные содержат оценочный компонент. Качественные прилагательные обозначают и признаки (*красный*), и оценки (*прекрасный*, *грубый*), причем могут реализовывать обе функции в пределах одного высказывания [13, с. 143–144]. Оценка в отдельных случаях является социокультурной категорией, поскольку ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или ином социуме (сравним: «*легкий для восприятия смысл*» и «*горячая вода*»). В. А. Марьянич дает следующие определения оценке и оценочности: «Оценка – это действие субъекта: приписывание положительных или отрицательных свойств тому или иному объекту, выражение отношения к данному объекту, фиксация объекта на оценочной шкале и в аксиологическом поле» [7, с. 101]. Оценочность исследователь определяет как «свойство речевой единицы, ее потенциал, способность эксплицировать положительные или отрицательные свойства объекта, его место на оценочной шкале и в аксиологическом пространстве» [7, с. 101]. В культуре образуется целая «система способов и средств, предназначенных для увеличения эффективности оценки» [10, с. 633]. Оценочные и эмотивные коннотации могут быть результатом соотнесения с культурными установками (правилами поведения), стереотипами, фоновыми знаниями [12, с. 58]. «Оценивая определенный объект, субъект опирается, с одной стороны, на свое отношение к нему, а с другой – на стереотипные представления об объекте и его месте в ценностной картине мира» [11, с. 79]. В разных культурах и в разных исторических условиях стереотип приобретает разный смысл, в связи с чем оцениваемый объект имеет неодинаковую оценку. Каждый народ имеет свои специфические архетипы, в которых закрепляются черты его менталитета [11, с. 79]. Прилагательные выступают как имена признака, а оценочная структура высказывания отражает отношение говорящего к предмету или событию.

Оценка может носить нейтральный, рациональный характер и иметь эмоциональную составляющую (следствие несовпадения качества ожидаемой норме). «Оценочное отношение носителей языка к предметам, действиям, явлениям внеязыковой действительности всегда детерминировано нормой какого-либо качества, признака предмета (нейтральная оценка). Отклонения от нормы в ту или иную сторону вызывают положительную или отрицательную оценки» [9, с. 133]. Рациональная оценка имеет место там, где элемент оценочности включен в денотативно-сигнификативный компонент значения [5, с. 85]. Присутствие оценочной семы в коннотативном компоненте значения лексической единицы указывает на эмоциональную оценку, которая всегда экспрессивна [5, с. 86].

Н. Д. Арутюнова разделяет все оценочные значения на обще- и частнооценочные. Первый тип реализуется прилагательными типа «хороший» и «плохой», а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками. Они выражают «холистическую оценку, аксиологический итог». Среди частнооценочных значений Н. Д. Арутюнова выделяет следующие категории [2, с. 188–200]:

- 1) сенсорные оценки;
- 2) психологические оценки, в которых сделан шаг в сторону рационализации, осмысления мотивов оценки;
- 3) интеллектуальные оценки;
- 4) эмоциональные оценки;
- 5) эстетические оценки;
- 6) этические оценки;
- 7) утилитарные оценки;
- 8) нормативные оценки;
- 9) телеологические оценки.

Приведем примеры к данной классификации (**Таблица 1**):

Таблица 1. Примеры прилагательных с частнооценочным значением к классификации Н. Д. Арутюновой

Категория № n/n	Примеры на английском языке	Примеры на русском языке
1.	<i>easy-listening (music), auburn-coiffed (hair)</i>	<i>сладко-кислый, цветочно-древесный (аромат)</i>
2.	<i>short-spoken, also-ran</i>	<i>неправдоподобный, эмоционально-волевой</i>
3.	<i>well-known, well-adjusted</i>	<i>маловероятный, немаловажный</i>
4.	<i>life-enhancing, bloodcurdling</i>	<i>душераздирающий, недружелюбный</i>
5.	<i>drop-dead gorgeous, cookie-cutter</i>	<i>малоприятный, сногшибательный</i>
6.	<i>off-hand, wild-and-wooly</i>	<i>доброжелательный, нравственно-патриотический</i>
7.	<i>most-favoured, tell-tale</i>	<i>полезно-нейтральный, полезно-вредный</i>
8.	<i>well-reviewed, cost-prohibitive</i>	<i>правильно-отрезной, правильно-падающий</i>
9.	<i>level-playing, each-way</i>	<i>высокоэффективный, целесообразный</i>

Сопоставительный анализ структурных типов сложносоставных прилагательных в английском и русском языках

«Морфологический состав сложного слова может служить одним из критериев, характеризующих понятие «тип сложного слова» как единицу типологического сопоставления» [1, с. 207]. Процесс словопроизводства, т.е. образование новых слов, можно охарактеризовать как мгновенный словообразовательный процесс. Появление новых словообразовательных моделей, напротив, является длительным процессом, прослеживаемым в диахронии, протекающим в словообразовательной системе и связанным со сменой словообразовательных отношений.

В английском языке основы, образующие морфологический состав сложного слова, соединяются друг с другом путем простого словосложения основ. В русском же языке сложные слова могут быть соединены с помощью соединительных служебных морфем, служащих в качестве оформителей первой основы сложного слова. Сложные слова также образуются путем лексикализации отдельных словосочетаний, которые строятся по существующим в данном языке синтаксическим закономерностям. Таким образом, «способ соединения компонентов сложного слова служит одним из признаков, характеризующих его структуру. Это дает основание для отнесения способа соединения компонентов сложного слова к числу критериев, определяющих понятие «тип сложного слова»» [1, с. 208]. «Порядок расположения компонентов зависит от тех структурно-типологических особенностей, которые свойственны данному языку» [1, с. 208].

Сопоставление структуры сложных слов позволило выявить в сравниваемых языках некоторые черты изоморфизма и алломорфизма. Основным дифференцирующим признаком можно считать способ соединения основ в слове. В русском языке сложные слова образуются преимущественно объединением двух основ (или слов) с помощью соединительных гласных: низкосортный, беломраморный, чернобровый, бледнолицый. Для английского языка, напротив, типичны сложные слова без специальных соединительных морфем, например: *heat-slurred, saint-style, high-flying, tedious-beyond-belief*.

В результате проведенного сопоставительного анализа рассматриваемых языков можно сделать вывод, что сложные прилагательные в английском и русском языках представлены следующими структурными типами:

1) основа прилагательного + основа прилагательного: англ. *white-hot, dark-blue, grey-green*; рус. *изжелта-красный, белоснежный*;

2) основа прилагательного + основа существительного с адъективным суффиксом: англ. *open-minded, high-powered, light-hearted, sweet-tempered*; рус. *кареглазый, маловесный, круглолицый*;

3) основа числительного + основа существительного; англ. *six-year, three-act, two-shift*; рус. *пятилетний, двукратный, трехгодичный*;

4) основа существительного + основа прилагательного или причастия: *labour-consuming, attention-getting, mouth-watering, job-oriented, computer-aided, purpose-built, snow-capped, palm-fringed, cost-effective, worldwide*; рус. *лесозаготовительный, солнцезащитный*. Следует отметить, что сочетание существительного и причастия прошедшего в английском языке более продуктивно, чем в русском. «Удельный вес подобных сложных прилагательных заметно увеличивается в английской научно-технической и общественно-политической литературе» [3, с. 25];

5) основа наречия + основа прилагательного или причастия: англ. *specialy-built, fast-paced, well-known, highly-paid, well-bred*; рус. *многострадальный, здравомыслящий, слабодействующий*;

6) в английском языке также можно выделить следующий структурный тип: *semi-affix* + основа прилагательного или причастия: англ. *all-absorbing, multi-objective, self-employed, self-pitying, self-contained*.

Особое место в процессе образования анализируемых прилагательных занимает аффиксация. Этот продуктивный способ образования сложнопроизводных прилагательных составляет важную часть морфологии и словообразования многих языков, в основном отличающихся в типологическом плане применением одной из разновидностей аффиксации. Индивидуальное лексическое значение получаемого таким образом слова является совокупностью значений мотивирующей основы и словообразовательного аффикса.

Рассмотрим область префиксации: *uneasy-listening, antysaint-style, безлико-кукольное*. Отметим, что к различным взаимоотношениям словообразовательного форманта и производящей основы приводят неодинаковые лексико-семантические свойства.

В области суффиксации формантом рассматриваемых прилагательных является словообразовательный суффикс, например: *big-sized – большиеразмерный, computer-aided – компьютер-о-зависимый*. Суффикс может иметь как материальное, так и быть материально невыраженным (нулевой суффикс: рус. *кареглаз-ый, белоголов-ый*). С помощью нулевого суффикса передаются те же частные и общие словообразовательные значения, что и эксплицированными морфемами.

В английском языке наиболее продуктивным для прилагательных является суффикс *-ed*. В процессе образования сложнопроизводного прилагательного применяются и словосложение и аффиксация. Словопроизводящей основой для суф. *-ed* выступают оба компонента. Например, *big-eyed – with big eyes; big-boned – with big bones*.

Анализ сложносоставных прилагательных русского языка также позволяет выявить продуктивные средства словообразования и словосложения. Так в прилагательных, компоненты которых находятся в подчинительной связи, используется суффикс *-н(ый)*: *добродушный, мягкосердечный*.

О. Н. Кравченко [6] подчеркивает, что наиболее продуктивные словообразовательные модели можно разделить на две категории:

1) «модель последовательного образования, т.е. деривация на базе готовой сложной основы ... англ. *wooden-headed ← wooden-head*», [6, с. 149] *добродушный ← добродушие*;

2) «модель параллельного словопроизводства, т.е. одновременное сложение компонентов и деривация полученного образования» [6, с. 149]: англ. прилагательное + существительное + *-ed* («*raven-hair-ed*» [6, с. 149]), «рус. основа + (суффикс) + соединительный гласный + основа + (суффикс) + флексия (*добр-о-душ-н-ый*, лимон-н-о-волос-ый, ..., голуб-о-глаз-ый, яблоч-н-о-глад-к-ий)» [6, с. 149].

Таким образом, можно сделать вывод об идентичности структурных типов сложных прилагательных в английском и в русском языках. Сопоставительный анализ наиболее продуктивных словообразовательных средств в английском и русском языках показал, что сравниваемые языки обладают многими типологически сходными чертами. Вместе с тем проявляются и их специфические особенности, некоторые расхождения,

выражающиеся в разной мере продуктивности того или иного словообразовательного средства, структурно-морфологическом оформлении образованных слов, в различном количественном соотношении отдельных словообразовательных средств. Тем не менее, несмотря на значительное количество дифференциальных признаков, противопоставляющих английский язык русскому, наличие типологически сходных черт свидетельствует о некоторой близости сравниваемых языков на словообразовательном уровне.

Изоморфные и алломорфные признаки структурирования сложносоставных прилагательных в сравниваемых языках

Исследуя грамматики разноструктурных языков, каковыми являются русский и английский, можно отметить наличие как универсальных категорий, так и присущих одной из сопоставляемых грамматик: не всякие значения, составляющие грамматическую категорию в одном языке, являются морфологически выраженными в другом. Например, те понятия, которые передаются в одном из языков средствами словообразовательной морфологии, в другом могут входить в область синтаксиса словосочетания и наоборот. Сравним: *as-seen-on-TV things* – вещи прямо как из телевизора»; *self-pitying tears* – слезы жалости к самому себе; *thought-provoking reading* – чтение, дающее пищу для размышлений; *level-playing field* – ситуация с равными шансами на успех. Сравнение показывает: отсутствие или недостаточность выражения какого-то значения должны быть компенсированы через обращение к другому языковому уровню, что и свидетельствует о наличии универсальных категорий, связанных с отражением объективного мира, будучи обязательно выраженными в зависимости от системы языковых форм.

Учитывая направленность исследования, необходимо отметить морфологический статус универсалий в зависимости от уровня лингвистической иерархии. В данной статье типология ограничивается набором тех общих изоморфных признаков, которые важны для описания сложносоставных прилагательных соответствующего языкового типа как основы относительных универсалий:

- наличие признаковой системы прилагательного в грамматическом строе языка;
- допустимость межуровневой вариативности в выражении инвариантного значения;
- использование морфологической формы и лексико-синтаксической синтагмы как основных единиц измерения в морфологической типологии.

При наличии типологической константы имени прилагательного в виде морфемного состава, синтаксической синтагматики наблюдается алломорфизм с учетом следующих факторов:

- тип морфологической структуры языка: аналитический английский и синтетический русский;
- морфологические ресурсы языка и синтаксические нормы соположения слов в определенной синтагматической зависимости.

Развивая стратегию исследования, необходимо принять во внимание тезис, что форма не должна рассматриваться как элемент парадигмы вне ее семантического функционирования, поскольку грамматическая форма существует для того, чтобы реализовать в синтаксисе речи свою категориальную предназначенность.

ВЫВОДЫ

Главный вывод заключается в том, что в средствах кодирования одного и того же семантического пространства адъективности, являющейся универсальной категорией, в данных языках фиксируются определенные дифференциальные черты, вследствие чего возникают разные продуктивные словообразовательные модели. Алломорфизм проявляется в том, что инвариантное грамматическое значение по-разному моделируется в зависимости от способности слова формироваться в словоформу за счет соответствующих морфологических ресурсов языка и синтаксических норм соположения слов в определенной синтагматической зависимости.

Список литературы

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 231 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 337 с.
3. Буший Т. А., Рузикулов Ф. Сравнительная типология английского и русского языков: Курс лекций. – Самарканд: Самаркандский государственный институт иностранных языков, 2012. – 128 с.
4. Князева Н. А. К вопросу о типологических признаках категории падежа в английской и русской грамматике // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы II Международного научного конгресса / под. ред. Е. В. Полховская. – Симферополь: Ариал, 2017. – С. 278–285.
5. Комиссарова Н. Г., Якупова Д. Р. Оценочность в дискурсе СМИ // Филологический науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2(80). – С. 83–87.
6. Кравченко О. Н., Багана Ж. Сложные и сложнопроизводные прилагательные: способы и модели словообразования в антропологических характеристиках (на материале английского, немецкого и русского языков) // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 2. – С. 146–150.
7. Марьянчик В. А. Оценка как категория текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1. – С. 100–103.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – М.: Мир и Образование, 2019. – 1376 с.
9. Пестова М. С. Эмотивность и оценочность как основные компоненты коннотации дисфемистичных фразеологических единиц, построенных на гиперболе, в английском и русском языках // Лингвокультурология. – 2010. – № 4. – С. 128–137
10. Плотников В. И. Оценка. Современный философский словарь. – М.: Панпринт, 1988. – 1064 с.
11. Приходько А. И. Оценочность как социокультурный признак журналистского текста // Медиалингвистика – 2016. – № 1(11). – С. 73–81.
12. Токарев Г. В. К вопросу о типологии культурных коннотаций // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2003. – № 3. – С. 56–60.
13. Янь М. Оценочность качественно-относительных прилагательных в современном русском языке // Филологический науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 1(79). – С. 143–148.
14. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. 4th ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 1901 p.
15. Evans V., Dooley J. New Round-Up 6. Grammar Practice Student's Book. 4th ed. – Harlow: Longman, 2018. – 262 p.
16. Obee B., Evans V. Upstream Upper Intermediate. – Newbury: Express Publishing, 2003. – 264 p.
17. Oxford Advanced Learner's Dictionary. 8th ed. – London: Oxford University Press, 2010. – 1952 p.

References

1. Arakin V. D. *Sravnitel'naya tipologiya angliiskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of the English and Russian languages]. Moscow, FIZMATLIT Publ., 2005. 231 p.
2. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Linguistic Meaning. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 337 p.
3. Bushii T. A., Ruzikulov F. *Sravnitel'naya tipologiya angliiskogo i russkogo yazykov: Kurs lektsii* [Comparative Typology of the English and Russian Languages. Course of Lectures]. Samarkand: Samarkand State Institute of Foreign Languages Publ., 2012. 128 p.

4. Knyazeva N. A. *K voprosu o tipologicheskikh priznakakh kategorii padezha v angliiskoi i russkoi grammatike* [On the Question of Typological Features of the Category of Case in English and Russian Grammar]. *Inostrannaya filologiya. Sotsial'naya i natsional'naya variativnost' yazyka i literatury: Materialy II Mezhdunar. nauch. kongressa*. Ed. by E. V. Polkhovskaya. Simferopol, Arial Publ., 2017, pp. 278–285.
5. Komissarova N. G., Yakupova D. R. *Otsenochnost' v diskurse SMI* [Evaluativeness in Mass Media Discourse]. *Filologicheskii nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, no. 2(80), pp. 83–87.
6. Kravchenko O. N., Bagana Zh. *Slozhnye i slozhnoпроизводnye prilagatel'nye: sposoby i modeli slovoobrazovaniya v antropologicheskikh harakteristikah (na materiale anglijskogo, nemeckogo i russkogo jazykov)* [Compound Adjectives and Derivatives: Ways and Models Singled out Anthropologically (on the Material of English, German and Russian Languages)]. *Nauchnaja mysl' Kavkaza*, 2013, no. 2, pp. 146–150.
7. Mar'yanchik V. A. *Otsenka kak kategoriya teksta* [Evaluativeness as a Category of Text]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2011, no. 1, pp. 100–103.
8. Ozhegov S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Mir i Obrazovanie Publ., 2019. 1376 p.
9. Pestova M. S. *Emotivnost' i otsenochnost' kak osnovnye komponenty konnotatsii disfemistichnykh frazeologicheskikh edinit, postroennykh na giperbole, v angliiskom i russkom yazykakh* [Emotivity and Evaluation as Key Components of Connotation of Dysphemistic Phraseological Units Based on Hyperbole in Russian and English]. *Lingvokul'turologiya*, 2010, no. 4, pp. 128–137.
10. Plotnikov V. I. *Otsenka. Sovremennyi filosofskii slovar'* [Evaluativeness. Modern Philosophical Dictionary.]. Moscow, Panprint Publ., 1988. 1064 p.
11. Prikhod'ko A. I. *Otsenochnost' kak sotsiokul'turnyi priznak zhurnalistskogo teksta* [Evaluativeness as a Socio-cultural Feature of a Journalistic Text]. *Medialingvistika*, 2016, no. 1(11), pp. 73–81.
12. Tokarev G. V. *K voprosu o tipologii kul'turnykh konnotatsii* [On the Question of the Typology of Cultural Connotations]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2003, no. 3, pp. 56–60.
13. Yan' M. *Otsenochnost' kachestvenno-otnositel'nykh prilagatel'nykh v sovremenom russkom yazyke* [Evaluation of Qualitative-Relative Adjectives in the Modern Russian Language]. *Filologicheskii nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, no. 1 (79), pp. 143–148.
14. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. 4th ed. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. 1901 p.
15. Evans V., Dooley J. *New Round-Up 6. Grammar Practice Student's Book*. Harlow, Longman, 2018. 262 p.
16. Obee B., Evans V. *Upstream Upper Intermediate*. Newbury, Express Publishing, 2003. 264 p.
17. Oxford Advanced Learner's Dictionary. 8th ed. London, Oxford University Press, 2010. 1952 p.

TO THE QUESTION OF TYPOLOGICAL FEATURES OF MORPHOLOGICAL RESOURCES OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES (ON THE EXAMPLE OF COMPOUND ADJECTIVES)¹

Polkhovskaya E. V., Reynova A. V.

The article discusses the issues of the place of the adjective in the system of morphological resources of the English and Russian languages, and the question of the identification of isomorphic and allomorphic signs of structuring of compound adjectives. The methods of comparative, transformational, oppositional analysis and deduction were used in the course of the research. Compound adjectives were taken from the English and Russian-language sources, using the continuous sampling method. These adjectives served as the illustrative material. The problems related to the identification of a set of the typological features that underlie the reflection of the attributive meaning through the morphological resources of the English and Russian languages, seem to be relevant. The results show that certain differential features are distinguished within one semantic field, which leads to the functioning of different productive word-formation models in the analyzed languages.

Key words: compound adjective; categorical meaning; lexico-grammatical class; evaluation.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 program N 075-15-2021-1323.

УДК 811.512+81.222.1

ПЕРСИДСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ: ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ¹

Сухоруков А. Н.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: sankafd2004@gmail.com*

В работе анализируются процесс и результаты проникновения лексических элементов персидского языка в крымскотатарский. Для понимания механизма проникновения фарсизмов в крымскотатарский язык исследуются травелоги средневековых путешественников, прежде всего Мартина Броневского и Эвлия Челеби, анализируются фарсизмы в тюркской части словаря «Кодекс Куманикус». Установлено, что наиболее интенсивный приток иранских лексических заимствований в язык коренного населения Крыма относится к рубежу XIII–XIV вв. и связан с временным переселением на полуостров значительного числа высокообразованного персоязычного населения. Последовавший вслед за этим период активной транзитной торговли, а также влияние персидской поэзии на придворную литературу Крымского ханства позволили закрепиться в крымскотатарском языке проникшим ранее персидским лексическим заимствованиям. При анализе результатов персоязычного влияния на современный крымскотатарский язык в качестве материала был использован Крымскотатарско-русский словарь (37 000 слов и словосочетаний), составитель С. М. Усеинов. Для подтверждения персидской этимологии использовались толковые словари Моина, Деххода и Омида. Выявлено более 450 лексических единиц иранского происхождения и множество их производных, в разной мере закрепившихся в составе современного крымскотатарского языка. В лексико-грамматическом плане крымскотатарские иранизмы представляют следующие 9 частей речи (в порядке убывания в количественном измерении): существительные, прилагательные, глаголы, наречия, местоимения, союзы, числительные, предлоги и междометия. Фарсизмы глубоко проникли в лексическую систему крымскотатарского языка, стали участвовать в процессах развития семантики слов, входить в синонимические, антонимические и омонимические отношения как с исконными крымскотатарскими словами, так и с заимствованными из других языков.

Ключевые слова: персидский язык, крымскотатарский язык, иранизмы, фарсизмы, лексикология, лексические заимствования, Крым.

ВВЕДЕНИЕ

Современный крымскотатарский язык относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакских языков, хотя наличие большого числа огузских лексических, фонетических и морфологических элементов в южнобережном (ялыбойском) диалекте сближает его с огузской группой. При этом в крымскотатарском языке (далее – КТЯ) имеется значительное число иноязычных лексических заимствований, соотношение которых заметно менялось с течением времени. В настоящее время около 40 % лексики КТЯ имеет арабское (18 %), русское (16 %) или иранское (6 %) происхождение [4, с. 5]. Если о путях проникновения арабской лексики (через ислам) и русской не возникает вопросов, то относительно времени и обстоятельств появления в КТЯ иранизмов сохраняется неопределенность.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

Долгое время распространенным было представление о том, что иранизмы в крымскотатарском языке являются, в большинстве своем, реликтами архаичного лингвистического слоя, живыми памятниками языковой общности раннего населения Крыма (киммерийцев, тавров, скифов, сармат, алан и пр.) с другими древними иранскими народами. Однако этому противоречит ряд аргументов, в том числе наличие в современном КТЯ многих лексем, присущих новоперсидскому языку, сформировавшемуся в IX веке, т. е. нехарактерных для базового слоя лексики предполагаемой иранской языковой общности, объединявшей древнее население Крыма и Ирана. Некоторые авторитетные исследователи, прежде всего А. Меметов, подвергают критике саму идею принадлежности населения древнего Крыма к ареалу распространения иранских языков [8, с. 137].

Целью настоящего исследования является определение путей проникновения и современное состояние персидских лексических заимствований в крымскотатарском языке.

Материалы и методы. Наиболее ценный вклад в изучение источников формирования лексики крымскотатарского языка и места персидского языка в этом процессе внес профессор А. Меметов. Результаты его исследования отражены в диссертационной работе «Персидские заимствования в современном крымскотатарском языке» (1974 г.) [6], отдельные положения которой представлены на страницах таких фундаментальных работ, как «Лексикология крымскотатарского языка» (2000 г.) [5] и «Источники формирования лексики крымскотатарского языка» [4]. В них были рассмотрены семантические и фонетические трансформации фарсизмов в крымскотатарском языке, а также произведён морфологический анализ заимствований. Однако некоторые вопросы, в том числе относительно изменений в структуре лексики крымскотатарского языка на протяжении истории в контексте иранского влияния, остались без ответа. В связи с этим актуальность рассматриваемой темы не вызывает сомнений и становится ещё более очевидной при наблюдающейся в настоящее время активизации социально-культурных, экономических и политических контактов между Республикой Крым и Исламской республикой Иран.

Научная новизна исследования обусловлена проведенным комплексным лингвистическим и историческим анализом, а также введением в оборот новых лексикографических материалов, прежде всего самого большого крымскотатарско-русского словаря, составленного С. М. Усеиновым, и включающего около 37 000 слов и словосочетаний [10].

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: а) изучить исторические источники, которые могли бы свидетельствовать об активных языковых контактах между населением Крыма и носителями персидского языка; б) проанализировать лексикографические крымскотатарские источники разного периода составления; в) произвести выборку и подсчёт лексем в крымскотатарском языке, имеющих иранское (персидское) происхождение.

Лексикографическими источниками при работе с русско-крымскотатарской парой языков стал упомянутый выше «Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь», составленный С. М. Усеиновым [10]. При сопоставлении русско-

персидского перевода мы исходили из данных «Русско-персидского словаря» Восканяна [11]. Для подтверждения достоверности иранской этимологии того или иного слова были использованы наиболее полные и авторитетные толковые и этимологические словари персидского языка, в том числе под редакцией Моина [19], Омида [20] и Деххода [21].

При работе с лексикографическими источниками на крымскотатарском языке по определению этимологической принадлежности слова, имеющего в своём составе элементы из разных языков, мы опирались на этимологию словообразующего компонента, в соответствии с чем и устанавливали принадлежность рассматриваемого слова к тому или иному языку.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Пути влияния персидского языка на крымскотатарский. Исторические свидетельства

Из всего массива исторических источников, выделяется два, заслуживающих пристальное внимание в контексте рассматриваемого вопроса. Первый – путевые заметки турецкого путешественника Эвлия Челеби, который на протяжении 1666–1667 гг. находился в Крыму и оставил его подробное историко-географическое описание. Эвлия Челеби трижды посетил Крым – в 1641, в 1665–1666 и 1666–1667 годах. Описание его пребывания в Крымском ханстве вошло, соответственно, во II, VII и VIII тома собраний сочинений по первому стамбульскому изданию.

В VII томе целая глава посвящена описанию города Эски-Кырым, известного ранее как «Кырым» и выполнявшего роль ставки хана во время Золотой орды. Эвлия Челеби пишет: «В этом городе похоронено много сот тысяч великих и прекрасных святых из Хорасана, Балха и Кырыма, числу их нет границ и пределов. Я посетил много сот зияретов великих Божиих святых. Но упомянуть их всех нет возможности» [16, с. 170]. В этом отрывке представляет интерес два факта. Первый – указание на то, что множество крупных религиозных деятелей города Кырым (период расцвета – последняя четверть XIII–XIV вв.) были выходцами из Хорасана и Балха, т. е. из персоязычных территорий. Второе – количество исламских шейхов персидского происхождения, чьи могилы находились в окрестностях города Кырым, исчислялись сотнями (!), что заставляет искать иное разумное объяснение, помимо предположения о захоронениях суфийских миссионеров.

На обилие иранских имен на могильных камнях золотоордынского периода в Крыму обратил внимание также А. А. Иванов в статье «Надписи из Эски-Юрта» [2]. Изучив материалы археологической экспедиции 1924 г. под руководством А. С. Башкирова и У. А. Боданинского в Эски-Юрт, в ходе которой были обнаружены и описаны могильные плиты из крупного поселения золотоордынского периода в юго-западном Крыму, А. А. Иванов делает вывод: «Факты заставляют более внимательно отнестись к этнической ситуации на Крымском полуострове в XIV в. и искать тут место, где жили носители персидского языка» [2, с. 31].

В VIII томе (по стамбульскому изданию) «Книги путешествия» Эвлия Челеби включен пересказ «Истории о первых на Крымском острове властителях – ханах», которую зачитал автору аталык по имени Имран. История эта записана Тохта Баем – одним из «древних предков» Имрана. Среди прочего, в этой «Истории» сказано: «В 665 году он [Берке-хан] направил коней восьмидесятитысячного войска из Крыма на Балх,

Бухару, Туран, Чин и Мачин, Хатай и Хотан, Фагфур и Туркестан. Некоторые падишахи спасались бегством. Он собрал тысячу восьмьсот ученых и баба к себе, и с почтением и милостью препроводил их в Крым. Все эти учёные основали мечети и медресе, а [хан] с газиями построил для всех учёных и их семей дома. С тех пор день ото дня род Чингизидов прославился» [16, с. 234]. Другими словами, в 665 г. хиджры (1267/68 г.), возвращаясь из победоносного похода на восток, Берекет-хан привёл в Крым значительное число исламских учёных (так называемых баба), вероятнее всего, из упомянутых Балха и Бухары, ведь, как известно, именно там Берекет-хан принял ислам. На средства газавата, т. е. полученные в результате военного похода, он построил им дома, мечети и медресе. Если принять во внимание возможность переселения в Крым даже нескольких сотен исламских (возможно – суфийских) шейхов из Средней Азии, то упоминание Эвлия Челеби о великом множестве виденных им захоронений с нисбой, говорящей о том, что здесь покоятся выходцы из Балха и Хорасана, представляется вполне реальным.

Пребывание персоязычных исламских ученых из Балха и Бухары (Большого Хорасана) в Крыму было относительно недолгим. В 1313 г. Тимур-хан, правитель из Самарканда, также входившего в состав большого персоязычного Хорасана, помог Узбек-хану вернуть престол, но за оказанную услугу попросил Узбек-хана вернуть исламских шейхов. Эвлия Челеби резюмирует: «Всех крымских учёных Тимур-хан увел в Балх и Бухару» [16, с. 236].

Подтверждение истории о пребывании в городе Кырым (столице золотоордынского улуса на полуострове) мы находим ещё в одном историческом документе, а именно – в заметках польского путешественника Мартина Броневского, который посетил этот город в 1578 г., то есть почти на столетие ранее Э. Челеби. Броневский, как представитель польского короля, пользовался покровительством крымского хана и имел редкую возможность относительно свободно путешествовать по его владениям.

В сочинении «Описание Крыма» Мартин Броневский пишет: «...Крым, город с крепостью, окружённой древней высокой и толстой стеной, совершенно отличается от других городов Средиземного Херсонеса (как называет его Птолемей) своей величиной и знаменитостью ... Кажется, что в нем обитал великий народ Магомета, пришедший туда из Азии уже в последние времена до прибытия генуэзцев в Тавриду. <...> Многие турки и татары, там живущие, и некоторые греки говорят о том, что их предки всегда помнили, будто этот город был населен народом персидским и почитался первейшим из городов; что там процветали науки и искусства» [9, с. 346].

В данном отрывке автор прямо указывает на два важных обстоятельства: а) многие жители города Крым (современный «Старый Крым») помнили о своем происхождении от «народа персидского»; б) «народ персидский» пришёл туда незадолго до прибытия генуэзцев. Что вполне коррелируется с данными из других источников, т. к. достоверно известно, что генуэзцы захватили Судак и прилегающие земли в 1365 году.

Фарсизмы в письменных памятниках средневекового Крыма

Исследование составленного в Крыму (Кафа или Солхат/Кърым) «Словаря куманского языка», более известного как «Кодекс Куманикус», убедительно подтверждает, что уже в конце XIII века персидские заимствования прочно заняли свое место в лексике языка населения Крыма. Первая часть этого ценного исторического источника представляет собой латино-персидско-куманский (половецкий) словарь,

включающий 1120 слов. Он составлен по тематическому признаку и отображает названия дней недели и месяцев, животных, растений, предметов быта, орудий труда и т. д.

В колонке «куманских» слов в данном словаре можно найти такие фарсизмы, как: *tu-šanbe* "понедельник", *se-šanbe* "вторник", *çaar-šanbe* "среда", *rap-šanbe* "четверг", *ayna* "пятница", *jaħan* "мир, вселенная", *ša(h)ar* "город", *sarau* "дворец", *šakar* "сахар", *armut* "груша", *šaftalu* "персик", *darçini* "корица", *nil* "индиго, синий", *brinç* "рис", *qondroq* "ладан, фимиам", *çaquç* [çekç] "молоток", *bazar* "базар, рынок", *bazargan* "купец, лавочник", *šiše* "бутылка", *kilim* "ковёр, плед", *piyala* "кубок, пиала", *šadaf* "рута душистая", *işranaq* "шпинат", *janavar* "зверь", *drust* "истинный, верный", *pil* "слон", *daru* "лекарство", *hergiz* "никогда", *jigar* "печень" и некоторые другие.

Давуд Моншизаде, шведский ученый иранского происхождения, изучив персидскую часть словаря «Кодекс Куманикус», доказывает, что персидский язык словаря более связан с формой, распространённой в Хорасана, нежели с центральной иранской (Исфаган) или южной (Шираз) формой [18, с. 19], что ещё раз свидетельствует о средневосточном источнике фарсизмов в КТЯ. Несомненным, по мнению Моншизаде, является то, что персидская часть словаря составлялась не в результате прямого контакта с чистыми носителями этого языка, а при языковом посредничестве, т.е. со слов людей, для которых персидский язык не был родным, но которые вполне хорошо им владели. Эту же идею развивает А. Бодроглигети, профессор Калифорнийского университета. Он также отмечает несоответствие персидского языка словаря «Кодекса Куманикус» языку Ирана XIII–XIV столетий, указывает на наличие архаизмов, а иногда и употребление слов в несколько искажённом значении [17, с. 34].

Широкий анализ иранизмов, представленных в куманской части словаря «Кодекс Куманикус» рассмотрен в статье А. М. Меметова «Сфера функционирования и лексико-грамматическое освоение иноязычных заимствований в «Кодекс Куманикус»» [7]. В ней автор выделяет такие крупные предметно-тематические группы иранских заимствований, как земледелие, названия диких и домашних животных и птиц, части тела, человеческие качества, взаимоотношения между людьми, торговля, строительство, обозначения предметов быта, домашнего обихода, названий продуктов и напитков, географические понятия, названия дней недели и др. [7, с. 4–5]. Проведя анализ лексики куманской (татарской) части словаря, А. Меметов выявил в ней 163 персидских заимствования, 145 арабских, 29 монгольских, 16 греческих, 6 русских, 2 итальянских, 2 согдийских и 18 из других языков [7, с. 1]. Примечательно, что наибольший процент иранизмов наблюдается в разделе списка товаров, ремесленных изделий и названия профессий, имеющих к ним отношение, что может косвенно подтверждать предположение о важной роли торговых контактов при распространении персидского языка за пределами исторического Ирана.

Таким образом, этимологический анализ словаря рубежа XIII–XIV вв. показывает, что в то время куманский (татарский) язык находился под заметным иранским (персидским) влиянием. Не исключено, что и значительная часть арабских заимствований (вторая по количеству после персидской в словаре «Кодекс куманикус») проникла в татарский язык через носителей персидского языка.

К первой половине XIV в. относится написание крупнейшего из дошедших до нас произведений на персидском языке, составленных в Крыму. Это «Каландарнаме» Абу Бакра Каландара, лишь недавно введённое в научный оборот и сохранившееся в единственном экземпляре. Обращения в центральные архивы и исследовательские центры других стран не выявили других списков этого произведения. «Каландарнаме»

представляет собою крупное (800 страниц) поэтическое произведение на персидском языке в пяти частях (дафтарях) мистико-дидактического характера. Имеющаяся в наличии рукопись является ранним списком с оригинала; само произведение написано классическим персидским языком. Из содержания следует, что весь период написания данного поэтического произведения (более 23-х лет) автор находился в городе Кырым, крупнейшем городе полуострова того времени. На основании этого можно сделать следующие предварительные выводы: 1) В первой половине XIV века в Кырму на постоянной основе проживали носители литературного персидского языка; 2) Наличие ранней копии может говорить о том, что персоязычная духовная литература в XIV веке в Кырму была востребована и имела определённый круг читателей.

Подтверждает сделанные выше выводы наличие ещё одного персоязычного письменного памятника Кырма того периода, а именно – Корана с подстрочным переводом на персидский язык. В настоящее время он хранится в Фонде рукописных и старопечатных книг БИКАМЗ (Бахчисарай) под инвентарным номером К-729. Анализ состава бумаги и чернил свидетельствует, что наиболее древняя часть книги, неоднократно реставрированной, представлена именно двуязычным текстом Корана.

Никогда ни прежде, ни позже, язык населения Кырма не оказывался под таким сильным влиянием персидского языка, как в конце XIII – начале XIV веков.

Торговые связи между Крымом и Бухарой

Монгольская империя объединила огромные территории, что способствовало возрождению Шёлкового пути. Крымский полуостров, также как и территории Бухары и Самарканда, где проживало персоязычное население, стал транзитным пунктом на торговом пути между Китаем и Европой. Это подтверждается, среди прочего, многочисленными находками в городе Старый Крым – бывшей столице одного из золотоордынских улусов. В ходе раскопок на территории этого города обнаружены ремесленные изделия, характерные для Среднего Востока, лостровая керамика, множество монет с разных регионов по маршруту Шёлкового пути, а также остатки очень крупного караван-сарая, построенного в полном соответствии с архитектурной традицией Бухары.

Влияние персидской поэзии на придворную литературу Крымского ханства

После предполагаемого возвращения из Кырма в Балх и Бухару многих (персоязычных) ученых по приказу Узбек-хана в первой четверти XIV в. обогащение крымскотатарского языка фарсизмами заметно снизилось. Лишь благодаря исключительной роли персидского языка как языка литературы Ближнего и Среднего Востока сохранялось его влияние на язык образованной части населения Крымского полуострова. С XV в. и далее в Кырму в нескольких медресе начинают изучать персидский язык [13, с. 159–161], составляются двух- и трехязычные словари [13, с. 156], пишутся литературные произведения на персидском языке [12, с. 28], на протяжении нескольких столетий действует целая школа переписчиков персоязычных произведений [14].

На уровне лексики поэтическая речь XV–XVII вв. характеризуется большим количеством фарсизмов и арабизмов, с помощью которых обогащались синонимические ресурсы, заполнялись отдельные лакуны в словарном составе. Прекрасные газели Ашик Омера, написанные на крымскотатарском языке, богаты фарсизмами и считаются образцами высокого поэтического стиля того времени. Вопросы воздействия

персоязычной поэзии на литературу Крымского ханства хорошо исследованы Т. Б. Усеиновым, который приходит к выводу о том, что «очевидной является преемственность литературных традиций, наблюдаемых в поэзии Крымского ханства и средневековой персидской (иранской) поэзии» [15, с. 144–145].

Подготовленные современными исследователями крымскотатарско-русские словари силлабической поэзии Ашыка Омера (составители А. Меметов, Т. Б. Усеинов; 2010 г.) [3] и Мустафы Джевахери (составители Т. Б. Усеинов, Л. В. Грицак; 2014 г.) [1] предоставляют богатый материал для исследователей крымскотатарского языка, интересующихся историей его развития. Особым достоинством указанных словарей является наличие указаний на язык-источник того или иного слова. Даже при поверхностном анализе словаря поэтической лексики крымскотатарского языка классического периода обращает на себя внимание значительное содержание лексических заимствований из персидского языка, а также характерные для персидской поэзии стилистические приёмы.

Литературный крымскотатарский язык эпохи Крымского ханства представляется перенасыщенным персидской лексикой и фразеологией настолько, что зачастую без знания персидского языка понимание отдельных поэтических крымскотатарских произведений XV–XVII вв. становится невозможным. Литературный язык оказался доступен лишь ограниченному кругу высокообразованных лиц. В результате, после ослабления крымского ханства и вхождения полуострова в состав Российской империи, живой крымскотатарский язык сохранил лишь незначительный след влияния классической персоязычной поэзии.

Персидские лексические заимствования в современном крымскотатарском языке. Наиболее полным лексикографическим описанием состава крымскотатарского языка является «Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь» 2014 года издания, составленный С. М. Усеиновым и включающий около 37 000 слов и словосочетаний [10]. Учитывая полноту данного лексикографического источника, именно он был выбран в качестве основного материала для определения места иранизмов в крымскотатарском языке.

Известно, что персидская по происхождению лексика, в основной своей массе, идентифицируется легко по некоторым фонетическим особенностям и по специфической морфологической структуре, отражающей грамматические нормы персидского языка. Как выше было указано, в настоящей работе для подтверждения достоверности иранской этимологии того или иного слова в крымскотатарском языке были использованы наиболее авторитетные толковые и этимологические словари персидского языка.

В результате проведённой работы нами в лексике крымскотатарского языка было выявлено более 450 лексических единиц иранского происхождения и множество их производных. Это как простая лексика бытового или сельскохозяйственного характера, так и сложная по структуре и семантике научная лексика. Естественно было бы предположить, что значительная доля арабских слов в крымскотатарском языке также была привнесена посредством носителей персидского языка, т.к. в самом персидском языке арабские заимствования занимают не менее 50 (!) процентов. Примечательно, что в крымскотатарском языке до недавних пор не встречались арабизмы, которые бы не входили в состав персидского языка.

В лексико-грамматическом плане крымскотатарские фарсизмы представляют следующие части речи:

1) существительные: *арзу* – желание, мечта (آرزو), *дост* – друг (دوست), *гуль* – роза (گل), *пелит* – дуб (بلوط), *зердали* – абрикос (زردآلو), *боарь* – весна (بهار), *багъча* – сад (باغچه), *дере* – долина, ущелье (دره), *пирнич* – рис (برنج), *дут* – шелковица (توت), *хораз* – петух (خروس), *бульбуль* – соловей (بلبل), *базыргян* – торговец (بازرگان), *дерт* – боль (درد), *тава* – сковородка (تاوه), *пенджерере* – окно (پنجره), *зынджыр* – цепь (زنجير), *афта* – неделя (هفته); *дюрбин* – бинокль (دوربين), *кермен* – крепость (كرمان), *кой* – селение (كوي);

2) прилагательные: *азат* – свободный (آزاد), *зийрек* – смысленный (زيرك), *назик* – нежный (نازك), *тазе* – свежий (تازه), *саде* – простой (ساده), *пак* – чистый (پاك), *бахтияр* – счастливый, удачливый (بختيار), *екяне* – единый (يكانه);

3) глаголы. Иранизмы глубоко приникли в крымскотатарский язык и стали основой для некоторых глаголов, в том числе: *дестелемек* (связывать в пучки; паковать), *достлашмакъ* (подружиться), *зынджырламакъ* (заковать в цепи; окружить цепью), *атеи* бермек (зажечь), *бербат* (برباد) *этмек* (разрушить, уничтожить);

4) наречия: *берабер* – вместе (برابر); *гуя* – подобно (گويا), *кем* – мало (كم); *кёране* – слепо, вслепую (كرانه), *пяде* – пешком (پياده), *десте-десте* – связками, пучками (دسته دسته); *бетер* – хуже (بدتر), *беш-бетер* – ещё хуже (بيش بدتر), *зарифане* – изящно, элегантно (ظريفانه);

5) союзы: *эгер* – если (اگر), *чюнки* – потому что (چون كه), *гуя* – будто бы, словно (گويا); *ки* – что, чтобы (Ойле чапа ки, артындан кимсе етамаз – «Он бегаёт так, что никто его не догонит») (كه);

6) местоимения: *эр кес* – каждый (هر كس); *ич* – никто/ничто (هيچ);

7) предлоги: *пеш* – за, вслед за (*пеш инден кетмек* – идти вслед за ним) (پيش);

8) числительные: *черик* – одна четвертая (يک چهار);

9) междометия: *аферин* – молодец! (при демонстрации восхищения) (آفرين).

Персидские словообразующие элементы активно участвуют в образовании новых слов в крымскотатарском языке. Так, целый ряд новых сложных слов образован при помощи фарсизмов «хане» (дом, помещение) и «наме» (письмо), например:

- хане: *гумрюкхане* (таможня), *етимхане* (приют для сирот), *ибадетхане* (храм, святотилище), *ишхане* (предприятие), *китапхане* (библиотека), *къабулхане* (приёмная), *берберхане* (парикмахерская), *къавехане* (кофейня).

- наме: *бяннаме* (извещение; листовка), *йылдызнаме* (летопись, хроника), *йылдызнаме* (гороскоп), *къанун-наме* (кодекс, свод законов), *веданаме* (прощальное письмо).

При образовании новых слов широкое распространение получил также иранский аффикс *-кар* (كار) со значением «делающий». Он употреблён при образовании таких слов в крымскотатарском языке, как *авескяр* (увлекающийся, любитель), *гунахкяр* (грешник), *диянеткяр* (религиозный, набожный). Сходный по внешним признакам термин «санаткяр» (صنعتگر) образован от другого аффикса – «-гар».

Из префиксов персидского происхождения в КТЯ особенно продуктивна приставка «би-» (بی): *бехабер* – несведущий, незнающий (بی خبر), *биваста* – непосредственно, прямо (بی واسطه), *битерва* – бесстрашный, дерзкий, неустрашимый (بی پروا), *битараф* – нейтральный (بی طرف), *бекяр* – холостяк, неженатый (بی کار).

В качестве примеров сложных слов с одной или двумя составными частями персидского происхождения в КТЯ можно указать следующие: *абдест* – ритуальное омовение (آبدست), *аремзаде* – незаконнорожденный (حرامزاده), *элялзаде* – законнорожденный (حلالزاده), *вефадар* – верный (وفادار), *дарбедар* – ударный (ضربedar), *диндар* – верующий (دين دار), *бештахта* – прилавок (پيش تخته), *бахчиван* – садовник, садовод

(باغچه بان), *пейгамбер* – пророк (پیغمبر), *ватанпервер* – патриот (وطن پرور), *дельбер* – красивый, прелестный (دلیر), *гульдесте* – букет (گل دسته).

ВЫВОДЫ

В результате проведенной работы нами было выявлено более 450 лексических единиц иранского происхождения и множество их производных, в разной мере закрепившихся в составе современного крымскотатарского языка.

В лексико-грамматическом плане крымскотатарские иранизмы представляют следующие 9 частей речи (в порядке убывания в количественном измерении): существительные, прилагательные, глаголы, наречия, местоимения, союзы, числительные, предлоги и междометия.

Наиболее интенсивный приток иранских лексических заимствований в язык коренного населения Крыма относится к рубежу XIII–XIV веков и связан со временным переселением на полуостров значительного числа высокообразованного персоязычного населения. Последовавший вслед за этим период активной транзитной торговли во время Золотой орды, а также влияние персидской поэзии на придворную литературу Крымского ханства позволили закрепиться в крымскотатарском языке проникшим ранее персидским заимствованиям.

Фарсизмы глубоко вошли в лексическую систему крымскотатарского языка и заняли там настолько прочное место, что стали участвовать в процессах развития семантики слов, входить в синонимические, антонимические и омонимические отношения как с исконными крымскотатарскими словами, так и с заимствованными из других языков.

Список литературы

1. Большой крымскотатарско-русский словарь силлабической поэзии Мустафы Джевхери. 4300 единиц / Сост. Т. Б. Усеинов, Л. В. Грицак. – Симферополь: Крымчупедгиз, 2014. – 192 с.
2. *Иванов А. А.* Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1989. – С. 24–31.
3. Крымскотатарско-русский словарь силлабической поэзии Ашыка Омера. 3400 единиц / Сост. А. Меметов, Т. Б. Усеинов. – Симферополь: Крымчупедгиз, 2010. – 130 с.
4. *Меметов А.* Источники формирования лексики крымскотатарского языка. – Ташкент: Фан, 1988. – 110 с.
5. *Меметов А. М.* Лексикология крымскотатарского языка. – Симферополь: Крымчупедгиз, 2000. – 288 с.
6. *Меметов А. М.* Персидские заимствования в современном крымскотатарском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Ташкент, 1974. – 178 с.
7. *Меметов А. М.* Сфера функционирования и лексико-грамматическое освоение иноязычных заимствований в «Кодекс Куманикус» // Научный вестник Крыма. – 2019. – № 2. – С. 1–13.
8. *Меметов А. М., Меметов И. А.* Этническая история крымских татар: лингво-социокультурный анализ. Часть 1. – Симферополь: ООО «Эльиньо», 2017. – 156 с.
9. *Описание Крыма (Tartarie Descriptio)* Мартина Броневского // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. – Одесса: Алексомати, 1867. – С. 333–367.
10. Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь / Сост. С. М. Усеинов. – Симферополь: Тезис, 2014. – 640 с.
11. Русско-персидский словарь: ок. 30000 слов / Г. А. Восканян. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. – 865 с.
12. *Сухоруков А. Н.* Источники формирования лексики крымскотатарского языка: иранский след // Foreign language in the system of secondary and higher education. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. – С. 26–31.

13. Сухоруков А. Н. Персидский язык в Крыму до 20-го века // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной иранистики. Материалы международной научно-практической конференции. – Казань, 2015. – С. 139–167.
14. Сухоруков А. Н. Традиция переписи персоязычных произведений в Крыму в золотоордынский период // Материалы V научно-практической конференции «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского». – Симферополь, 2019. – С. 7–9.
15. Усеинов Т. Б. Влияние творчества персидских поэтов-классиков на поэзию крымского ханства // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт. Сборник трудов Восемнадцатой международной научно-практической конференции. – Белгород: ООО ГиК, 2019. – С. 143–145.
16. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Перевод Е. В. Бахревского. – Симферополь: ДОЛЯ, 2008. – 272 с.
17. Golden P. B. The Codex Cumanicus // Central Asian Monuments. – Istanbul: Isis Press, 1992. – P. 29–51.
18. Monchi-Zadeh, Davoud. Das Persische im Codex Cumanicus. Studia Indoeuropaea Upsaliensia. – Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 1969. – 219 p.
19. فرهنگ فارسی (شش جلدی). معین، محمد. تهران: مؤسسه انتشاراتی امیرکبیر، ۱۳۶۲ – ۱۴۷۲ ص.
20. فرهنگ فارسی عمید. استاد حسن عمید. تهران: چاپخانه ابن سینا، ۱۳۴۲ – ۱۰۸۸ ص.
21. لغتنامه دهخدا. دوره کامل (16 جلدی). علی اکبر دهخدا: دانشگاه تهران، ۱۳۷۷ – ۲۳۹۱۲ ص.

References

1. *Bol'shoi krymskotatarsko-russkii slovar' sillabicheskoi poezii Mustafy Dzhevkhery. 4300 edinits* [Large Crimean Tatar-Russian dictionary of syllabic poetry by Mustafa Dzhevkhery. 4300 units]. Sost. T.B. Useinov, L.V. Gritsak. Simferopol', Krymchpedgiz Publ., 2014. 192 p.
2. Ivanov A. A. *Nadpisi iz Eski-Erta* [Inscription from Eski-Yurt]. *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniakh Vostoka i Zapada v XII-XVI vekakh*. Rostov-na-Donu: RGU Publ., 1989, pp. 24–31.
3. *Krymskotatarsko-russkii slovar' sillabicheskoi poezii Ashyka Omera. 3400 edinits* [Crimean Tatar-Russian dictionary of syllabic poetry by Ashyk Omer. 3400 units]. Sost. A. Memetov, T. B. Useinov. Simferopol', Krymchpedgiz Publ., 2010. 130 p.
4. Memetov A. *Istochniki formirovaniia leksiki krymskotatarskogo iazyka* [Sources of formation of the vocabulary of the Crimean Tatar language]. Tashkent, Fan Publ., 1988. 110 p.
5. Memetov A.M. *Leksikologiya krymskotatarskogo iazyka* [Lexicology of the Crimean Tatar language]. Simferopol', Krymchpedgiz Publ., 2000. 288 p.
6. Memetov A. M. *Persidskie zaimstvovaniia v sovremenom krymskotatarskom iazyke: Dis. ... kand. filol. nauk* [Persian borrowings in the modern Crimean Tatar language]. Tashkent, 1974. 178 p.
7. Memetov A. M. *Sfera funktsionirovaniia i leksiko-grammaticheskoe osvoenie inoiazychnykh zaimstvovaniia v «Kodeks Kumanikus»* [The scope of functioning and lexical and grammatical development of foreign borrowings in the "Codex Cumanicus"]. *Nauchnyi vestnik Kryma*, 2019, no. 2, pp. 1–13.
8. Memetov A.M., Memetov I.A. *Etnicheskaia istoriia krymskikh tatar: lingvo-sotsiokul'turnyi analiz. Chast' I*. [Ethnic history of the Crimean Tatars: linguo-sociocultural analysis. Part 1]. Simferopol, ООО El'in'o Publ., 2017. 156 p.
9. *Opisanie Kryma (Tartarie Descriptio) Martina Bronevskago* [Description of Crimea (Tartarie Descriptio) by Martin Broniewski]. *Zapiski Odesskago obshchestva istorii i drevnostei*. Vol. 6. Odessa, Aleksomati Publ., 1867, pp. 333–367.
10. *Russko-krymskotatarskii, krymskotatarsko-russkii slovar'* [Russian-Crimean Tatar, Crimean Tatar-Russian dictionary]. Sost. S. M. Useinov. Simferopol', Tezis Publ., 2014. 640 p.
11. *Russko-persidskii slovar': ok. 30000 slov* [Russian-Persian dictionary: ap. 30000 words]. G. A. Voskanian. Moskva, AST: Vostok–Zapad Publ., 2008. 865 p.
12. Sukhorukov A. N. *Istochniki formirovaniia leksiki krymskotatarskogo iazyka: iranskii sled* [Sources of the formation of the vocabulary of the Crimean Tatar language: the Iranian trace]. *Foreign language in the system of secondary and higher education*. Prague, Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» Publ., 2015, pp. 26–31.
13. Sukhorukov A. N. *Persidskii iazyk v Krymu do 20-go veka* [Persian language in Crimea until the 20th century]. *Aktual'nye problemy otechestvennoi i zarubezhnoi iranistiki. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Kazan', 2015. pp. 139–167.

14. Sukhorukov A. N. *Traditsiia perepisi persoiazychnykh proizvedenii v Krymu v zolotoordynskii period* [Tradition of the census of Persian-language works in the Crimea in the Golden Horde period]. *V nauchno-prakticheskaiia konferentsiia «Dni nauki KFU im. V.I. Vernadskogo»*. Simferopol', 2019, pp.7–9.
15. Useinov T. B. *Vliianie tvorchestva persidskikh poetov-klassikov na poeziuu krymskogo khanstva* [The Influence of the Work of Persian Classical Poets on the Poetry of the Crimean Khanate]. *Nauka i obrazovanie: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt. Sbornik trudov Vosemnadsatoi mezhduнародnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Belgorod, OOO GiK Publ., 2019, pp. 143–145.
16. *Evliia Chelebi. Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti (Izvyecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka)* [Evliya Celebi. Travel book. Crimea and adjacent regions (Extracts from the work of a Turkish traveler of the 17-th century)]. Translation by E. V. Bakhrevsky. Simferopol, DOLiA Publ., 2008. 272 p.
17. Golden P. B. *The Codex Cumanicus. Central Asian Monuments*. Istanbul, Isis Press Publ., 1992, pp. 29–51.
18. *Monchi-Zadeh, Davoud. Das Persische im Codex Cumanicus. Studia Indoeuropaea Upsaliensia*. Uppsala, Acta Universitatis Upsaliensis Publ., 1969. 219 p.
19. *Farhange farsi (shesh jeldi)*. [Persian vocabulary (six volumes)]. Ed. by Mo'in, Mohammad. Tehran, Moasseseye Entesharate Amir Kabir Publ., 1362. 1472 p.
20. *Farhange farsiye Omid* [Omid Persian vocabulary]. Ed. by Ostad Hasan Omid. Tehran, Chapkhaneye Ebn Sina Publ., 1342. 1088 p.
21. *Loqatnameye Dekhoda. Doureye kamel (16-jeldi)* [Dekhoda dictionary. Complete course (16 volumes)]. Ed. by Ali Akbar Dekhoda. Daneshgahe Tehran Publ., 1377. 23912 p.

PERSIAN LEXICAL BORROWINGS IN THE CRIMEAN TATAR LANGUAGE: WAYS OF PENETRATION AND CURRENT STATE¹

Sukhorukov A. N.

The present article deals with the analysis of the the process and results of the penetration of the lexical elements of the Persian language into the Crimean Tatar. To understand the mechanism of penetration of Farsisms into the Crimean Tatar language, the travelogues of medieval travelers, primarily Martin Bronevsky and Evliy Chelebi, are studied, Farsisms in the Turkic part of the Codex Cumanicus dictionary are analyzed. As a result of the study, it was revealed that the most intensive influx of Iranian lexical borrowings into the language of the indigenous population of Crimea dates back to the turn of the 13th–14th centuries and is associated with the temporary resettlement of a significant number of highly educated Persian-speaking population to the peninsula. The period of active transit trade that followed, as well as the influence of Persian poetry on the court literature of the Crimean Khanate, allowed Persian lexical borrowings to gain a foothold in the Crimean Tatar language. When analyzing the results of the Persian influence on the modern Crimean Tatar language, the Crimean Tatar-Russian dictionary (37,000 words and phrases), compiled by S. M. Useinov, was used as a material. To confirm the Persian etymology, the explanatory dictionaries of Moin, Dekhoda and Omid were used. As a result of the work carried out, more than 450 lexical units of Iranian origin and many of their derivatives were identified, which, to varying degrees, were fixed in the composition of the modern Crimean Tatar language. In lexical and grammatical terms, Crimean Tatar Iranianisms represent the following 9 parts of speech (in descending order in quantitative terms): nouns, adjectives, verbs, adverbs, pronouns, conjunctions, numerals, prepositions and interjections. Farsisms deeply penetrated into the lexical system of the Crimean Tatar language, began to participate in the development of the semantics of words, enter into synonymous, antonymic and homonymous relations both with native Crimean Tatar words and with those borrowed from other languages.

Keywords: Persian language, Crimean Tatar language, Iranisms, Farsism, lexicology, lexical borrowings, Crimea.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 program N 075-15-2021-1323.

3. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛИСТИКИ

УДК 070:316.77

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ В ВОВЛЕЧЕНИИ ГРАЖДАН В ПРИНЯТИЕ БЮДЖЕТНЫХ РЕШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ)

Егорова Л. Г., Сурган М. А.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова», Симферополь, Россия
E-mail: legora@list.ru*

В статье рассматривается роль региональных СМИ в информационном сопровождении проектов инициативного бюджетирования как одного из наиболее перспективных и динамично развивающихся на сегодняшний день инструментов вовлечения общественности в управленческие процессы. При реализации программы местные жители рассматриваются не только как потребители государственных услуг, но и как полноправные участники их производства, способные влиять на решение проблем своих муниципальных образований – от выявления социально значимой проблемы до ее устранения и контроля за качеством исполнения проекта. Коммуникация между гражданами, общественными институтами и властью сегодня в значительной степени выстраивается в пространстве, формируемом средствами массовой информации. Авторы отмечают, что СМИ способны вовлекать население в процессы местного самоуправления и принятия бюджетных решений; выделяют ключевые информационные поводы, отражающие особенности программы инициативного бюджетирования в медиаповестке региона и оказывающие влияние на ее восприятие местными жителями.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование, вовлечение граждан, региональные СМИ, информационная кампания, информационная повестка.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших институтов гражданского общества является местное самоуправление, уровень развития механизмов которого исследователи называют важным индикатором степени продвинутости локального сообщества и самоорганизации граждан; оно нацелено на решение актуальных проблем и вопросов местного значения и повышение качества жизни населения определенного муниципального образования [4]. Механизмы местного самоуправления как особого политического института, в котором сочетаются публично-властные начала и активная гражданская самоорганизация, предполагают активное вовлечение жителей в принятие управленческих мер на уровне муниципалитета. На сегодняшний день в Российской Федерации особое внимание уделяется практикам вовлечения граждан в процессы принятия бюджетных решений, но при этом исследователи отмечают невысокий уровень заинтересованности граждан в бюджетных процессах [6].

Одним из наиболее динамично развивающихся механизмов вовлечения жителей в бюджетные процессы муниципальных образований является инициативное бюджетирование (ИБ) – практика, основанная на гражданских инициативах и направленная на решение вопросов местного значения при участии граждан в

определении объектов расходования бюджетных средств и контроле за реализацией отобранных проектов [2]. При реализации программы местные жители выступают в роли не только потребителей государственных услуг, но и полноправных участников их производства, способных влиять на решение проблем своих муниципальных образований – от выявления социально значимой проблемы до ее решения и контроля за качеством исполнения проекта. В качестве одного из основных эффектов инициативного бюджетирования К. В. Векерле и И. А. Соколов называют формирование активного гражданского сообщества и рост доверия к власти, развитие местной социальной инфраструктуры и повышение качества социальных услуг, а также рост эффективности бюджетных расходов и учет приоритетов местного сообщества при принятии бюджетных решений [3]. Важное отличие инициативного бюджетирования от иных форм вовлечения граждан в бюджетные процессы заключается в активном участии жителей в выдвижении, рассмотрении и утверждении проектов посредством голосования. Исследователи указывают на то, что «в этом смысле инициативное бюджетирование может обеспечить максимальную вовлеченность граждан, поскольку для участия в отборе проектов не требуются специфические знания, связанные с бюджетными и политическими процессами» [3, с. 36].

Успешное развитие местного самоуправления и механизма инициативного бюджетирования как одной из его форм требует поддержания взаимодействия и эффективной коммуникации между властью и обществом, в связи с чем особую роль приобретают средства массовой информации как важный инструмент гражданской социализации. СМИ способны стимулировать заинтересованность граждан, формировать необходимые ценностные установки, способствовать приобретению навыков гражданского участия в решении значимых вопросов местного значения [9]. Анализ специфики участия СМИ в информационном сопровождении программ инициативного бюджетирования и выработка стратегии повышения эффективности информационной кампании ИБ требует системного научного осмысления. Цель данной статьи – рассмотреть особенности информационного сопровождения практики инициативного бюджетирования в Республике Крым как инструмента информирования, просвещения и вовлечения граждан в механизм принятия бюджетных решений на местном уровне.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Описывая принципы информационного сопровождения проектов инициативного бюджетирования, В. В. Вагин и Н. А. Шаповалова выделяют его основные цели, в число которых входит просвещение граждан и информирование о практике ИБ, пропаганда, нацеленная на трансформацию установок граждан, и побуждение к конкретным действиям – участию в новой общественной технологии [1]. Вместе с тем, как показывают исследования, на сегодняшний день средний показатель участия в программах инициативного бюджетирования на территориях, где они реализуются, составляет порядка 1% от общей численности населения муниципального образования. К. В. Векерле и И. А. Соколов приходят к выводу, что большая часть жителей либо не обладает достаточной информацией о программе и способах участия в ней, либо не осознает предоставляемых ею возможностей [3]. Исходя из вышесказанного, можем заключить, что информационная кампания должна быть нацелена на освоение аудиторией новых ценностей и норм и формирование на их основе мотивов гражданской активности. Проведение эффективной информационной кампании невозможно без учета особенностей целевой аудитории, социокультурных, политических, экономических,

характеристик региона и специфики региональной идентичности его жителей. Региональная идентичность, формируемая на основе географически фиксируемой локальности, может стать основой для участия индивида в коллективных действиях, направленных на развитие региона.

Если вести речь о региональных практиках информационного сопровождения проектов ИБ, то необходимо указать на использование различных каналов коммуникации, таких как информационные стенды и объявления, наружная реклама, публикации на официальных сайтах администраций муниципальных образований, СМИ, социальные сети, мессенджеры. При этом следует отметить особую роль региональных СМИ, поскольку они не только информируют массовую аудиторию о практиках ИБ, но и способны влиять на личностную и социальную идентификацию адресата и вовлекать местных жителей в процессы управления и принятия решений [5]. Региональные СМИ «востребованы благодаря близости к аудитории, проживающей на конкретной территории. Информацию, получаемую из таких СМИ, жители могут проверить непосредственно на личном опыте, использовать полученные сведения на практике для решения местных проблем» [5, с. 187]. Институт средств массовой информации рассматривается сегодня как важный элемент социальной организации общества, поскольку материалы, транслируемые массмедиа, формируют структуру ценностных ориентаций аудитории и в значительной мере задают модели поведения, в том числе ориентированные на общественно полезную деятельность, а местные новости позволяют аудитории ориентироваться в локальных событиях и содержат практически полезную информацию. К тому же региональные медиа способны оказывать влияние на функционирование местных административных и общественных структур [8]. Таким образом СМИ выступают пространством коммуникации и взаимодействия граждан и власти и инструментом формирования гражданского общества [7].

Информационная кампания по инициативному бюджетированию в Республике Крым стартовала в 2021 году вместе с запуском пилотного конкурса инициативных проектов. На первом этапе решалась задача информирования массовой аудитории о новой практике, ее целях, участниках, возможностях, условиях конкурсного отбора. Так, участие регионального крымского телевидения в информационной кампании включало новостные репортажи, посвященные реализуемой в Республике Крым программе инициативного бюджетирования. Такие репортажи содержали информацию о специфике и этапах программы, а также рассказывали о выдвигаемых на конкурс инициативных проектах отдельных сельских поселений. Материалы выходили на телеканалах «Миллет», «Крым 24», а также в программе «Вести Крым» (региональном выпуске новостей телеканала «Россия 1»). Тема инициативного бюджетирования и поддержки местной администрацией проектов активных жителей поднималась и в эфире программы «Открытая власть» на телеканале «Крым 24» от 07.04.2021. Для информирования использовалось также радио. В программе «Вычислитель» на радио «Спутник в Крыму» сотрудники Министерства финансов Республики Крым и Центра изучения гражданских инициатив Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова рассказывали о том, какие проекты могут участвовать в конкурсе ИБ, о механизме подачи конкурсных заявок, принципах конкурсного отбора. Примером информирования о программе посредством печатных СМИ может служить публикация в газете «МК в Крыму» *«Инициатива поощряема. Как в Крыму реализуется программа инициативного бюджетирования»* (4–10 августа 2021). Что касается участия муниципальных СМИ в

информационном сопровождении проектов ИБ, то следует отметить их невысокую активность: так, в период подготовки заявок на конкурс инициативных проектов в 2021 г. было опубликовано только четыре информационных материала о проектах ИБ – по одной публикации в газетах «Огни маяка» (Красногвардейский район) и «Нижнегорье» (Нижнегорский район), два материала вышло в «Заре Присивашья» (Джанкойский район).

Второй этап информационной кампании был связан с освещением результатов конкурсного отбора и победивших в конкурсе проектов. Важность публичной презентации результатов реализации инициатив и популяризации созданных в рамках инициативных проектов объектов определяется способностью таких медиатекстов стимулировать общественный интерес к программе и повысить уровень доверия к ней. Так, информационные публикации об итогах первого года реализации программы публиковались в газетах «Крымские известия» («Инициатива не наказуема»), «Крымская правда» («Итоги инициативного бюджетирования в 2021 году подвели в Крыму», «До конца в Крыму реализуют 53 проекта инициативного бюджетирования»), на сайте информационного агентства «Крыминформ» («Минфин Крыма утвердил конкурсные проекты инициативного бюджетирования», «Крымчане реализовали уже более 50 проектов благоустройства с инициативным бюджетированием»), репортаж об итогах конкурса инициативных проектов и организации конкурсного отбора инициативных проектов в 2022 году вышел на телеканале «Крым 24». Материалы об открытии объектов выходили в муниципальных изданиях и на региональных телеканалах: «Крым 24» (три репортажа) и «Миллет» (один репортаж), «Вести Крым» (один репортаж).

Следующий этап информационной кампании выстраивался с учетом необходимости расширения медиаосвещения практик ИБ для более эффективного вовлечения жителей в процедуру конкурсного отбора. В 2022 году, к началу подготовки новых проектов, был снят рекламный ролик, транслировавшийся на региональных телеканалах. Публикации о программе ИБ и тех возможностях, которые она дает в сфере благоустройства муниципальных районов Республики Крым, появились в изданиях «Крымские известия» – «Инициатируйте, и будет вам бюджетирование», «РИА Новости Крым» – «В Крыму проведут конкурс заявок по благоустройству населенных пунктов». Подготовка проектов освещалась как в муниципальных печатных изданиях «Нижнегорье» (десять материалов), «Авангард» (восемь материалов), «Приазовская звезда» (семь материалов), «Огни маяка» (шесть материалов), «Сельская новь» (пять материалов), «Черноморские известия» (два материала), «Сельский труженик Крыма» (два материала), «Кировец» (два материала), «Заря Присивашья» (два материала), «Сакская газета» (один материал), так и на телевидении (шесть репортажей) и радио «Ватан седасы» (один материал). Значимым информационным поводом стал межрегиональный семинар «Теоретические и практические аспекты реализации проектов инициативного бюджетирования в регионе», прошедший в Крымском инженерно-педагогическом университете имени Февзи Якубова. Репортажи о нем появились в выпусках новостей на телеканалах «Миллет», «Вести Крым», а также в программе «Экономика» на телеканале «Крым 24». Открытие объектов, реализованных по программе инициативного бюджетирования в 2022 году, освещалось телеканалами «Крым 24», «Вести Крым», «Миллет», телеканалом Черноморского района «ТВЧ» – по одному репортажу, печатными СМИ – «Крымской газетой» («В Советском районе отремонтировали уличное освещение», «В Черноморском районе открыли отремонтированную зону отдыха»), информационным

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ В ВОВЛЕЧЕНИИ ГРАЖДАН В ПРИНЯТИЕ БЮДЖЕТНЫХ РЕШЕНИЙ

агентством «КИА» («Семь проектов от Трудовского сельского поселения победили в конкурсе проектов инициативного бюджетирования»).

Анализируя медиатексты, посвященные различным аспектам реализации программы инициативного бюджетирования в Крыму, можно отметить увеличение их общего количества материалов более чем в два раза (см. табл. 1).

Таблица 1.

Динамика количества медиатекстов, посвященных проектам ИБ в Крыму

Вид СМИ	2021 год	2022 год
Печатные СМИ	14 материалов	48 материалов
Телевидение	10 материалов	12 материалов
Радио	1 материал	1 материал
Информационные агентства	–	2 материала
Всего	25 материалов	63 материала

Как видим, значительный рост количества публикаций об инициативном бюджетировании наблюдается в сегменте печатных СМИ, что связано с особенностями организации практики ИБ в Республике Крым. Программа инициативного бюджетирования предусматривает конкурсную процедуру отбора инициативных проектов, в связи с чем возрастает важность проведения мероприятий, способствующих победе конкретного инициативного проекта. Дизайн практики ИБ построен на идее активного вовлечения местных жителей в обсуждение и выдвижение проектных идей, что требует организации информационной кампании на уровне муниципального образования, в том числе с привлечением муниципальных изданий. Информационная кампания ИБ связана с концептами гражданского общества и общественного принятия решений, что находит отражение в содержании медиатекстов: «*Так совместными усилиями мы создадим интересные и уникальные территории в любом районе, воплотим идеи, которые качественно изменят жизнь нашего региона*» (МК в Крыму, 4–10 августа 2021); «*Так воплощаются идеи жителей, которые и определяют самые проблемные участки для запроса денег из бюджета*» (Крым 24, 23.12.2021); «*Был пустырь – теперь территорию не узнать. В 2021 году благодаря программе инициативного бюджетирования у каждого местного жителя появилась возможность участвовать в развитии своего населенного пункта*» (Миллет, 27.12.2021); «*Если вы хотите изменений в вашем селе, участвуйте в проектах инициативного бюджетирования «Крым как мы хотим». Данный проект позволяет нам – жителям Крыма – определять насущные проблемы и принимать участие в их решении*» (КИА, 3.11.2022).

Среди основных информационных поводов для освещения программы инициативного бюджетирования в региональных массмедиа Крыма можно назвать:

- подготовку инициативных проектов в муниципальных образованиях;
- открытие объектов, реализованных по программе ИБ;
- официальные мероприятия, связанные с реализацией программы (конференции, семинары и т.д.);
- цели, участники, возможности практики ИБ;
- общие итоги реализации практики ИБ.

Соотношение количества материалов по данным тематическим направлениям за период 2021–2022 г. представлено на *диаграмме 1*.

Диаграмма 1. Тематика медиатекстов о программе инициативного бюджетирования

Как следует из диаграммы, наиболее часто в СМИ освещается процесс подготовки инициативных проектов (56 материалов, что составляет 64% от общего количества медиатекстов) и открытия объектов, реализованных по программе ИБ (12 материалов, 14%), менее активно в медиапространстве Крыма представлены публикации о целях, участниках, возможностях практики ИБ (восемь материалов, 9%), официальных мероприятиях, связанных с реализацией программы (шесть материалов, 7%) и общих итогах реализации практики (пять материалов, 6%).

ВЫВОДЫ

Средства массовой информации играют значительную роль в развитии местного самоуправления и вовлечении жителей в принятие решений на уровне муниципалитета, в том числе в рамках программы инициативного бюджетирования. Медиатексты региональных СМИ о различных аспектах реализации программы ИБ способны повышать информированность жителей, формируя интерес к участию в программе, способствовать росту их компетентности и активности, т.е. непосредственной вовлеченности в принятие бюджетных решений на местном уровне и улучшение местной инфраструктуры. Для решения таких задач необходима комплексная стратегия информационной кампании, основанная на использовании различных медиа. Тема инициативного бюджетирования рассматривается региональными крымскими СМИ как значимый информационный повод, о чем свидетельствует увеличение количества

материалов данной тематики. Наиболее востребованными тематическими блоками в рамках освещения региональной практики выступают подготовка инициативных проектов и открытие объектов, реализованных по программе инициативно бюджетирования.

Список литературы

1. Вагин В. В. Информационное сопровождение инициативного бюджетирования: содержание и принципы успешной реализации // Власть. – 2016. – № 12. – С. 63–69.
2. Вагин В. В., Гаврилова Н. В., Шаповалова Н. А. Инициативное бюджетирование в России: лучшие практики и направления развития // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. – 2015. – № 4. – С. 94–103.
3. Векерле К. В., Соколов И. А. Перспективы и условия востребованности инициативного бюджетирования в России // Экономическая политика. – 2022. – Т. 17. – № 2. – С. 34–61.
4. Дмитров А. И. Анализ форм вовлечения населения в местное самоуправление в г. Владивостоке и его агломерации // StudNet. – 2020. – № 9. – С. 382–392.
5. Егорова Л. Г. Роль региональных СМИ в становлении гражданского общества (на примере информационного сопровождения проектов инициативного бюджетирования) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 2. – С. 185–194.
6. Коростылева М. В. Вовлечение граждан в бюджетный процесс на муниципальном уровне: проблемы правового регулирования и практика применения (по материалам Волгоградской области) // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Юриспруденция. – 2019. – № 2. – С. 17–24.
7. Новак А. А. Особенности формирования повестки дня региональных СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – Т. 7. – № 1. – С. 129–144.
8. Хлыстунов С. Ю. Социокультурный аспект функционирования региональных СМИ в контексте идеологической глобализации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 41. – Т. 8 – С. 136–144.
9. Ширяева А. А. Участие СМИ и журналистов в становлении гражданского общества // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2011. – № 1. – С. 142–154.

References

1. Vagin V. V. *Informacionnoe soprovozhdenie iniciativnogo bjudzhetirovaniya: sodержanie i principy uspezhnoj realizacii* [The participatory budgeting information support: content and successful implementation principles]. *Vlast'*, 2016, no 12, pp. 63–69.
2. Vagin V. V., Gavrilova N. V., Shapovalova N. A. *Iniciativnoe bjudzhetirovanie v Rossii: luchshie praktiki i napravleniya razvitiya* [The participatory budgeting in Russia: best practices and development trends]. *Nauchno-issledovatel'skij finansovij institut. Finansovij zhurnal*, 2015, no 4, pp. 94–103.
3. Vekerle K. V., Sokolov I. A. *Perspektivy i usloviya vostrebovannosti iniciativnogo bjudzhetirovaniya v Rossii* [Prospects and demand factors of participatory budgeting in Russia]. *Jekonomicheskaja politika*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 34–61.
4. Dmitrov A. I. *Analiz form vovlecheniya naseleniya v mestnoe samoupravlenie v g. Vladivostoke i ego aglomeracii* [Analysis of forms of population involvement in local government in the city of Vladivostok and its agglomeration]. *StudNet*, 2020, no 9, pp. 382–392.
5. Egorova L. G. *Rol' regional'nyh SMI v stanovlenii grazhdanskogo obshhestva (na primere informacionnogo soprovozhdeniya projektov iniciativnogo bjudzhetirovaniya)* [Regional media role in civil society formation (on the example of the participatory budgeting projects)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no 2, pp. 185–194.
6. Korostyleva M. V. *Vovlechenie grazhdan v bjudzhetnyj process na municipal'nom urovne: problemy pravovogo regulirovaniya i praktika primeneniya (po materialam Volgogradskoj oblasti)* [Involvement of citizens in the budgetary process at the municipal level: problems of legal regulation and practice of

- application (on materials of the Volgograd region)]. *Nauchnyj vestnik Volgogradskogo filiala RANHIGS. Serija: Jurisprudencija*, 2019, no 2, pp. 17–24.
7. Novak A. A. *Osobennosti formirovanija povestki dnja regional'nyh SMI* [Specifics of agenda-setting in regional mass media]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2018, vol. 7, no 1, pp. 129–144.
 8. Hlystunov S. Ju. *Sociokul'turnyj aspekt funkcionirovanija regional'nyh SMI v kontekste ideologicheskoy globalizacii* [Socio-cultural aspect of regional mass media's functioning in the context of ideological globalization]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, 2007, no 41, vol. 8, pp. 136–144.
 9. Shirjaeva A. A. *Uchastie SMI i zhurnalistov v stanovlenii grazhdanskogo obshhestva* [Participation of the media and journalists in the development of civil society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika*, 2011, no 1, pp. 142–154.

**REGIONAL MASS MEDIA ROLE IN CITIZEN ENGAGEMENT
IN MAKING BUDGET DECISIONS
(ON THE EXAMPLE OF PARTICIPATORY BUDGETING PROGRAMM)**

Yegorova L. G., Surgan M. A.

The article discusses the role of regional media in information support of the participatory budgeting program as one of the most promising and dynamically developing tools for involving the public in management processes today. When implementing the program, local residents are considered not only as consumers of public services, but also as their production participants, capable of influencing the solution of their municipalities problems – from identifying a socially significant problem to solving it and monitoring the quality of project implementation. Communication between citizens, public institutions and authorities today is largely built in the space formed by the media. The authors note that the media are able to involve the population in the processes of local self-government and budget decision-making. The authors identify key informational occasions that determine the features of the reflection of the initiative budgeting program in the media agenda of the region and influence its perception by local residents.

Key words: participatory budgeting, citizen engagement, regional media, information campaign, media agenda.

УДК 070:316.77(292.471)

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Зайцев Е. Р.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова», Симферополь, Россия
E-mail: egor.zts@gmail.com*

В статье рассматриваются лексические и стилистические особенности регионального медиатекста. В исследовании отмечается, что смысловая, композиционная, стилистическая структура медиатекста в значительной степени определяется экстралингвистическими факторами, обуславливающими способы кодирования информации. Факты и события погружаются СМИ в социокультурное пространство с учетом характеристик адресата сообщения. В текстах региональных СМИ используется широкий набор образных средств, в том числе оценочных, экспрессивных. В медиатекстах наблюдается более активная репрезентация адресанта и авторской оценки, которая реализуется с помощью языковых единиц разного уровня. Использование различных языковых оценочных средств позволяет медиатекстам оказывать влияние на восприятие аудиторией явлений и событий, транслировать определенные смыслы и ценности. Значимым для текстообразования в сфере массовой коммуникации фактором является ориентация автора на паритет взаимоотношений с аудиторией и диалогичность.

Ключевые слова: медиатекст, региональные СМИ, язык СМИ, оценочность, коммуникативное воздействие.

ВВЕДЕНИЕ

Изменения коммуникационных процессов и возрастающее влияние массмедиа на общество обуславливают исследовательский интерес к речевой практике средств массовой информации. В ходе активного развития традиционных СМИ и новых медиа формируется особое единое информационное пространство, включающее в себя множество медиапоток и оказывающее значительное влияние на современные языковые нормы. Исследователи отмечают, что сфера массовой коммуникации сегодня может рассматриваться как ключевая в речепользования не только в количественных показателях (протяженность текстов медиа сегодня превышает объем речи в других сферах общественной деятельности), но и в способности оказывать влияние на развитие языковых процессов [2; 4; 16].

Л. Г. Егорова отмечает, что «современный региональный медиадискурс представляет собой динамичную коммуникацию с разнообразным набором стратегий и тактик воздействия на адресата, обладающую специфическими признаками, которые отражают особенности территории и проявляются в повестке дня СМИ, приоритетных темах, способах представления информации и интерпретации общественно значимых событий» [6, с. 192–193].

Медиатекст представляет собой динамически сложную, многоуровневую единицу коммуникации и соотносится с широкой областью общественного сознания. Он отражает сложившиеся социокультурные, психологические и др. факторы [12], в связи с чем понимание и исследование медиатекстов требует особых подходов. Так, смысловую, композиционную, стилистическую структуры медиатекста следует рассматривать с

учетом их обусловленности экстралингвистическими факторами. В частности, отбор языковых средств в медиатекстах определяется коммуникативными целями и задачами автора, жанровой спецификой, состоянием лингвокультурной среды, уровнем коммуникативной компетентности адресанта и адресата сообщения, типом медиа, тематической доминантой и пр. [13]. Нацеленность медиатекстов на воздействие на адресата проявляется в побудительности, изобразительности и оценочности. Сегодня в СМИ информирование становится фактологическим, а функция воздействия перестает быть одноплановой, в связи с чем в коммуникативном акте происходит уравнивание ролей адресанта и адресата. При этом воздействующая функция воплощается на стилистическом уровне в разнообразии точек зрения и фактов, большей раскованности авторов и индивидуализации текстов.

Целью исследования является описание лексико-стилистических особенностей региональных медиатекстов, определяющих специфику взаимодействия между адресатом и адресантом в региональном медиадискурсе. Материалом исследования послужили публикации СМИ Республики Крым «Крымская газета», «Крымская правда», «Крымское эхо» за период с января по август 2022 г.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие *медиа речь* включает в себя все виды речи, функционирующие в массовой коммуникации. В. И. Коньков, отмечая чрезвычайную лексико-грамматическую разнородность современной медиаречи, обусловленную выбором темы медиатекста, стилистическими традициями конкретного СМИ, характеристиками целевой аудитории и др. факторами, указывает на то, что медиаречь призвана реализовывать функцию воздействия на адресата сообщения. Среди общих характеристик медиаречи автор выделяет такие ее качества, как утилитарность, т.е. непосредственную связь с практической деятельностью социума, актуальность, перформативность, т.е. способность включаться в контекст происходящих событий и создавать общественную или межличностную ситуацию, влекущую за собой определенные действия, необратимость, связанную с особенностями медиапотребления в условиях увеличивающегося информационного потока [8].

Еще одной важной характеристикой современной медиаречи является ее поликодовость [14], связанная с тем, что медиатекст представляет собой совокупность вербальных и медийных компонентов. Исследователи подчеркивают, что медиатекст нельзя рассматривать исключительно как последовательность вербальных единиц, поскольку границы данного понятия значительно шире. Медиатексты отражают современные технологии, которые используются для их создания и распространения, и строятся на сочетании различных семиотических кодов [2]. Данная особенность медиатекстов ярко проявляется в современной тенденции визуализации информации в массовой коммуникации [14].

Вышеперечисленные коммуникативные характеристики медиаречи оказывают значительное влияние на содержательную структуру, композицию и лексико-стилистические особенности текстов массовой коммуникации. Так, актуальность медиатекстов предопределяет использование особой системы их презентации, позволяющей привлечь внимание целевой аудитории [9], и выразительных средств, позволяющих внимание удержать.

Смысловая структура текста может рассматриваться как многоуровневая организация содержательной стороны, формируемой текстовыми единицами, типовыми

структурами текста, архитектоникой, композицией и пр. При этом важными компонентами смысловой структуры являются те смыслы, которые создаются под воздействием комплекса экстралингвистических факторов, определяющих стилевую специфику текста [7]. По замечанию Л. Н. Синельниковой, медиадискурс нацелен на формирование в сознании аудитории «особой регулятивной модели мира, и функциональное назначение языковых единиц ориентировано на смысл, который должен стать достоянием адресата». В связи с чем адресант при создании медиатекста стремится создать условия коммуникации, способствующие сближению с адресатом [15, с. 254].

В современных медиатекстах наблюдается уменьшение сдержанности и официальности при передаче информации и увеличение субъективизации информационного дискурса СМИ. Как уже отмечалось выше, медиаречь крайне гетерогенна и в медиатекстах используется широкий набор образных средств, в том числе оценочных, экспрессивных. Образные средства в медиатекстах выполняют декоративную, экспрессивно-патетическую, креативную функцию, функцию формирования комического эффекта [3]. А. А. Крылова указывает на то, что образность в медиатекстах связана с понятием экспрессивности. Исследователь отмечает повышенное внимание авторов медиатекстов к форме изложения [10]. «Как средство публицистической деятельности использование тропов и фигур речи играет эстетическую роль, языковая форма становится выражением образного содержания, при этом носителем образа могут выступать как отдельные слова, словесные образы, так и высказывание или текст в целом» [3, с. 269].

В медиатекстах активно используются прецедентные феномены и приемы языковой игры. Первые представляют собой единицы дискурса, хорошо знакомые и понятные большинству членов определенного лингвокультурного сообщества, хранящиеся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализирующиеся в речи его представителей. Таким образом, прецедентные высказывания в медиатекстах могут рассматриваться как культурные знаки, хорошо знакомые и легко декодируемые адресатом сообщения [17]. Они позволяют связать медиатекст с другими текстами и дискурсами данной культуры. Прецедентные феномены используются в медиатекстах для выражения оценки определенных акторов, фактов, ситуаций. Например, *Гордые носители западных «ценностей» живут и действуют по Оруэллу: «Война – это мир, свобода – это рабство, незнание – сила»* (Крымская правда, 7 мая 2022). Для выражения негативной оценки автор использует цитату из романа-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984».

Часто в медиатекстах прецедентные феномены трансформируются, такая языковая игра увеличивает эмоциональность, экспрессивность текста. Например, в заголовке *Над Тайванем тучи ходят хмуро* (Крымская правда, 2 августа 2022) обыгрывается первая строка известной военной песни «Три танкиста» – «Над границей тучи ходят хмуро»; а в заголовке материала о несостоявшемся конкурсе на замещение должности главы администрации Симферополя *«Кто в градоначальники крайний?»* содержится отсылка к фразе из мультфильма «Кто тут, к примеру, в цари крайний? Никого?! Так я первый буду!», передающая ироничное отношение автора к ситуации; *«Есть такая профессия – Родину веселить»* (Крымское эхо, 15 марта 2022) – трансформированная цитата из кинофильма «Офицеры» *«Есть такая профессия – Родину защищать»*.

Использование прецедентных феноменов и приемов языковой игры связано с увеличением востребованности инфотейнмента как способа подачи материала в

современной массовой коммуникации, основанного на сочетании информационной и развлекательной составляющей. В. В. Хорольский обращает также внимание на то, что использование таких приемов позволяет деавтоматизировать восприятие текста адресатом, поскольку способствует активизации в его сознании когнитивного и критического начал [17].

Еще одна тенденция, наблюдаемая в языке СМИ – увеличение числа разговорных, жаргонных, просторечных и других стилистически сниженных элементов. Особенно ярко данная тенденция проявляется в аналитических и художественно-публицистических жанрах. Исследователи отмечают, что благодаря значительному экспрессивному потенциалу еще недавно табуированные для языка СМИ лексические средства могут использоваться как для выражения крайне негативной, так и позитивной оценки [17]. Вместе с тем проведенный нами анализ текстов позволяет прийти к выводу, что в крымских медиа сниженная лексика в большинстве случаев используется для выражения негативной оценки. Приведем несколько показательных примеров.

В материале «*Решалы*» и «*терпила*». *Мелкоуголовный уровень западной политики* (Крымская правда, 9 августа 2022) уже в заголовке используются жаргонизмы *решала* – тот, кто за определённую плату оказывает услуги посредника по урегулированию проблем в различных вопросах, используя свои связи среди нужных людей в нужных кругах, *терпила* – слабый человек, не способный постоять за себя. Лид публикации также содержит других стилистически сниженные элементы: *Канцлер Шольц изображает знатока, фотографируясь на фоне турбины, которую сумел «вымутить» у канадцев, но Siemens не смог «впарить» её российским партнёрам ввиду отсутствия документации, выправить которую мешают санкции*. Здесь используются сленговый глагол *вымутить*, имеющий значение получить, и просторечие *впарить* – навязать кому-либо покупку, приобретение чего-либо. Таким образом, транслируется крайне негативная оценка событий. Отметим, что в публикации критическая оценка общественно-политических событий усиливается также за счет использования в качестве иллюстрации карикатуры; *Кстати, про «имперскую матрицу». Из-под крыла этого талантливого продюсера [А. Роднянского] вышли вполне себе «имперские» фильмы «Обитаемый остров», «Дуэлянт», «9 рота» и «Сталинград», так что кому он, простите, заливаёт – не очень понятно* (Крымское эхо, 27 апреля 2022). Здесь для негативной оценки публичных заявлений героя публикации используется жаргонизм *заливаёт*, имеющий значение «врать, рассказывать небылицы». Исследователи видят причину резкого стилистического снижения медиаречи в том, что язык массовой коммуникации, для того чтобы стать эффективным средством символического обмена, должен приближаться к языку массовой аудитории [18].

Поскольку любой медиатекст адресован конкретной целевой аудитории, особое значение приобретает категория его прагматической адекватности. Л.Г. Егорова отмечает, что региональные СМИ, ориентированные на создание местного контента, наиболее полно и последовательно отражают не только специфику конкретного региона, но и характеристики целевой аудитории – представителей местного социокультурного сообщества [5]. В связи с чем отбор фактов и языковых средств производится с учетом ключевых характеристик адресата. Данная особенность отражается и в смысловой структуре текста. Многим современным медиатекстам свойственно ярко выраженное присутствие автора, открытое выражение авторских оценок и позиции. Речевая репрезентация адресанта и авторской оценки может осуществляться с помощью языковых единиц разного уровня. Использование широкого набора языковых оценочных

средств позволяет медиатекстам оказывать активное влияние на восприятие аудиторией явлений, событий, личностей, формирование отношения к действительности. Так, на морфологическом уровне авторская позиция может быть выражена с помощью оценочных наречий и прилагательных. Например, *А у нас даже Симферополь, благодаря аляповатому убранству, имеет вид средний между Шанхаем и посёлком городского типа. Во многих крымских муниципалитетах до сих пор нет главного архитектора. Не то что должность вакантна – она вообще не предусмотрена штатным расписанием. Фасады крымских городов находятся в ужасном состоянии. Застройка ведётся хаотично* (Крымская правда, 28 апреля 2022). В приведенном абзаце авторская оценка выражается прилагательными *альяповатый, ужасный*, наречием *хаотично*, а также использованием номинации *Шанхай* в переносном значении «беспорядок, хаос».

Следует отметить еще одну важную тенденцию, влияющую на текстообразование в массовой коммуникации – ориентацию автора на паритет взаимоотношений с адресатом и диалогичность. Исследователи указывают на то, что данная тенденция проявляется как в жанровой палитре СМИ (например, востребованность жанра интервью), так и в намеренном использовании средств и приемов диалогизации монологических медиатекстов [11]. Среди таких приемов в региональных СМИ наблюдается использование прямого обращения к аудитории: *Крымчане, неужели вам не стыдно? Часто мы слышим о том, что чиновники ничего не делают. Но вот парадокс. Теперь сотрудники Минэкологии Крыма убирают стихийные свалки за теми, кому лень донести мусор до урны или контейнера. Да, можно сваливать всё на приезжих. Только вот мы сами гадим в своём доме – на родном полуострове* (Крымская правда, 28 июля 2022); *Перестаньте купаться в канале. Северо-Крымский канал на севере полуострова часто называют «наше море». И одно дело ловить тут рыбу, другое – купаться. Любители острых ощущений омывают свои тела, а заодно и позволяют купаться собакам в жизненно важной воде для Крыма* (Крымская правда, 27 июля 2022); *Школьники, к вам идёт ГИБДД* (Крымская правда, 14 мая 2022).

Еще один распространенный прием – использование вводных конструкций и оборотов связи, которые выражают побуждение или обращение: *обратите внимание, представьте* и пр. Например, *Пример – 6 соток около Массандровского пляжа. Продавец указывает, что и заезд тут прекрасный, и участок ровнее некуда. Даже стоит небольшой дом, который можно легко превратить в гостиницу. Самое интересное – до моря 30 метров. **Вдумайтесь** в эту цифру. **И задайте вопрос** – кто и когда разрешил тут строить?* (Крымская правда, 29 апреля 2022); ***Смотрите**, какая потрясающая связка: если бы не было трассы Таврида, не открыли бы пещеру Таврида. А трассы не было бы, если бы не случился референдум о возвращении домой в Россию* (Крымское эхо, 30 июля 2022).

Эффективными стилистическими приемами воздействия на адресата и создания эффекта диалогичности является использование риторических вопросов или вопросно-ответных комплексов, когда автор прогнозирует вопрос аудитории и дает на него ответ. Приведем пример: *Впервые за 8 лет у нас появилась днепровская вода, которая позволяла обычным людям заниматься огородами, а владельцам сельскохозяйственных предприятий развивать своё дело. И как на это отреагировали крымчане? Первые дни приезжали на берега канала, делали фото и видео, делились со всеми друзьями и родственниками радостной новостью. В Армянске активисты расчистили так называемый детский пляж, который все эти годы был без воды. Люди обрадовались.*

Говорили, что им моря не надо – лишь бы канал был с водой. И что мы имеем через два месяца? Мусор. Берега Северо-Крымского канала и окрестных территорий начинают заваливать мусором (Крымская правда, 17 мая 2022); В идеальном мире все проекты, в том числе открытие новых карьеров, нужно всесторонне оценивать. Эксперты должны давать заключение, рационально ли уничтожить ту или иную гору. Да, сейчас мы получим прибыль, но что будет потом? Полуостров развивается, как курорт. Что мы оставим нашим детям и внукам? Лунный ландшафт – с огромными дырами в земле и горами отработанного материала? (Крымская правда, 5 мая 2022).

В медиатекстах отмечается и тактика выражения единения с аудиторией, артикуляции ее интересов и мнений, создание эффекта сопричастности [1]. Такая тактика направлена на установление контакта с адресатом сообщения. Приведем примеры: *Главный парк столицы Крыма ждёт реконструкция. Жители полуострова, как всегда, ничего хорошего от этого не ждут. Одни опасаются, что парк закатают в плитку и бетон, другие ждут, что превратят в сквер, а точнее придомовую территорию у многоэтажек вокруг (Крымская правда, 19 июля 2022); Жители Евпатории обеспокоены тем, что может раз и навсегда исчезнуть мозаика в главном корпусе грязелечебницы «Мойнаки». Есть риск и того, что будет снесено всё здание. Но хотя бы следы былой красоты просят сохранить (Крымская правда, 30 марта 2022); «Крымская газета» провела свой мониторинг проблем Бахчисарая. Мы услышали жалобы на ресурсоснабжающие компании, работу дворников и обилие машин (Крымская газета, 9 августа 2022).*

Распространенными приемами, оказывающими воздействующий эффект на аудиторию, является использование иронии (*Как говорится, «вот это поворот! А что так можно было?!» Видимо, можно. Хорошему человеку просто захотелось перегородить своим забором тротуар и плевать ему на остальных, впрочем, как и руководителям города... (Крымское эхо, 29 июля 2022), парцелляции (Жители Армянска не паникуют. Пока (Крымская правда, 11 августа 2022); Дворы ждут ремонт. Приличный (Крымская правда, 11 августа 2022), метафор (Некоторые моменты и вовсе совпадают с нашей действительностью, будто написаны по следам **горячих новостей** (Крымская газета, 14 августа 2022); За три года удалось провести **комплексную реабилитацию**: заменили окна, двери, отремонтировали балконы и кровлю, обновили инженерные сети (Крымская газета, 17 августа 2022)), олицетворения (Казалось бы, вот лежит асфальт свежий, никого не трогает, ровный и красивый. Но надо тут же разрыть, устроить аврал, а потом закопать так, чтобы ямы появились большие прежних (Крымская правда, 7 июля 2022) и др.*

Свою оценку определенной ситуации автор медиатекста стремится выразить в той форме и с использованием таких языковых средств, которые способствовали бы солидаризации с целевой аудиторией сообщения посредством общих речемыслительных процессов. «Для установления доверительных отношений с адресатом адресант использует возможности семантики и экспрессии слова, согласует стилистический выбор с языковой картиной мира адресата» [15, с. 259].

ВЫВОДЫ

Медиадискурс, являясь одним из наиболее динамично развивающихся типов дискурса, отражает текущие нормы языка, его лексический и грамматический состав,

вводит в корпус языка новую лексику. Отбор языковых средств в региональных медиатекстах обуславливается коммуникативными целями автора, особенностями лингвокультурной среды, уровнем коммуникативной компетентности участников коммуникации. Таким образом, описание лексико-стилистических особенностей медиатекстов невозможно без учета экстралингвистических факторов, определяющих механизмы текстообразования в сфере массовой коммуникации.

В региональных медиатекстах активно используются языковые средства с выраженной оценочностью, поскольку они ориентированы не только на информирование аудитории о социально значимых фактах и событиях, но и на их интерпретацию. Такая социальная оценочность призвана оказывать воздействие на адресата медиасообщения, транслировать определенные смыслы и ценности. Воздействие реализуется благодаря использованию эмоционально-экспрессивных лексических средств, прецедентных высказываний, языковой игры, приемов установления контакта с аудиторией.

Список литературы

1. *Баженова Е. А., Медведева Е. А.* Медиатекст в дискурсивно-стилистическом аспекте // *Филология и культура*. – 2015. – № 2 (40). – С. 23–27.
2. *Баранова Ю. С.* Медиатекст: границы понятия // *Евразийский Союз Ученых*. – 2017. – № 12-3 (45). – С. 33–35.
3. *Бобровская Г. В.* Когнитивно-элокутивный потенциал газетного дискурса. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2011. – 319 с.
4. *Давыдова С. В.* Язык средств массовой информации // *Lingua mobilis*. – 2011. – № 2. – С. 93–96.
5. *Егорова Л. Г.* Адресант и адресат в региональном медиадискурсе // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. – 2019. – Т. 5 (71). № 2. – С. 192–200.
6. *Егорова Л. Г.* Особенности презентации имиджа республики Крым в местных СМИ (2015–2017) // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2018. – № 10 (420). Вып. 114. – С. 104–109.
7. *Кожина М. Н.* Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // *Текст–Дискурс–Стиль*. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – С. 9–32.
8. *Коньков В. И.* Медиаречь: содержание понятия и принципы анализа // *Мир русского слова*. – 2016. – № 3. – С. 58–63.
9. *Коньков В. И.* Система презентации медиатекста // *Медиалингвистика*. – 2015. – № 2. – С. 35–44.
10. *Крылова А. А.* Репрезентация эстетической функции в медиатексте // *Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова*. – 2015. – № 11. – С. 52–56.
11. *Кудинова Л. В.* Специфика взаимоотношений СМИ с аудиторией // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. – 2008. – № 1. – С. 201–206.
12. *Лисицкая Л. Г.* Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2010. – 46 с.
13. *Лободенко Л. К., Баштанар И. М.* Лексико-стилистические особенности аналитических жанров медиатекстов региональных интернет-СМИ // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. – 2016. – Т. 13. № 4. – С. 46–52.
14. *Ремчукова Е. Н., Апостолиди А. А.* Малоформатные медиатексты «новостного потока» в фокусе лингвистики: жанровые и языковые особенности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. – 2018. – Т. 10. № 3. – С. 651–668.
15. *Синельникова Л. Н.* Стратегия приближения к адресату в современном медиатексте // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. – 2014. – № 13 (184). – С. 253–261
16. *Фаткуллина Ф. Г., Хабиров Р. Р.* Медиатекст в современном коммуникативном пространстве // *Современные проблемы науки и образования*. – 2015. – № 1. Ч. 1. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18258>. – (Дата обращения: 30.08.2022).
17. *Хорольский В. В.* Прецедентные феномены и языковая игра как приемы усиления когнитивного потенциала медийного текста // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сб. науч. трудов*. – Орел: ООО Горизонт, 2019. – С. 96–110.

18. Ширяева Т. А. Общекультурные и институциональные особенности дискурса // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 4. – С. 103–108.

References

1. Bazhenova E. A., Medvedeva E. A. *Mediatekst v diskursivno-stilisticheskom aspekte* [Discourse-stylistic aspects of media texts]. *Filologija i kul'tura* [Philology and Culture], 2015, no 2 (40), pp. 23–27.
2. Baranova Ju. S. *Mediatekst: granicy ponjatija* [Media texts: the boundaries of the concept]. *Evrazijskij Sojuz Uchenyh* [Eurasian Union of Scientists], 2017, no 12-3 (45), pp. 33–35.
3. Bobrovskaja G. V. *Kognitivno-jelokutivnyj potencial gazetnogo diskursa* [The cognitive and elocutive potential of newspapers discourse]. Volgograd, 2011. 319 p.
4. Davydova S. V. *Jazyk sredstv massovoj informacii* [Language of mass media]. *Lingua mobilis* [Lingua mobilis], 2011, no 2, pp. 93–96.
5. Yegorova L. G. *Adresant i adresat v regional'nom mediadiskurse* [The author and reader interaction in regional media discourse]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. *Philological sciences*], 2019, vol. 5 (71), no 2. pp. 192–200.
6. Yegorova L. G. *Osobennosti prezentacii imidzha respubliki Krym v mestnyh SMI (2015–2017)* [The specificity of the Republic of Crimea image presentation in the local printed media (2015—2017)]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2018, no 10 (420), issue 114, pp. 104–109.
7. Kozhina M. N. *Diskursnyj analiz i funkcional'naja stilistika s rechevedcheskih pozicij* [The discourse analysis and functional stylistics from speech studies point of view]. *Tekst–Diskurs–Stil'* [Text–Discourse–Style]. Saint-Petersburgh, 2004, pp. 9–32.
8. Kon'kov V. I. *Mediarech': sodержanie ponjatija i principy analiza* [Media speech: principles of analysis] *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 2016, no 3, pp. 58–63.
9. Kon'kov V. I. *Sistema prezentacii mediateksta* [System of media text presentation]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2015, no 2, pp. 35–44.
10. Krylova A. A. *Reprezentacija jesteticheskoy funkcii v mediatekste* [Representation of aesthetic function in the media text]. *Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Khakassian State University named after N. F. Katanov Bulletin], 2015, no 11, pp. 52–56.
11. Kudinova L. V. *Specifika vzaimootnoshenij SMI s auditoriej* [Specifics of mass media and audience interaction]. *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 2008, no 1, pp. 201–206.
12. Lisickaja L. G. *Pragmaticheskaja adekvatnost' mediateksta: vzaimodejstvie kontenta i akseologii : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Pragmatic adequacy of media text: content and axiology interaction. Abstract of a thesis]. Krasnodar, 2010. 46 p.
13. Lobodenko L. K., Bashtanar I. M. *Leksiko-stilisticheskie osobennosti analiticheskikh zhanrov mediatekstov regional'nyh internet-SMI* [Lexical and stylistic features of analytical genres of media texts in regional online media]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika* [South Ural State University Bulletin. Series: Linguistics], 2016, vol. 13, no 4, pp. 46–52.
14. Remchukova E. N., Apostolidi A. A. *Malofomatnye mediateksty «novostnogo potoka» v fokuse lingvistiki: zhanrovye i jazykovye osobennosti* [Small-format “news flow” mediatexts in the focus of linguistics: genre and language peculiarities]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2018, vol. 10. no 3, pp. 651–668.
15. Sinel'nikova L. N. *Strategija priblizhenija k adresatu v sovremennom mediatekste* [Strategic approach to the addressee in the modern media text]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, jazykoznaniya* [Issues in Journalism, Education, Linguistics], 2014, no 13 (184), pp. 253–261
16. Fatkullina F. G., Habirov R. R. *Mediatekst v sovremennom kommunikativnom prostranstve* [Media text in modern communication space]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern Problems of Science and Education], 2015, no 1, part 1. Available from: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18258>. (accessed 30 August 2022).
17. Horol'skij V. V. *Precedentnye fenomeny i jazykovaja igra kak priemy usilenija kognitivnogo potenciala medijnogo teksta* [Precedent phenomena and language games as means of media text cognitive potential

reinforcement]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse* [Genres and Types of Text in Scientific and Media Discourse]. Oryol, 2019, pp. 96–110.

18. Shirjaeva T. A. *Obshhekul'turnye i institucional'nye osobennosti diskursa* [Common cultural and institutional features of discourse]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2007, no 4, pp. 103–108.

LEXICAL AND STYLISTIC FEATURES OF REGIONAL MEDIA TEXTS: COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC ASPECT

Zajcev E. R.

The article considers lexical and stylistic features of regional media texts. The author points out that media text semantic, compositional and stylistics structure is considerably defined by extralinguistic factors, that determine means of information coding. Mass media integrate facts and events into sociocultural environment taking into account the recipient of the communication characteristics. Wide range of expressive means is used in regional mass media texts. Media texts represent addresser and author's assessment by virtue of language units of different levels. Extensive use of assessment linguistic means enables media texts to affect audience perception of facts and events and to convey certain meanings and values. Author's orientation to parity in relationships with audience and dialogism is a significant factor in mass communication text-forming.

Keywords: media text, regional media, mass media language, assessment, communicative influence.

УДК 070.41

ПЕРВЫЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ Е. Д. ФЕЛИЦЫНА: МАЙКОПСКИЙ ЦИКЛ

Лучинский Ю. В.

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
Краснодар, Россия
E-mail: luv22@mail.ru*

В статье рассмотрена специфика раннего этапа журналистской деятельности Евгения Дмитриевича Фелицына – одной из ключевых фигур культурной и научной жизни Кубанской области последней трети девятнадцатого – начала двадцатого века. Этот этап характеризуется формированием устойчивого интереса Е. Д. Фелицына к описанию и изучению Северного Кавказа и Кубанской области. Рассматриваются ранее не исследованные статьи Е. Д. Фелицына в газете «Кавказ» за 1872 год.

Ключевые слова: газета «Кавказ», газета «Кубанские областные ведомости», Е. Д. Фелицын, литературное краеведение, история провинциальной периодики, Е.С. Сталинский, Майкоп, очерковый цикл.

ВВЕДЕНИЕ

Становление кубанского краеведения, в том числе и литературного, тесно связано с научной, творческой и редакторской деятельностью Евгения Дмитриевича Фелицына (1848–1903). Его имя с ноября 1990 г. носит Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник, ведущий отсчет своей истории от Кубанского Войскового этнографического и естественно-исторического музея, созданного в 1879 г. при Кубанском областном статистическом комитете. Стоит отметить, что и статкомитет, и музей были организованы в одном и том же году, а их основателем стал Е. Д. Фелицын.

Круг его научных интересов впечатляет своим разнообразием – в него входят история, археология, этнография, минералогия, геология, картография, библиография, регионоведение, энтомология. Журналистика занимает особое место в жизни Е. Д. Фелицына – с 15 июня 1879 года до 23 сентября 1892 г. он был редактором газеты «Кубанские областные ведомости», значительно расширив контент публикациями в области исторического, этнографического и литературного краеведения.

Как отмечал Б. М. Городецкий, период редакторства Е. Д. Фелицына «был самым длинным, что, конечно, и дало возможность трудоспособному и талантливому редактору поставить газету на более верный путь и придать ей определенное направление. Улучшение неофициального отдела газеты замечается уже с № 25-го: статьи по своему содержанию становятся разнообразнее, отдел корреспонденций увеличивается и каждый более или менее выдающийся факт жизни области или казачества не проходит уже в газете незамеченным, вводится рубрика общепользных сведений, справочный листок и отдел происшествий по всей Кубанской области» [2, с. 63].

Покинув должность главного редактора [5, с. 88–89], «состоящий по кубанскому войску войсковой старшина» Е. Д. Фелицын в том же году возглавил в Тифлисе Кавказскую археографическую комиссию, созданную для разбора архива Главного управления наместника Кавказского, и оставался на этом посту вплоть до своей кончины.

Если подробности биографии Е. Д. Фелицына в зрелый период его творчества рассмотрены исследователями достаточно подробно, то сведения о начале служебной

карьеры Е. Д. Фелицына, используемые в первых биографических очерках о нем, опираются на «Полный послужной список Екатеринодарского конного полка есаула Фелицына, составленный 20 апреля 1881 года», хранящийся в Государственном архиве Краснодарского края.

Краткое изложение сведений из послужного списка встречается в очерке члена Общества любителей изучения Кубанской области В. С. Шамрая, близко знавшего Е. Д. Фелицына:

«Е. Д. Фелицын родился в Ставрополе 5 марта 1848 г. Происходил он из обер-офицерских детей Ставропольской губернии; образование получил он в ставропольской гимназии, по выходе из которой поступил в 1864 г. на военную службу унтер-офицером в 74-й пехотный ставропольский полк, в составе которого был в походе против горцев при покорении Западного Кавказа. В том же 1864 г., когда окончилась Кавказская война, Фелицын вышел в отставку, но через три года, в 1867 г., снова поступил на службу в 76-й пехотный кубанский полк, откуда в 1869 году был командирован в тифлисское юнкерское училище для прохождения в нем курса. В 1872 г. Е. Д. Фелицын окончил по первому разряду курс юнкерского училища и произведен 29 октября в первый офицерский чин – прапорщика. С этого времени начинается его многолетняя служебная деятельность и неутомимая работа по изучению края, главным образом его истории» [14, с. 71].

Основатель и первый председатель Общества любителей изучения Кубанской области В. М. Сысоев уточняет:

«С этих уже пор пробудилось в нем стремление к изучению Кубанской области, и он стал посвящать весь свой досуг от службы на собиране и разработку разных сведений об этом крае. Его корреспонденции и статьи по разным вопросам касательно Кубанской области печатались в газетах “Кавказ” и “Тифлисский вестник”» [10, с. I].

В библиографии, составленной В. С. Шамраем, в качестве первой публикации Е. Д. Фелицына указывается «фельетон в виде корреспонденции» под названием «Майкоп и его жизнь», опубликованный в двадцатом номере газеты «Кубанские областные ведомости» за 1873 год [14, с. 84].

Сообщение об этой же публикации приводится и в монографии С. Г. Бойчука «Общественно-просветительская и научная деятельность Е. Д. Фелицына»:

«Первая публикация в КОВ появилась в 1873 г. Это был отправленный письмом из Майкопа в Екатеринодар фельетон “Майкоп и его жизнь”» [1, с. 11].

В статье Н. В. Ламосовой «Вклад Е. Д. Фелицына в увековечение памяти М. Ю. Лермонтова» приводятся данные о еще одной его публикации за 1873 год:

«Именно Е. Д. Фелицын был первым, кто описал в газете “Кавказ”, достопримечательности Кавказских Минеральных Вод, связанные с пребыванием там М. Ю. Лермонтова и запечатленные им в романе “Герой нашего времени”. Исследователь в своем очерке “Пятигорск” с подзаголовком “Курсовой фельетон” сообщил отдыхающим весьма полезные сведения о том, как найти домик чиновника Чаляева в Пятигорске, где жил поэт, грот Лермонтова, место его дуэли. Несмотря на шуточный тон

изложения, Е. Д. Фелицын поднимал серьезную проблему: неопрятность содержания мест, связанных с пребыванием прославленного поэта» [4, с. 71].

Как видим, фиксация первых журналистских публикаций Е. Д. Фелицына датируется 1873 г. и практически не соотносится с местом дислокации Кубанского 76-го пехотного полка, в котором проходил службу Е. Д. Фелицын. Однако, место дислокации полка имеет значение, так как определяет тематику первых журналистских опытов будущего редактора «Кубанских областных ведомостей».

«Со дня формирования полк находился на Кавказе, имея полковые штаб-квартиры: сначала в упраздненной крепости Темнолесской, расположенной в 35-ти верстах на юг от г. Ставрополя и составлявшей когда-то звено кавказской линии, потом в крепости Нальчике, в пределах мирного кабардинского племени, и затем в городе Майкопе; в последний пункт, отнятый с боя у воинственных закубанских горцев – ныне мирных пахарей и садоводов – штаб-квартира полка перенесена в 1857 году» [3, с. 2].

В распоряжение Кубанского 76-го пехотного полка Е. Д. Фелицын возвращается из Тифлиса в 1872 г., и в том же году начинается его «майкопский цикл» корреспонденций, которые он публикует в ведущей тифлисской газете «Кавказ». Эти публикации не получили должного освещения в научной литературе, хотя их рассмотрение позволяет заполнить определенные лакуны как в истории кубанского литературного краеведения, так и в биографии самого Е. Д. Фелицына.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

1872 год в биографических справках о Е. Д. Фелицыне отмечен двумя основными фактами – окончанием в Тифлисе юнкерского училища «по первому разряду» и получением в конце октября в первого офицерского чина.

Рассмотрим это период с точки зрения журналистской активности Е. Д. Фелицына. Находясь в Тифлисе, он, скорее всего, смог установить достаточно прочные творческие связи с новым редактором газеты «Кавказ» Евгением Степановичем Сталинским, сменившего на этом посту братьев Ивана Алексеевича и Семена Алексеевича Сливицких.

Е. С. Сталинский значительно расширил регионоведческую программу своего периодического издания, о чем заявил в передовой статье в первом номере газеты «Кавказ» под его редакцией:

«Принимая на восьмилетний срок редактирование газеты “Кавказ”, мы, по [уже] установившемуся обычаю, обращаемся к читателям с предварительным словом.

Газета “Кавказ” переживает второй десяток лет и её литературное прошлое можно поистине назвать драгоценным материалом для науки. Почти каждый период пройденных лет оставлял свой особый характерный тип на печатном слове, и редкий из местных деятелей края не приносили своей лепты в общий умственный капитал. Совокупность подобных условий ясно указывает на вывод, что «Кавказ» в данном случае является не результатом одиночных работ нескольких редакций, а массового труда многих лет и мыслящего движения различных эпох. Если даже материал, представляемый двадцатью шестью-томным изданием “Кавказа”, можно упрекнуть в некоторой незаконченности, то он и не в коем случае не может быть признан достоянием архивной залежи, так как общее значение – повторяем – представлять богатейший литературный источник по всем

отраслям научных исследований в крае. Существовая более четверти века, наш местный орган весьма определенно выработал программу своих задач, как в отношении вопросов бытовых, так равно и экономической жизни» [8, с. 2].

Редакторские идеи Е. С. Сталинского совпадали с краеведческими интересами Е. Д. Фелицына, и в № 23 от 23 февраля 1872 г. в газете «Кавказ» был опубликован объемный материал под названием «Майкоп», который был обозначен автором как «корреспонденция».

В жанровом аспекте данный материал стоит скорее классифицировать как проблемно-социологический очерк [15, с. 159] – для самого Е. Д. Фелицына жанровая характеристика не имела большого значения, не случайно он даже давал своим публикациям такие подзаголовки, как «фельетон в виде корреспонденции» или «курсовой фельетон».

«В основе О. как правило лежит непосредственное изучение автором своего объекта. Основной признак О. – писание с натуры. В других лит-ых жанрах типизация создается путем обобщения отвлекаемых автором характерных черт множества единичных явлений; типическое конструируется здесь при помощи вымысла, фантазии, опирающихся на наблюдения этих явлений. В очерке вымысел играет значительно меньшую роль, чем в других жанрах. Типизация в О. достигается, помимо выбора типичных явлений, отбором особенно типичных для явления черт. Из описательного по преимуществу характера О. вытекает и композиционное его построение. В О. может совсем отсутствовать сюжет или он во всяком случае ослаблен. Автор О. часто переходит от одного характеризуемого явления или его стороны к другому, лишь в общей форме намечая их зависимость. Не связанный необходимостью наглядно, в образной форме показывать развитие действия, автор О. чаще, чем авторы других жанров, вмешивается в ход описываемых событий от первого лица. Это дает очеркисту возможность более свободной группировки материала, возможность многообразных сопоставлений, аналогий и пр. В О. гораздо большее значение, чем напр. в рассказе, имеют публицистические рассуждения, научные обобщения, иногда даже статистический материал» [6, с. 381].

Многие аспекты данной классификации присутствуют в тексте Е. Д. Фелицына, в частности, отсутствие четко выстроенного сюжета, сильно выраженное авторское начало, а также публицистические рассуждения и статистический материал.

Структурно очерк Е. Д. Фелицына разделяется на две части – автор возвращается в Майкоп после двухлетнего отсутствия и видит разительные перемены, произошедшие в бывшей штаб-квартире 76-й Кубанского пехотного полка. Дело в том, что сразу же после его отъезда на учебу в Тифлис, в Кубанской и Терской областях решением наместника Кавказского Великого князя Михаила Николаевича Романова была проведена административно-территориальная реформа:

«30-го Декабря 1869 г. были Высочайше утверждены предположения Августейшего Наместника о новом устройстве Кубанской и Терской областей; приведение последнего в действие было определено Его Высочеством на 1-е января 1871 г. По новому устройству, Кубанская область была образована: из земель Кубанского казачьего войска, городов,

селений государственных крестьян, солдатских слободок, колоний и горских округов помянутой области. Последняя была разделена на пять уездов: Екатеринодарский, Ейский, Темрюкский, Майкопский и Баталпаинский; укрепление Майкоп и станица Баталпаинская были переименованы в города. Областным городом назначен Екатеринодар» [9, с. 296].

Е.Д. Фелицын начинает с подробного описания «доуездного» Майкопа:

«Кому пришлось видеть хоть одну из кавказских штаб-квартир полка, тот легко может составить себе понятие и о нашем Майкопе; молитвенный дом, или как его называют «полковая церковь», расположенный посередине квадратного бульвара с редко насаженными и далеко не тенистыми деревьями, впереди его находится вновь строящаяся церковь, в углу бывшего когда-то театра, с дырявой крышей, обвалившейся штукатуркой и покосившимися во многих местах столбами; от этой площади по разным направлениям расходятся правильно распланированные улицы с чистенькими домиками, построенными офицерами во время последних военных экспедиций, в это недалекое время, когда желавшие жить в домах должны были предварительно сами их выстроить, так как тогда домов в Майкопе было очень и очень мало; длинные здания казарм, разбросанных в разных концах укрепления, лазареты, парки и другие казенные здания, легко узнаваемые по крышам, выкрашенным неизбежной красной краской; посередине укрепления базар с довольно значительным числом лавок, и все это обнесено рвом и валом с двумя крепостными воротами, прибитыми на них дощечками, гласящими о числе жителей и, как необходимая принадлежность каждой штаб-квартиры, форштадт (так называют поселение отставных и женатых солдат), растянувшийся на запад за крепостным рвом и, наконец, под обрывом у берегов реки Белой находятся несколько неправильных, грязных, почти никогда не высыхающих улиц, с такими же грязными, темными лачугами и полуразвалившимися землянками беднейшего майкопского населения; там и сям разбросаны ротные дворы, пекарни и по самому берегу бани. 76-й пехотный Кубанский полк, 2 конноартиллерийские казачьи батареи, купцы и незначительное число отставных солдат – составляли население нашего Майкопа.

Вот таким-то я оставил его, когда два года тому назад мне надо было отправиться в Тифлис; теперь, вернувшись сюда опять, я был просто поражен той переменой, какая произошла в этот промежуток времени» [11, с. 2].

Майкоп явно похорошел и стал настоящим уездным городом – население увеличилось до 15 000 человек, появились широкие улицы, капитальные постройки, у реки Белой расположились мельницы и винокуренные заводы, оживилась торговля. Заработали уездное управление, казначейство и мировой суд, прошла даже выездная сессия екатеринодарского окружного суда, открылась первая «вольная» аптека провизора Ивана Францевича Доккена, которая «выводит теперь жителей из затруднения в приобретении медикаментов; прежде лица, не принадлежащие полку, пользовались лекарствами из полковой офицерской аптеки, которая при теперешнем населении ни в каком случае не могла бы удовлетворить всем требованиям» [11, с. 2].

После описания административно-экономической жизни Майкопа Е. Д. Фелицын обратился к культурно-общественной, которая раньше ограничивалась гулянием по бульвару, «где в 5 часов вечера играла полковая музыка нашего Кубанского полка, да стоявшего в то время в лагере вместе с нами, Севастопольского полка» [11, с. 2].

Для оживления культурной ситуации было решено создать в городе собственный клуб. После дискуссии о статусе клуба – полковом или общественном – остановились на общественном, так как на два клуба сил и средств никак не набиралось. Были оговорены финансовые условия членства в клубе, и весь город замер в ожидании его открытия:

«И вот, наконец, в день нашего полкового праздника, 6-го декабря, был назначен первый танцевальный вечер; нечего говорить о том, что это заставило публику нашу несколько расшевелиться, в особенности же много приятных хлопот предстояло барыням и барышням – как и везде, желание не ударить лицом в грязь перед другими, заставило некоторых из них поломать голову над выбором костюма, наиболее к ним подходящего и могущего произвести некоторый эффект. Журналы мод, получившие теперь особенную цену, пересматривались с большим вниманием; перед самым вечером нельзя было не заметить постоянно бегающих горничных в лавку за какими-нибудь принадлежностями дамского туалета, как-то позабытыми их барынями.

Вечером зал общественного клуба начал мало-помалу наполняться публикой; барыни и барышни, одетые большей частью со вкусом, щеголяли разнообразием костюмов и свежестью их. Словом, клубные собрания наши вполне удалась; на вечерах этих публика несколько познакомилась; иногда вечера эти бывают очень оживленны, танцуют далеко за полночь и нередко заканчиваются веселыми, шумными ужинами. Полковая библиотека, где выписываются почти все периодические журналы и газеты, дает нам возможность следить за политикой и литературой, – да и частные лица выписывают немало журналов и газет, так что желающие читать, не могут встретить в этом больших затруднений. Заканчиваю свой краткий очерк надеждой на то, что через несколько лет Майкоп станет наряду с лучшими кавказскими городами» [11, с. 2].

Эта публикация получила своеобразный отклик от офицера 73-го пехотного Крымского полка, расквартированного в Ейске:

«Прочитав недавно в издаваемой вами газете нечто в виде упрека в том, что в кавказских полках в этом отношении застой, мы нашли необходимым со своей стороны сообщить о принятых в крымском полку мерах, вызванных современными требованиями военного искусства по отношению к образованию офицеров <...> Обществом офицеров 73-го пехотного Крымского Его Императорского Высочества Великого князя Александра Михайловича полка, квартирующего в г. Ейске и его окрестностях, было единодушно выражено желание открыть военное собрание и для того нанять приличный дом, куда перевести офицерскую библиотеку и где бы иметь удобное помещение как для занятий офицеров, так и для того, чтобы можно было останавливаться приезжающим из зимних квартир в штаб полка. Тогда же предполагается выстроить тир и приобрести фехтовальные принадлежности» [7, с. 2].

Всего за 1872 г. Е. Д. Фелицын опубликовал в газете «Кавказ» четыре больших очерка о Майкопе («Майкоп (корреспонденция “Кавказа”»), № 44 от 12 апреля; «Майкоп (корреспонденция “Кавказа”»), № 72 от 23 июня; «Майкоп (корреспонденция “Кавказа”»), № 132 от 10 ноября), которые в сочетании с двумя публикациями – о военном образовании («Отклик Кубанца», № 74 от 28 июня) и об исторической неточности в некрологе («По поводу некролога Александра Николаевича Сутгофа», № 143 от 6 декабря) – составили «майкопский» очерковый цикл, отразивший как становление журналистской манеры автора, так и специфику его подхода к краеведческой тематике.

Наибольший интерес из «майкопского» цикла 1872 года представляет очерк, опубликованный 10 ноября, так как в нем описывается приезд Великого князя Михаила Николаевича в Майкоп для осмотра войсковых учений, очевидцем и хроникером которого стал Е. Д. Фелицын.

Он подробно и со знанием дела описывает, как с конца июля до середины сентября собранные в Майкопе различные воинские соединения, в число которых входил и 76-й пехотный Кубанский полк, проводили учения и маневры, готовясь к встрече наместника Кавказского.

«17 сентября в 7 часов вечера, когда уже заметно темнело Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Николаевич, подъезжая к Майкопу, изволил направиться к лагерю; люди немедленно были вызваны на линейку, где, выстроившись в должный порядок, ожидали прибытия Его Высочества, который, объехав лагерь и поздоровавшись со всеми полками и батареями, изволил отправиться в город к приготовленной для него квартире <...>

Все население нашего города густыми толпами стекалось к церкви, нетерпеливо ожидая приезда Великого Князя. Звон колоколов и громкие, долго не умолкавшие крики «ура» возвестили приближение Августейшего гостя, который был встречен хлебом-солью, поднесенной городским головой <...>

Во время своего пребывания в Майкопе Великий Князь ежедневно отправлялся в лагерь, где производил учения и смотры» [12, с. 2].

Стоит отметить, что ссылка на данный очерк (без указания имени автора публикации) была приведена в книге Д. П. Струкова «Августейший генерал-фельдцейхмейстер Великий князь Михаил Николаевич. Очерк жизнеописания Его Императорского Высочества» (1906):

«Осенью, Великий Князь предпринял объезд Кубанской области; главной целью последнего, продолжавшегося с 10-го сентября по 3-е октября, был осмотр расположенных в области войск. Его Высочеством были посещены: Екатеринодар, Майкоп, ст. Лабинская, Ессентуки, Пятигорск, Железноводск и, при возвращении, Владикавказ. Особенно продолжительными были остановки Августейшего Главнокомандующаго в первых двух городах; в Майкоп, войскам, кроме смотра, был произведен ряд учений, закончившихся маневрами» [9, с. 355].

Кроме «майкопского» очеркового цикла Е. Д. Фелицын, проведенный в 1872 г. летнее время на Кавказских Минеральных Водах, опубликовал в газете «Кавказ» три очерка о Пятигорске, два – о Железноводске, и один – о станции Невинномысской. Рассмотрение «кавказского» цикла требует отдельного разбора, хотя имеет смысл подчеркнуть, что

в следующем, 1873 г., Е. Д. Фелицын выступил на страницах газеты «Кавказ» в качестве эксперта по данному региону, дав подробный (на два номера) разбор книге доктора медицины М. К. Милютина «Путеводитель к Кавказским минеральным водам: Пятигорск, Железноводск, Ессентуки и Кисловодск», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1872 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1873 году Е. Д. Фелицын продолжил публиковать журналистские материалы о Майкопе – «Открытие Кубанской артиллерийской школы (в гор. Майкопе)» в газете «Кавказ» и «Майкоп и его жизнь (фельетон в виде корреспонденции)» в газете «Кубанские областные ведомости», однако, очерковый жанр не стал основным в его творчестве, хотя представляет несомненный интерес для кубанского литературного краеведения.

А вот статья «По поводу некролога Александра Николаевича Сутгофа» обозначила увлечение Е. Д. Фелицына историческим краеведением. В ней он аргументировано доказал, что автор некролога, выступивший под инициалами «Л.М.» отдавая дань уважения памяти декабриста, перепутал название полка, в котором тот проходил службу на Кавказе. Вместо 76-го пехотного Кубанского полка был указан 155-й пехотный Кубинский полк, сформированный позже и не имевший отношения к А. Н. Сутгофу.

Е. Д. Фелицын не только сверил архивные документы, но и нашел сослуживцев Сутгофа:

«Так как Сутгоф служил в нашем полку, то я, как Кубанец, считаю себя не вправе оставить ошибку незамеченной, что, быть может, в свое время окажется не бесполезным для лиц, пожелавших заняться составлением полной биографии покойного» [13, с. 2].

Список литературы

1. Бойчук С.Г. Общественно-просветительская и научная деятельность Е.Д. Фелицына (1848–1903). – Краснодар: Традиция, 2010. – 176 с.
2. Городецкий Б.М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе. – Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1914. – 94 с.
3. Егоров П. Описание боевой жизни 76-го пехотного Кубанского полка в минувшую войну 1877–1878 годов. – Тифлис: Тип. Штаба Кавказского военного округа, 1884. – 291 с.
4. Ламосова Н.В. Вклад Е.Д. Фелицына в увековечение памяти М.Ю. Лермонтова // Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа. – Краснодар: Экоинвест, 2014. – С. 70–77.
5. Лучинский Ю.В. История периодической печати Кубанской области (1863–1905). – Краснодар: Парабеллум, 2013. – 247 с.
6. П.К.Ф. Очерк // Литературная энциклопедия: В 11 т. – М.: Советская энциклопедия, 1934. – Т.8. – С. 381–388.
7. Протасов М.Д. Ейск (корреспонденция) // Кавказ. Газета политическая и литературная. – 1872. – № 56 (17 мая). – С. 2.
8. [Сталинский Е.С.] Передовая статья // Кавказ. Газета политическая и литературная. – 1872. – № 1 (2 янв). – С.2.
9. Труков Д.П. Августейший генерал-фельдцейхмейстер Великий князь Михаил Николаевич. Очерк жизнеописания Его Императорского Высочества. В 2-х частях. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1906. – 752 с.
10. Сысоев В.М. Евгений Дмитриевич Фелицын (с портретом) // Материалы по археологии Кавказа. – Вып. IX. – М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1904. – С. I–VII.

11. *Фелицын Е.* Майкоп (корреспонденция «Кавказа») // Кавказ. Газета политическая и литературная. – 1872. – № 23 (23 фев.). – С. 2.
12. *Фелицын Е.* Майкоп (корреспонденция «Кавказа») // Кавказ. Газета политическая и литературная. – 1872. – № 132 (10 нояб.). – С. 2.
13. *Фелицын Е.* По поводу некролога Александра Николаевича Сутгофа // Кавказ. Газета политическая и литературная. – 1872. – № 143 (6 дек.). – С. 2.
14. *Шамрай В.С.* Евгений Дмитриевич Фелицын. Биографический очерк // Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. – Тифлис: Тип. К.П. Козловского и М. Мартиросьянца. – 1909. – Том XIX, 1907–1908. – С. 71–88.
15. *Bespalova A.G., Kornilov E.A., Pöttker H. (Hrsg.)* Journalistische Genres In Deutschland Und Russland. – Handbuch. – Handbuch. – Köln: Halem, 2010. – 421 p.

References

1. Boytchuk S.G. *Obstchtstvenno-prosvetitel'skaya i nauchnaja dejatel'nost' E.D. Felitsyna. (1848–1903)* [Public educational and scientific activities of E.D. Felitsyn (1848–1903)]. Krasnodar, Traditsija Publ., 2010. 176 p.
2. Gorodetsky V.M. *Otcherk razvitiya russkoj peridicheskoi pechati na Severnom Kavkaze* [Essay on the development of Russian periodicals in the North Caucasus]. Ekaterinodar, Typ. Kubanskogo oblastnogo pravlenija, 1914. 94 p.
3. Egorov P. *Opisanije bojevoj zhizni 76-go pekhotnogo Kubanskogo v minuvshuju vojnu 1877–1878 godov* [Description of the 76th Infantry Kuban Regiment combat life in the last war of 1877–1878]. Tiflis, Typ. Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1884. 291 p.
4. Lamosova N.V. *Vklad E.D. Felitsyna v uvekovetchenije pamjati M.Yu. Lermontova* [Contribution of E.D. Felitsyn to perpetuate of M.Yu. Lermontov memory]. *Lermontov v istoričeskoi sud'be narodov Kavkaza*. Krasnodar, Ekoinvest Publ, 2014, pp. 70–77.
5. Luchinsky Yu.V. *Istorija periodičeskoi pechati Kubanskoj oblasti (1863–1905)* [History of the periodical press of the Kuban region (1863–1905)]. Krasnodar, Parabellum Publ, 2013. 247 p.
6. P.K.F. *Otcherk* [Essey]. *Literaturnaja enciklopedija: In 11 vol.* Moscow, Sovetskaja enciklopedija Publ., 1934, Vol. 8, pp. 381–388.
7. Protasov M.D. *Yeysk (korrespondenzija)* [Yeysk (correspondence)]. *Kavkaz. Gazeta polyticheskaja i literaturnaja*, 1872, no 56 (17 May), p. 2.
8. [Stalinskij E.S.] *Peredovaja statja* [Editorial]. *Kavkaz. Gazeta polyticheskaja i literaturnaja*, 1872, no 1 (2 January), p. 2.
10. Strukov D.P. *Avgustejschij general-feldzechmeister Velikij knjaz Michail Nikolajevitch. Otcherk zhizneopisanija Ego Imperatorskogo Vysotchestva. V 2-h tcastjah* [August General Feldzeugmeister Grand Duke Mikhail Nikolaevich. Essay on the biography of His Imperial Highness. In 2 parts.]. Saint-Petersburgh, P.P. Soykin Printing house, 1906. 752 p.
11. Sysojev V.M. *Evgenij Dmytrievitch Felitsyn (s portretom)* [Evgeny Dmitrievich Felitsyn (with a portrait)]. *Materiali po archeologii Kavkaza*. Moscow, A.I. Mamontov Printing house, 1904, Issue. IX, pp. I–VII.
12. Felitsyn E. *Maykop (korrespondenzija «Kavkaza»)* [Maykop (“Kavkaz” correspondence)]. *Kavkaz. Gazeta polyticheskaja i literaturnaja*, 1872, no 23 (23 February), p. 2.
13. Felitsyn E. *Maykop (korrespondenzija «Kavkaza»)* [Maykop (“Kavkaz” correspondence)]. *Kavkaz. Gazeta polyticheskaja i literaturnaja*, 1872, no 132 (10 November), p. 2.
14. Felitsyn E. *Po povodu nekrologa Aleksandra Nikolajevitcha Sutgofa* [Regarding the obituary of Alexander Nikolaevich Sutgof]. *Kavkaz. Gazeta polyticheskaja i literaturnaja*, 1872, no 143 (6 December), p. 2.
15. Shamraj V.S. *Evgenij Dmytrievitch Felitsyn. Biografičeskij otcherk* [Evgeny Dmitrievich Felitsyn. Biographical essay]. *Izvestija Ravkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obstchestva*. Tiflis, K.P. Kozlovskij and M. Artyrosjanz Printing house, 1909, Vol. XIX 1907–1908, pp. 71–88.
16. Bespalova A.G., Kornilov E.A., Pöttker H. (Hrsg.) *Journalistische Genres In Deutschland Und Russland*. Handbuch. – Handbuch. – Köln, Halem Publ., 2010. 421 p.

**E. D. FELITSYN'S FIRST LOCAL HISTORY PUBLICATIONS:
MAYKOP CYCLE**

Luchinsky Yu. V.

The article discusses the specifics of the early stage of journalistic activity of Evgeny Dmitrievich Felitsyn, one of the key figures in the cultural and scientific life of the Kuban region in the last third of the nineteenth - early twentieth century. This stage is characterized by the formation of E.D. Felitsyn to the description and study of the North Caucasus and the Kuban region. Previously uninvestigated articles by E.D. Felitsyn in the newspaper «Kavkaz» for 1872.

Keywords: the newspaper «Kavkaz», the newspaper «Kubanskiye oblastnye vedomosti», E.D. Felitsyn, literary local history, history of provincial periodicals, E.S. Stalinsky, Maykop, essay cycle.

УДК 070

НОВОСТНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕНТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СМИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ВОВЛЕЧЕННОСТЬ И РЕФЛЕКСИЯ АУДИТОРИИ

Перезова О. В.

*ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет»,
Челябинск, Россия
E-mail: perezoovaov@susu.ru*

В статье представлен контент-анализ выбранных профильных групп, которые ведут региональные интернет-СМИ в социальной сети, обоснован выбор эмпирического материала, собранного по данным статистических рейтинговых источников региональных СМИ. Показаны количественные и качественные результаты анализа контента и вовлеченности аудитории, а также представлен языковой дискурс и особенности конструирования текстов, отражающий реакцию аудитории на экологические события региона. Новизна исследования заключается в выбранном подходе и ракурсе рассмотрения проблемы, в комбинации используемых методов для сбора данных, в частности проводится сравнительный анализ подачи экологической информации в официальных источниках СМИ и их представленность в социальных сетях. Основной вывод, полученный в ходе исследования, заключается в том, что экотексты, представленные региональными интернет-СМИ в социальных сетях, имеют более высокую вовлеченность аудитории, выражают ее поведенческие намерения, социальное самочувствие и экологический активизм.

Ключевые слова: социальные сети, экологическая проблематика, интернет-СМИ, экотексты, вовлеченность аудитории, языковые конструкции, социальное самочувствие

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования заключается в том, что социальные сети представляют собой альтернативный медиаресурс для молодежи, помогают молодежной аудитории оперативно находить совместные интересы, высказывать отношение к обсуждаемым проблемам. Большой популярностью в социальных сетях сегодня пользуются профильные и тематические группы. Так, например, социальные экологические сети (экосети) – это интернет-ресурсы, пользователи которых объединяются для обсуждения и решения экологических проблем. За последние несколько лет такие сети стали очень популярными, они стали новым социальным медиаресурсом, новым маркетинговым инструментом, выделились в самостоятельную экомедийную направленность. Сейчас количество «зеленых» сетей в медиaprостранстве стремительно растет. Появляются сообщества, блоги, социальные экосервисы, которые помогают единомышленникам объединить усилия для решения проблем.

Экосети также очень популярны, поскольку позволяют получать новостную экоинформацию более оперативно и объективно, поэтому интернет-СМИ также активно осваивают это информационное пространство, помимо официальных сайтов заходят в наиболее популярные масс-медийные ресурсы для более активного вовлечения аудитории, мониторинга ее рефлексии и понимания общего настроения и тональности в социальном самочувствии.

Для СМИ очень важно взаимодействие с аудиторией через социальные сети, так как концепция информационного взаимодействия СМИ со своей аудиторией наиболее полно

отвечает специфике современной информационной среды. Эта концепция лежит в основе трансформации традиционных масс-медиа и переходе коммуникаций в социальные сети. СМИ в данном случае выступают медиатором и социальным лидером, задачи которого – дать импульс к действию пользователей и наилучшим образом организовать процесс. Для интернет-СМИ переход в социальные сети также позволяет расширять аудиторию и удерживать ее, предлагая актуальные темы для обсуждения. Согласно данным ведущих социологических опросов (ВЦИОМ), наиболее популярными в России являются социальные сети: «ВКонтакте» (68%), YouTube (34%), TikTok (27%).

Цель исследования – провести сравнительный анализ представленности экологической проблематики сетевых региональных изданий интернет-СМИ в социальной сети «ВКонтакте» с целью выявления особенностей вовлечения аудитории и оценки качества рефлексии как показателя поведенческих намерений и социального самочувствия жителей региона.

Гипотетическое предположение сформулировали следующим образом: в социальных сетях аудитория более активно выражает свои взгляды, намерения, отношение к экологическим проблемам своего региона, демонстрируя настроение и активизм через лайки, репосты, комментарии, характер и коннотации которых позволяют оценить степень воздействия на социальное самочувствие и поведенческие намерения. В качестве ведущих методов для проведения сбора данных в исследовании были выбраны контент-анализ, статистическая обработка данных, поликодовый и семантико-стилистический анализ текста. Совокупность выбранных методов обеспечила комплексный и объективный результат.

В качестве эмпирического материала для анализа выбрали сетевое издание «74.ru» и сетевое издание «1obl.ru», зарегистрированные Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Выбор данных интернет-СМИ был обусловлен позицией рейтингов региональных интернет-СМИ (источник: <https://www.mlg.ru> ©Медиалогия). Основой для построения рейтинга стал Индекс Цитируемости (ИЦ) «Медиалогии». Рейтинг построен на основе базы СМИ, включающей более 69 тыс. наиболее влиятельных источников: ТВ, радио, газеты, журналы, информационные агентства, Интернет-СМИ.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая база

Теоретическая база данного вопроса сегодня не является полностью сформированной. Несмотря на достаточное количество современных публикаций и появления теорий, у отечественных и зарубежных ученых нет единого подхода и понимания о влиянии социальных сетей на поведенческие намерения аудитории, их социальное самочувствие в вопросах экологического сознания и активизма. Также недостаточно сформирован теоретический багаж о роли СМИ в социальных сетях в решении экологических проблем. Требуется более детальное погружение в вопрос, чтобы выяснить связь между такими категориями как «интернет – СМИ – социальные сети – социальное самочувствие населения – экология – регион». Мы попытались найти данные связи при анализе теоретической базы в ходе исследования.

Соглашаясь с позицией А. С. Анисимовой, мы считаем, что в современном обществе все социальные отношения выстраиваются под воздействием интернета, а общество является индикатором того, насколько упорядочены данные отношения [1]. С приходом интернета социум получил реальную возможность выразить себя и свое отношение к

любому вопросу, в том числе и к проблемам экологии. Социальные сети дали возможность развитию глобального коммуникативного активизма [2]. Произошло социологическое осмысление интернета. По мнению Добринской Д. Е., интернет стал особым типом социального пространства, и именно социальные сети позволили изучить рефлексию как живую и оперативную реакцию на любой тип информации, появляющийся в медиaprостранстве [3]. Так, Добринская Д. Е. считает, что интернет не просто влияет на социальное поведение, а формирует некоторую степень адекватности аудитории и ее связи с новой реальностью [3]. В этом ракурсе за интернетом и социальными сетями видятся большие перспективы.

Т. М. Дридзе, исследуя социальные коммуникации, большое внимание уделяет именно текстовой деятельности, рассматривая тексты сообщений и тексты комментариев как один из критериев социопсихологии, отражающей настроение общества [4]. Текст, который размещен в медиасреде имеет существенные особенности. В социальных сетях тексты приобретают поликодовый характер, формируя не только прямые семантические коды, но и скрытые психологические, которые несут в себе не менее ценную информацию о рефлексии аудитории на прочитанную новость [4].

Экологическая проблематика в социальных сетях становится отдельным направлением среди других социальных проблем. Особенно остро на эту проблему реагирует население, проживающее в экологически неблагоприятных зонах и территориях. О. Д. Жбанникова выделяет формы и методы освещения экологических проблем в российских интернет-ресурсах, в том числе уделяет внимание особенностям размещения такой информации в социальных сетях [5].

Тема экологии, региона, интернет-СМИ и социальных сетей активно продвигается в работах Карпуса К. Т. [6], Лободенко Л.К. [7], Малатхи А., Радха Д. [10], Снука Р.К. [17], Совакулла В. [18], Хань Р., Сюй Ж. [22], которые приводят сравнительные исследования роли межличностного общения, традиционных СМИ и социальных медиа в проэкологическом поведении. Наиболее пристальное внимание к этим связям уделяют зарубежные ученые, так как по мнению Хайнса Н., Уилсона Дж., именно интернет влияет на личные ценности и социальные нормы, а социальные медиа играют роль в формировании проэкологического поведения [20]. Этот ракурс в современных исследованиях интернет-СМИ и социальных сетей становится лидирующим, так как задача СМИ заключается не только в информировании общества, но и в формировании гражданской позиции, отношения к важным социальным сферам жизни. В рамках экологической проблематики для СМИ также важно стать участником не только информационных отношений, но и инструментом активизации общества и молодежи. Об этом писали Лю Ю., Ли Х. [8], отмечая, что проэкологическое поведение, безусловно, формируется под воздействием СМИ, также об этом вопросе писали Слоутер В. [16], Хан В. [21]. В работах Хана В. высказана та идея, что оценка пользовательского контента в социальных медиа дает более глубокое понимание проэкологического поведения. Развивает и поддерживает эту мысль Ма Д., ссылаясь на то, что в социальных медиа информация усиливается через визуализацию, то есть подчеркивает идею о большей эффективности поликодового содержания текста [9]. Мы находим подтверждение идеи о том, что массовые коммуникации становятся проводником экологической культуры [11]. Важность социальных сетей в интерпретации новостного контента отмечают Муниз-Родригес С. [12], Нильсен Р. К., Шредер К.К. [13].

Можно сделать вывод, что сетевые коммуникации представляют самостоятельную модель взаимодействия общества и СМИ. По мнению Обухова К. Н., сети обеспечивают не только взаимодействие, но и формируют у аудитории чувство принадлежности к группе и социальную идентичность по наиболее важным проблемам [14].

Селезнев Р. С. и Скрипак Р. И. называют социальные сети новым феноменом в построении информационной и социальной связи, однако отмечают и негативные стороны этого общения: интенсивные информационные потоки, неизбежно возникающие в достаточно большом онлайн-сообществе, превышают физиологические и психологические возможности человека по их переработке и анализу, поэтому перенасыщение информацией может вызывать негативные общественные реакции [15]. Несмотря на то, что социальные экологические сети сегодня становятся новым трендом [19], в них присутствует та же опасность негативной информационной перегрузки, вызывающей у общества состояние тревоги и плохого социального самочувствия.

Помимо современных научных трактовок, роль и место социальных сетей в информационном взаимодействии начали рассматривать еще в конце XX в., так считается, что в 1996 г. Мануэль Кастельс, испанский социолог, постмарксист, основатель теории социологии города, в работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» попытался теоретически осмыслить отношения общества в глобальном масштабе [14].

Методология и методы исследования

В качестве ведущих инструментов сбора и обработки информации нами были выбраны методы сравнительного статистического анализа и контент-анализа, примененные при анализе новостных сайтов сетевых изданий «74.ru» и «1obl.ru». Для обработки информации был выбран сервис аналитики социальных сетей и крупнейший русскоязычный сервис для аналитики профилей Лайфдюн (<https://livedune.ru/>).

По данным статистики, сетевые издания «74.ru» и «1obl.ru» рассматриваются как ресурсы наиболее интересные, так как представляют активные социальные коммуникации для аудитории. Статистический анализ был проведен по методике расчета коэффициента вовлеченности ER (Engagement Rate) – это показатель, отражающий, насколько активно аудитория взаимодействует с контентом, то есть ER позволяет определить, насколько активно аудитория взаимодействует с постами и другим информационным контентом. Активной реакцией считается лайк, репост, комментарий, сохранение публикации. Считается показателем следующим образом: суммируются лайки, репосты и комментарии за день по конкретному информационному материалу, а затем делится на количество подписчиков и умножается на 100 %.

Остановимся на конкретном примере расчета ER по отдельному информационному материалу (от 19 января 2022 г. на информационном ресурсе «74.ru»). Публикация посвящена загрязнению озера Шершни в городе Челябинске канализационными стоками. Следуя методике расчета, получаем данные. В сообществе 328 278 подписчиков, за день пост по экологической проблематике просмотрели 10 000 человек, следовательно, ER за сутки будет равен 3,04 %, что можно считать достаточно невысокий уровень вовлеченности аудитории в целом от числа подписчиков к данной проблеме. То есть только 3% от всего числа подписчиков проявили интерес к экологической проблеме. В то же время, если мы рассмотрим показатели по отдельному посту и возьмем число просмотров за 100% показатель, тогда уровень ER будет выглядеть иначе. Так, суммируя все лайки, репосты, комментарии, мы получаем $63+27+26 = 116$, делим на количество

просмотров ($116/10\ 000 * 100\% = 1,16\%$), получаем коэффициент 1,16%, который также отражает невысокую степень активности и вовлеченности аудитории и позволяет предположить, что аудитория группы «74.ru» в социальной сети в основном просто «считывает» материал как новость в одностороннем порядке и не включается в обратную связь. Отдельно можно обратить внимание на лайки, отнесенные к комментариям, демонстрирующим активную обратную связь между аудиторией подписчиков. Характер комментариев обладает высокой эмоциональной окрашенностью: реплики и высказывания дополнены смайликами, характеризующими чувства и эмоции медиааудитории. При этом сами высказывания и реплики имеют высокий уровень поддержки среди участников рефлексии – все комментарии имеют большое количество лайков, выражающих косвенную поддержку и согласие с высказанными мыслями участников группы.

Далее в качестве сравнения возьмем пример расчета ER с ресурса «1obl.ru» в группе в социальной сети. В сообществе 85 107 подписчиков, за день пост по экологической проблематике просмотрели 1900 человек, следовательно, ER за сутки будет равен 2,2 %, что можно считать как достаточно невысокий уровень вовлеченности аудитории в целом от числа подписчиков к данной проблеме. То есть только 2% от всего числа подписчиков проявили интерес к экологической проблеме. В то же время, если мы рассмотрим показатели по отдельному посту и возьмем число просмотров за 100% показатель, тогда уровень ER будет выглядеть иначе. Так, суммируя лайки, репосты, комментарии, мы получаем 8, делим на количество просмотров ($8/1900 * 100\% = 0,42\%$), получаем коэффициент меньше единицы, который также отражает невысокую степень активности и вовлеченности аудитории и позволяет предположить, что аудитория группы в социальной сети в основном просто «считывает» материал как новость в одностороннем порядке и не включается в обратную связь.

Наблюдается характерная особенность, что практически все посты не имеют комментариев. Различные проблемы (мусор, загрязнение воды, воздуха и иные экологические проблемы) не отражают поведенческую и коммуникативную реакцию подписчиков группы. Также крайне низкий коэффициент ER за сутки говорит о том, что публика достаточно пассивно воспринимает информацию.

Обобщив результаты количественной методики, был сделан следующий шаг исследования – переход к качественному анализу материала с помощью инструмента контент-анализа. Структурно-содержательный контент-анализ позволил выявить некоторые закономерности создания материала и продвижения экологической повестки в социальной сети.

Контент-анализ материала был проведен по классической методике качественно-количественного мониторинга материалов социальной сети и ее содержательного среза за установленный период времени с элементами использования поликодового и семантико-стилистического анализа текста.

Количественный мониторинг показал, что, согласно данным сервиса аналитики социальных сетей Лайфдун (<https://livedune.ru/>), на сайте сетевого издания «74.ru» лайки и комментарии присутствуют примерно в равном доле соотношении. В то же время на сайте сетевого издания «1obl.ru» комментарии слабо выражены, преобладают лайки. Анализ представленности ресурсов и их популярности по городам показал, что ресурс «74.ru» просматривают 53% жителей города Челябинска, а ресурс «1obl.ru» просматривают 691,% жителей Челябинск. При этом интерес к новостному ресурсу

сетевого издания «74.ru» также имеется у городов Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, а к сетевому изданию «1obl.ru» отмечена вовлеченность городов Челябинской области и примыкающих регионов, что объясняется их промышленной направленностью и более высокими экологическими рисками, формирующими событийные ряды новостей для СМИ.

Нами были проведены сравнения контента по ведущим критериям формирования сегмента аудитории (пол, возраст), которые показали, что в ресурсах присутствуют примерно одинаковые характеристики пользователей. Также были сравнены возрастные категории пользователей которые показали преобладание молодежи в возрасте 18–24 лет (35%) и в возрасте 25–34 года (28%), что позволяет утверждать, согласно теории поколений, присутствие в ресурсах поколений Y (игрек) и Z (зет).

В сравнениях реакций на пост мы установили, что динамика реакций зависит от характера поста (острота проблемы, броский заголовок, нестандартное изображение), при этом лидером реакции остается лайк и репост. В обоих случаях наблюдается преобладание лайков и репостов, количество комментариев менее представлено на ресурсе «1obl.ru». Комментарии носят единичный характер или совсем отсутствуют.

Методика качественного мониторинга материалов с элементами использования поликодового и семантико-стилистического анализа текста показала, что характер и структура постов неоднородны. Было отмечено, что по характеру контента в социальных сетях сетевого издания «74.ru» преобладают тексты и изображения, в то время как на сайте сетевого издания «1obl.ru» материалы контента представлены в виде текстов, изображений и видеоматериалов.

Описание результатов исследования

Для структурно-содержательного анализа особенностей вовлечения молодежной аудитории в обсуждение экологической проблематики и характера вовлечения в решение экологических проблем были выбраны новостные сайты сетевых изданий «74.ru» и «1obl.ru», так как в ранее проводимых исследованиях были составлены результаты контент-анализа и опроса по экологическим материалам данных медиаисточников, а также проведены нейромаркетинговые исследования с помощью айтрекинга. Ранее представленные результаты носили дискуссионный характер и требовали дополнительного изучения для погружения в содержание проблемы. Анализ аккаунтов социальной сети ВКонтакте и полученные результаты позволили расширить представление проблематики и вывести ряд новых предпосылок развития экологических коммуникаций в масс-медийных ресурсах.

В качестве эмпирического материала был выбран контент открытых групп интернет-СМИ «74.ru» и «1obl.ru», представленных на официальных страницах сети. Временной отрезок времени был определен в диапазоне 30 календарных дней, так как за данный период времени новостная лента сохраняется и затем обнуляется на новый отрезок времени актуальных новостей. Общий обзор экологической проблематики, представленной на официальных страницах сети интернет-СМИ «74.ru» и «1obl.ru», показал, что сохраняется тенденция поддержания интереса к экологическим проблемам, характерным для региона. В частности, более детально были изучены новостные ленты по каждой из выбранных групп (таблица 1, 2).

НОВОСТНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕНТ...

Таблица 1. Обзор экологической проблематики в социальной сети «ВКонтакте» сетевого издания «74.ru» (коммерческие СМИ)

Темы/заголовки (по количеству материалов)	Просмотры	Репосты	Лайки	Комментарии		
				Негативные	Позитивные	Нейтральные
Вода (5)	11–12 тыс.	10–12	23–35	7 из 10	-	3 из 10
Воздух (9)	15–16 тыс.	11–26	37–42	10 из 10	-	-
Мусор (0)	-	-	-	-	-	-
* в срезе за 1 месяц (30 календарных дней) март 2022 года ** средний показатель к одному материалу *** показатель сплошной выборки к каждому материалу						

Из данных таблицы видно, что общее количество экологических материалов за месяц составило 14 упоминаний по тематике «вода» и «воздух», что является доказательством актуальности проблематики. Тема «мусор» в указанный период времени не рассматривалась. При этом тема воздуха более активно представлена в исследуемом временном срезе, что подтверждает живой интерес к проблеме экологии и воздуха для Челябинского региона. При изучении вовлеченности аудитории в коммуникативный процесс в качестве параметров обратной связи были выбраны категории «просмотры», «лайки», «репосты», «комментарии», которые характеризуют читательскую активность молодежной аудитории, а также позволяют выявить отношение к экологической проблематике. Отличительной чертой рефлексии подписчиков является их взаимодействие в форме диалога по заявленной проблеме, при этом часто наблюдается уход от темы и концентрация внимания на дискуссии уже между участниками комментариев. Также для комментариев характерны коннотации: сарказм, юмор, ирония. Дополнительно к лексическим и стилистическим оттенкам выражения мнений используются смайлы, как правило усиливающие эмоциональный характер сообщения.

Далее мы изучили новостную ленту по экологической проблематике «1obl.ru» в социальной сети (таблица 2).

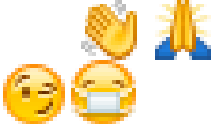
Таблица 2. Обзор экологической проблематики в социальной сети «ВКонтакте» сетевого издания «1obl.ru» (правительственные СМИ)

Темы/заголовки (по количеству материалов)	Просмотры	Репосты	Лайки	Комментарии ***		
				Негативные	Позитивные	Нейтральные
Вода (3)	2–3 тыс.	3–5	8–11	1 из 10	-	9 из 10
Воздух (1)	3–4 тыс.	5–7	10–2	1 из 10	-	9 из 10
Мусор (2)	2–3 тыс.	7–9	9–16	0	-	10 из 10
* в срезе за 1 месяц (30 календарных дней) март 2022 года ** средний показатель к одному материалу *** показатель сплошной выборки к каждому материалу						

Видим, что интерес к экологии в информационной повестке выражен менее активно на фоне других социальных и экономических проблем региона. Всего за месяц представлено 6 материалов, из них 3 материала по проблемам загрязнения воды, 1 материал по проблеме воздуха и 2 материала по проблеме мусора.

Характерной особенностью является отсутствие комментариев ко многим постам, либо характер комментариев носит нейтральный характер. Видим, что характерно стилистически окрашенное выражение мнения в виде вопросительных и восклицательных предложений. Вопросительные предложения сформулированы в форме риторических вопросов. Восклицательные предложения выражают аффективные состояния. В комментариях отклики в большей степени представлены как диалог между участниками переписки. По семантической направленности ярко выражены ироничные выражения, употребленные в качестве устойчивых оборотов. Достаточно активно использованы смайлы, усиливающие эмоциональный накал. Характер смайлов – улыбка, ирония, смех – способствуют выражению недоверия со стороны подписчиков. Более интересным в данном материале является анализ рефлексии, представленный в виде комментариев подписчиков. Рассмотрим характер комментариев в сравнении (таблица 3)

Таблица 3. Сравнительный анализ эмоциональной направленности комментариев

Мемы, смайлики, картинки	Характер комментариев (примеры)		
	позитивный	нейтральный	негативный
<p>Наиболее активно используемые смайлы:</p> 	<p>Ох, молодцы ребята👍 ! Удачи вам👍!</p> <p>Для снятия ответственности придуман термин НМУ, в общем виноват ветер.</p> <p>Поддерживаю👍👏👏! Омикрон даже сдох с такими выбросами, я так думаю😊вместе.</p>	<p>По-моему экоактивисты забыли чей это смог и кто с кем и в каких взаимоотношениях 😏🤔</p>	<p>Вот поэтому и чахнет всю зиму народ 🤧!</p>

Видим, что в целом по материалу отсутствуют ярко выраженные агрессивные и негативные комментарии по сложившейся ситуации. Преобладают нейтральные комментарии, косвенно упоминающие «неосведомленность» экоактивистов в особенностях реализации публичных отношений власти и общественных представителей. В негативных комментариях отсутствуют обвинения, угрозы, лексика бранного порядка. В основном присутствуют эмоциональные отклики с содержанием причинно-следственных восклицаний. В позитивных комментариях присутствуют как прямые поддерживающие отклики в виде пожеланий удачи и похвалы, при этом также есть комментарии с элементами юмора, шутками. Наиболее распространенные смайлы к комментариям показаны в таблице.

Обобщения результатов исследования новостных материалов в социальной сети сетевых ресурсов «74.ru» и «lobl.ru» позволили установить ряд закономерностей в

особенностях рефлексии подписчиков, особенностей влияния материала на их поведенческие и коммуникативные реакции (таблица 4).

Таблица 4. Анализ стилистической и семантико-синтаксической направленности откликов по экологической проблематике сетевого издания «74.ru»

Темы	Особенности рефлексии подписчиков	Вовлечение аудитории			
		Просмотры	Лайки	Репосты	Комментарии
Воздух	Восклицания, негодования, возмущения, юмор, сарказм	ER меньше нормы	Активно	Активно	Активно
Вода	Нейтральные комментарии, отсылка к органам власти	ER меньше нормы	Активно	В незначительной степени	Практически отсутствуют
Мусор	Восклицания, возмущения, призыв к горожанам, призыв к органам власти	ER меньше нормы	Активно	Активно	Практически отсутствуют

Экологическая проблематика привлекает внимание подписчиков, однако индекс вовлеченности (ER) меньше нормы, установленной в методике расчетов.

Коммуникативная рефлексия разноплановая, выражена различными формами и способами использования языковых конструкций. Обсуждение экотекстов показывает эмоциональные переживания подписчиков. Стилистические конструкции в преобладающем большинстве представлены в виде восклицательных предложений, риторических вопросов. Самая частотная реакция на посты – это лайки. Репосты в ресурсе выражены в равной степени и используются незначительно. Комментарии преобладают с использованием бранных слов и большим количеством смайлов. Проблематика, связанная с воздухом, имеет более высокий рейтинг по количеству комментариев и репостов по сравнению с проблемами воды и мусора.

Примерно такая же динамика рефлексии наблюдается в социальной сети у ресурса «1obl.ru». Экологическая проблематика привлекает внимание подписчиков, однако индекс вовлеченности (ER) меньше нормы, установленной в методике расчетов. Коммуникативная рефлексия разноплановая, выражена различными формами и способами использования языковых конструкций. Однако существенным отличием обладает характер рефлексии подписчиков. В целом комментарии носят разъяснительный или уточняющий характер либо совсем отсутствуют. Самая частотная реакция на посты – это лайки. Нет четко выраженной линии лидерства по экологической

проблематике, все темы рассматриваются в равной степени частотности с периодической закономерностью – 1 новость в неделю.

ВЫВОДЫ

Проанализированный материал позволил прийти к выводу о том, что в информационном пространстве социальных сетей экологическая тематика занимает от 1,9% до 3,3% в зависимости от типа и остроты решаемого вопроса.

Использованные в исследовании методы позволили выявить динамику тематики экологических проблем в социальных сетях на региональном уровне. В период экологической нестабильности (острой степени проблемы) наблюдается изменение долевого соотношения информационных материалов, в частности, значимый рост демонстрируют репосты и комментарии к ним. Затрагиваемая экологическая тематика имеет достаточно несбалансированное доленое соотношение материалов с преобладаем таких жаров, как «экологические происшествия», «информационное развлечение», «репортажи с места происшествия», «новостные сюжеты» и др.

В целом ER сетевых изданий «74.ru» и «1obl.ru» в социальной сети «ВКонтакте» недостаточно высокий по отношению к общему числу подписчиков, не более 2%. Отмечается более высокая активность вторичных реакций – лайков на комментарии, дискуссия, беседа с теми авторами, которые рефлексуют на первоначальный информационный материал. Вторичная активность проявляется в виде различных семантико-стилистических конструкций (диалог, риторические вопросы, изображения, мемы). В группе ресурса «74.ru» характер комментариев более жесткий, агрессивный, имеет обличительный характер. В группе ресурса «1obl.ru» комментариев достаточно мало, в основном присутствуют лайки и репосты. При этом характер комментариев лаконичен, нейтрален и даже имеет позитивную тональность, представленную в виде благодарностей от населения за проделываемую в регионе работу. В группе ресурса «1obl.ru» подписчики в комментариях не показывают агрессию (комментариев достаточно мало), при этом под некоторыми постами в комментариях наблюдается юмор. Пользователи активно используют в комментариях смайлы, тем самым показывают свои эмоции. Под некоторыми постами подписчики активно завязывают дискуссию, переписываются, помогая друг другу понять ситуацию. Следовательно, экотексты, представленные в виде постов в региональными интернет-СМИ в социальных сетях, имеют высокую вовлеченность аудитории, выражают их поведенческие намерения, социальное самочувствие и экологический активизм. При этом в комментариях подписчики, выражая свое отношение, используют много сарказма, иронии, но нет жестокости и агрессии, хотя часть комментариев имеет элементы ненормативной лексики, бранных слов, угрозы в адрес руководства региона. Пользователи активно используют в комментариях смайлы как форму реакции на публикации, тем самым показывают свои эмоции и чувства в отношении к ситуации. Для ресурса «74.ru» характерно, что подписчики вступают в диалог и дискуссию, отвечают на комментарии друг друга, тем самым поднимаются охваты. Все это свидетельствует об активной рефлексии и высоком экологическом активизме аудитории.

Список литературы

1. *Анисимова А.С.* Интернет-отношения в современном обществе: проблемы упорядочения // Вестник Волгоградского университета. Серия 5. – 2016. – № 1. – С. 58–67.

2. Беннетт В. Коммуникация глобального активизма // Информация, коммуникации и общество. – 2003. – Т. 6. – № 2. – С. 143–168.
3. Добринская Д.Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2016. – № 3. – С. 21–40.
4. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 145–152.
5. Жбанникова О.Д. Формы и методы освещения экологических проблем в российских интернет-ресурсах. Барнаул: Алтайский государственный университет. – 2016. – 62 с.
6. Карпус К.Т. Пятнадцать минут стыда: социальные сети и экологическая активность 21 века // Экологическая коммуникация. – 2018. – Т. 29. – С. 101–107.
7. Лободенко Л.К., Баитанар И.М. Региональные интернет-СМИ в социальных сетях: трансформация медиаконтента // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5 (69). – Ч.3. – С.29–34.
8. Лю Ю., Ли Х. Проэкологическое поведение, прогнозируемое воздействием СМИ, участием социальных сетей, а также когнитивными и нормативными факторами // Экологическая коммуникация. – 2021. – № 4. – С. 1–15.
9. Ма Д. Визуализация данных социальных медиа: картирование изменяющихся социальных сетей: автореферат дисс... канд.филол.наук: 10.01.01 – М., 2012. – 296 с.
10. Малатхи А., Радха Д. Анализ и визуализация сетей социальных медиа //2016 Международная конференция по вычислительным системам и информационным технологиям для устойчивых решений (CSITSS). IEEE, – 2016. – С. 58–63.
11. Массовые коммуникации как проводник экологической культуры // Коммуникология. 2018. – № 4. – Режим доступа: URL: <http://www.ecogazeta.ru/archives/11748>. – (Дата обращения: 29.08.2021).
12. Муниз-Родригез С. Использование социальных сетей в экстренном реагировании на стихийные бедствия: систематический обзор с точки зрения общественного здравоохранения // Медицина катастроф и готовность общественного здравоохранения. – 2020. – Т. 14. – №. 1. – С. 139–149.
13. Нильсен Р. К., Шредер К. К. Относительная важность социальных медиа для доступа, поиска и вовлечения в новости: Межмедийное сравнение в восьми странах // Цифровая журналистика. – 2014. – Т. 2. – №. 4. – С. 472–489.
14. Обухов К.Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса // Вестник Удмуртского университета. – 2008. – Вып. 1.– С. 107 – 111.
15. Селезнев Р.С., Скрипак Р.И. Социальные сети как феномен информационного общества и специфика социальных связей в их среде // Вестник КемГУ. – 2013. – № 2 (54). – Т. 3. – С. 125–133.
16. Слоутер В. Переосмысление экологического активизма в постсетевую эру // Экологическая коммуникация. – 2008. – Т. 2. – №. 2. – С. 212–228.
17. Снук К. Р. Использование социальных сетей во время стихийных бедствий, экологических катастроф и других экологических проблем // Экологическая социология. – 2015. – № 6. – С. 32–48.
18. Совакулл В. Социальные сети и катастрофы: безопасность человека, экологический расизм и кризисная коммуникация в ответ на ураган Ирма // Экологическая социология. – 2020. – Т. 6. – №. 3. – С. 291–306.
19. Социальные экосети – новый тренд? // Медиакоп. – 2019. – №2. – Режим доступа: URL: <https://brandingreen.ru/articles/28.html> – (Дата обращения: 13.02.2022).
20. Хайнс Н., Уилсон Дж. Я делаю это, но никому не говорю! Личные ценности, личные и социальные нормы: Могут ли социальные медиа играть роль в изменении проэкологического поведения? // Технологическое прогнозирование и социальные изменения. – 2016. – Т. 111. – С. 349–359.
21. Хан В. Оценка пользовательского контента в социальных медиа: эффективный подход для поощрения более проэкологического поведения в туризме? // Журнал устойчивого туризма. – 2018. – Т. 26. – №. 4. – С. 600–614.
22. Хань Р., Сюй Ж. Сравнительное исследование роли межличностного общения, традиционных СМИ и социальных медиа в про-экологическом поведении // Международный журнал экологических исследований и общественного здравоохранения. – 2020. – Т. 17. – №. 6. – С. 1883–1891.

References

1. Anisimova A.S. *Internet-otnosheniya v sovremennom obshchestve: problemy uporyadocheniya* [Internet relations in modern society: problems of order] *Vestnik Volgogradskogo universiteta*. Seriya 5, 2016, no 1, pp. 58–67.
2. Bennett V. *Kommunikaciya global'nogo aktivizma* [Communication of Global Activism] *Informaciya, kommunikacii i obshchestvo*, 2003, vol. 6, no 2, pp. 143-168.
3. Dobrinskaya D.E. *Sociologicheskoe osmyslenie interneta: teoreticheskie podhody k issledovaniyu seti* [Sociological Understanding of the Internet: Theoretical Approaches to Network Research] *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 18. Sociologiya i politologiya, 2016, no 3, pp. 21–40.
4. Dridze T.M. *Social'naya kommunikaciya kak tekstovaya deyatel'nost' v semiosociopsihologii* [Social communication as a textual activity in semiosociopsychology] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1996, no 3, pp. 145–152.
5. Zhbannikova O.D. *Formy i metody osveshcheniya ekologicheskikh problem v rossijskikh internet-resursah*. [Forms and Methods of Coverage of Environmental Problems in Russian Internet Resources] Ed by O.D. Zhbannikova. Barnaul, Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2016. 62 p.
6. Karpus K.T. *Pyatnadcat' minut styda: social'nye seti i ekologicheskaya aktivnost' 21 veka* [Fifteen Minutes of Shame: Social Media and 21st Century Environmental Activism] *Ekologicheskaya kommunikaciya*, 2018, vol. 29, pp. 101–107.
7. Lobodenko L.K., Bashtanar I.M. *Regional'nye internet-SMI v social'nyh setyah: transformaciya mediakontenta* [Regional Internet media in social networks: transformation of media content] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no 5 (69), pp.29–34.
8. Lyu YU., Li X. *Proekologicheskoe povedenie, prognoziruemoe vozdejstviem SMI, uchastiem social'nyh setej, a takzhe kognitivnymi i normativnymi faktorami* [Pro-environmental behavior predicted by media exposure, social media participation, and cognitive and normative factors] *Ekologicheskaya kommunikaciya*, 2021, no 4, pp.1–15.
9. Ma D. *Vizualizaciya dannyh social'nyh media: kartirovanie izmenyayushchihsya social'nyh setej: avtoreferat diss....kand.filol.nauk* [Visualizing Social Media Data: Mapping Changing Social Networks]. Moskva, 2012. 296 p.
10. Malathi A., Radha D. *Analiz i vizualizaciya setej social'nyh media* [Analyzing and visualizing social media networks] *Mezhdunarodnaya konferenciya po vychislitel'nyh sistemam i informacionnym tekhnologiyam dlya ustojchivyh reshenij* (CSITSS). IEEE, 2016, pp. 58–63.
11. *Massovye kommunikacii kak provodnik ekologicheskoy kul'tury* [Mass communications as a vehicle for environmental culture] *Kommunikologiya*, 2018, no 4. Available from: <http://www.ecogazeta.ru/archives/11748> (accessed 29 August 2021).
12. Muniz-Rodriguez S. *Ispol'zovanie social'nyh setej v ekstremnom reagirovanii na stihijnye bedstviya: sistematicheskij obzor s točki zreniya obshchestvennogo zdavoohraneniya* [The use of social media in disaster emergency response: a systematic review from a public health perspective] *Medicina katastrof i gotovnost' obshchestvennogo zdavoohraneniya*, 2020, vol. 14, no 1, pp. 139–149.
13. Nil'sen R. K., SHreder K. K. *Otnositel'naya vazhnost' social'nyh media dlya dostupa, poiska i вовlecheniya v novosti: Mezhmedijnoe sravnenie v vos'mi stranah* [The Relative Importance of Social Media for Access, Search, and Engagement in the News: A Cross-Media Comparison in Eight Countries] *Cifrovaya zhurnalistika*, 2014, vol. 2, no 4, pp. 472–489.
14. Obuhov K.N. *Set' kak social'naya struktura: model' setevoy kommunikacii v teorii M. Kastel'sa* [The Network as a Social Structure: A Model of Network Communication in M. Castells' Theory] *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 2008, no 1, pp. 107– 11.
15. Selezenev R.S., Skripak R.I. *Social'nye seti kak fenomen informacionnogo obshchestva i specifiķa social'nyh svyazej v ih srede* [Social networks as a phenomenon of the information society and the specificity of social connections in their environment] *Vestnik KemGU*, 2013, no 2 (54), vol. 3. pp. 125 – 133.
16. Slouter V. *Pereosmyslenie ekologicheskogo aktivizma v postsetevuyu eru* [Rethinking Environmental Activism in the Post-Network Era] *Ekologicheskaya kommunikaciya*, 2008, vol. 2, no 2, pp. 212–228.
17. Snuk K. R. *Ispol'zovanie social'nyh setej vo vremya stihijnyh bedstvij, ekologicheskikh katastrof i drugih ekologicheskikh problem* [Using social media during natural disasters, environmental disasters, and other environmental issues] *Ekologicheskaya sociologiya*, 2015, no 6, pp. 32–48.

18. Sovakull V. *Social'nye seti i katastrofy: bezopasnost' cheloveka, ekologicheskij rasizm i krizisnaya kommunikaciya v otvet na uragan Irma* [Social Media and Disasters: Human Security, Environmental Racism, and Crisis Communication in Response to Hurricane Irma] *Ekologicheskaya sociologiya*, 2020, vol. 6, no 3. pp. 291–306.
19. *Social'nye ekosesti – novyj trend?* [Social eco-networks - a new trend?] *Mediaskop*, 2019, no 2, Available from: URL: <https://brandingreen.ru/articles/28.html> - (accessed 13 February 2022).
20. Hajns N., Uilson Dzh. *YA delayu eto, no nikomu ne govoryu! Lichnye cennosti, lichnye i social'nye normy: Mogut li social'nye media igrat' rol' v izmenenii proekologicheskogo povedeniya?* [I do it, but I don't tell anyone! Personal Values, Personal and Social Norms: Can Social Media Play a Role in Changing Pro-Ecological Behavior?] *Tekhnologicheskoe prognozirovanie i social'nye izmeneniya*, 2016, vol. 111, pp. 349–359.
21. Han V. *Ocenka pol'zovatel'skogo kontenta v social'nyh media: effektivnyj podhod dlya pooshchreniya bolee proekologicheskogo povedeniya v turizme?* [Evaluating user-generated content on social media: an effective approach for encouraging more pro-environmental behavior in tourism?] *ZHurnal ustojchivogo turizma*, 2018, no 4, pp. 600-614.
22. Han' R., Syuj ZH. *Sravnitel'noe issledovanie roli mezhlichnostnogo obshcheniya, traditsionnyh SMI i social'nyh media v pro-ekologicheskom povedenii* [A Comparative Study of the Role of Interpersonal Communication, Traditional Media, and Social Media in Pro-Environmental Behavior] *Mezhdunarodnyj zhurnal ekologicheskikh issledovanij i obshchestvennogo zdavoohraneniya*, 2020, no 6, pp. 1883–1891.

ENVIRONMENTAL NEWS CONTENT OF REGIONAL ONLINE MEDIA IN SOCIAL NETWORKS: AUDIENCE ENGAGEMENT AND REFLECTION

Perevozova O. V.

The article considers the ways of interpreting environmental content in the profile groups of regional Internet media in social networks, in particular in the popular among young people social network "VKontakte". The team of authors presents an attempt to analyze the linguistic features of the creation of the material, to measure the degree of involvement of the media audience in the environmental issues of the region, to assess the degree of social reflection on the perception of environmental texts, revealing changes in the social well-being formed by the regional Internet media.

The article presents a detailed content analysis of the selected profile groups, which are maintained by the regional Internet media in the social network, the choice of empirical material collected on the basis of statistical rating sources of regional media is justified. Quantitative and qualitative results of content analysis and audience engagement are shown, as well as the linguistic discourse and features of text construction, reflecting the reaction of the audience to environmental events in the region. The novelty of the study lies in the chosen approach and perspective of the problem, in the combination of methods used for data collection, in particular a comparative analysis of the presentation of environmental information in the official media sources and their representation in social networks. The main conclusion obtained in the course of the study is that the ecotexts presented by regional online media in social networks have a higher involvement of the audience, express their behavioral intentions, social well-being and environmental activism.

Keywords: social networks, environmental issues, online media, ecotexts, audience engagement, language constructions, social well-being

4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 811.111

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПРЕДВЫБОРНОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Богоявленская Ю. В., Стремякова М. С.

*Департамент лингвистики
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
им. Первого президента России Б. Н. Ельцина»,
Екатеринбург, Россия;
«Французский институт» при Посольстве Франции в России,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: jvbog@yandex.ru; mariyastremyakova@gmail.com*

Исследование показывает, что образ президента-кандидата концептуализируется в предвыборном массмедийном дискурсе с помощью метафор, относящихся к субсфере «Социум». Выявлены и описаны наиболее продуктивные (монархическая метафора, метафора игры и спорта, театральная метафора, магическая, милитарная), менее продуктивные (криминальная, экономическая, а также метафора семьи), также низкочастотные модели (мифологическая, религиозная). Установлено, что в структуре образа Эммануэля Макрона представлены как универсальные метафорические модели с исходными понятийными сферами «Война», «Спорт и игры», «Театр и кино», так и персонифицированные метафоры, отражающие индивидуальные характеристики политика: монархическая, магическая, криминальная, семейная, экономическая, религиозная и мифологическая. Рассмотрены особенности взаимодействия метафор со сферой-мишенью «Эммануэль Макрон» в текстах массмедийного дискурса. **Ключевые слова:** политическая метафора, метафорическое моделирование, теория концептуальной метафоры, медиадискурс, Информационная система экспертного анализа «Лингвистика», Эммануэль Макрон.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия политический дискурс стал объектом пристального внимания лингвистов, а теория концептуальной метафоры дала новое направление исследованиям в этой области. Существует немало работ, посвященных изучению политических метафор в личностном, историческом, массмедийном и институциональном дискурсах (см. обзор в [5, с. 44–87]). Востребованность метафоры в политическом массмедийном дискурсе обусловлена, как отмечают многие авторы, высоким оценочным потенциалом, способностью воздействовать на субъектов политической деятельности и формировать позитивное или негативное мнение [2, с. 179]. В фокус исследовательского внимания попадают метафорические образы государств, президентов, известных политиков, событий. Политическая ситуация меняется, трансформируется и структура их метафорического образа, транслируемого в СМИ: одни метафорические модели демонстрируют стабильную составляющую образа, свидетельствуя о том, что они имеют устойчивое ядро, другие – трансформируются или уступают место иным метафорам. Динамика политической метафорики, а также сопоставительный анализ метафорических систем все чаще становятся предметом современных исследований [13], позволяющих ответить на вопрос как именно

эволюционируют метафорические системы в зависимости от политической ситуации. Установлено, в частности, что показатель метафорического индекса, расчет которого учитывает частотность метафор, прагматический потенциал их сфер-источников и другие критерии, значительно увеличивается в предвыборный период [5, с. 111]. Немаловажен и анализ метафорических образов политических деятелей, от которых зависят судьбы государств. Метафора – прекрасный индикатор их оценки в обществе. Одной из ключевых фигур европейской и мировой политики является президент Франции Эммануэль Макрон, включенный в список людей «определивших облик десятилетия» по данным «Financial Times». Весной 2022 г. первый срок его полномочий истек; новые выборы во Франции стали для политика серьезным испытанием. После ожесточенной борьбы, только по итогам второго тура президент был переизбран. В числе его главных соперников оказались Марин Ле Пен, вдвое улучшившая свой результат по сравнению с предыдущими президентскими выборами в 2017 г., и Жан-Люк Меланшон, в третий раз баллотирующийся на пост президента.

Образ президента – лидера государства складывается «из оценки его личностных и профессиональных качеств, субъективно-объективных характеристик и отношений, а также вербального и невербального поведения» [2, с. 179]. Метафорической оценке подвергаются профессионализм, моральный, этический и эстетический облик и ряд других качеств [10, с. 116].

Целью нашей работы является анализ метафорического образа Эммануэля Макрона во французском предвыборном массмедийном дискурсе. Объект исследования: метафорические словоупотребления в текстах французских СМИ, актуализирующие концептуальную сферу-мишень «Эммануэль Макрон». Предметом выступают особенности метафорического моделирования его образа в ситуации выборов главы государства. Под метафорической моделью понимается схема связи между сферой-источником и сферой-мишенью, сложившейся в сознании носителей языка. Под метафорическим образом мы понимаем ментальную единицу, устойчивое представление об объекте окружающего мира, структурируемое набором концептуальных метафор.

В качестве источника материала использовались тексты общественно-политической тематики, извлеченные методом сплошной выборки из французских средств массовой информации различной политической направленности: «Le Point», «Gala», «Le Figaro», «L'Express», «L'Obs», «Marianne», «Libération», «Politis», «Le Parisien», «Courrier international», «RTL», «Télérama», «Challenges». Хронологические рамки материала ограничены периодом предвыборной кампании во Франции: с 1 марта по 6 мая 2022 года. Всего было отобрано 176 текстовых фрагментов, включающих метафоры со сферой-мишенью «Эммануэль Макрон». Материал обрабатывался в Информационной системе экспертного анализа «Лингвистика», расположенной по адресу <https://linguistica-urgj.urfu.ru/> (разработчики: Богоявленская Ю. В., Александров С. А.). В системе, представляющей собой электронную среду для научно-исследовательской работы, пользователь может создавать коллекции текстов, выстраивать классификационные деревья, проводить анализ по их параметрам, генерировать статистические отчеты и др. (более подробно о характеристиках системы и этапах анализа в системе см. [3]). Теоретической базой работы являются монографии и статьи А. П. Чудинова [11; 12], Э. В. Будаева [5], О. А. Солоповой, М. Ю. Илюшкиной [14], С. В. Кушнерук [7], Ю. В. Богоявленской [4], М. В. Плотниковой, О. Г. Скворцова [9] и других представителей Уральской школы политической лингвистики [6; 8; 10; 11].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ материала показывает, что среди сфер-источников метафорической экспансии в сферу-мишень «Эммануэль Макрон» лидирует субсфера «Социум», составляющая 58,52 % от общего количества метафорических словоупотреблений). Рассмотрим особенности развертывания метафорического образа французского президента-кандидата на второй срок в рамках этой субсферы.

Вслед за О. И. Михневич [8, с. 54], мы дифференцируем метафорические модели по количественным показателям: высокочастотные модели составляют 10% и более, среднечастотные – 5-10%, низкочастотные – менее 5%.

Как показано на рис. 1, к высокочастотным моделям, основанным на понятийных сферах социальной субсферы, относятся метафорические модели со сферами-источниками «Монархия» (16,5 %), «Спорт и игры» (16,5 %), «Театр и кино» (14,56 %), «Магия» (12,62 %), «Война» (11,65 %). К среднечастотным – «Мир преступности» (7,77%), «Семья» (5,83 %) и «Экономика» (5,83 %). Модели со сферами-источниками «Религия» (4,85 %) и «Мифология» (3,88 %) являются низкочастотными. Заметим, что в монографиях А. П. Чудинова [11; 12] метафоры родства включаются в сферу источников политической метафоры «Человек». Однако, поскольку семья является социальным институтом общества, мы относим эту модель к субсфере «Социум».

Высокая частотность моделей со сферами метафорической экспансии «Спорт и игры», «Театр и кино», «Война» связана с тем, что в национальном сознании французов, как и русских, выборы часто понимаются, структурируются на основе концептов «спорт», «война», «театр», «игра» (более подробно о российских политических метафорах см. [11, с. 94]). Полученный результат был вполне ожидаем, поскольку эти модели транслируют универсальные образы, свойственные многим политическим лидерам (см., например, [8, с. 54]). Специфическими составляющими образа президента Макрона являются магическая, монархическая, криминальная, экономическая и мифологическая метафоры.

Рис. 1. Метафорические модели, репрезентирующие президента Франции Эммануэля Макрона во французских СМИ

Дерево параметров	Количество фрагментов	% по отношению к корневому параметру	% от всего количества фрагментов
Субсферы и разряды метафор	176	100	100
Субсфера «Социум»	103	100	58.52
Монархическая метафора	17	16.5	9.66
Спортивная / игровая метафоры	17	16.5	9.66
Театральная / кинематографическая метафоры	15	14.56	8.52
Магическая метафора	13	12.62	7.39
Военная метафора	12	11.65	6.82
Криминальная метафора	8	7.77	4.55
Метафора семьи	6	5.83	3.41
Экономическая метафора	6	5.83	3.41
Религиозная метафора	5	4.85	2.84
Мифологическая метафора	4	3.88	2.27
Субсфера «Человек»	77	100	41.48

Далее обратимся к рассмотрению метафор, формирующих образ французского президента.

Наиболее широкое распространение, наряду со спортивной, получила **монархическая метафора**. Концепты монархической власти регулярно фиксируются в качестве источника для описания личности президента, а также его окружения: «Un président-candidat, soucieux d'être réélu, voulait que l'on trouvât projet pour son nouveau quinquennat: alléguer l'impossible *aux rois*, c'est un abus [17]; «Le politique en fait sa cour, s'allie aux collab' du *roi*» [17]; Alexis Kohler, lui, reste à l'Élysée, au plus près du *roi* [17]; «Présidentielle : Emmanuel *Macron roi* à Paris» [22].

Метафора Макрона-монарха часто разворачивается в текстах, используется в его сильных позициях – заголовках, подзаголовках. Приведенные ниже примеры иллюстрируют, как с легкой подачи журналистов, обозначение второго президентского срока превращается в римскую цифру после имени короля – «Макрон II»: «En y ajoutant la revalorisation des salaires des enseignants, la hausse des dépenses militaires, les baisses d'impôts et surtout les innombrables plans d'investissement dans des "secteurs d'avenir" divers et variés, le coût budgétaire annuel du "*Macron II*" atteint les 50 milliards d'euros» [20]; «ÇA SONNE CREUX CHEZ... *MACRON II*» [26].

Усилению монархической метафоры способствует и реальный контекст, в который помещен президент пятой Республики: он работает в роскоши Елисейского дворца и окружен ореолом императорского величия. Но положение «Макрона Второго» более шаткое, чем «Макрона Первого»; при победе во втором туре он будет избран не потому, что французы этого хотят, а потому, что у них нет иного выбора. В следующих заголовках подчеркивается, что, добиваясь верховной власти, президент остается без единомышленников – «одиноким королем», «(почти) голым королем»: «EMMANUEL MACRON. *LE ROI SEUL*» [25], «*Macron II: le roi est (presque) nu*» [16].

После первого избрания в 2017 году президент обещал, что Франция «пойдет вперед на двух ногах», сейчас же он избирается «при отсутствии и правой, и левой»: «*Macron I* avait promis en 2017 de faire marcher la France sur ses deux jambes. *Macron II* est élu sur la disparition de la gauche et de la droite» [25]. Удачное взаимодействие монархической и физиологической метафор позволяют создать автору яркий образ непростой ситуации, перед которой оказывается президент: для избрания на первый срок он позиционировал себя «ни правым, ни левым», чтобы собрать голоса оппозиционных партий, теперь же он лишен поддержки и тех, и других.

Необходимо отметить, что подобное взаимодействие метафор не является исключением. Они могут относиться к одной метафорической модели, но могут и комбинироваться. Такие развернутые метафоры обеспечивают цельность текста, усиливают его прагматический потенциал. В следующем фрагменте монархическая метафора *passer des dorures d'un palais* гармонично взаимодействует с развернутой спортивной метафорой (*au combat de boxe; Lui aussi est un battant; l'exercice; s'échauffer en se confrontant à d'autres concurrents*) для создания контраста: президенту придется покинуть позолоченные покои дворца, чтобы выйти на боксерский ринг и сразиться с реальным противником. Но готов ли он к бою?: «*Mais passer des dorures d'un palais au combat de boxe, sans répétition aucune, est loin d'être évident. La leçon vaut pour Emmanuel Macron. Lui aussi est un battant, sauf que pendant cinq ans, lorsqu'il est venu à la télévision, c'était en majesté ; lorsqu'il a participé au grand débat – il a adoré l'exercice – c'était en solitaire,*

sans adversaire, sans limite de temps ; lorsqu'il a eu l'occasion de *s'échauffer en se confrontant à d'autres concurrents*, avant le premier tour, il a refusé» [17].

В сфере высокочастотной **спортивной (игровой) метафоры** реализуется концептуальная метафорическая модель «ПРЕЗИДЕНТ ФРАНЦИИ – ЭТО ИГРОК»: «À l'évidence, *le chef de l'État joue en fond de court*» [23]; *Une attaque balayée d'un revers de main* par le président candidat» [7]; «*DU PALAIS AU RING*. Le fameux débat télévisé de l'entre-deux-tours ne ressemblera pas forcément au précédent. Il va le défoncer» [17].

Поведение Макрона во время телевизионных дебатов Макрон – Ле Пен, итог которых предрешает победу на выборах, концептуализируется как теннисный матч, переходящий в боксерский поединок. Преподаватель ораторского искусства Института политических наук Амели Бланкер, комментирующая результаты дебатов, использует целый ряд метафор со сферой-источником *теннис* и *бокс*: La maître de conférences en rhétorique à Sciences Po a d'abord utilisé la métaphore du tennis: «On pourrait dire qu'il *monte au filet* et qu'elle *joue en fond de court*». Avant de conclure simplement: «*Il est en attaque et elle en défense*»; «*Sa ligne de défense c'était d'aller au front*»; «Il a un côté un peu *boxeur* alors qu'elle est plus statique» [26]. Подобные метафоры позитивно окрашены, так как реализуют смыслы, связанные с профессиональными качествами спортсмена: напористость, сила, умение выбрать правильную тактику, упорство на пути к победе.

Макрон не только атакует, но и сам иногда становится объектом «нападения» – в предвыборной гонке все возможно. Однако действия его противников могут обернуться против них же самих: «Pourquoi le *tacle* de Péresse contre Macron risque de se retourner contre elle» [15]; «Présidentielle 2022: "Le pouvoir absolu rend fou", *tacle* Péresse en référence à Macron» [26].

В рамках игровой метафоры действия Макрона также концептуализируются как карточная игра, в которой он «разыгрывает» ту или иную карту, в том числе козырную: «Droits d'auteur. Macron *joue la carte* de la souveraineté européenne [21]», «Pourtant privé de *cet atout*, l'actuel locataire de l'Élysée *la joue hiératique*, sans effet de surprise» [24]; «Fédérateur et résolu à tout faire pour défendre la paix, Emmanuel Macron s'est posé en président protecteur des Français, son meilleur *atout* pour une réélection» [21]. Президент предстает в прессе как опытный игрок, умеющий вести политические «игры».

Театральная метафора. Как отмечают отечественные исследователи, метафора театра – это один из наиболее распространенных фреймов интерпретации политики. В словаре политических метафор А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1] представлены следующие метафорические репрезентации: *комедия – съезд, аттракцион – выступление в дискуссии, канатоходец – Горбачев, клоун – Ельцин, зритель – Запад, статисты – депутаты, спектакль – выборы, съезд, театр абсурда – заседание Совмина*, и другие. Театральная метафора, также как и спортивная, достаточно традиционна для политического медиадискурса.

Как отмечает А.П. Чудинов, «прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, имитации реальности: субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предначертания» [12]. Театральные роли политика вербализуются в метафорических номинациях. Приведем в качестве примера одну из статей издания «*Marianne*», в которой разворачивается метафорическая модель «ПРЕЗИДЕНТ МАКРОН – ЭТО АКТЕР ПАНТОМИМЫ». В ней угадывается разочарование и даже раздражение, которое вызывает у зрителей-избирателей это

бессмысленное и неэффективное мероприятие на фоне неизбежного переизбрания действующего президента: «*Une pantomime quinquennale chaque fois moins efficace et plus absurde*» [23].

После решающих дебатов между двумя турами голосования самой обсуждаемой темой стало поведение президента-кандидата Макрона во время словесной дуэли с его оппонентом Марин Ле Пен: «*Il a joué le candidat, pas le président*»: Emmanuel Macron était-il vraiment si «arrogant» lors du débat? [17]; «*Pourtant, depuis qu'il a enfilé son costume de candidat, Emmanuel Macron fait surtout le choix de la continuité au détriment de la nouveauté*» [24].

Метафорическая модель «ПРЕЗИДЕНТ МАКРОН – ЭТО АКТЕР» реализуется также с помощью **кинематографической метафоры**: «*Moqueur, narquois, sourire en coin, voire comparaison avec OSS 117, le célèbre agent secret interprété par Jean Dujardin au cinéma...*» [17]; «*Emmanuel Macron a-t-il eu l'air de manquer autant d'humilité qu'Hubert Bonisseur de La Bath, alias OSS 117?*» [17].

Отличительная черта президентства Макрона – медиатизация и даже «нетфликсизация» его политической деятельности. Благодаря усилиям его команды, самые значимые события первого срока были зафиксированы и смонтированы в формате Ютьюб-сериала. 5-летний срок его президентства концептуализируется как сериал из нескольких сезонов: «*Pour mémoire, en 2017 – saison 1 du macronisme –*, le bureau parisien de McKinsey invitait, dans ses «10 enjeux pour la France à l'horizon 2022», à «limiter tous les dispositifs pouvant inciter à sortir prématurément de la vie active» [23]; «*En saison 2, élu, il entend repousser l'âge légal de la retraite de quatre mois par an jusqu'à 65 ans*» [23].

Наряду с частотными универсальными метафорическими моделями политических деятелей, в нашем материале была выявлена специфическая модель «ПРЕЗИДЕНТ МАКРОН – ЭТО МАГ», обладающая негативной коннотацией. Нереализованные обещания вызвали разочарование сторонников Макрона, что отразилось в следующих метафорах: «*Ces élus de droite chez qui la "magie" Macron n'opère plus*» [17]; «*On connaissait la passion du président sortant pour l'univers féerique. Celui-là même qui confiait en 2017 que «la politique, c'est mystique», avait évoqué la fameuse «poudre de perlimpinpin» et pris soin d'assurer, la même année, que «l'argent magique, ça n'existe pas*» [23].

Как у настоящего волшебника, у Макрона есть все необходимые аксессуары: «порошок фей» и «волшебная палочка», но «чудес» не происходит – национальная система образования не реформируется в мгновение ока, а чаяния Евросоюза не сбываются: «*Quand le magicien Macron sème sa poudre de perlimpinpin sur l'Éducation nationale*» [27]; «*La baguette magique de Macron ne fait plus de miracle*» [16].

Еще одна отличительная характеристика образа Макрона находится на пересечении магической и сексуальной метафор. Критикуя кандидата за несбыточные обещания, журналисты называют его иллюзионистом: «*EMMANUEL MACRON, C'EST LE MAÎTRE DES ILLUSIONS*» [17]; «*Emmanuel Macron est un illusionniste*» [17]; «*Candidat à sa réélection, le Président mise sur l'avenir et l'innovation pour répondre au défi climatique. Une écologie 2.0 illusoire qui permet de repousser les changements structurels*» [24].

В следующем примере модель «ЭММАНУЭЛЬ МАКРОН – ИЛЛЮЗИНИСТ» (*C'est un illusionniste*) коррелирует с моделью «ЭММАНУЭЛЬ МАКРОН – СОБЛАЗНИТЕЛЬ» (*séduit une partie de votre électorat*): «*Emmanuel Macron séduit une partie de votre électorat. Est-il pour autant de droite? – Emmanuel Macron n'est pas de droite. C'est un illusionniste. Il utilise les mots de la droite, mais il ne fait pas sa politique*» [19].

Отмечаемое многими аналитиками обаяние Эммануэля Макрона, осмысляется в концептуальном векторе обмана, соблазнения, в том числе путем создания иллюзии: «*Il donne l'illusion d'un sentiment plus qu'empathique, d'enveloppement de l'alterego, assurant à son interlocuteur qu'il a bien sûr raison, mais, en réalité, il n'en fait qu'à sa tête*» [17].

Все приведенные метафоры транслируют отрицательную оценку президента-кандидата: его обещания выполнены лишь частично, что влечет обвинения в его адрес. Не случайно появление ярлыка «обманщик», который часто использует Меланшон для дискредитации Макрона в социальных сетях и прессе

Милитарная метафора. «Метафорический милитаризм» является универсальным для политического дискурса на разных языках и связывается исследователями с глобальной закономерностью современной политической метафорики [5, с. 137]. В сферу экспансии милитарной метафоры попадают соратники и сторонники действующего президента; они получают номинации «гвардии», «стратегов» и «отряда»: «*DES COURBES SONDAIÈRES qui s'envolent, des oppositions qui peinent à imprimer... et une élection jouée d'avance? Voilà le piège qui guette Emmanuel Macron et ses troupes, à pile un mois du premier tour*» [21]; «*Désunie, la garde rapprochée du président-candidat se divise en trois clans (technos, collaborateurs, politiques) prêts à tout pour influencer l'homme et son projet*» [17].

Даже предвыборная кампания Макрона стратегически спланирована как «демократический Блицкриг» за три недели до первого тура: «*Les stratèges du président-candidat avaient planifié une campagne-éclair. Un «Blitzkrieg» démocratique sur le thème de la France unie lancé à trois semaines du premier tour*» [17].

Неудачи во внутренней политике, в частности в социальной сфере, вызывают негативный отклик, критику, сарказм и сомнения в его умении прогнозировать ситуацию: «*Le «stratège» Emmanuel Macron veut donc «rendre plus stricte l'assurance chômage quand trop d'emplois sont non pourvus*» [24].

Криминальная метафора. Метафоры с источниковой сферой «Мир преступности» составляют метафорическую модель с соответствующей исходной понятийной сферой. В напряженный период между двумя турами претенденты на президентский пост, срочно принявшие «озеленять» свои программы, обостренно реагировали на действия соперников. Валери Пекресс, в частности, обвинила Эммануэля Макрона в «краже» части ее предвыборной программы. Французские средства массовой информации растиражировали ее обвинения, в которых президент концептуализируется как грабитель, вор: «*Mieux qu'un pillage de dernière minute des programmes des autres candidats par Emmanuel Macron proposant une «Fête de la nature» qui existe déjà et un Premier ministre «en charge de la planification écologique», quand Jean Castex préfère un aller-retour en jet à une procuration*» [15]. Однако в этой ситуации пресса оценила слова Пекресс как «самую неловкую», «самую контрпродуктивную» попытку критики: «*Pouvait-on concevoir pire critique que celle de Valérie Pécresse "contre" le programme d'Emmanuel Macron? Lui reprocher amèrement d'avoir "copié", "photocopié", "pillé", "volé", "contrefait" (tous les synonymes y sont passés) les propositions LR était la plus maladroite, la plus contre-productive des mises en cause*» [15].

Другой политический противник Макрона, Жан-Люк Меланшон, не стесняется резких выражений. В его речах Макрон предстает как «бандит с большой дороги», «укравший власть» во Франции: «*C'est un bandit de grand chemin*», déplore Jean-Luc Mélenchon, qui insiste, «*Lui-même dit qu'il a fait un hold-up sur le pouvoir!*». [18].

Метафора семьи. Метафорика со сферой-источником «Семья» используется для разных целей. Метафора «отец нации» указывает на то, как себя позиционирует президент, пытающийся объединить французов перед лицом опасности, разворачивающейся войны: «C'est en indéboulonnable *père de la Nation* qu'il a voulu rassembler et rassurer ses concitoyens au sujet d'une «*attaque brutale*» constituant une «épreuve sans précédent» [19]; «Allocution sur la guerre en Ukraine: Macron renforce sa stature de «*père de la Nation*» [19].

Ближайшее окружение Макрона, члены его команды, предстают как закрытые, семейные «кланы»: Les observateurs les plus avisés de la scène et de la campagne distinguent *trois clans* répartis comme ceci: [...]. [17]

Для оценки прохладных отношений Макрона с избирателями-преподавателями, испытывающим недовольство, привлекается метафора развода: «Et le divorce avec les *enseignants* d'être définitivement entériné» [24].

Экономическая метафора. Для создания образа Макрона привлекаются также концепты из экономической сферы. Это можно объяснить тем, что в сознании французов он человек, получивший прекрасное профессиональное образование в Национальной школе администрации ENA, «кузнице» экономической элиты, а также бывший инвестиционный банкир в Банке Ротшильдов. Более того, с 2014 г. по 2016 г. Макрон был министром экономики, промышленности и информационных технологий, а также известен как автор «закона Макрона» о либерализации экономической сферы и усилении конкуренции между участниками рынка.

В массмедиа президент-кандидат предстает как превосходный результат усилий его учителей: «Emmanuel Macron est un produit des filières de l'excellence» [17]; «Pourtant privé de cet atout, l'actuel locataire de l'Élysée la joue hiératique, sans effet de surprise. Ce qui était initialement sa *marque de fabrique*» [23].

Слова, в прямом значении относящиеся к финансовой понятийной сфере, метафорически обозначают характер управления государством. Для Макрона Франция – «стартап», молодая быстро развивающаяся компания, в основе которой лежит инновационная бизнес-идея и технология «Aujourd'hui, il gère la France comme une *start-up*, avec une chaîne de commandement dirigée par lui seul, sans regard extérieur» [19]; «Emmanuel Macron est peut-être le *président de la start-up nation* mais pas celui de la souveraineté numérique, lourdement fragilisée sous le mandat d'Emmanuel Macron» [24].

Крайне отрицательная оценка дается управленцу Макрону в комбинации криминальной (*Coups de canif, fausse*), магической (*illusion*) и экономической (*start-up nation*) метафорах: «*Coups de canif* dans le contrat, *illusion technologique*, *fausse modernisation* de l'État: les déçus de la «*start-up nation*» racontent» [21].

Религиозная метафора. Метафора с источниковой сферой «Религия» представлена спектром метафорических словоупотреблений, связывающих французского президента с религиозными реалиями. Например, пресса оценивает отношение Макрона к своей программе при помощи набора слов, относящихся к именно этой понятийной сфере: LE «*NOUVEAU MONDE*» valait bien un *nouveau testament*. Dès l'annonce de sa candidature, en 2017, Emmanuel Macron a fait de son programme présidentiel une sorte de *Bible*» [20].

По итогам своего пятилетнего правления президент-кандидат должен держать ответ, и французы упрекают его в грехе высокомерия и пренебрежения мирскими делами: «Peu semblent pourtant conscients de l'enjeu: recoudre les déchirures d'un pays lassé et éruptif, qui reproche encore à Emmanuel Macron un *péché d'arrogance* et une certaine *déconnexion*» [17].

С концептуальным полем **религиозной метафоры** может пересекаться монархическая метафора: президент становится «королем-исцелителем», «королем-провидцем»: «Macron, un «*roi thaumaturge*» [19]; «*Il faut en finir avec le roi thaumaturge*». Voilà la phrase prononcée par Olivier Faure ce mardi 30 mars, selon l'AFP» [19]; «L'entourage du chef de l'Etat rêverait bien sûr de voir le récit s'achever là et la presse se contenter de narrer l'intuition d'un *président visionnaire* qui, tel un *monarque thaumaturge*, ferait entrer dans la modernité un territoire meurtri par la grâce de notre idiome national» [17].

В приведенном примере метафорическая модель «ЭММАНУЭЛЬ МАКРОН – КОРОЛЬ-ЧУДОТВОРЕЦ» реализует свою прагматическую функцию, провоцируя у читателя иронию и скепсис в отношении президента-«чудотворца».

В тесном соприкосновении с религиозной реализуется **мифологическая метафора**, в которой президент Франции сравнивается с небожителем, точнее – с Юпитером, богом неба, дневного света, грозы, отцом всех богов в древнеримской мифологии. Начало этому сравнению, намеренно или нет, положил сам Эммануэль Макрон в своем интервью изданию Challenges в 2016 году накануне своего первого избрания. Тогда он заявил, что Франсуа Олланд «не верит в президента-Юпитера»: «Il ne croit pas au '*président jupitérien*', dit-il à propos du chef de l'Etat socialiste. *Macron-Jupiter? C'était un malentendu!*» [17].

После победы Макрона на президентских выборах 2017 года образ Юпитера был широко растиражирован в СМИ, в том числе в заголовках статей, карикатурах и на обложках изданий. Как показал анализ, спустя 5 лет журналисты все также эксплуатируют яркий образ и продолжают его использовать для критики президента-кандидата в 2022 году: «*Jupiter ayant gouverné à droite tout le quinquennat, se trouva fort dépourvu quand le deuxième tour fut venu, presque plus de réserves de voix, la droite était exsangue*» [22]; «*Sa verticalité jupitérienne va totalement à l'encontre de l'horizontalité, de la demande de participation, de prise de parole, qui est une exigence montante de notre société*» [17].

Дополнительное оружие для противников Макрона – его имидж высокомерного и презрительного человека, сложившийся вслед за непопулярными высказываниями в адрес незащищенных слоев населения, рабочего класса, преподавателей: «*Emmanuel Macron devra descendre de son nuage s'il ne veut pas tomber de très haut, quand les lendemains déchanteront*» [20].

ВЫВОДЫ

Подводя итог, отметим, что чаще всего образ президента-кандидата Макрона концептуализируется в предвыборном массмедийном дискурсе с помощью метафор, относящихся к субфере «Социум». Наиболее продуктивными в социальной субфере-источнике являются монархическая метафора, метафора игры и спорта, театральная метафора, магическая, милитарная; менее продуктивными – криминальная, экономическая, а также метафора семьи; к низкочастотным относятся мифологическая и религиозная метафоры. В структуре метафорического образа Эммануэля Макрона обнаруживаются как универсальные метафорические модели с исходными понятийными сферами «Война», «Спорт и игры», «Театр и кино», так и специфические, персонифицированные метафоры, отражающие индивидуальные характеристики политика: монархическая, магическая, криминальная, семейная, экономическая, религиозная и мифологическая. При создании образа Макрона СМИ пользуются метафорами для вербализации преимущественно негативной оценки.

Взаимодействующие в текстах метафоры относятся, как правило, к разным метафорическим моделям и обеспечивают связность и цельность текста, усиливают его прагматический и эстетический потенциал. Перспективу исследования мы связываем с дальнейшим анализом метафорического образа президента Франции – действующего лидера государства и оппозиционных лидеров (сопоставительный анализ персонологических метафорических моделей). Кроме того, проведенное исследование позволит продолжить работу в русле анализа качественных и количественных динамических изменений в структуре этого образа в начале и конце срока правления при помощи лингвостатистических инструментов информационной системы «Лингвистика».

Список литературы

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
2. Барышникова Г. В., Дубинина И. И. Метафорическое создание политического образа руководителя России в западных СМИ (на материале англо-американской и французской прессы) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4 (137). – С. 179–185.
3. Богоявленская Ю. В. Этапы экспертного анализа в информационной системе «Лингвистика» (на материале исследования политических метафор) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 7 (465). – С. 52–63.
4. Богоявленская Ю. В., Чудинов А. П. Взаимодействие парцелляции и метафоры как средств аттенционального фокусирования в художественном и публицистическом дискурсах // Язык и культура. – № 41. – 2018. – С. 24–39.
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 248 с.
6. Буженинов А. Э. Метафора спорта и игры в инвестиционном дискурсе (на материале английского языка) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – № 1. – 2021. – С. 45–55.
7. Кушнерук С. Л. Метафоры в текстовых мирах коммерческой рекламы: эффект «двойного видения» // Когнитивные исследования языка. – Вып. XXV. – 2016. – С. 402–408.
8. Михневич О. И. Метафорические образы президентов Грузии Э. Шеварднадзе и М. Саакашвили: универсальные и персонифицированные метафорические модели // Политическая лингвистика. – 2021. – № 4 (88). – С. 52–60.
9. Плотникова М. В., Скворцов О. Г. Метафорическая репрезентация концепта Мегзит в британском медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2 (41). – С. 298–302.
10. Стрельников А. М. Метафорический оценочный портрет И. М. Хакамады в дискурсе президентских выборов // Политическая лингвистика. – 2005. – № 16. – С. 115–120. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург: Ур. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
11. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург: Ур. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL:<http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#330>].
12. Чудинов А. П., Будаев Э. В., Солопова О. А. Политическая метафорология: Дискурсивный поворот. – М.: Флинта, 2020. – 234 с.
13. Solopova O. A., Plyushkina M. Yu. Russia as a target domain in American, British and Canadian political discourses // Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics. – Vol. 14. – No 3. 2021. – P. 41–48.
14. Challenges. – Режим доступа: <https://www.challenges.fr/>. – (Дата обращения: 16.03.2022).
15. Courrier international. – Режим доступа: <https://www.courrierinternational.com/> (Дата обращения: 16.03.2022).
16. Gala. – Режим доступа: <https://www.gala.fr/>. – (Дата обращения: 27.04.2022).
17. L'Express. – Режим доступа: <https://www.lexpress.fr/>. – (Дата обращения: 23.04.2022).
18. L'Obs. – Режим доступа: <https://www.nouvelobs.com/>. – (Дата обращения: 12.03.2022).
19. Le Figaro. – Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/>. – (Дата обращения: 30.04.2022).

20. Le Point. – Режим доступа: <https://www.lepoint.fr/>. – (Дата обращения:16.04.2022).
21. Le Parisien. – Режим доступа: <https://www.leparisien.fr/>. – (Дата обращения:16.03.2022).
22. Libération. – Режим доступа: <https://www.liberation.fr/>. – (Дата обращения:26.03.2022).
23. Marianne. – Режим доступа: <https://www.marianne.net/>. – (Дата обращения:16.03.2022).
24. Paris Match. – Режим доступа: <https://www.parismatch.com/>. – (Дата обращения:12.03.2022).
25. Politis. – Режим доступа: <https://www.politis.fr/>. – (Дата обращения:27.04.2022).
26. RTL. Режим доступа: <https://www.rtl.fr/>. – (Дата обращения:27.04.2022).
27. Télérama. – Режим доступа: <https://www.telerama.fr/>. – (Дата обращения:27.04.2022).

References

1. Baranov A. N., Karaulov Iu. N. *Slovar' russkikh politicheskikh metafor* [Dictionary of Russian political metaphors]. Moscow, Pomovskii i partnery, 1994. 330 p.
2. Baryshnikova G. V., Dubinina I. I. *Metaforicheskoe sozdanie politicheskogo obraza rukovoditelya Rossii v zapadnykh SMI (na materiale anglo-amerikanskoy i frantsuzskoy pressy)* [Metaphorical creation of the political image of the leader of Russia in the Western media (based on the material of the Anglo-American and French press)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, no. 4 (137), pp. 179–185.
3. Bogoiavlenskaia Iu.V. *Etapy ekspertnogo analiza v informatsionnoi sisteme «Lingvistika» (na materiale issledovaniia politicheskikh metafor)* [Stages of Expert Analysis in the Information System "Linguistics" (Using the Example of Political Metaphor Research)]. *Vestnik Chelibinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, vol. 7 (465), pp. 52–63.
4. Bogoiavlenskaia Iu. V., Chudinov A.P. *Vzaimodeistvie partselliatsii i metafory kak sredstv attentsial'nogo fokusirovaniia v khudozhestvennom i publitsisticheskom diskursakh* [Convergence of parceling and metaphor as means of focusing in literary and media discourses]. *Iazyk i kul'tura*, 2018, no. 41, pp. 24–39.
5. Budaev E. V., Chudinov A. P. *Metafora v politicheskoi kommunikatsii* [Metaphor in political communication]. Moscow: Flinta: Science, 2008. 248 p.
6. Buzheninov A. E. *Metafora sporta i igry v investitsionnom diskurse (na materiale angliiskogo iazyka)* [Metaphor of Games and Sports in the Investment Discourse (on the Material of English Language)]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy iazykoznanii i pedagogiki*, 2021, no. 1, pp. 45–55.
7. Kushneruk S. L. *Metafory v tekstovykh mirakh kommercheskoi reklamy: effekt «dvoynogo videniia»* [Metaphors in the textual worlds of commercial advertising: the effect of "double vision"]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, iss. XXV, 2016, pp. 402–408.
8. Mikhnevich O. I. *Metaforicheskie obrazy prezidentov Gruzii Je. Shevardnadze i M. Saakashvili: universal'nye i personalizirovannye metaforicheskie modeli* [Metaphorical Images of the Presidents of Georgia E. Shevardnadze and M. Saakashvili: Universal and Personalized Metaphorical Models]. *Politicheskaja lingvistika*, 2021, no. 4 (88), pp. 52–60.
9. Plotnikova M.V., Skvortcov O.G. *Metaforicheskaya reprezentatsiya koncepta Megxit v britanskom mediadiskurse* [Metaphorical representation of Megxit in british media discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2020, no. 2(41), pp. 298–302.
10. Strel'nikov A. M. *Metaforicheskii otsenochnyy portret I. M. Khakamady v diskurse prezidentskikh vyborov* [Metaphorical evaluative portrait of I. M. Khakamada in the discourse of the presidential elections]. *Politicheskaja lingvistika*, 2005, no. 16, pp. 115–120.
11. Chudinov A.P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoi kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern Political Communication]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 2003. 248 p.
12. Chudinov A.P., Budaev E.V., Solopova O.A. *Politicheskaya metaforologiya: Diskursivnyj povорот* [Political Metaphorology: A Discursive Turn]. Moscow, Flinta: 2020. 234 p.
13. Solopova O. A., Ilyushkina M. Yu. *Russia as a target domain in American, British and Canadian political discourses. Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 41–48.
14. *Challenges*. Available from: <https://www.challenges.fr/> (accessed:16 March 2022).
15. *Courrier international*. Available from: <https://www.courrierinternational.com/> (accessed:16 March 2022).
16. *Gala*. Available from: <https://www.gala.fr/> (accessed: 27 April 2022).
17. *L'Express*. Available from: <https://www.lexpress.fr/> (accessed: 23 April 2022).
18. *L'Obs*. Available from: <https://www.nouvelobs.com/> (accessed: 12 March 2022).

19. *Le Figaro*. Available from: <https://www.lefigaro.fr/> (accessed: 30 April 2022).
20. *Le Point*. Available from: <https://www.lepoint.fr/> (accessed: 16 April 2022).
21. *Le Parisien*. Available from: <https://www.leparisien.fr/> (accessed: 16 March 2022).
22. *Libération*. Available from: <https://www.liberation.fr/> (accessed: 26 March 2022).
23. *Marianne*. Available from: <https://www.marianne.net/> (accessed: 16 March 2022).
24. *Paris Match*. Available from: <https://www.parismatch.com/> (accessed: 12 March 2022).
25. *Politis*. Available from: <https://www.politis.fr/> (accessed: 27 April 2022).
26. *RTL*. Available from: <https://www.rtl.fr/> (accessed: 27 April 2022).
27. *Télérama*. Available from: <https://www.telerama.fr/> (accessed: 27 April 2022).

METAPHORICAL MODELING OF THE IMAGE OF EMMANUEL MACRON IN THE FRENCH PRE-ELECTION MASS MEDIA DISCOURSE

Bogoyavlenskaya Yu. V., Stremyakova M. S.

The article is devoted to the analysis of the French president Emmanuel Macron's metaphorical image during the election campaign. In the article the notion of metaphorical model refers to the linking pattern between the source sphere and the target sphere, which has developed in the minds of native speakers. Metaphorical models make up a metaphorical image – a mental formation structured by a set of conceptual metaphors. The study shows that in the pre-election mass media discourse the image of the president and candidate is conceptualized with the help of metaphors related to the "Society" sub-sphere. The most productive (monarchical metaphor, metaphor of games and sports, theatrical metaphor, magical, military), less productive (criminal, economic, and family metaphor), as well as low-frequency models (mythological, religious) are identified and described. It is established that the structure of the image of Emmanuel Macron presents both universal metaphorical models with the initial conceptual spheres of "War", "Sports and games", "Theater and cinema", and personalized metaphors reflecting the individual characteristics of the politician: monarchical, magical, criminal, family, economic, religious and mythological. The article considers how the metaphors interact with the target sphere "Emmanuel Macron" in the texts of mass media discourse. It is concluded that when creating the image of Macron, the media use metaphors to verbalize a predominantly negative assessment. **Keywords:** political metaphor, metaphorical modelling, conceptual metaphor theory, mass media discourse, expert analysis system «Linguistics», Emmanuel Macron.

УДК 351.751.6

ВОЕННЫЙ ФОТОРЕПОРТАЖ: ОБЩЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА И АВТОРСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Ершов Ю. М.

*Филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, Севастополь, Россия
E-mail: ershovym@my.msu.ru*

В статье рассматривается история одной из самых известных и влиятельных фотографий XX в., снятой в ходе Вьетнамской войны американским репортером Э. Адамсом и получившей название «Казнь в Сайгоне». В этом снимке, как в капле воды, можно увидеть весь океан противоречий, которые пронизывали американское общество конца 1960-х. Сначала в угаре антикоммунистических настроений публика поддерживала военную операцию во Вьетнаме, но, по мере нарастания ужасов войны, изменила отношение к вооруженному столкновению в Юго-Восточной Азии. Фоторепортаж Э. Адамса о расстреле связанного человека в гражданской одежде оказался на гребне этого перелома умонастроений. Хотя автор снимка – сам бывший морской пехотинец – был целиком и полностью на стороне начальника полиции, казнившего партизана, пойманного на месте преступления, американская и мировая общественность восприняла эту фотографию противоположно: как акт бессудной расправы над беззащитным человеком. Среди других фотодокументов этот снимок стал доказательной базой общественного обвинения преступлений войны. Анализ репортерского кейса Э. Адамса проведен по пяти параметрам: исторический контекст события, ситуация репортерской съемки, профессиональная оценка работы, общественная реакция на публикацию и авторская рефлексия на снимок. Теоретической основой анализа стала концепция фрейминга, по которой любая рамка восприятия действительности несет в себе не только отпечаток субъективной рецепции, но элемент манипулятивного потенциала.

Ключевые слова: журналистика вооруженных столкновений, репортажная фотография, общественное мнение, Вьетнамская война.

ВВЕДЕНИЕ

Исследовательская проблема, которая послужила отправной точкой для нашей статьи, это проблема воздействия военного фоторепортажа на общественное мнение и умонастроения граждан. В массовых коммуникациях растет объем визуальной информации, которая приобретает порой характер документа. Однако не каждое видео и далеко не каждый фотоснимок может пробить равнодушие бюргеров, повлияв на сознание и поведение аудитории. Есть ли закономерности в придании отдельным репортажным фотографиям особой влиятельности? Может ли репортер сохранять объективный взгляд во время войны? Может ли фотодокумент быть использован СМИ для манипулирования публикой?

В условиях вооруженных столкновений риски ранения и смерти для журналистов возрастают и потому военная фотография ценится очень высоко. В сравнении с фотографиями мирной жизни военные репортеры получают повышенные гонорары. Особая оплата труда военных корреспондентов вызвала к жизни стрингеров, которые не состоят в штате редакции, но работают по заданиям информационных агентств или телеканалов, поставляя из «горячих точек» эксклюзивную информацию за высокое вознаграждение. Их нередко критикуют другие журналисты за стремление драматизировать события и наживаться на чужих страданиях. То есть в военном репортаже всегда много общественных, профессиональных и этических вопросов допустимого.

В силу этих вопросов и противоречивой природы военного фоторепортажа, который балансирует между военно-пропагандистской машиной и независимой прессой, изучение общественной оценки фотографий и авторской рефлексии на публикации и их восприятие представляются актуальным. Актуальность данной темы обусловлена также обострением геополитических конфликтов и повышением роли военного журналиста в освещении вооруженных столкновений. Крайне важно исследовать мотивы, которые движут репортером. Хотя он и выполняет редакционное задание, но откликается также и на общественные настроения, и может по-разному понимать свою миссию в этой военной операции.

Объектом исследования нам послужила фотография американского военного фотографа Э. Адамса, снятая 1 февраля 1968 года в Сайгоне и получившая всемирную известность под названием «Казнь в Сайгоне» (Saigon Execution). Вьетнамская война избрана для изучения неслучайно. Во-первых, полувекковая временная дистанция позволяет исследователю более объективно судить о разных аспектах репортерской работы: в контексте историческом, общественном, профессиональном. Во-вторых, Вьетнамская война была беспрецедентной в плане свободы журналистов в показе происходящего без всякой цензуры. В следующих военных операциях армии США у репортеров уже не было такой автономии и субъектности.

И еще одна причина обращения к периоду Вьетнамской войны обусловлена той ролью, которые играли еженедельники новостей и иллюстрированные журналы в 1960–1970-е годы. Не будет преувеличением сказать, что именно печатные периодические издания Time, Newsweek, Life были властителями умов, хотя общественность следила и за телевизионными новостями. Фоторепортаж в прессе и видеоряд в телевизионных новостях придали осязаемый медийный характер той войне, когда зрители впервые смотрели боевые действия во Вьетнаме как сериал. Эмоциональное вовлечение массовой аудитории в просмотр войны способствовало сначала патриотической поддержке экспедиционного корпуса США, а затем сменилось страхом и отвращением.

Теоретики журналистской фотографии обращались в своих исследованиях к жанру репортажа и эстетике документального изображения. Так, Акчуринов Д. Г. [1], Вартаков А. С. [4], Ворон Н. И. [5], Михалкович В. И., Стигнеев В. Т. [6] рассматривают, как фотография становится искусством и воздействует на нашу психику. Но мы должны для анализа фотографии взять более широкий теоретический контекст, включая труды социологов, философов и коммуникативистов, среди которых Арнхейм Р. [2], Барт Р. [3], Зонтаг С. [7, 8] и другие мыслители.

Теоретической рамкой для анализа отобранной нами фотографии служит концепция фрейминга. Напомним, что фрейм – это контекст для восприятия действительности, созданный средствами массовой информации. Любой фрейм изначально несет в себе не только отпечаток субъективного восприятия реальности, но и – вполне вероятно – элемент манипулятивного потенциала. Фрейм фокусирует внимание аудитории на одних аспектах, оставляя за рамками внимания другие. По утверждениям Роберта Энтмана [9], фрейминг как журналистская техника обработки фактов предполагает также и умолчание об отдельных сторонах какого-либо события или личности. Наш советский очеркист Анатолий Аграновский назвал эту фигуру умолчания «мешающими деталями».

Наша задача – разобрать один кейс из репортерской практики, чтобы выявить моменты несовпадения профессиональных оценок, общественной реакции и авторской рефлексии, а также закадровые смыслы или фигуры умолчания.

Исторический контекст события

Война между Севером Вьетнама, руководимым коммунистами, и Югом, где непопулярный режим склонялся на сторону Запада, была говоря современным языком прокси-войной. Американцы пытались создать на Юге более или менее жизнеспособное некоммунистическое государство, накачивая его деньгами и оружием, а вьетнамским коммунистам, стремившимся объединить страну, оказывали военную помощь СССР и Китай. Изначально война носила антиколониальный характер, но по мере вовлечения в нее военных советников СССР и США она стала противостоянием двух идеологических систем.

Пока всё это происходило как «спецоперация», американское общество с энтузиазмом поддерживало президента и его генералов в «сдерживании коммунизма» в Юго-Восточной Азии. Речь шла о «декоммунизации» Южного Вьетнама, параллельно с уничтожением инфраструктуры Севера господствующей мощью авиации. По словам одного из американских генералов, оставалось «вбомбить Северный Вьетнам в каменный век». Американцы полагались на превосходство в воздухе и подавляющую огневую мощь. Но в конце января 1968 года вооруженные силы Северного Вьетнама вместе с партизанской армией Южного Вьетнама предприняли наступление на ключевые объекты в Сайгоне и в соседних провинциях.

Неожиданное наступление партизан в масштабах всего Южного Вьетнама стало для американской общественности шоком. Многие американцы начали думать, что войну во Вьетнаме нельзя выиграть, а следовательно, необходимо сворачивать участие США в ней. Хотя повстанцы понесли большие потери, ни один город и ни одна военная база армии США не была захвачена, в политическом плане достигнутый ими пропагандистский эффект оказался огромным. Умонастроения американского народа изменились. Это почувствовали и многочисленные журналисты, освещавшие боевые действия по заказу информационных агентств и телесетей.

Один из таких журналистов был Эдвард (Эдди) Адамс, командированный во Вьетнам информационным агентством Ассошиэйтед Пресс. Э. Адамс получил опыт военной фотографии (combat photographer) ещё во время Корейской войны, участие в которой он принял в 1951 г. в составе корпуса морской пехоты США. Военный стаж и личная дружба с командующим морскими пехотинцами генералом Льюисом Уолтом способствовали тому, что Э. Адамс всегда оказывался там, где происходило нечто важное. Хотя другие журналисты тоже не жаловались на то, что их ограничивали в съемке или куда-то не пускали.

Первое широкомасштабное наступление армии Северного Вьетнама и партизанских частей Вьетконга состоялось в начале 1968 г. и было названо Тетским (Новогодним) прорывом. В военном отношении Тетское наступление стало поражением коммунистических сил. Они потеряли, по американским подсчетам, около 45000 солдат. Однако, как уже было сказано, они повлияли на перелом настроений в американском обществе, которое вдруг увидело ужасы террора и невозможность решить конфликт военными средствами. Перемене настроений способствовала независимая журналистика, которая освещала не только успехи военных, но и провалы их операций.

Ситуация репортажной съемки

Утром 1 февраля Эдвард Адамс и оператор NBC Во Суу, направились в китайский квартал города, где южновьетнамская армия штурмовала буддистскую пагоду Ан-Куонг, захваченную партизанами Вьетконга. К моменту прибытия журналистов, бои уже прекратились, пагода была взята армией. Корреспонденты увидели, как южновьетнамские морские пехотинцы ведут к начальнику полиции Южного Вьетнама пленного, одетого в клетчатую рубашку и черные шорты. Солдаты заявили, что это один из командиров Вьетконга, застигнутый с оружием на месте преступления.

Адамс, понимая, что происходит нечто трагическое, начал снимать еще в тот момент, когда пленного вели на допрос. Из серии обнародованных позднее репортажных кадров видно, что журналист ищет лучшую точку съемки, переходя с одной стороны улицы на другую. Э. Адамс снимает безостановочно и рефлекторно. Репортер запечатлел и сам момент убийства. К начальнику полиции Сайгона бригадному генералу Нгуену Нгок Лоану подвели связанного партизана. Лоан после краткого допроса поднес револьвер к голове пленника и выстрелил.

Для Э. Адамса этот день не был каким-то особенным. На войне ежедневно гибнут люди. Военные фотографы постоянно документируют в своих снимках ранения и смерти. Репортеры отправляют отснятые кадры по каналам радиотелефонной связи в свои редакции, чтобы там выбрали нужный для публикации снимок. Связь была медленной и на пересылку каждого кадра уходило 20 минут. Э. Адамс не знал наперед, какой именно кадр из его репортажной съемки выберут. Однако коллегам-журналистам в Сайгоне он сказал: «Я получил то, за чем приехал во Вьетнам» [11]. То есть у репортера было интуитивное ощущение важности сделанных им кадров.

Профессиональная оценка и общественная реакция

Хорст Фаас, фоторедактор Ассошиэйтед Пресс, вспоминает: «Пробежав глазами по рулону черно-белой пленки Эдди Адамса, я увидел то, чего никогда раньше не видел на лайтбоксе моего монтажного стола: идеальный репортажный снимок — образцово экспонированный «замороженный момент». Событие, которое, как я сразу же почувствовал, станет примером жестокости войны во Вьетнаме» [11]. Журналистское сообщество признало соответствие снимка Э. Адамса высоким профессиональным стандартам. Фотография появилась на обложках журналов и в газетах по всему миру, получив Пулитцеровскую премию за новостную фотографию, награду World Press Photo, а также семь других международных и национальных наград за высшие достижения в области журналистики. Таким образом, публикация фото прославила Э. Адамса на весь мир, хотя репортер участвовал в качестве combat photographer в семи войнах и сам считал, что у него есть и более значительные фотоработы.

Надо признать, что не все профессионалы фотографии высоко оценили качество проделанной Э. Адамсом работы. Прозвучали и критические отзывы. Так американский фотограф Сьюзен Зонтаг в своем эссе «Смотрим на чужие страдания» («Regarding the Pain of Others») пишет: «Если бы рядом не находились журналисты, Лоан не стал бы стрелять. Он выстрелил напоказ». По сути, С. Зонтаг обвиняет в лице Э. Адамса военных корреспондентов в провокативном поведении и манипуляциях, не изображением, но самой ситуацией пугающего насилия. С. Зонтаг заключает: «Фотография нацелена на поиски все более драматических образов, и это стало нормой в культуре, где шок — ведущий стимул потребления и источник ценности» [8].

С осени 1967 г., когда состоялся первый антивоенный марш в Вашингтоне, общественные протесты против войны пошли по нарастающей и привели в итоге к выводу американских войск из Вьетнама. В Соединенных Штатах война породила то, что было названо вьетнамским синдромом – общественное отвращение к американским военным действиям за границей. Немало способствовали этому военные репортажи по ТВ и публикации в прессе, включая и обсуждаемый нами фотоснимок Э. Адамса. Эта фотография вызвала гнев массовой аудитории. В ее восприятии данный снимок был документальным свидетельством незаконной казни гражданского человека без суда и следствия.

«Мешающие детали», оставшиеся за кадром, и авторская рефлексия на это

Прочтение фотографии как экзекуции не предполагалось автором, знавшим всё, что случилось за кадром. А случилось то, что капитан взвода южновьетнамских партизан Нгуен Ван Лем (так звали убитого) был пойман морскими пехотинцами в то время, как он пытался сжечь трупы, расстрелянной им семьи полицейского. Среди расстрелянных Лемом был сам полицейский с женой, шестеро его детей и его 80-летняя мать. Начальник полиции генерал Лоан хорошо знал погибших людей. Поэтому ему не требовалось проводить долгих допросов. Ему требовалось защитить своих людей. Его солдаты не пошли бы за ним, если бы он поступил иначе. Именно по этой причине генерала не смутило присутствие снимающих всё журналистов.

Эдди Адамс был на стороне Лоана, а не убитого им партизана Нгуен Ван Лема. Репортер был обескуражен и бурной общественной реакцией, и присуждением ему Пулитцеровской премии, от которой он, кстати, отказался. Но фотография попала в нерв времени и начала жить своей жизнью, на которую автор уже не мог влиять. Генерал Лоан, застреливший на камеру человека, превратился в изгоя. Он эвакуировался с последними американскими войсками из Сайгона, но в Австралии ему отказали в медицинской помощи, а в США его чуть было не депортировали из страны и только вмешательство Президента Дж. Картера остановило общественную травлю и изгнание.

После похорон Лоана Эдди Адамс сказал: «Лоан убил вьетконговца, а я убил Лоана из своего фотоаппарата. Фотографии — самое грозное оружие в мире. Люди верят им. Но фотографии лгут, даже если ими не манипулировать. Они всего лишь полуправда. Мне жаль, что Лоан ушел. До конца своей жизни я буду считать его героем» [12]. Заметим, что в английском языке фотосъемка и стрельба обозначаются одним многозначным словом – shooting.

Несовпадение общественной реакции и авторской рефлексии на фото указывает на то, что автор и его аудитория существуют в разных контекстах, воспринимая один и тот же снимок диаметрально противоположным образом. Бывший морской пехотинец Э. Адамс, погруженный в противостояние армии США и партизан, ведущих борьбу «не по правилам войны», видел происходящее глазами комбатантов. Публика видела это всё иначе. Хотя в подписи к фотографии газеты сообщали, что на снимке партизан, которого схватили на месте преступления, для читателя это было в общем уже неважно. Важно то, что человека нельзя казнить без суда и следствия. И никакими мотивами не оправдать бессудную казнь человека со связанными руками.

ВЫВОДЫ

Фотография Э. Адамса изменила ход войны, как об этом позднее написала газета «Нью-Йорк Таймс». Конечно, не одна эта фотография, а сотни таких снимков, показывающих ужасы войны. Они не только повлияли на настроения публики, но и сами были созданы этими настроениями, резонируя с общественным стремлением скорейшего выхода из вооруженного конфликта. Еще один вывод касается медийного характера этой войны. Хэл Бьюэлл, который 23 года руководил фотослужбой Ассошиэйтед Пресс, заметил: «Ни одна война никогда не была сфотографирована так, как Вьетнам, и ни одна война никогда не будет сфотографирована так, как был сфотографирован Вьетнам. Цензуры не было. Все, что нужно было сделать фотографу, это убедить пилота позволить ему сесть на борт вертолета, вылетающего на место сражения. Так что у фотографов был невероятный доступ, которого у вас больше нет» [10].

Многие армейские генералы впоследствии обвиняли журналистов в создании у американского общества иллюзии тяжелого поражения во Вьетнаме. Генералы убеждали президента, что победа близка. Еще несколько ковровых бомбометаний, еще несколько дождей из напалма – и враг будет повержен. И, конечно, военачальники извлекли уроки из бесцензурного освещения вооруженного противостояния. В следующих военных операциях (Ирак и Афганистан) журналисты уже не бродили где попало, снимая что ни попадя. Журналисты в тех операциях были вживлены (embedded) в военную машину.

И хотя Вьетнамская война окончилась почти полвека назад, мы можем извлечь некоторые уроки из того, что позднее названо было вьетнамским синдромом. Мы это должны сделать потому, что у нас в стране было свое посттравматическое расстройство после вывода советских войск из Афганистана. Как говорят медики, у воевавших возникает необходимость в пожизненной реабилитации. Однако приходят новые поколения политиков и генералов, которые не хлебнули сполна ужасов войны, и они начинают всё сначала. И новые поколения военных корреспондентов снимают репортажи, которые не сразу воспринимаются публикой, но с какого-то момента попадают в общественный резонанс.

Изучение влияния на общественное мнение медиатекстов, включая и фотографии, имеет большое значение для понимания закономерностей и механизмов воздействия. Особенно это важно для журналистики вооруженных столкновений, которая в кризисные периоды выходит на авансцену, делая военных корреспондентов главными фигурами в медиапространстве. Надо осознать, что у военного репортажа немалый манипулятивный потенциал. Речь идет не о банальной ретуши или искажающим восприятие кадрировании, и не о манипуляциях с изображением в программе Photoshop, но о расхождении контекстов видения происходящего. Журналист должен чувствовать, находится ли он в одном контексте со своей аудиторией или он и публика существуют в «параллельных мирах».

Список литературы

1. *Акчурин Д. Г.* Основы современной фотожурналистики. – Казань: Казан. ун-т., 2012. – 232 с.
2. *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. – М.: Прогресс, 1974. – 392 с.
3. *Барт Р.* Camera lucida / пер. и послесловие М. К. Рыклина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 267 с.
4. *Вартаков Ан.* Фотография: документ и образ. – М.: Планета, 1983. – 271 с.
5. *Ворон Н. И.* Фоторепортаж в современной прессе // МедиаАльманах. – 2020. – № 6. – С. 44–48
6. *Михалкович В. И., Стигнеев В. Т.* Поэтика фотографии. – М.: Искусство, 1989. – 275 с.
7. *Сонтаг С.* О фотографии / пер. Викт. Голышева. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 272 с.
8. *Сонтаг С.* Смотрим на чужие страдания. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 96 с.

9. Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. – 1993. – Vol. 43. – № 4. – Pp. 51–58.
10. Hal Buell. Moments: The Pulitzer Prize-Winning Photographs. Black Dog & Leventhal; Reissue edition. – 2015. – 336 p.
11. Horst Faas. The Saigon Execution. The Digital Journalist – 2004. – Режим доступа: <http://digitaljournalist.org/issue0410/faas.html>. – (Дата обращения 8.10.2022).
12. Fostering the Next Generation: The Eddie Adams Workshop at 25 Years. – Режим доступа: <https://time.com/3791997/fostering-the-next-generation-the-eddie-adams-workshop-at-25-years>. – (Дата обращения 8.10.2022).

References

1. Akchurin D. G. *Osnovy sovremennoj fotozhurnalistiki* [Fundamentals of modern photojournalism]. Kazan, Kazan. Un., 2012. 232 p.
2. Arnheim R. *Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie* [Art and visual perception]. Moscow, Progress. 1974, 392 p.
3. Bart R. *Camera lucida* [Camera lucida]. Moscow, Ad Marginem. 1997. 267 p.
4. Vartanov An. *Fotografiya: dokument i obraz* [Photography: document and image]. Moscow, 1983, 271 p.
5. Voron N. I. *Fotoreportazh v sovremennoj presse* [Photo essay in the modern press] // MediaAl'manah. Moscow, 2020, no. 6, pp. 44–48.
6. Mihalkovich V. I., Stigneev V. T. *Poetika fotografii* [Poetics of photography]. Moscow, 1989. 275 p.
7. Sontag S. *O fotografii* [About photography]. Moscow, Ad Marginem Press, 2013. 272 p.
8. Sontag S. *Smotrim na chuzhie stradaniya* / per. Vikt. Golysheva [Looking at other people's suffering]. Moscow, Ad Marginem Press, 2014. 96 p.
9. Entman R.M. *Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm* // Journal of Communication. 1993, vol. 43, no. 4, pp. 51–58.
10. Hal Buell. *Moments: The Pulitzer Prize-Winning Photographs. Black Dog & Leventhal; Reissue edition.* 2015. 336 p.
11. Horst Faas. *The Saigon Execution. The Digital Journalist.* 2004. Available from: <http://digitaljournalist.org/issue0410/faas.html> (accessed: 8.10.2022).
12. *Fostering the Next Generation: The Eddie Adams Workshop at 25 Years.* Available from: <https://time.com/3791997/fostering-the-next-generation-the-eddie-adams-workshop-at-25-years> (accessed: 8.10.2022).

WAR PHOTOREPORT: PUBLIC ASSESSMENT AND AUTHOR'S REFLECTION

Ershov Yu. M.

The article discusses the history of one of the most famous and influential photographs of the 20th century, taken during the Vietnam War by the American reporter Eddie Adams and called "Saigon Execution". In this photograph, like in a drop of water, you can see the whole ocean of contradictions that permeated American society in the late 1960s. At first, in the heat of anti-communist spirits, public supported the military operation in Vietnam, but as the horrors of the war and thousands of death notices grew, they changed their attitude towards the goals and prospects of an armed clash in Southeast Asia. A photograph by E. Adams about the execution of a bound man in civilian clothes was on the crest of this turning point in public mentality. Although the author of the picture - himself a former marine - was entirely on the side of the police chief who executed the partisan caught in the act, the American and world community perceived this photo in the opposite way: as an act of extrajudicial and unjustified reprisal against a defenseless person. Among many other photographic documents, this picture became the evidence base for the public accusation of war crimes. The analysis of the reporter's case by E. Adams was carried out according to five parameters: the historical context of the event, the situation of the reporter's shooting, professional assessment of the work, public reaction to the publication and the author's reflection on the picture. The theoretical basis of the analysis was the concept of framing, according to which any frame of perception of reality carries not only an imprint of subjective reception, but an element of manipulative potential. The article may be of interest not only to researchers of combat journalism, but also to those who study the psychology of the impact of media text on mass consciousness.

Key words: journalism of armed clashes, reportage photography, public opinion, Vietnam War.

УДК: 070.15:801.81

НАРРАТИВНЫЙ «ФОЛЬКЛОР» КАК ИНФОРМАЦИОННОЕ ОРУЖИЕ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО¹

Первых Д. К.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: dianavasileva@yandex.ru*

*Наши люди перестали понимать анекдоты.
Думают, что это новости.*

[1, анекдот № 1029032]

Предпринята попытка осмыслить практическое применение в медиасреде жанра «анекдот» и доказать, что нарративный фольклор как в период его зарождения в журналистике начала XIX в., так и сегодня, представляет собой средство информационного воздействия. В исследовании речь идет об анекдотах, предметом высмеивания которых становятся исторические и социально-политические события, а также исторические личности. Материалом для изучения стали анекдоты периода Отечественной войны 1812 г., советские и современные анекдоты. Технологии массового производства сатирического контента обеспечивают результативность этого коммуникативного приема и беспрепятственное использование его на различных медиаплощадках. А специфика создания сатирического нарратива, заключающаяся в легкой подаче информации, обеспечивает эффективное воздействие на широкую аудиторию. Анекдоты использовались в прошлом и могут использоваться в настоящем как информационное оружие, и заведомая анонимность анекдотов расширяет степень информационной свободы этого жанра, а как следствие – увеличивает его агитационные перспективы. **Ключевые слова:** нарративный фольклор, анекдот, сатира, информационная война, информационное оружие.

ВВЕДЕНИЕ

Под термином «нарратив» понимается текст, который описывает те или иные события. Это «форма дискурса», через которую человек реконструирует или «репрезентует прошлый опыт для себя и других», то есть это рассказ, повествование, история [18, с. 87], которая становится «нарративом» в процессе повествования или трансляции с помощью медиа: «Нарратив предстает как своеобразное окно в индивидуальный человеческий опыт (взгляд на мир глазами автора-рассказчика), как особая эпистемологическая форма – окружающая реальность может быть освоена человеком только через повествование, через историю» [18, с. 87].

К нарративному фольклору относят следующие жанры: анекдот, сказание, легенду, слух, шутку, мем, карикатуру и т. п. Различные формы повествовательного фольклора имеют общие черты: неопределенное происхождение, краткую форму, обращение из уст в уста (сегодня – через интернет-каналы, социальные сети, мессенджеры); удивительное, необычное или комическое содержание способствует созданию стереотипных образов, ориентированных на оценку объекта, ситуации или же, напротив, на обесценивание их. Теоретик в области медиажанров А. А. Тертычный считает, что анекдот является самой

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа "Приоритет-2030" № 075-15-2021-1323.

распространённой формой остроумия. Кроме того, исследователь пишет, что без анекдота невозможно представить современное межличностное общение, особенно в кругу близких людей [17]. Обобщив определения, можно заключить, что анекдот – это рассказ, основанный на реальных или вымышленных событиях, в котором через психологические, культурологические, национальные черты высмеиваются характер известного человека или группы людей, нравы эпохи, акцентируется внимание аудитории на социально значимых явлениях или событиях.

В статье пойдет речь об анекдотах, предметом высмеивания которых становятся исторические и социально-политические события, а также исторические личности. Задачи исследования: определить природу возникновения сатирического жанра «анекдот», установить связь между появлением анекдотов и способами их воздействия на аудиторию, провести семантический анализ текстов, обозначить основные составляющие анекдота, раскрыть секрет его «долговечности».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Повествовательный фольклор – это род литературы и публицистики, который балансирует между истиной и вымыслом. Даже исторически засвидетельствованные биографические анекдоты лишь частично правдивы: анекдот строится на определенном событии или чертах характера, на которые повествователь хочет обратить внимание аудитории, поступаясь при этом точностью фактов и деталей. Спецификой нарративного фольклора является и то, что одна и та же тема может переходить из одного жанра – в другой, из одной формы – в другую: так, точный биографический анекдот или высказывание может впоследствии стать легендой, а легендарный рассказ с юмористическим содержанием может легко превратиться в анекдот.

Считается, что анекдот проник в Россию из Европы в XVIII в., однако очень скоро испытал сильное воздействие русской национальной традиции [4, с. 101]. На наш взгляд, это «вмешательство» национальной традиции было обусловлено исторической ситуацией: салонный анекдот в связи с нашествием Наполеона оказывался менее актуален, нежели анекдот, заточенный под условия информационного противостояния. Объяснимо, что средством информационной борьбы в начале XIX в. анекдот никто не называл, но использовался он именно в этом качестве. В период Отечественной войны 1812 г. анекдоты впервые массово появились на страницах российских журналов, однако похожи они были, скорее, не на юмористические произведения, а на забавные короткие рассказы.

Накануне военного вторжения наполеоновская пресса обрушила на Россию целую серию информационных атак. Российскому правительству пришлось спешно готовить средства информационного сопротивления, и, что характерно, в условиях национальной консолидации на помощь официальным ресурсам пришла широкая общественная поддержка, и в частности – со стороны литературы и публицистики: «Патриотическая мотивация <...> заставляла авторов воспринимать участие в “войне перьев” как гражданский долг, открывала возможности для личной инициативы и оправдывала “внесистемные” решения» [13, с. 178]. Это был мировоззренческий переворот, который для России стал сродни психологической, мировоззренческой революции. В этот период жанр «анекдот» наряду с карикатурами, лубочными картинками становится особенно популярным. Причина в том, что и анекдоты, и незамысловатые сюжеты карикатур и лубка понимал каждый: они были примитивны, достаточно просты в исполнении, наполнялись юмором, а потому были востребованы аудиторией. Одним из первых

изданий, где появились анекдотические тексты, стал журнал Н. И. Греча «Сын Отечества».

Наряду с патриотическими стихотворениями, баснями, карикатурами, военными сводками, статьями в рубрике «Смесь» каждого номера журнала помещались анекдоты. Причем, как верно отмечает К. В. Душенко, анекдоты того периода претендовали «на действительность рассказываемого случая» [6, с. 76]. В анекдотичных историях «Сына Отечества», более похожих на рассказы о курьезных случаях, высмеивалась глупость и слабость французов, их императора и восхвалялась храбрость и смекалка русского человека:

«Пишут из армии, что несколько казаков, стоявших на часах при опушке леса, привязали на веревку барана, а сами притаились за кустарником. Откуда ни возьмись французские гусары, бросили оружие и начали делить барана. В ту же минуту казаки выскочили из засады и забрали их в плен без всякого труда» [16, № 3, с. 126].

Некоторые анекдоты в сносках содержали историческую справку:

«После дела при Дашковке () вынесен был с места сражения гренадер, раненный в грудь пулей, оставшейся в нем. Когда лекарь, худо говоривший по-русски, стал его осматривать, то, разглядев рану в груди и желая знать, где пуля остановилась, стал щупать спину, воин, ослабленный, истекавший кровью и едва дышащий, сказал бывшим тут офицерам: “Ваше благородие! Скажите лекарю, к чему он щупает мне спину? Ведь я шел грудью!”»* [16, № 8, с. 83].

В сноске сказано, что при Дашковке «отличился геройством» генерал-лейтенант Раевский, который со своими детьми отчаянно «бросился» на неприятельские батареи.

Анекдоты начала XIX в. ни формой, ни содержанием, ни юмором не были похожи на современные анекдоты. У анекдотов 1812 г. была своя задача: осветить факты военной жизни, поднять боевой дух, настроить на победу, воспитать чувство патриотизма:

«Говорят, что во время пребывания французов в Москве небольшой их отряд с одною пушкою отправлен был на Калужскую дорогу для сожжения одной деревни. Солдаты заблагорассудили, прежде исполнения сего приговора, разграбить деревню и, оставив пушку на поле, бросились по домам за контрибуцией. Один крестьянин, выбежав из деревни, увидел, что при пушке нет никого, сел на нее верхом, ударил по всем по трем [лошадям] и прискакал с нею в русской лагерь. Главнокомандующий наградил его, сказывают, знаком отличия военного ордена» [16, № 5, с. 216.].

Фабулы анекдотов нередко перекликались с сюжетами лубочных картинок и карикатур. Так, к сюжету одной из известных гравюр А. Г. Венецианова «Наполеонова гвардия под конвоем старостихи Василисы» оказался близок следующий анекдот:

«Один русский пленный кирасир взят был в денички саксонским офицером и, приметя, что новый господин его постится уже несколько дней сряду, предложил ему пойти в ближнюю деревню (под Москвой), где обещал доставить ему все нужное. Офицер принял с радостью сие предложение. Кирасир привел его в огород и велел ему взрыть одно место, где, по словам его, спрятаны съестные припасы, а сам обещал обойти деревню и поискать еще чего-нибудь. Саксонец усердно принялся за работу. Кирасир между тем собрал всех деревенских баб, вооружил их косами и рогатинами и привел в огород. Они

связали обманутого гостя, и одна из них привела его на рогатине к нашим передовым постам» [16, № 3, с. 124–125].

Анекдот начала XIX в. мало чем отличался от информационного жанра «корреспонденция», анекдоты становились источниками информации, «новостями», написанными в легкой форме. Более того, и анекдоты, и корреспонденции, чередуясь, выходили в общей рубрике – «Смесь», так что различить их можно порою лишь по оглавлению подрубрик. Для убедительности приведем корреспонденцию из «Сына Отечества» за 1812 г.:

«Хищные и малодушные союзники французов отчасти получили уже должное им наказание. Между прочим, Баварский корпус весь почти истреблен. Лучшие генералы и храбрейшие офицеры убиты. Граф Витгенштейн, разбив совершенно корпус маршала Гувиона Сен-Сира, взял у баварцев пушки и последние двадцать два знамени. Один из пленных офицеров просил, говорят, русских оставить им хоть одно знамя – на образец!» [16, № 3, с. 125].

В основу приведенной корреспонденции легли как реальные события, так, похоже, и вымысел. Здесь речь идет о графе П. Х. Витгенштейне, который на Петербургском направлении командовал отдельным корпусом и одержал победы над маршалами наполеоновской армии. Описанные события происходили после падения Москвы, когда граф П. Х. Витгенштен, укомплектовав пехотный корпус ратниками из числа Петербургского ополчения, 19 октября 1812 г. взял штурмом г. Полоцк, вынудив маршала Гувиона Сен-Сира отступить. Уже 30 октября Витгенштейн одержал следующую победу над соединениями французских маршалов Сен-Сира и Перрена Клод-Виктора. Как видим, исторические события, в общих чертах описанные в корреспонденции, были реальными. Между тем, последняя фраза публикации о том, что французы попросили русских оставить им для образца хотя бы одно знамя, заставляет сомневаться в подлинности изложенного. Корреспонденции легко можно принять за анекдоты, а анекдоты, напротив, – за корреспонденции: не соблюдались ни жанровая чистота, ни жанровая градация. Корреспонденции писали разговорным стилем, информация была не совсем точной, часто в основу ложились курьезные случаи, слухи и даже вымыслы.

Первые анекдоты были велики по объему (иногда занимали до двух страниц печатного текста), затянутыми, но, повторим, выполняли при этом важные информационно-агитационные задачи: восхваляли силу, храбрость и мужество русского человека, настраивали на победу. После публикации первых анекдотов в «Сыне Отечества» этот сатирический жанр занимает прочное место в журнальной периодике первой половины XIX в., а с 1820 г. издатель журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньин введет на страницах своего журнала постоянную рубрику, которая так и будет называться – «Анекдот».

Примечательно, что лубочные картинки, карикатуры, гравюры с юмористическими сюжетами, снабженные шуточными надписями и прибаутками, – наподобие тех, что пользовались популярностью в период Отечественной войны 1812 года, – снова вошли в широкий оборот позднее, в годы Крымской войны (1854–1856 гг.). В критических и библиографических обзорах журнала «Современник» за 1854 г. регулярно встречаются описания вышедших в России изданий лубочных картинок на военно-патриотическую тематику [12, с. 328–338].

В начале XX века произошел расцвет политического анекдота, и теперь уже анекдот приобрел жанровые очертания, близкие к современным [4, с. 102]. В России появляется большое количество сатирической прессы: например, в 1905 г. в революционном Петербурге открылось 150 сатирических изданий, в Москве – 100, в провинциях – более 150: «Эхо», «Колокол», «Парус», «Зритель», «Пулемет», «Пламя», «Жупел», «Свобода», «Нагаечка», «Сигналы», «Зарницы», «Стрелы», «Спрут» и др. [8]. Издания представляли собой небольшие сатирические листки, газеты и даже журналы с анекдотами, шутками, карикатурами, рисунками, стихотворениями, афоризмами на злободневные темы. Подобные издания стоили дешево и были популярны среди населения.

В период Революции 1917 г. и в последующее десятилетие сатирические издания достигают нового пика популярности, а одним из видов информационного оружия противостоящих партий становится именно сатира: «Культура политического поведения партийцев включала в себя (в обязательном порядке!) высмеивание как очевидный способ уничтожения соперника» [2, с. 11–12]. «Можно думать, что сейчас на советский рынок работает целая анекдотная фабрика. Она торгует на корню. Ее товар каждый день взрывается. Спрос рынка – неутолим», – писал в период зарождения Советского Союза литературовед и литературный критик В. О. Перцов [15, с. 41]. В 1920–1930 гг. политический юмор уходит из печати в устную форму бытования, за политические анекдоты можно поплатиться свободой и жизнью. Для получения приговора достаточно было рассказать в компании антисоветский анекдот: «“Политический жанр” процвел. <...> Напечатать его нельзя, можно только рассказать. Это своеобразное устное, “народное”, по преимуществу городское творчество» [15, с. 42].

Исследователи справедливо признают анекдоты мощным оружием информационной войны, причем «самый безобидный политический анекдот может послужить прекрасным оружием в информационном противостоянии» [11, с. 107]. Этому жанру присущи уникальные «боевые» возможности, и правы современные исследователи И. Е. Карасев и Б. К. Смагулов, утверждающие, что «современный анекдот поистине страшен: для него нет ничего святого, он не знает запретных тем» [10, с. 70].

Информационные войны имеют древнюю историю [3], однако наиболее близкую к современной тактику они приобрели после Второй мировой войны. Даже сам термин «информационная война» вошел в оборот в эпоху холодной войны [19, с. 168]. Хотя очаги информационного противостояния регулярно вспыхивали в разных точках мира, основная «линия соприкосновения», безусловно, пролегла между США и СССР. Несмотря на то, что за время Второй мировой войны американское общество привыкло воспринимать Советский Союз в качестве союзника, американской пропаганде «довольно быстро удалось развить миф “советской угрозы”» [14, с. 45]. Не будет преувеличением сказать, что информационная война, которая включала в себя различные методы и способы влияния на аудиторию, послужила тактической основой для холодной войны. Историки и политологи сходятся во мнении: «Главные технологии холодной войны лежат в информационно-психологической сфере. Сам по себе тот факт, что многие не замечали войны, есть результат эффективного психологического воздействия» [9, с. 334]. Не замечали, потому что информационная атака была постепенной, последовательной, и, как ни парадоксально, одним из средств информационной войны стал анекдот. Существуют мнения, что Советский Союз был развален, в том числе – в результате массового вброса анекдотов. Анекдоты разрабатывались тщательно, задействованы были, как считают исследователи, прежде всего, оппозиционеры,

эмигранты, хорошо знакомые с жизнью в СССР, знающие слабые стороны социалистического строя, на которых можно было делать акцент. Били по самым «большим» точкам, по самым проблемным местам обывательской жизни в советской стране. Достаточно вспомнить несколько советских анекдотов:

– *Что это за люди едут с нами? – спрашивает иностранец (Моисей) советского человека (Христа) в переполненном автобусе.*

– *Это хозяева страны!*

– *А это кто проехал? – он показывает на обогнавшую их "Чайку".*

– *А это слуги народа!» [1, анекдот №796413].*

Или:

– *Тебе сколько дали? – спрашивает заключённый новенького.*

– *Десять лет!*

– *А за что?*

– *Да ни за что!*

– *Врешь! Ни за что дают пять! [1, анекдот № 808371] и др.*

Анекдоты распространялись сотнями, люди «подхватывали» эти истории и, не сознавая скрытых смыслов «информационного противника», передавали из уст в уста. Между тем мысли, заложенные в форму анекдота, укоренялись в коллективном подсознании и заставляли идеализировать иную жизнь, ту жизнь, что коренным образом отличалась от советской. Политические анекдоты находят в эмигрантских сборниках анекдотов, в мемуарах современников, в дневниковых записях эмигрантов, в воспоминаниях иностранных журналистов и дипломатов, в интервью беженцев, в доносах и сводках ГПУ-НКВД и даже в судебных делах. Научный анализ источников советских и антисоветских анекдотов, их происхождения, специфики предпринят исследователями политического фольклора А. С. Архиповой и М. А. Мельниченко [2].

Безусловно, не все анекдоты можно относить к «диверсионным», относящимся к элементам информационной атаки. Авторами множества историй становился сам народ, публицисты, журналисты. Однако в настоящей публикации акцент сделан на нарративах, которые, думается, можно без преувеличения отнести к средствам информационного воздействия. Под жесткое высмеивание таких анекдотов в основном попадали якобы беспробудное советское пьянство, всем известный тезис об отсутствии в Советском Союзе секса, а также скромный советский быт. Анекдоты массово тиражировались и были востребованы аудиторией.

Перейдем к анализу специфики жанра. Насколько долговечны анекдоты? Долговечность анекдота определяется его тематикой. Тематический «анекдот» актуален столько, сколько актуальна тема, которой он посвящен. Так, в период карантина, в начале пандемии Covid-19, стали актуальны следующие анекдотические диалоги:

– *Изя, а шо ты скажешь, как электрик, за коронавирус?*

– *Софа, я тебе так скажу: лучше быть изолированным, чем быть заземлённым [1, анекдот № 1102934].*

Или:

– *Мужчина кашляет в автобусе. Весь автобус на него смотрит.*

– *У вас коронавирус?*

– *Да нет, вы что! У меня туберкулёз!»*

– *Ну, слава Богу! [7].*

Статистика по туберкулезу гораздо более устрашающая, и именно этот довод использовали в качестве аргументов «ковид-диссиденты». С момента объявления в стране масочного режима и режима самоизоляции появился следующий анекдот:

«Ученые спорят о том, коронавирус – это эпидемия или политика? Воруж философ говорит: “Это религия! В коронавирус можно верить, можно не верить, но обряды соблюдать надо”» [1, анекдот № 1104246].

Как видим, в каждой шутке есть доля истины, иначе шутки, оторванные от реальной жизни, не воспринимались бы читателями «на ура». Допустимо вывести типовую «формулу» анекдота: «истина + вымысел». Истина приближает сатиру к реальности, а вымысел добавляет юмористический оттенок, заставляющий читателя улыбаться. Без доли правдивой информации анекдот не будет интересен адресату: то есть, чем реалистичнее сюжет анекдота, тем больший эффект произведет он на слушателя.

Семантический анализ текстов позволяет сделать вывод, что юмористическая составляющая анекдота строится на нарушении основных законов логики (законов тождества, непротиворечия, достаточного основания и др.). Выходит: чем алогичнее анекдот, тем он смешнее. Например:

«Говорят, после прививки от коронавируса не будет детей. Не верьте.

Уколюсь, пришел домой, мои – дома».

Или:

«Половина россиян поддержали вакцинацию... другой половины россиян»

[1, анекдот № 1223386].

Оба примера наглядно демонстрируют типичное нарушение закона тождества: одна мысль подменяется другой вопреки ожиданиям адресата.

Тематической переработке подвергаются также известные афоризмы, например: «Сегодня ты без антител, а завтра в НАТО захотел» [1, история № 1264009] («Сегодня ты играешь джаз, а завтра Родину продашь» – прим. Д. П.); «Стыдно, когда ковидно» и т. д., основанные на эффекте «обманутого ожидания», когда реципиенту знакомы классическое продолжение или концовка фразы, но его коммуникативные ожидания не оправдываются.

Анекдоты, как и новости, не могут не развиваться и должны «обрастать» новыми фактами, деталями, новой информацией, иначе скоро перестанут интересовать аудиторию. Справедливо будет по аналогии с понятием «новость в развитии» ввести термин «анекдот в развитии». Так, на смену темам пандемии, карантина, масочного режима, режима самоизоляции пришла тема вакцинации, которая породила новые анекдотические истории с разной смысловой нагрузкой: одни анекдоты настраивали человека на вакцинацию, другие, напротив, сеяли сомнения в необходимости прививания.

Скорость появления сатирического контента, в частности анекдотов, в современном коммуникационном пространстве чрезвычайно высока. В первую очередь, это касается анекдотов на горячие социально-политические темы. Более того, наблюдения показали, что нередко тематические анекдоты создаются, если не на опережение, то одновременно с происходящими событиями. Данный тезис подтверждается следующим фактом: первые анекдоты на тему захвата талибами Кабула 15 августа 2021 г. появились в день случившегося. На следующие сутки, 16 августа 2021 г., анекдотов на тему афганских событий стало в разы больше, и ежедневно их количество увеличивалось: «Я понял: в Афганистан надо белорусских партизан направить – пока там Беловежской пуши не

будет, политиков туда пускать вредно» [1, анекдот № 1238619]; «После бегства американцев из Афганистана ведущая партия России создала там свой филиал «Единый талибан» [1, анекдот № 1238971]; «Талибы заняли Кабул и захватили весь Афганистан. У России появился ещё один союзник против бескультурного Запада» [1, анекдот № 1238911]; «“В Кремле обеспокоены, что боевики движения Талибан захватывали Кабул без масок”, – прокомментировал Песков» [1, анекдот № 1238793]; «Как вы считаете, ситуация в Афганистане как-то скажется на нашей стране? Нет, конечно. Только цены вырастут» [1, анекдот № 1239084] и др. Все анекдоты о ситуации в Афганистане принадлежат разным авторам, но взяты из одного информационного ресурса «Анекдоты из России», пожалуй, самого крупного юмористического ресурса, ежедневно пополняющегося новыми партиями сатирических произведений. Основан портал еще в 1995 г. в США профессором астрофизики, выходцем из СССР Д. А. Вернером. Как утверждает автор и редактор сайта, с ростом посещаемости электронного ресурса пришли перемены: «Люди сами начали присылать анекдоты по электронной почте. Я не просил, но позже открыл окно для приема шуток, и поток уже никогда не иссякал. <...> Публикую всё, что мне присылают, а это 150–200 текстов в день». В 1997 г. в Россию переехал сайт, а в 2012 году – и его создатель [5]. «Анекдоты из России» широко представлены в социальных сетях и мессенджерах, распространяются как по одному, так и тематическими циклами.

Между тем появление анекдотов почти синхронно с отражаемыми в них событиями наводит на мысль о заблаговременной подготовке медиаконтента, в том числе – сатирического, ведь «окна для приема шуток», как сказано, открыты для всех без исключения авторов. И одно дело – аккумулировать сатирический контент на одном информационном ресурсе, а другое дело – его массово производить для различных интернет-платформ. «У меня на главной странице написано, что анекдоты бывают какие угодно. Если вы сторонник цензуры, уйдите с этого сайта сразу», – рассказывает Д. А. Вернер [5]. И если в случае с советскими анекдотами сохранялась иллюзия, что они создаются народом, то искусственное происхождение современных анекдотов, стремительное массовое «рождение» сатирического контента подталкивает к сомнению в их фольклорной природе.

В 2020–2021 гг. на платформе «Анекдоты из России» появились сатирические циклы, связанные тематически с акциями протеста в Белоруссии. На наш взгляд, появление в течение нескольких дней десятков «белорусских» и «афганских» анекдотов вовсе не случайно и указывает, прежде всего, на заранее спланированную акцию за пределами стран-фигурантов.

В то же время в современном медиaprостранстве наблюдается тенденция к снижению популярности анекдотов, в чистом виде они сохраняются только на страницах отдельных газет, журналов, публикуются подписками в соцсетях. В молодежной среде уже не принято рассказывать анекдоты, это, скорее, прерогатива людей среднего и старшего возраста. Причина, на наш взгляд, кроется в замещении жанра «анекдот» новыми сетевыми медиажанрами: мемом, стендапом, скетчем. Современная молодежь редко читает прессу, в большинстве своем не смотрит телевизор, проводя досуг в Интернете, черпая информацию из мессенджеров. Сетевые медиажанры в связи с этим набирают популярность у молодежной аудитории и «вытесняют» классический анекдот. Кроме того, современная аудитория плохо воспринимает информацию без визуального

ряда (видео, рисунка, графики и т. д.). Визуализация образа, темы, смысла выходит на первое место. Текст вторичен и является лишь дополнением к изображению.

ВЫВОДЫ

Жанр анекдота претерпел за свою историю существенные изменения: изменились его форма, объем, а главное – назначение. Первые журнальные анекдоты 1812 г. находились на стыке жанра корреспонденции и короткого рассказа. Сатирическое звучание было для них гораздо более характерно, нежели юмор. Их целью было сообщить факты, консолидировать общественное мнение, поднять моральный дух, настроить на победу, то есть – противостоять влиянию враждебной пропаганды.

К советскому периоду анекдот оформился в совершенно самостоятельный жанр, в котором злободневная сатира тесно соседствовала с юмором. В СССР анекдоты «выполняли» разные задачи: одни по-доброму смешили, а другие оказывали на читателя медленное идеологическое воздействие: порою заставляли задумываться об особенностях советской жизни, порою ярко высвечивали ее недостатки, а часто девальвировали советские ценности. Эти качества анекдота сыграли свою роль в идеологической борьбе эпохи холодной войны.

Анекдоты привязаны к злободневной проблематике, иначе перестают быть интересны аудитории, поэтому «советские анекдоты» сегодня закономерно ушли в прошлое. Однако жанровые особенности и возможности самого жанра сохраняются и сегодня. Современные анекдоты на актуальные социальные и политические темы отнюдь не безобидны, а их стремительное появление в социальных сетях и мессенджерах циклами и подписками говорит, скорее, о заблаговременной подготовке контента и разработке определенных шаблонов, клише, под которые в случае необходимости «подгоняется» та или иная тема, событие. Нет сомнений, что анекдот использовался в прошлом и может использоваться в настоящем как информационное оружие, однако заведомая анонимность анекдота, его способность маскироваться под «народное творчество» превращает в крайне сложную задачу поиск производителя и пользователя этим оружием.

Список литературы

1. Анекдоты из России. – Режим доступа: <https://www.anekdot.ru/release/anekdot/day/2021-08-16>. – (Дата обращения: 08.10.2022).
2. *Архипова А., Мельниченко М.* Структура фонда ранних анекдотов о Сталине: 1925–1940 годы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Фольклористика. – М.: РГГУ, 2009. – № 9. – С. 271–352.
3. *Волконский Н. Л.* История информационных войн. Ч. 1. – СПб.: Полигон, 2003. – 508 с.
4. *Воробьева М. В.* Анекдот в контексте смеховой культуры (на примере анекдотов советской эпохи) // Studia Culturae. – СПб: СПбГУ, 2011. – Выпуск 12. – С. 96–106.
5. Главный по анекдотам: история легендарного проекта Anekdot.ru. – Режим доступа <https://biz360.ru/materials/glavnyy-po-anekdotam-istoriya-legendarnogo-proekta-anekdot-ru>. – (Дата обращения: 08.10.2022).
6. *Душенко К. В.* «Право на анекдот». Современный анекдот как социокультурный феномен // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 75–90.
7. Жемчужины мысли. – Режим доступа: <https://www.inpearls.ru/1369434?ysclid=la8efe5355446463161>. – (Дата обращения: 08.10.2022).
8. *Исаков С.* 1905 год в сатире и карикатуре. – М.: Прибой, 1928. – 280 с.
9. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. – М.: Изд-во: Эксмо, 2005. – 832 с.

10. Карасев И. Е., Смагулов Б. К. Историческая личность в народном анекдоте (на материале анекдотов о Ленине) // Проблемы и перспективы развития легкой промышленности и сферы услуг. Мат-лы Всероссийской научно-практ. конференции с международным участием. – Омск: Омский государственный институт сервиса, 2015. – С. 70.
11. Лещева И. А. Политический юмор как инструмент информационного противоборства // Национальные государства в условиях глобальных вызовов: факторы устойчивости политических систем: Сб. тез. XII Междунар. молодежной науч. конф-ии (28 мая 2021 г., Санкт-Петербург). – СПб.: «Скифия-принт», 2021. – С. 106–108.
12. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – 2-е изд., перераб. и доп. – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2010. – 480 с.
13. Орехов В. В. «Партизанская тактика» информационной войны. Часть I: С. Н. Глинка, Д. В. Давыдов // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2021. – Т. 7 (73). – № 1. – С. 174–188.
14. Орехов В. В. «Русский миф» и «комплекс маркиза де Кюстина». Часть II: «Северный колосс» в контексте информационной войны // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2022. – Т. 8 (74). – № 2. – С. 33–56
15. Перцов В. Анекдот (Опыт социологического анализа) // Новый Лепф. – М.: Госиздат, 1927. – № 2. – С. 41–43.
16. Сын Отечества. Исторический и политический журнал. – СПб.: Типография Иосифа Иоаннесова, 1812. – № 3, 5, 8.
17. Тертычный А. А. Жанры периодической печати / Учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 280–310.
18. Шейгал Е. И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – № 2 (22). – С. 86–93.
19. Шилина А. Г., Субботина О. А. Информационно-коммуникативная специальная операция: особенности функционирования прецедентных знаков Z, V, O в медиапространстве (на материале Telegram-канала и VK-страницы Министерства обороны Российской Федерации) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 3. – С. 167–177.

References

1. *Anekdoty iz Rossii* [Jokes from Russia]. Available from: <https://www.anekdot.ru/release/anekdot/day/2021-08-16> (accessed: 08.10.2022).
2. Arhipova A., Mel'nichenko M. *Struktura fonda rannih anekdotov o Staline: 1925–1940 godu* [The structure of the Fund of early jokes about Stalin: 1925–1940]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Fol'kloristika*. Moscow, RGGU, 2009, no 9, pp. 271–352.
3. Volkonskij N. L. *Istorija Informacionnyh Vojn. Ch. 1* [History of Information Wars. Part 1]. St. Petersburg: Poligon Publ., 2003. 508 p.
4. Vorob'eva M. V. *Anekdot v kontekste smekhovej kul'tury (na primere anekdotov sovetskoj epohi)* [Anecdote in the context of laughing culture (using the example of Soviet-era jokes)]. *Studia Culturae*. St. Petersburg, SPbGU, 2011, vol. 12, pp. 96–106.
5. *Glavnyj po anekdotam: istoriya legendarnogo proekta Anekdot.ru* [Chief of jokes: the history of the legendary project Anekdot.ru]. Available from: <https://biz360.ru/materials/glavnyy-po-anekdotam-istoriya-legendarnogo-proekta-anekdot-ru> (accessed: 08.10.2022).
6. Dushenko K. V. «Pravo na anekdot». *Sovremennyj anekdot kak sociokul'turnyj fenomen* [«The right to an anecdote». Modern anecdote as a socio-cultural phenomenon]. *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*. Moscow, INION RAN, 2000, pp. 75–90.
7. *Zhemchuzhiny` my`сли* [Pearls of Thought]. Available from: <https://www.inpearls.ru/1369434?ysclid=la8efe5355446463161> (accessed: 08.10.2022).
8. Isakov S. *1905 god v satire i karikature* [1905 in satire and caricature]. Moscow: Priboj, 1928. 280 p.
9. Kara-Murza S. G. *Manipulyaciya soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow, E'ksmo, 2005. 832 p.

10. Karasev I. E., Smagulov B. K. *Istoricheskaya lichnost' v narodnom anekdote (na materiale anekdotov o Lenine)* [A historical figure in a folk anecdote (based on anecdotes about Lenin)]. *Problemy i perspektivy razvitiya legkoj promyshlennosti i sfery uslug. Mat-ly Vserossijskoj nauchno-prakt. konferencii s mezhdunarodny'm uchastiem*. Omsk: Omskij gosudarstvennyj institut servisa, 2015, p. 70.
11. Leshheva I. A. *Politicheskij yumor kak instrument informacionnogo protivoborstva* [Political humor as an instrument of informational confrontation]. *Nacional'ny'e gosudarstva v usloviyax global'ny'x vyzo'vov: faktory ustojchivosti politicheskix sistem: Sb. te-z. XII Mezhdunar. molodezhnoj nauch. konf-ii (28 maya 2021 g., Sankt-Peterburg)*. – St. Petersburg, «Skifiya-print», 2021, pp. 106–108.
12. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa* [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol, SGT Publ., 2010. 480 p.
13. Orehov V. V. «Partizanskaja Taktika» Informacionnoj Vojny. Chast' I: S. N. Glinka, D. V. Davydov [«Guerrilla Tactics» of Information Warfare. Part I: S. N. Glinka, D. V. Davydov]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 1, pp. 174–188.
14. Orehov V. V. «Russkij mif» i «kompleks markiza de Kyustina». Chast' II: «Severnyj koloss» v kontekste informacionnoj vojny [«The Russian Myth» and «the Marquis de Custine complex». Part II: The «Northern Colossus» in the context of the information war]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. Simferopol', 2022, vol. 8 (74), no. 2, pp. 33–56.
15. Perczov V. *Anekdot (Opyt sociologicheskogo analiza)* [Anecdote (Experience of sociological analysis)] *Novyj Lef*. Moscow, Gosizdat, 1927, no. 2, pp. 41–43.
16. *Syn Otechestva. Istoricheskij i politicheskij zhurnal* [Son of the Fatherland. Historical and Political journal]. St. Petersburg, Tipografiya Iosifa Ioannesova, 1812. – no 3, 5, 8.
17. Tertychnyj A. A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodicals]. *Ucheb. posobie*. Moscow, Aspekt Press, 2000, pp. 280–310.
18. Shejgal E. I. *Mnogolikij narrativ* [A multi - faceted narrative]. *Politicheskaya lingvistika*. Ekaterinburg, 2007, no. 2 (22), pp. 86–93.
19. Shilina A. G., Subbotina O. A. *Informacionno-kommunikativnaya special'naya operaciya: osobennosti funkcionirovaniya precedentny'x znakov Z, V, O v mediaprostranstve (na materiale Telegram-kanala i VK-stranicy Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii)* [Information and communication special operation: features of the functioning of precedent signs Z, V, O in the media space (based on the Telegram channel and VK page of the Ministry of Defense of the Russian Federation)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. Simferopol', 2022, vol. 8 (74), no. 3, pp. 167–177.

NARRATIVE "FOLKLORE" AS AN INFORMATION WEAPON OF THE PAST AND PRESENT¹

Pervykh D. K.

The publication attempts to comprehend the practical application of the anecdote genre in the media environment and to prove the idea that narrative folklore, both during its inception in journalism at the beginning of the XIX century and today, is a means of informational influence and in some sense an element of information weapons. The relevance of the publication is the need for a case study and theoretical understanding of the phenomenon of using narrative folklore as a means of informational influence. The publication will focus on jokes, the subject of ridicule of which are historical and socio-political events, as well as real historical figures. The material for the study were jokes from the period of the Patriotic War of 1812, Soviet and modern jokes.

Keywords: narrative folklore, anecdote, satire, information warfare, information weapon.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 program N 075-15-2021-1323.

УДК 81'42

**ФАСЦИНАТИВНО-МАРКЕТИНГОВАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ:
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЗНАКОВ Z, V, O
В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОГО МАССМАРКЕТА¹**

Шилина А. Г., Субботина О. А.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: angela_shilina@bk.ru; subbotiny08@mail.ru*

Статья посвящена вербальному и невербальному обоснованию актуальности исследования фасцинативно-маркетинговой специальной операции, разворачивающейся в пространстве массмаркета, как составляющей информационно-коммуникативной специальной операции. Ее базовыми вербально-визуальными рефлексорами являются прецедентные знаки Z, V, O. Они представлены в двух основных форматах: креолизованный мем и хештег, – которые воплощаются с помощью 6 когнитивно-информационных моделей.

Символическая семантика прецедентных знаков Z, V, O наделила их функцией противодействия деструктивным процессам в массмедиа-реальности: «свои» знаки для «своего» массмаркета в «своем» обществе. Активный маркетинг товаров с патриотической символикой в период специальной военной операции (с 24 февраля 2022 г.) фокусирует исследовательское внимание экспертов на проблемах, связанных с эффективностью и общественной поддержкой политического курса государства.

Динамика активизации прецедентных знаков Z, V, O, используемых в текстах российского массмаркета, свидетельствует о формировании прецедентной маркетинговой стратегии по противодействию «чужому» в системе идеологически осмысленного потребления.

Ключевые слова: фасцинативно-маркетинговая специальная операция; информационно-коммуникативная специальная операция; специальная военная операция; прецедентные знаки Z, V, O; массмаркет; когнитивно-информационная модель.

ВВЕДЕНИЕ

Экстралингвистическая постановка проблемы

24 февраля 2022 года президент Российской Федерации В. В. Путин объявил о начале специальной военной операции на Украине [11; 17]. Как мы отмечали ранее [18, с. 167], это обстоятельство изменило не только систему глобального жизнепорядка, но и систему мирового информационного противостояния.

Лингвистическая постановка проблемы

Специальная военная мегаоперация запустила механизм действия информационно-коммуникативной специальной макрооперации, идентифицируемой как «антропоцентрическая система, в которой с помощью вербальных и невербальных средств осуществляются действия фасцинативного характера, направленные на привлечение внимания, поддержание эмоционального подъема адресата благодаря «силе воздействия» и авторитету адресанта в условиях специальных военных мероприятий» [18, с. 169].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

В рамках этой информационно-коммуникативной специальной макрооперации развернулась мезооперация – фасцинативно-маркетинговая специальная операция.

Предложенное нами терминологическое сочетание «фасцинативно-маркетинговая специальная операция» возникло под влиянием синергетического эффекта при осмыслении таких терминов, как «когнитивный маркетинг», «информационный маркетинг», «лингвистический маркетинг» («лингвомаркетинг») и «политический маркетинг».

Поясним нашу точку зрения, для этого рассмотрим каждую терминологическую единицу.

Термин «когнитивный маркетинг» имеет три основных значения:

1) процесс формирования потребительского типа сознания путем управления эмоциями клиента (О. У. Юлдашева): «создание потенциального спроса на товары и услуги компании посредством формирования определенного типа сознания потребителя, которое определяет структуру потребляемых им благ», изготовление «коммуникативного продукта, который может вызвать у потребителя эмоции, способствующие возникновению спроса» [19, с. 147];

2) технология потребления конкретного продукта (Н. П. Козлова): «обучение потребителя правильному использованию совокупности продуктов и услуг или сопутствующих продуктов, которые продвигает компания. <...> В основе обучающей функции когнитивного маркетинга заложено программирование потребителя на получение удовлетворения от потребления продуктов компании. Такая удовлетворенность достигается в процессе обучения потребителя технологии правильного потребления» [10, с. 57];

3) разработка успешной стратегии управления опытом потребителя (Д. В. Соловьева): адаптация «системы управления опытом бренда под существующую устойчивую модель поведения потребителей» [14, с. 40], повышение уровня «лояльности к бренду со стороны потребителя, обеспечение узнаваемости бренда» [14, с. 41].

Толкование термина «информационный маркетинг» осуществляется в структуре трех базовых значений:

1) логистическая деятельность, осуществляемая в процессе оказания информационных услуг (Л. Ю. Александрова) [2, с. 247];

2) совокупность действий, направленных на продвижение положительной информации о бренде / продукте с целью создания благоприятного отношения к бренду / продукту со стороны потребителя (А. К. Кичигин) [9, с. 79];

3) «совокупность навыков по управлению информацией в экономике для выгодного сбыта своей продукции на рынке, рекламирование своего бренда и продукции, при этом предоставление потребителю полезной информации о самом продукте или услуге» (А. И. Танкаян, Т. В. Лукьяненко, Т. А. Крамаренко) [15, с. 339].

Академическая интерпретация термина «лингвистический маркетинг» («лингвомаркетинг») тоже многозначна и включает:

1) прикладное направление языковедения – лингвомаркетологию (Н. Д. Голев, О. Е. Яковлева): выстраивание «модели языка как участника товарно-денежных отношений, выступающего как в статусе самого товара, так и в статусе инструмента осуществления таких отношений. При осуществлении данной функции происходит своеобразная «коммерциализация языка» [6, с. 75];

2) создание эффективной рекламной коммуникации (Д. С. Скнарев): «оперирование понятными, доступными целевой аудитории рекламного воздействия языковыми средствами, формирующими эффективный образ товара, отвечающий определенным критериям, среди которых: соответствие позиционированию бренда и его имиджу, индивидуальность товара, вызывание соответствующих маркетинговых ассоциаций, запоминаемость, ориентированность на потребителя с учетом гендерного фактора, возможность его реализации в международной коммуникации (кросс-культурный фактор)» [13, с. 511].

Термин «политический маркетинг» понимается как:

1) изучение технологий влияния на избирателей (Ф. Н. Ильясов): «основанная на изучении избирателей система «личностного» («создание» и выдвижение кандидатов), «программного» (разработка программных, идеологических и др. документов) и информационного (реклама, паблик рилейшнз) воздействия на избирателей с целью получения власти» [8, с. 10];

2) концептуальная основа так называемого политического рынка (А. М. Гугнин): «общественный и управленческий процесс создания, предложения и обмена ценностями между участниками политического рынка. Данное определение не сводит политический маркетинг к комплексу технологий деятельности на политическом рынке, но понимает его как процесс, завершением которого является обмен между участниками этого рынка, прежде всего политиками и избирателями» [7, с. 89];

3) использование СМИ в качестве инструмента конструирования имиджа политического лидера (Ю. Н. Фролова): формирование «моды» на какое-то политическое движение, на политическую манеру того или иного кандидата [16, с. 16].

Сопоставив каждую дефиницию, выделив доминантно-смысловые для нас маркеры («обучение адресата познавательным технологиям правильного потребления», «позитивное информирование адресата о продукте», «использование эффективных языковых и внеязыковых единиц для продвижения продукта», «обмен ценностями между акторами политического рынка») и применив подход синергетического моделирования (В. Г. Буданов) [4], мы вводим в понятийную базу нашего исследования терминологическое сочетание *фасцинативно-маркетинговая специальная операция*.

Фасцинативно-маркетинговая специальная операция – составная подсистема информационно-коммуникативной специальной операции, в которой авторитетный адресант с помощью вербальных и невербальных средств осуществляет одобрительно-сочувственное информирование, когнитивное обучение и идеолого-политическую «настройку» адресата для потребления аттрактивного продукта в условиях специальных военных мероприятий.

Как отмечалось в предыдущем исследовании [18, с. 169], концептуальными вербально-визуальными репрезентантами информационно-коммуникативной специальной операции, начавшейся 24 февраля 2022 года, являлись прецедентные знаки *Z, V, O*.

Они же выступают экспликаторами фасцинативно-маркетинговой специальной операции.

В связи с этим *цель* статьи определяется тем, чтобы описать вербально-визуальную динамику прецедентных знаков *Z, V, O* как рефлекторов фасцинативно-маркетинговой специальной операции. Материалом исследования послужили тексты российского массмаркета в период с 24 февраля 2022 года по 19 ноября 2022 года.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Изучение феноменов массмаркета, отражающего трансформации в культуре потребления российского социума, показало, как и каким образом функционируют маркетинговые артефакты в рамках 6 когнитивно-информационных моделей в форматах креолизованного мема и хештега.

Прецедентные знаки Z, V, O в формате креолизованного мема

Первая модель конструируется из следующих элементов.

1.1. Прецедентный знак Z белого цвета. В большинстве случаев он сопровождается хештегом с прецедентной надписью; военным лозунгом, грамматически состоящим из предлога «за» и идеологемы, и императивно-восклицательной конструкцией.

Этот элемент используется в разнообразных товарах, являющихся предметами быта современного человека (рис. 1–3):

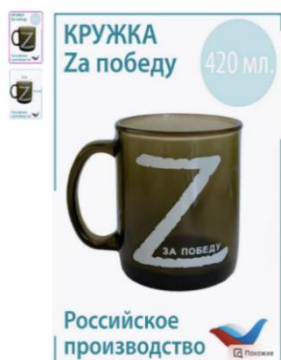

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Идеологически маркированный военный лозунг «За победу!» и императивно-восклицательное предложение «Поддержим наших!» способствуют формированию ассоциативного семантического ряда, связывающего события специальной военной операции на Украине и предшествующий героический опыт советского народа в Великой отечественной войне. Это, по мнению В. Самохваловой, способствует наполнению сознания «нужными смысловыми матрицами, оживающими в соответствующих идеях и образах» [12, с. 60-61], а значит, и противодействию деструктивной трансформации системы ценностей и мотивации социума.

1.2. Прецедентный знак Z в виде георгиевской ленты, сопровождающийся идеологемой.

Данный элемент обнаруживается:

- на товарно-грузовом транспорте (рис. 4):

Рис. 4

ФАСЦИНАТИВНО-МАРКЕТИНГОВАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ...

Прецедентный знак Z представлен в комбинации с идеологемами: скульптурой «Родина-мать зовет!»; иллюстрациями с изображением гербов республик и городов СССР и идеонимом «Сталинград», что в совокупности конструирует когнитивную матрицу: «историческое прошлое» + «героизм в борьбе за освобождение Родины» + «специальная военная операция». Репрезентация таких смыслов в артефактах «своей» массовой культуры препятствует искажению исторического прошлого, мутации смысловых и нравственных акцентов в оценке исторических событий, представленных в «чужой»/ «другой» массовой культуре;

– на товарах, доступных на площадках различных интернет-магазинов (рис. 5–6):

Рис. 5

Рис. 6

Динамика продвижения товаров с прецедентной символикой Z обращает на себя внимание экспертов, освещающих работу известных интернет-магазинов [5]. Следует отметить, что фокус их исследований фиксирует статистические данные маркетинга патриотически маркированной продукции, нормативные и этические позиции, а также политико-идеологические аспекты.

Вторая модель включает один прецедентный знак V, который часто сопровождается прецедентной фразой из кинофильма «Брат 2»: «В чем сила <...>? <...> сила в правде» [3], и воплощается в продвижении:

– предметов одежды и головных уборов (рис. 7–8):

Рис. 7

Рис. 8

- аксессуаров (рис. 9–10):

Рис. 9

Рис. 10

Третья модель состоит из комбинации прецедентного текста и трех знаков V, O и Z, апеллирует к прецедентной номинации «Зов предков» → «ZOV предков» [18, с. 173] и используется при производстве:

- предметов одежды (рис. 11–12):

Рис. 11

Рис. 12

- аксессуаров (нашивок, браслетов) (рис. 13–14):

Рис. 13

Рис. 14

- наклеек для автомобилей, пакетиков-стикеров для сахара – предметов, которые часто используются в целях рекламы и/или как носители фирменного стиля (рис. 15–16):

Рис. 15

Рис.16

Стоит обратить внимание на ещё одну прецедентную фразу в этой модели: «Слышу зов» → «Слышу ZOV» (рис. 15). Она является частью музыкального произведения «Слышу ZOV» А. Павленко и молодежного женского движения «Сестры Победы» [1].

Такое динамичное «поведение» конститuentов этой модели, многообразие форм ее закрепления в сфере массмаркета и современной культуры свидетельствуют о мотивации «своего» общества противодействовать аномалии естественной иерархии смыслов и ценностей.

Прецедентные знаки Z, V, O в формате хештега

Изучение артефактов массмаркета с использованием прецедентных знаков Z, V, O и хештегов позволяет выделить 3 модели.

Первая модель – встраивание знака Z в кириллическую структуру хештега #ГероиZ на предметах одежды (рис. 17):

Рис. 17

Вторая модель – применение хештега #ГероиZ в качестве ключевого слова при поиске товаров в интернет-магазинах. Результатом такого поиска стала мягкая игрушка «Защитник солдат» (рис. 18):

Рис. 18

Третья модель – знак *O* используется в качестве символического аксессуара и предлагается на одной из площадок массмаркета (результат поиска: хештег #Отважные) (рис. 19):

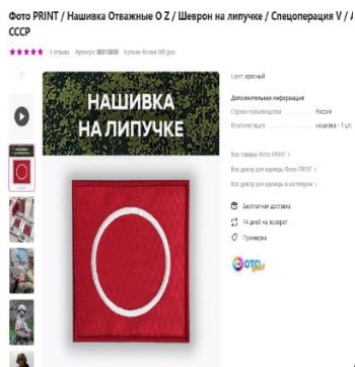

Рис. 19

ВЫВОДЫ

1. Алгоритм информационно-коммуникативной специальной операции, сформированный медиакоммуникативными механизмами специальной военной операции, детерминировал появление фасцинативно-маркетинговой специальной операции, смысловыми экспликаторами которой являются прецедентные знаки *Z*, *V*, *O*.

2. Знаки *Z*, *V*, *O*, ставшие прецедентными благодаря медиаинструментам информационно-коммуникативной специальной операции, утвердились как артефакты «своего» массового маркетинга, определив систему координат с полюсами ценностей и антиценностей.

3. Интенсификация символической семантики прецедентных знаков *Z*, *V*, *O* обусловила закрепление за ними функции противодействия деструктивным процессам в массмедиареальности: «свои» знаки для «своего» массмаркета в «своём» обществе. Естественно, что активный маркетинг товаров с патриотической символикой в период специальной военной операции (с 24 февраля 2022 г.) помещает в фокус исследования экспертов вопросы, связанные с эффективностью и общественной поддержкой политического курса государства [20].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессы, происходящие в массовой культуре, всегда являются отражением исторических и политических трансформаций социума, а массмедиапространство генерирует образы и символы, которые становятся объектами массмаркета. Так, массмедиакоммуникативные механизмы информационного воздействия на адресата в период специальной военной операции сохраняют уже ранее признанные в «своём» обществе метаценности и метамотивации.

Фасцинативно-маркетинговая специальная операция с помощью прецедентных знаков *Z*, *V*, *O* выполняет функцию поддержания информационно-коммуникативной специальной операции в частности и специальной военной операции в целом.

Изучение динамики этих знаков в системе российского массмаркета как прецедентной маркетинговой стратегии по формированию идеологически осмысленной модели потребления «своего» для «своих» представляет перспективу исследования.

Список литературы

1. Александр Павленко (feat Win Sisters) – Слышу ZOV (Official Music Video). – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=A55Fm8TU>. – (Дата обращения: 19.11.2022).
2. Александрова Л. Ю. Потенциал информационного маркетинга в цифровой экономике // Социальная реальность виртуального пространства: материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 20 сентября 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полошкевич. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. – С. 244–249.
3. Брат 2 (фильм) – В чем сила, брат? (лучшие моменты фильма). – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=X4Fny-udrNI>. – (Дата обращения: 19.09.2022).
4. Буданов В. Г. Синергетическое моделирование сложных систем и практическая философия // Синергетика и философия. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/budanovv16.htm>. – (Дата обращения: 19.11.2022).
5. В погоне за Z. Продают ли на маркетплейсах товары с новой символикой и есть ли в этом смысл? – Режим доступа: <https://vc.ru/trade/427284-v-pogone-za-z-prodayut-li-na-marketpleysah-tovary-s-novoy-simvoliko-i-est-li-v-etom-smysl?ysclid=laim3w21462966677>. – (Дата обращения: 19.11.2022).
6. Голев Н. Д., Яковлева О. Е. Язык как собственность (к основаниям лингвомаркетологической концепции языка) // Юрислингвистика. – 2010. – №. 10. – С. 75–83.
7. Гужин А. М. Политический маркетинг (Сущность и генезис) // Философия и общество. – 2016. – №. 2 (79). – С. 84–89.
8. Ильясов Ф. Н. Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. М.: ИМА-пресс, 2000. – 200 с.
9. Кичигин А. К. Информационный маркетинг города: к вопросу о роли СМИ в формировании имиджа города // Челябинский гуманитарий. – 2009. – №. 1 (7). – С. 79–82.
10. Козлова Н. П. Когнитивный маркетинг в контексте современного маркетинга // Управленческие науки в современном мире. – 2018. – Т. 1. – №. 1. – С. 55–58.
11. Обращение Президента Российской Федерации. 24 февраля 2022 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>. – (Дата обращения: 19.11.2022).
12. Самохвалова В. Специфика современной информационной войны: средства и цели поражения // Философия и общество. – 2011. – №. 3. – С. 54–73.
13. Скнарев Д. С. Лингвомаркетинг – как научное направление // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы IX Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Москва, РУДН, 21–22 апреля 2016 г. / науч. ред. В. И. Казаренков, М. А. Рушина. – Москва: РУДН, 2016. – С. 509–511.
14. Соловьева Д. В., Бритина А. А., Петров В. С. Управление опытом потребителей на рынке фитнес-услуг на основе концепции когнитивного маркетинга // Практический маркетинг. – 2022. – №. 5 (302). – С. 34–43.
15. Танкаян А. И., Лукьяненко Т. В., Крамаренко Т. А. Информационный маркетинг в интернете как средство дополнительного канала продвижения // Экономика устойчивого развития. – 2018. – №. 2. – С. 338–343.
16. Фролова Ю. Н. Образ возраста как инструмент политического маркетинга: анализ российских проправительственных СМИ // Комплексные исследования детства. – 2021. – Т. 3. – №. 1. – С. 13–22.
17. Цитаты и высказывания Владимира Путина. – Режим доступа: https://guxpert.ru/Цитаты_и_высказывания_Владимира_Путина. – (Дата обращения: 19.11.2022).
18. Шилина А. Г., Субботина О. А. Информационно-коммуникативная специальная операция: особенности функционирования прецедентных знаков Z, V, O в медиапространстве (на материале Telegram-канала и VK-страницы Министерства обороны Российской Федерации) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – №. 3. – С. 167–177.
19. Юлдашева О. У. Когнитивный подход к формированию потенциального спроса на товары и услуги фирмы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2006. – №. 2. – С. 130–149.
20. Z-маркетинг. Как компании продвигают товары с помощью новых символов. – Режим доступа: <https://newprospect.ru/news/articles/z-marketing-kak-kompanii-prodvigayut-tovary-s-pomoshchyunovykh-simvolov/>. – (Дата обращения: 19.11.2022).

References

1. Aleksandr Pavlenko (feat Win Sisters) – *Slyshu ZOV* (Official Music Video) [Aleksandr Pavlenko (feat Win Sisters) – I can hear ZOV (Official Music Video)]. – Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=A55FIHbm8TU>. – (accessed: 19.11.2022).
2. Alexandrova L. Y. *Potentsial informatsionnogo marketinga v tsifrovoi ekonomike* [The information marketing potential in the digital economy]. *Sotsial'naya real'nost' virtual'nogo prostranstva*. Irkutsk, 2021, pp. 244-249.
3. *Brat 2 (fil'm) – V chem sila, brat?* (luchshie momenty fil'ma) [Brother 2 (film) – What is the power, brother? (the best moments of the film)]. – Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=X4Fny-udrNI> (accessed: 19.09.2022).
4. Budanov V. G. *Sinergeticheskoe modelirovanie slozhnykh sistem i prakticheskaya filosofiya* [Synergetic modeling of complex systems and practical philosophy]. *Sinergetika i filosofiya* [Synergetics and Philosophy]. – Available at: <http://spkurdyumov.narod.ru/budanovv16.htm>. – (accessed: 19.11.2022).
5. *V pogone za Z*. Prodayut li na marketpleisakh tovary s novoi simvolikoi i est' li v etom smysl [In pursuit of Z. Do they sell goods with new symbols on marketplaces and does it make sense?] – Available at: <https://vc.ru/trade/427284-v-pogone-za-z-prodayut-li-na-marketpleysah-tovary-s-novoy-simvolikoy-i-est-li-v-etom-smysl?ysclid=laim3w2146262966677>. – (accessed: 19.11.2022).
6. Golev N. D., Yakovleva O. E. *Yazyk kak sobstvennost' (k osnovaniyam lingvomarketologicheskoi kontseptsii yazyka)* [Language as property (to the foundations of the linguistic marketing concept of language)]. *Yurilingvistika*, 2010, no.10, pp. 75–83.
7. Gugin A. M. *Politicheskii marketing (Sushchnost' i genezis)* [Political Marketing (Essence and Genesis)]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2016, no. 2 (79), pp. 84–89.
8. Il'yasov F. N. *Politicheskii marketing. Iskusstvo i nauka pobezhdat' na vyborah* [Political marketing. The Art and Science of winning elections]. Moscow, IMA-press Publ., 2000. 200 p.
9. Kichigin A. K. *Informatsionnyi marketing goroda: k voprosu o roli SMI v formirovanii imidzha goroda* [Information marketing of the city: on the role of the media in shaping the image of the city]. *Chelyabinskii gumanitarii*, 2009, no. 1 (7), pp. 79–82.
10. Kozlova N. P. *Kognitivnyi marketing v kontekste sovremennogo marketinga* [Cognitive marketing in the context of modern marketing]. *Upravlencheskie nauki v sovremennom mire*, 2018, vol. 1, no.1, pp. 55-58.
11. *Obrashchenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii. 24.02.22* [Address of the President of the Russian Federation.24.02.22]. – Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (accessed: 19.11.2022).
12. Samokhvalova V. *Spetsifika sovremennoi informatsionnoi voiny: sredstva i tseli porazheniya* [Modern information warfare specifics: means and objectives of defeat]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2011, no. 3, pp. 54–73.
13. Sknarev D. S. *Lingvomarketing – kak nauchnoe napravlenie* [Linguistic marketing as a research area]. *Vyshshaya shkola: opyt, problemy, perspektivy*. Moscow, 2016, pp. 509–511.
14. Solovieva D. V., Britina A. A., Petrov V. S. *Upravlenie opytom potrebitelei na rynke fitnes-uslug na osnove kontseptsii kognitivnogo marketinga* [Managing Consumer Experience in the Fitness Services Market Based on the Concept of Cognitive Marketing]. *Prakticheskii marketing*, 2022, no. 5 (302), pp. 34-43.
15. Tankayan A. I., Lukyanenko T. V., Kramarenko T. A. *Informatsionnyi marketing v internete kak sredstvo dopolnitel'nogo kanala prodvizheniya* [Information marketing on the Internet as means of an additional channel of promotion]. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya*, 2018, no. 2, pp. 338–343.
16. Frolova Yu. N. *Obraz vozrasta kak instrument politicheskogo marketinga: analiz rossiiskikh pravitel'stvennykh SMI* [Image of age as a political marketing tool: The analysis of Russian pro-government media]. *Kompleksnye issledovaniya detstva*, 2021, vol. 3, no.1, pp. 13–22.
17. *Tsitaty i vyskazyvaniya Vladimira Putina* [Quotes and statements by Vladimir Putin]. – Available at: https://ruxpert.ru/Цитаты_и_высказывания_Владимира_Путина (accessed: 19.11.2022).
18. Shilina A. G., Subbotina O. A. *Informatsionno-kommunikativnaya spetsial'naya operatsiya: osobennosti funktsionirovaniya pretsedentnykh znakov Z, V, O v mediaprostranstve (na materiale Telegram-kanala i VK-stranitsy Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii)* [Information and communication special operation: functioning features of Z, V, O precedent signs in the media space (based on the Telegram channel and VK page of Ministry of Defense of the Russian Federation)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, vol. 8 (74), no. 3, pp.167–177.

19. Yuldasheva O. U. *Kognitivnyi podkhod k formirovaniyu potentsial'nogo sprosa na tovary i uslugi firmy* [Cognitive approach to the potential demand formation for goods and services of the company]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment*, 2006, no. 2, pp. 130–149.
20. *Z-marketing. Kak kompanii prodvigayut tovary s pomoshch'yu novykh simvolov* [Z-marketing. How companies promote goods with new symbols]. – Available at: <https://newprospect.ru/news/articles/z-marketing-kak-kompanii-prodvigayut-tovary-s-pomoshchyu-novykh-simvolov/>. – (accessed: 19.11.2022).

**FASCINATIVE MARKETING SPECIAL OPERATION:
FUNCTIONING FEATURES OF Z, V, O PRECEDENT SIGNS
IN THE RUSSIAN MASS MARKET SPACE¹**

Shilina A. G., Subbotina O. A.

The article is devoted to the verbal and non-verbal substantiation of the study relevance of a fascinating marketing special operation unfolding in the mass market space as a component of an information and communication special operation. Its basic verbal and visual reflectors are Z, V, O precedent signs. They are presented in two main formats: a creolized meme and a hashtag which are implemented through 6 cognitive information models.

The symbolic semantics of Z, V, O precedent signs endowed them with the function of countering destructive processes in mass media reality: "native" signs for "native" mass market in "native" society. Active marketing of goods with patriotic symbols during a special military operation (since February 24, 2022) has focused the research attention of experts on problems related to the effectiveness and public support of the political course of the state.

The activation dynamics of the Z, V, O precedent signs used in the texts of the Russian mass market indicates the formation of a precedent marketing strategy to counteract the "alien" in the system of ideologically meaningful consumption.

Key words: fascinating marketing special operation; information and communication special operation; special military operation; Z, V, O precedent signs; mass market; cognitive information model.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 program N 075-15-2021-1323.

УДК 070

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ КОНТЕНТ В СОВРЕМЕННЫХ КРЫМСКОТАТАРСКИХ МЕДИА: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ¹

Яблоновская Н. В., Каримова Г. Э.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: yablon@rambler.ru; guli201576@mail.ru*

В статье раскрываются роль и значение культурно-просветительского контента в современных крымскотатарских традиционных (телеканал «Миллет») и новых (интернет-портал «Crimean Tatars») медиа. Проведенный авторами анализ указанных медиа позволил выделить ряд ключевых тематических направлений культурно-просветительского контента: развитие современного крымскотатарского искусства, народные традиции и обычаи, национальные праздники, рассказы о современниках, религия. Важной темой в крымскотатарских медиа является история крымских татар, особое место в данном тематическом направлении занимает тема депортации крымских татар в XX в. и ее последствий. Значительное внимание уделяется осмыслению проблем народа и путей его развития. Авторы отмечают значительный вклад культурно-просветительских медиапроектов в развитие и популяризацию крымскотатарского языка, а также в воспитание детей и подростков в духе национальных традиций и ценностей. Обращает на себя внимание авторов и использование в крымскотатарских медиа современных, востребованных у аудитории форматов представления информации. В целом авторы приходят к выводу о том, что исследуемые крымскотатарские медиа успешно выполняют миссию этнической журналистики, состоящую в сохранении и развитии культурной самобытности своего этноса.

Ключевые слова: крымскотатарские медиа, культурно-просветительский контент, этническая журналистика, этническое телевидение, этнические новые медиа.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире медиа являются одним из инструментов создания и распространения культурных ценностей и просветительского контента. М. Н. Ким отмечает, что благодаря наличию средств тиражирования и распространения информации журналистика на современном этапе способна заменить любой культурный институт по трансляции как духовных, так и материальных ценностей [4].

СМИ являются одним из основных поставщиков различных видов информации о мире, в том числе и культурно-просветительской информации. Культура позволяет передать социальный опыт, оказывает влияние на общественное отношение и оценку явлений действительности, является одним из способов поддержания связи между членами общества в процессе создания или освоения материальных, духовных ценностей [9]. Благодаря СМИ культурные ценности становятся доступными для широкой аудитории: «независимо от материальных условий или географического положения, человек может виртуально совершать путешествия в любые уголки мира, постигать нравы и обычаи других народов, посещать ведущие музеи и лучшие театры разных стран,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

знакомится с творчеством и жизнью выдающихся деятелей культуры, просвещаться в различных областях познания» [3, с. 80].

При этом культурно-просветительская деятельность СМИ не должна сводиться к простому освещению культурных событий. По мнению С. Г. Корконосенко, задача журналистики заключается в том, чтобы способствовать развитию аудитории, представлять ей информацию, необходимую для осмысления действительности, общественных проблем и перспектив [6, с. 214]. СМИ не только транслируют социокультурный опыт человечества, приобщая массовую аудиторию, к культурным ценностям, но и анализируют такой опыт.

Сформировалась особая профессиональная отрасль – культурно-просветительская журналистика. Г. В. Лазутина и С. С. Распопова определяют ее как вид журналистской деятельности, направленный на «перевод» наиболее значимых культурных компонентов социальной жизни на язык, понятный широкой аудитории, а также на определение смысла данных компонентов. Появление данного направления ученые связывают с потребностью общества «ориентироваться не только в происходящих событиях, но и в продуктах человеческого труда, рассчитанных на многократное использование» [7, с. 213].

По замечанию исследователей, культурно-просветительская журналистика имеет дело с культурным слоем социальной жизни, т. е. совокупностью материальных и духовных ценностей, которая сформировалась за время существования человечества и постоянно развивается и дополняется [7, с. 200]. Таким образом, культурно-просветительская журналистика освещает не только тему культуры и искусства, но также обращается к ключевым ценностям, создаваемым обществом.

Так, журналистика может выступать эффективным инструментом формирования у массовой аудитории культурного сознания благодаря трансляции культурной информации, включающей в себя знания, традиции, ценности, моральные и этические нормы, а также сформированного на основе такой информации медиаобраза мира.

Следует отметить, что журналистика также является частью культуры, выступая одновременно и как продукт духовной культуры, и как производитель и распространитель ценностей. С данной точки зрения журналист может рассматриваться как субъект культуры, носитель культурных ценностей и смыслов, а также деятельный участник формирования культурного слоя, поскольку он отбирает факты из сферы культуры для освещения, анализирует и интерпретирует их, создает медиатекст, который будет формировать знания целевой аудитории, влиять на ее вкусы и отношение к культурным явлениям.

Важное значение культурно-просветительский медиаконтент имеет для нетитульных коренных народов, поскольку способствует сохранению и развитию их культурных ценностей, вносит вклад в развитие и популяризацию национального языка.

Как отмечает Е. К. Рева, посредством репрезентации этнокультуры журналистика акцентирует ее «социальность», обеспечивает преемственность и расшифровывает культурные коды: «семиотическая природа культуры, не всегда понятная в процессе бытового общения, акцентируется посредством этнокультурной представленности в журналистике; авторский комментарий расшифровывает символичность национальных поведенческих особенностей, ритуалов, обычаев, межличностного взаимодействия членов этнической группы» [13, с. 47].

По мнению Н. В. Яблоновской, этническая журналистика коренных этносов Крыма (крымских татар, караимов и крымчаков) должна выполнять задачу их репрезентации на внутригосударственном и международном уровнях, содействовать развитию национальных культуры и языка, сохранению исторической преемственности и национальных ценностей [16, с. 28–29]. Исследовательница указывает на большое значение этнических медиа в развитии национального языка, а также в воспитании подрастающего поколения в духе понимания национальных ценностей и уважительного отношения к ним. «Этнические СМИ создаются для освещения жизни национальных меньшинств, поэтому главная задача этнической прессы – отображать национальное самосознание, национальную самобытность, национальную культуру и историю, национальные интересы представленного ею этноса, и чем полнее будет это отражение, тем более успешным можно признать то или иное этническое издание» [14, с. 256].

Цель нашей статьи – установить роль и значение культурно-просветительского контента в современных крымскотатарских медиа (телеканал «Миллет», интернет-портал «Crimean Tatars»).

В последние годы материалы крымских СМИ, репрезентирующие культуру, уже попадали в объектив исследователей. Так, в статье Е. Р. Жаровского [2] были проанализированы особенности освещения культуры в материалах общественно-политических печатных и интернет-СМИ Крымского полуострова за 2015–2017 гг. Ученый провел контент-анализ медиатекстов по следующим тематическим параметрам: этническая культура, религия, язык, культурное наследие и искусство. При этом этнические СМИ в эмпирических объектах исследования представлены не были. Н. В. Яблоновской [15] в 2019 г. была изучена роль регионального этнического телерадиовещания в сохранении национального языка и культуры на материалах прежней сетки вещания телеканала «Миллет». Однако за последние два года количество творческих проектов телеканала существенно возросло (с 9 до 23), что актуализировало необходимость проведения новых исследований. Интернет-портал «Crimean Tatars» стал объектом научного интереса Д. К. Первых [11], которая сосредоточила внимание на осмыслении общественно-политических тем на портале и его влиянии на информационную повестку Крыма. При этом культурно-просветительский контент ресурса «Crimean Tatars», как и телеканала «Миллет», упомянутого в публикации, рассмотрен исследовательницей не был, что детерминирует новизну темы нашей статьи.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Первый российский крымскотатарский телеканал «Миллет» («Нация») начал работу в Симферополе 1 сентября 2015 г. Его целевая аудитория — крымские татары, проживающие в Крыму и за рубежом, а также все, кого интересует жизнь, история и культура крымскотатарского народа. Цель телеканала – сохранение и развитие крымскотатарской культуры, традиций и языка.

Проекты канала выполняют ряд важных функций: погружение в национально-языковую среду, и знакомство с национальными традициями, культурой, историей, воспитание преемственности и толерантности, прежде всего, у подрастающего поколения.

В рамках информационно-развлекательного утреннего шоу «Мераба, Саба!» («Здравствуй, утро») выходят культурно-просветительские рубрики «Миллий хазине» («Народная сокровищница»), «Китап — бильги анахтары» («Книга – ключ к знаниям»), «Мукъадес ерлер» («Священные места»), «Кинобагъ» («Кино») и др.

Несколько проектов телеканала посвящено истории крымских татар. Среди них ежедневная программа на крымскотатарском языке «Ватан хатырасы» («Память о Родине»), рассказывающая об известных крымскотатарских писателях, поэтах, журналистах, воинах, общественных деятелях и др.; еженедельная программа на русском языке «История крымских татар», рассказывающая о жизни народа во времена Крымского ханства и о сохранившихся памятниках той эпохи; еженедельная программа на крымскотатарском языке «Тарих излери» («Следы истории»), рассказывающая о старых крымскотатарских деревнях, их истории и традициях.

Проблемам культуры посвящен ряд аналитических и художественно-публицистических программ. Программа «Мирас» («Наследие») рассказывает о крымских красотах и любви к Родине, запечатленных в творчестве крымскотатарских деятелей культуры и искусства, тайнах современности и загадках истории. Отдельные выпуски программы посвящены родному языку, например, передача от 28.03.22 под названием: «Халкъ икмети – онынъ тилинде / Мудрость народа – в его языке». В программе рассказывается о фразеологизмах и крылатых выражениях, которыми богат крымскотатарский язык. Девизом программы стала одна из пословиц: «Ана тили – балдан татлы» (Родной язык слаще меда). Культурно-просветительский проект «Тек арзум Ватан!» («Только Родина моя мечта!») представляет собой получасовое интервью о культуре, традициях и обычаях крымскотатарского народа, популяризации национальных начал; «Юрт нефеси» («Дыхание Родины») – программа, знакомящая с известными учеными, писателями, культурными, религиозными и общественными деятелями, занимающимися проблемами крымскотатарской духовной культуры; программа «Ана юртунъ – алтын бешик» («Родина – золотая колыбель») – короткие мировоззренческие интервью с известными крымскими татарами.

Неотъемлемой частью культуры любого народа является его кухня. По справедливому замечанию Л. А. Андреевой, национальная кухня отражает традиционную культуру питания народа, является одним из способов культурного самовыражения и может рассматриваться как значимый элемент культуры, определяющий идентичность представителей этноса в полиэтническом обществе, для которого характерно активное взаимодействие и взаимовлияние культур [1]. В эфире кулинарно-развлекательной программы «Миллет берекети» («Народное богатство») гости делятся секретами приготовления любимых блюд.

На канале много музыкальных и развлекательных программ, знакомящих зрителей с крымскотатарской музыкой, народными песнями и танцами. В связи с этим можно назвать программы «Яйля бою» («По Яйле») и «ЧАЛГЪЫДЖЫ LIVE» («Музыкант LIVE»).

Раз в месяц выходит программа «Къырымда байрам» («Праздник в Крыму»), репортажи которой дают представление о том, как крымские татары отмечают различные народные и семейные праздники. Спецпроект телеканала «Хыдырлез» посвящен ежегодному празднованию в Крыму национального праздника крымских татар, посвященного завершению весенних полевых работ и перегону скота на летние пастбища. Проект демонстрирует зрителям крымскотатарские традиции, обычаи, песни и танцы.

Особое внимание телеканал уделяет теме религии крымских татар – исламу. Религиозно-просветительская информационная программа на крымскотатарском языке «Диний субет» («Разговор о религии») выходит каждые 2 недели и освещает такие темы,

как богослужение, история ислама, искусство в исламе, вопросы воспитания детей, проблемы крайних взглядов и зависимости, каноны исламской морали. Ведущий программы – заместитель муфтия Крыма Айдер Исмаилов. Религиозно-просветительская программа на русском языке «Мир ислама» рассказывает об истории возникновения ислама, его основных положениях, воспитание духовности и догматизма. Ведет передачу заместитель муфтия мусульман Крыма Эсадулла Баиров.

Пользуются популярностью у телезрителей и документальные проекты. Трагическим событиям прошлого на «Миллете» были посвящены цикл документальных телепередач о Великой Отечественной войне «Атешли лар» («Огненные дороги»), документальный проект «Миллет хатырлай» («Память народа»), цикл документальных фильмов о депортации «Джанлы хатырлар» («Живые воспоминания»), документальные фильмы о крымскотатарских воинах-богатырях «Абдураим Решидов. Битва за Родину» и «Эпоха – Амет-Хан Султан», фильм о первом олимпийском чемпионе среди крымских татар «Рустем Казаков: Будь первым» и вышедший недавно к очередной годовщине депортации документальный фильм З. Эмирсуин «Долгая дорога домой».

Большое внимание уделяется на канале переводу художественных, документальных и анимационных фильмов на крымскотатарский язык студией дубляжа.

Ряд программ на телеканале транслируется на крымскотатарском языке специально для детей. В будние дни каждый вечер для малышей проходит программа «Юкью Time» («Время сна»). Это небольшое театрализованное представление, в котором дедушка Сетмер рассказывает малышам сказку, затем транслируется мультфильм, а в конце программы звучит колыбельная на родном языке.

По выходным для детей выходит программа «БалаLAND» («Страна детей»), рубрики которой развлекают юных зрителей и знакомят их с крымскотатарским языком, культурой, традициями. Юные ведущие программы и корреспонденты готовят интересные сюжеты на разные волнующие темы, тем самым призывая своих сверстников любить и уважать родной язык и традиции. Путешествия по Крыму, интересные факты, последние новости – основные составляющие содержания программы. Образовательную функцию в программе выполняет рубрика «Лугъатчыкъ» («Словарик»), знакомящая аудиторию с крымскотатарскими пословицами и поговорками и дающая их перевод на русский язык.

Еще одна детская программа канала – «Эркетай» («Баловник») – знакомит зрителей с талантливыми крымскотатарскими детьми, учит готовить блюда, рецепты которых доступны детям, помогает в изучении крымскотатарского языка.

Отмечая важность выпуска детских программ на этническом телеканале, мы в то же время не можем признать удачными их названия, объединяющие крымскотатарские и английские корни. В настоящее время в связи с возросшими угрозами глобализации, в том числе в связи с экспансией английского языка, необходимо минимизировать использование английских слов там, где это возможно, и особенно в медиаконтенте, предназначенном для самой незащищенной аудитории – детской. Гибридные словоформы «ЮкьюTime» и «BalaLAND» выглядят неестественно лексически и графически. По нашему мнению, предшествующие названия детских программ: «Маматеке» («Одуванчик») и «Тылсымлы масаллар» («Волшебные сказки») – были более благозвучными и уместными.

Контент канала размещается на его сайте (в том числе в формате онлайн-трансляции) [10], а также на различных площадках: в социальных сетях «ВКонтакте» (в группе 14.461

участник, количество просмотров видео колеблется от нескольких сотен до нескольких тысяч), «Одноклассники» (в группе 5.963 подписчика), «Яндекс. Zen» (73 подписчика), в мессенджере Telegram (1688 подписчиков), на видеохостинге Rutube (с 21.03.2022, 136 подписчиков), замороженный в настоящее время YouTube-канал «Миллет» имел 20,7 тыс. подписчиков.

Культурно-просветительский интернет-портал «Crimean Tatars» (crimeantatars.club) [17] был создан в 2016 г. Он является значимым источником актуальной информации о жизни крымских татар на современном этапе в Крыму и за его пределами, а также крымскотатарских истории, языке, традициях и обычаях. Миссией портала являются сохранение, развитие и популяризация крымскотатарского языка, культурного и исторического наследия народа.

Целевую аудиторию портала составляют не только крымские татары, но и представители других национальностей, интересующиеся крымскотатарскими историей, национальной культурой и традициями, поэтому сайт имеет версию на русском, крымскотатарском и английском языках.

Согласно данным онлайн-сервиса анализа, мониторинга и аудита сайтов pr-cy.ru, среднее количество уникальных посетителей портала в месяц превышает 13 тыс. человек, а количество просмотров в месяц составляет более 29 тысяч [12].

Помимо официального сайта, у проекта есть аккаунты в популярных социальных сетях: «ВКонтакте» (15 тыс. подписчиков), «Одноклассники» (20 тыс. подписчиков), на видеохостинге YouTube (более 58 тыс. подписчиков). С 2019 г. на YouTube-канале «Crimean Tatars» запущено круглосуточное онлайн-вещание.

Контент портала разделен на 12 основных рубрик: «Жизнь», «Культура», «Образование», «История», «Религия», «Кухня», «Блоги», «Концерты», «Афиша», «Благотворительность», «Юмор», «Тесты». В каждой рубрике выделяются отдельные тематические категории (подрубрики), которые позволяют распределить публикации по темам, облегчают поиск информации. При этом материал может относиться к одной категории или сразу нескольким.

В рубрике «Культура» представлены 4 подрубрики: «Искусство», «Музыка», «Литература», а также «Шаматалы кьоранта» («Шумная семейка»). В рубрике публикуются творческие портреты художников, музыкантов, мастеров народных ремесел и др. – небольшие видео, средний хронометраж которых составляет 7-10 минут. Широко представлены небольшие информационно-просветительские сюжеты хронометражем до 2 минут, которые рассказывают о прикладном искусстве, ремеслах, произведениях искусства, связанных с Крымом и отражающих жизнь крымских татар, новости о культурных событиях, выставках, концертах и пр. Кроме того, рубрика включает короткие видео выступлений крымскотатарских артистов, исполнителей и музыкантов, записи концертов, а также видео с чтением стихотворений крымскотатарских поэтов.

Отметим важную особенность видео на портале – в нем не используется закадровая начитка, текст в формате кратких информативных тезисов включается в видеоряд. Такая форма представления материала характерна для всех коротких видеоматериалов, в том числе для спецпроектов.

Особо следует отметить проект «Шаматалы кьоранта» – десятисерийный комедийный сериал о жизни обычной крымскотатарской семьи, снятый студией «Qaradeniz production». Проект изначально задумывался как серия образовательных видео, направленных на популяризацию крымскотатарского языка и демонстрирующих

его повседневное использование в быту. В ходе подготовки сценария обучающая серия приобрела форму ситкома, который помимо развлекательной функции, выполняет и просветительскую – демонстрирует простые бытовые диалоги.

В рубрике «История» особое место занимают авторские проекты известного крымского историка и писателя Олексы Гайворонского. Так, цикл «Военное дело Крымского ханства» рассказывает о численности, устройстве, вооружении, тактике войск Крымского ханства, устройстве крепостей, обеспечении армии и т.д. В рамках проекта вышло более 25 материалов.

Как и для всех материалов портала, для видео исторических циклов характерен динамичный монтаж, отсутствие закадровой начитки текста, тщательно отобранное музыкальное сопровождение. В видеоряде используются иллюстрации, картины, гравюры, фотографии, короткие видео-планы. Следует отметить небольшой хронометраж видео – до 3 минут.

В категории «Наследие» представлены короткие просветительские видео о традициях и обычаях крымских татар, традиционных праздниках, крымскотатарских именах и пр. Приведем несколько примеров публикаций данной категории: «Как крымские татары ходили в гости» от 28.08.2021; «Теджелъ и Ламие: редкие крымскотатарские женские имена» от 21.08.2021; «Топ-8 крымскотатарских суеверий» от 08.04.2020; «Мерьем-ана казан – ритуальная посуда, в которой приносили еду для роженицы» от 20.02.2019.

Данное направление является важным, поскольку традиции представляют важную основу для единения этноса, понимания социальной группы как целостности. Как отмечает М. Н. Князева, знание и понимание традиций способствуют устойчивости и самоидентификации сообщества, в том числе этнического, и оказывают значительное влияние на самоидентификацию индивида и его картину мира [4]. Создание журналистских материалов данной тематики строится сочетании глубокого изучения культуры народа, поиска редких аутентичных культурно-исторических материалов и особой технологии представления информации на основе синтеза традиционных журналистских форм и новых медиаформатов.

Проект «Исчезнувшие села» рассказывает о населенных пунктах Крыма, которые официально считаются исчезнувшими или находятся на грани исчезновения. Хронометраж видеоматериалов – до трех минут, видеоряд представлен архивными фотографиями или изображениями, документами, видеопланами современного состояния сел. Эмоциональное восприятие сюжетов аудиторией обеспечивается наличием синхронов с местными жителями.

Важной для реализации задач портала является постоянно обновляемая под рубрика «Живая история», в которой рассказываются реальные истории людей, переживших депортацию и вернувшихся на родину. Такие материалы способствуют сохранению культурной памяти, играя роль исторического архива и ценностного ориентира, метода активной оценки исторических процессов. Как справедливо указывают Е. Г. Лапина-Кратасюк, М. В. Рублева [8], благодаря подобным материалам индивидуальная память реципиента об исторических событиях включается в коллективную. Проект предоставляет площадку для публикации личных историй, а также способствует их утверждению как источника формирования знания о прошлом. В индивидуальных свидетельствах участников событий более полно раскрывается для массовой аудитории значение исторических процессов.

Тема депортации продолжается в еще одной подрубке «Возвращение», где собраны исторические материалы, рассказывающие о процессе возвращения крымских татар на родину: исторические справки, свидетельства участников, видеоочерки о представителях крымскотатарского национального движения, борющихся за возвращение народа на полуостров.

В подрубке «Фотоархив» публикуются тематические подборки фотографий или изображений из частных собраний и открытых источников, отражающих различные аспекты жизни крымских татар в Крыму. Каждая подборка сопровождается краткой исторической справкой.

Характерной чертой просветительской деятельности портала является обязательное упоминание исторических названий населенных пунктов и природно-географических объектов.

Популяризации истории Крыма способствует также подрубка «Дата», в которой размещаются короткие видео (хронометраж около 2 минут), рассказывающие о значимых для истории полуострова и крымскотатарского народа исторических событиях.

Еще одна просветительская подрубка «Просто факт» представляет собой подборку интересных фактов о жизни, традициях, истории крымских татар: «В кофейнях Крымского ханства не требовали платы» (15.04.2021); «Любовь за решёткой: как в старину крымские татары ходили на свидания» (10.11.2021); «Крымские татарки первыми в тюркском мире получили избирательное право» (18.06.2021) и т.д. Материалы рубрики содержат 2–4-минутные видео и краткую текстовую справку по теме.

В рубрике «Религия» выделяются 4 подрубки: «Ислам в Крыму» (рассказывает о том, как крымские татары отмечают религиозные праздники, о состоянии мечетей, религиозных традициях народа); «Исламский мир» (посвящена вопросам развития мусульманской культуры во всем мире); «Изучаем ислам» (представлены материалы о хадисах, аятах, разъяснения Корана и пр.); «Мечети Крыма» (знакомит аудиторию с действующими и не сохранившимися в наши дни мечетями полуострова). В целом данная рубрика адаптирует религиозный дискурс к современным способам передачи информации в медиа и специфике ее потребления массовой аудиторией. Просветительская деятельность в сфере религии, на наш взгляд, является важным условием формирования межконфессионального согласия и толерантного восприятия духовных ценностей.

Рубрика «Образование» посвящена, в первую очередь, проблемам изучения крымскотатарского языка. Негативные последствия депортации крымских татар связаны не только с этнокультурным, но и языковым аспектом. В частности, как отмечают исследователи, возникла проблема способности выполнения языком всех социальных функций из-за ослабления его стилистической системы и сокращения словарного состава в связи с невостребованностью в новых условиях. Н. В. Яблоновская указывает, что сохранение и развитие крымскотатарского языка требует как увеличения демографической мощности за счет роста числа говорящих, так и коммуникативной мощности, определяемой охватом социальных сфер, обслуживаемых языком [15]. Значительную роль в данных процессах могут играть культурно-просветительские проекты. В рубрике размещаются видеоуроки. Видеоформат позволяет не только выучить выражения, но и знакомит с правильным произношением и расстановкой ударений. В данной рубрике акцент сделан на увлекательность и игровую форму обучения.

Видеокурс крымскотатарского языка «Ана тили» ориентирован на аудиторию, которая только начинает знакомство с языком, и направлен на формирование простых навыков общения в бытовых ситуациях. Видео строится на чередовании игровых ситуаций, показывающих примеры использования языка и распространенные ошибки, и комментариев лектора, разъясняющих правила. В конце аудитории дается задание для закрепления пройденного материала. Помимо игровых, портал использует также тестовые модели изучения языка: в рубрике «Тесты» регулярно появляются тесты, направленные на проверку знаний аудитории.

Рубрика «Жизнь» включает в себя как просветительский контент культурной и исторической направленности, так и актуальную информацию о жизни крымских татар сегодня. Для рубрики характерно достаточно большое количество подрубрик и спецпроектов культурной, развлекательной, социальной направленности.

Подрубрика «Люди» в жанре коротких видеоочерков знакомит с неординарными людьми, успешными бизнесменами, учеными, деятелями культуры, спортсменами. Значение данной рубрики определяется тем, что истории успеха людей способствуют формированию образа успешного этноса и успешных моделей поведения.

В подрубрике «Семья» публикуются результаты проведенных журналистами социальных экспериментов, опросы, истории крымскотатарских семей, рекомендации психологов.

Также выходят детские рубрики: «Диньленьиз, сэйлейим» («Слушайте, расскажу»), «Истидатлы чипчечик» («Талантливый цыплёнок»), «Пападие» («Ромашка»), «Дингильдай» («Звоночек»). Для них характерны красочность, внимание к визуальным способам подачи информации. Выбор тем, приемов отображения, форм преподнесения материала, выразительных средств определяется особенностями и потребностями детской аудитории, что позволяет привлечь юных зрителей, облегчить усвоение ими материала, развивать самостоятельные познавательные навыки.

Подрубрика «Диаспора» знакомит аудиторию с жизнью крымских татар за пределами полуострова. Поскольку крымскотатарская диаспора представляет собой особую этническую общность, сохранившую ключевые характеристики национальной самобытности этноса, в том числе культуру, традиции, язык, такая информация является значимой для социокультурного развития этноса.

Краеведческую направленность имеет подрубрика «Карта Крыма», короткие видео рассказывают о природных памятниках, архитектурных объектах, населенных пунктах Крыма. Информация дается лаконично, видео имеют небольшой хронометраж (до 4 минут), особую роль здесь играет выразительный видеоряд, пейзажные съемки.

В рамках еще одной подрубрики портала «Смыслы жизни» известные люди в формате монолога рассказывают о себе, своих взглядах на жизнь, проблемы крымскотатарского народа и пути его развития. Композиционно-содержательная специфика данного проекта определяется тем, что интервьюер не присутствует в кадре, видеоряд полностью сосредоточен на показе героя, а также не озвучиваются вопросы, при этом на экран выводятся ключевые слова, определяющие направление беседы. Например, «мои родители», когда герой делится воспоминаниями о детстве, «мои первые работы», когда рассказывает о профессиональном становлении и т.д. Говоря о жанровой специфике проекта, следует отметить его близость к интервью-портрету, для которого характерно фокусирование на интервьюируемом, и интервью-монологу, поскольку

интервью формально не разделено вопросами журналиста, аудитории предоставляется развернутой монолог героя.

В рубрике «Кухня» представлены видеорецепты крымскотатарских национальных блюд.

Рубрика «Концерты» посвящена культурным новостям и сообщает о концертах крымскотатарских исполнителей, а также содержит полные версии выступлений.

В рубрике «Юмор» размещаются юмористические скетчи и комеди-шоу на крымскотатарском языке, которые создаются при поддержке «Qaradeniz production», такой контент также способствует популяризации языка, поскольку развлекательный юмористический формат привлекает массовую аудиторию.

Редакция «Crimean Tatars» использует ряд приемов для более эффективного привлечения внимания аудитории к материалам культурно-просветительской тематики, которые можно разделить на две группы:

- приемы на уровне визуального оформления и структурирования контента. Следует отметить, что при оформлении главной страницы ресурса акцент сделан на визуальном контенте: здесь представлены фотографии, иллюстрации или видео и название материала. Важной характеристикой является также четкая рубрицированность материалов, что облегчает для целевой аудитории выбор интересующих ее тем. Кроме того система категорий, позволяет связать между собой публикации в рамках не только одной темы, но смежных рубрик, что способствует формированию единого просветительского пространства в рамках сайта.

- приемы на уровне создания контента. Основной для проекта формат – короткие видео с текстовой информацией имеет ряд преимуществ, среди которых можно назвать скорость производства, которая позволяет редакции регулярно обновлять информацию, информативность, поскольку небольшой объем требует емкого и содержательного изложения материала, универсальность, благодаря которой материалы успешно транслируются не только на сайте, но и в социальных сетях, привлечение и удержание внимания аудитории в условиях дефицита времени на потребление медиаконтента. Важной особенностью является также формальное отсутствие в большинстве материалов коммуникаторов (журналистов), подчеркнутая деперсонализация публицистического повествования.

ВЫВОДЫ

Таким образом, современные крымскотатарские традиционные (телеканал «Миллет») и новые медиа (интернет-портал «Crimean Tatars») успешно выполняют миссию этнической журналистики, состоящую в сохранении и развитии культурной самобытности репрезентируемого этноса.

Проведенный в рамках нашего исследования анализ контента телеканала «Миллет» и портала «Crimean Tatars» позволил выделить ряд ключевых тематических направлений представленных культурно-просветительских проектов: развитие современного крымскотатарского искусства, народные традиции и обычаи, национальные праздники, рассказы о современниках, религия. Важной темой в крымскотатарских медиа является история крымских татар, особое место в данном тематическом направлении занимает тема депортации крымских татар и ее последствий. Значительное внимание уделяется осмыслению проблем народа и путей его развития.

Большой вклад просветительские медиапроекты вносят в развитие и популяризацию изучения крымскотатарского языка. В данном аспекте можно выделить два направления:

видеоуроки, тесты и другие обучающие игровые формы, позволяющие аудитории расширить свой словарный запас, а также создание интересного для аудитории контента на крымскотатарском языке (фильмы, сериалы, аналитические и развлекательные проекты).

Следует отметить обращение к современным, востребованным у аудитории форматам представления информации. Так, портал «Crimean Tatars» делает ставку на визуальный контент – короткие видео и фотогалереи. Такой формат позволяет сделать материалы информативными, легкими для восприятия, привлекающими и удерживающими внимание аудитории. Преимуществом является также его универсальность, поскольку контент может размещаться не только на сайте, но и на страницах медиaproекта в социальных сетях.

Особое место в культурно-просветительском контенте телеканала «Миллет» и портала «Crimean Tatars» занимают проекты для детей. Создание качественных детских медиа, способных развлекать, учить и воспитывать аудиторию, является важным условием развития этноса. Такие проекты позволяют детям знакомиться с окружающим миром, культурой, историей, традициями своего народа и играют большую роль в возрождении духовности и преемственности поколений. Большое внимание в них уделяется вопросу изучения детьми крымскотатарского языка, при этом акцент делается на увлекательность и игровые формы (комиксы, кроссворды, видео и др. форматы).

Список литературы

1. *Андреева Л. А.* Национальная кухня марийцев в диалоге культур народов Югры // Вестник угроведения. – 2018. – Т. 8. – № 3. – С. 491–502.
2. *Жаровский Е. Р.* Особенности освещения культуры в СМИ Крымского полуострова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2020. – №1. – С. 173–191.
3. Журналистика сферы досуга : учеб. пособие / под общ. ред. Л. Р. Дускаевой, Н. С. Цветовой. – СПб. : Высшая школа журн. и мас. коммуникаций, 2012. – 304 с.
4. *Ким М. Н.* Журналистика как индикатор духовной жизни общества // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2018. – Т. 216. – С. 100–104.
5. *Князева М. Н.* Традиции как фактор развития: медийные аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – Т. 4. – № 3. – С. 280–298.
6. *Корконосенко С. Г.* Основы журналистики: Учебник для студентов вузов. – 2 е изд., перераб. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 318 с.
7. *Лазутина Г. В., Распопова С. С.* Жанры журналистского творчества : учеб. пособие. – М. : Аспект Пресс, 2012. – 320 с.
8. *Лапина-Кратасюк Е. Г., Рублева М. В.* Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия // Шаги/Steps. – 2018. – Т. 3. – № 3–4. – С. 147–165.
9. *Марьина Л. П.* Культурология журналистики: генезис современной науки // Sciences of Europe. – 2018. – № 29/3. – С. 3–8.
10. Миллет: сетевое издание. – Режим доступа: <https://trkmillet.ru/> – (Дата обращения 15.11.2022).
11. *Первых Д. К.* Этнические культурно-просветительские медиапроекты и их роль в формировании информационной повестки Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 2. – С. 90–97.
12. Проверка посещаемости сайта // Pr-cy: сайт. – Режим доступа: <https://pr-cy.ru/site-statistics/?domain=www.crimeantatars.club>. – (Дата обращения: 15.11.2022).
13. *Рева Е. К.* Основные принципы взаимодействия этнологии, культурологии и журналистики: теоретический аспект // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – Т. 116. – № 3. – С. 42–48.

14. Яблоновская Н. В. Роль государственного языка в этнической прессе: крымский опыт // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 255–261.
15. Яблоновская Н. В. Роль регионального этнического телерадиовещания в сохранении национальных языка и культуры (на примере АНО «Общественная крымскотатарская телерадиокомпания») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 3. – С. 111–124.
16. Яблоновська Н. В. Кримська журналістика: етнічні аспекти. Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. – Симферополь: Кримнавчпеддержвидав, 2008. – 289 с.
17. Crimean tatars: сайт о крымских татарах. – Режим доступа: <https://www.crimeantatars.club/> – (Дата обращения 15.11.2022).

References

1. Andreeva L. A. *Nacional'naja kuhnja marijcev v dialoge kul'tur narodov Jugry* [National cuisine of the Mari in the dialogue of cultures of the peoples of Yugra]. *Vestnik ugrovedenija*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 491–502.
2. Zharovskij E. R. *Osobennosti osveshhenija kul'tury v SMI Krymskogo poluostrova* [Features of coverage of culture in the media of the Crimean peninsula]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2020, no.1, pp. 173–191.
3. *Zhurnalistika sfery dosuga : ucheb. posobie* [Leisure journalism: textbook] / ed. by L. R. Duskaeva, N. S. Svetovoj. St. Petersburg, Vysshaja shkola zhurn. i mas. Kommunikacij Publ., 2012. 304 p.
4. Kim M. N. *Zhurnalistika kak indikator duhovnoj zhizni obshhestva* [Journalism as an indicator of the spiritual life of society]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 2018, vol. 216, pp. 100–104.
5. Knjazeva M. N. *Tradicii kak faktor razvittija: medijnye aspekty* [Traditions as a development factor: media aspects]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2015, vol. 4, no. 3, pp. 280–298.
6. Korkonosenko S. G. *Osnovy zhurnalistiki: Uchebnik dlja studentov vuzov* [Fundamentals of journalism: A textbook for university students]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2009. 318 p.
7. Lazutina G. V., Raspopova S. S. *Zhanry zhurnalistikskogo tvorchestva : ucheb. posobie* [Genres of journalistic creativity: textbook]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. 320 p.
8. Lapina-Kratasjuk E. G., Rubleva M. V. *Proekty sohraneniya lichnoj pamjati: cifrovye arhivy i kul'tura uchastija* [Projects for the preservation of personal memory: digital archives and a culture of participation]. *Shagi/Steps*, 2018, vol. 3, no. 3–4, pp. 147–165.
9. Mar'ina L. P. *Kul'turologija zhurnalistiki: genezis sovremennoj nauki* [Culturology of journalism: the genesis of modern science], *Sciences of Europe*, 2018, no. 29/3, pp. 3–8.
10. *Millet: setevoe izdanie* [Millet: online edition]. Available from: <https://trkmillet.ru/> (accessed 15 November 2022).
11. *Proverka poseshhaemosti sajta* [Checking site traffic]. Pr-cy: site. Available at: <https://pr-cy.ru/site-statistics/?domain=www.crimeantatars.club> (accessed 15 November 2022).
12. Pervyh D. K. *Jetnicheskie kul'turno-prosvetitel'skie mediaproekty i ih rol' v formirovanii informacionnoj povestki Kryma* [Ethnic cultural and educational media projects and their role in shaping the information agenda of the Crimea]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, no. 2, pp. 90–97.
13. Reva E. K. *Osnovnye principy vzaimodejstvija jetnologii, kul'turologii i zhurnalistiki: teoreticheskij aspekt* [Basic principles of interaction between ethnology, cultural studies and journalism: a theoretical aspect]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta*, ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury, 2013, vol. 116, no 3, pp. 42–48.
14. Jablonovskaja N. V. *Rol' gosudarstvennogo jazyka v jetnicheskoy presse: krymskij opyt* [The role of the state language in the ethnic press: Crimean experience]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 4, pp. 255–261.
15. Jablonovskaja N. V. *Rol' regional'nogo jetnicheskogo teleradioveshhaniya v sohranении nacional'nyh jazyka i kul'tury (na primere ANO «Obshhestvennaja krymskotatarskaja teleradiokompanija»)* [The role of regional ethnic television and radio broadcasting in the preservation of national language and culture (on the example of ANO “Public Crimean Tatar Television and Radio Company”)]. *Uchenye zapiski Krymskogo*

16. Jablonovs'ka N. V *Krims'ka zhurnalistika: etnichni aspekti* [Crimean journalism: ethnic aspects]. Simferopol', Krimnavchpedderzhvidav Publ., 2008. 289 p.
17. *Crimean Tatars: sajt o krymskih tatarah* [Crimean Tatars: site about Crimean Tatars]. Available at: <https://www.crimeantatars.club/> (accessed 15 November 2022).

CULTURAL AND EDUCATIONAL CONTENT IN MODERN CRIMEAN TATAR MEDIA: ROLE AND SIGNIFICANCE ¹

N. V. Yablonovskaya, G. E. Karimova

The article deals with the role and significance of cultural and educational content in modern Crimean Tatar traditional (“Millet” TV channel) and new (“Crimean Tatars” Internet portal) media. The analysis of the content of these media carried out by the authors made it possible to identify a number of key thematic areas of cultural and educational content: the development of modern Crimean Tatar art, folk traditions and customs, national holidays, stories about contemporaries, religion. An important topic in the Crimean Tatar media is the history of the Crimean Tatars; a special place in this thematic area is occupied by the topic of the deportation of the Crimean Tatars in the 20th century and its consequences. Considerable attention is paid to understanding the problems of the people and the ways of their development. The authors note the significant contribution of cultural and educational media projects to the development and popularization of the Crimean Tatar language, as well as to the education of children and adolescents in the spirit of national traditions and values. The attention of the authors is also drawn to the use in the Crimean Tatar media of modern formats for presenting information that are in demand among the audience. In general, the authors come to the conclusion that the studied Crimean Tatar media successfully fulfill the mission of ethnic journalism, which consists in preserving and developing the cultural identity of their ethnic group.

Key words: Crimean Tatar media, cultural and educational content, ethnic journalism, ethnic television, ethnic new media.

¹ This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 programm N 075-15-2021-1323.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Беспалова Елена Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Богоявленская Юлия Валерьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет», Екатеринбург, Россия

Егорова Людмила Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра изучения гражданских инициатив ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь, Россия

Ершов Юрий Михайлович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, Севастополь, Россия

Зайцев Егор Русланович – аспирант кафедры русской филологии Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия

Иванова Наталья Павловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Каримова Гулнора Эркижоновна – магистрант Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Клыкова Юлия Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лучинский Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций факультета журналистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Лю Хаотун – аспирант 2 курса кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Минчик Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Норец Максим Вадимович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Онищенко Юлия Викторовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3 Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Первых Диана Константиновна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Перезовова Ольга Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Института медиа и социально-гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет», Челябинск, Россия

Петренко Александр Демьянович – доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Полховская Елена Васильевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Рейнова Анастасия Владимировна – обучающаяся 1 курса кафедры теории и практики перевода (английский язык) Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Стремякова Мария Сергеевна – специалист по связям с общественностью, «Французский институт» при Посольстве Франции в России, г. Санкт-Петербург, Россия

Субботина Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Сухоруков Алексей Николаевич – старший преподаватель кафедры восточной филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Сурган Марина Александровна – научный сотрудник Центра изучения гражданских инициатив ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь, Россия

У Хао – кандидат филологических наук, ассистент школы центрально- и восточноевропейских языков Цзилиньского университета международных исследований, г. Чанчунь, КНР

Элькан Ольга Борисовна – доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры общественных дисциплин и истории искусств Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Россия

Шевель Валерия Геннадьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3 Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Шилина Анжела Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и издательского дела Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Шмигельская Лина Романовна – студент 4 курса бакалавриата Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

Яблоновская Наталья Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Александрова И. В.

КОМЕДИЯ Ю. СЕМЕНОВА «ДВА ЛИЦА ПЬЕРА ОГЮСТА ДЕ БОМАРШЕ»:
ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.....3

Беспалова Е. К., Шмигельская Л. Р.

ИМЕННОЙ СВЕРХТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ В. В. НАБОКОВА.
СТАТЬЯ 1: ПУШКИНСКИЙ ТЕКСТ.....15

Иванова Н. П., У Хао

МОТИВ ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА О ЛЮБВИ.....27

Минчик С. С.

ПРОСОПОГРАФИЯ ПЛАНОВ ПОЕЗДКИ А. С. ГРИБОЕДОВА
НА КАВКАЗ В 1824–1825 гг.....36

Норец М. В., Элькан О. Б.

ЛИТЕРАТУРА В МУЗЫКЕ: ОПЕРА «МОЦАРТ И САЛЬЕРИ».....49

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Клыкова Ю. Ю.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТЕКСТАХ СМИ.....55

Лю Хаотун

АВТОРСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.....66

Петренко А. Д., Онищенко Ю. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАСНЫХ МОНОФТОНГОВ
В БРИТАНСКОМ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОМ СТАНДАРТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ
УЧАСТНИКОВ КОМЕДИЙНОГО ТОК-ШОУ).....73

Petrenko A. D., Shevel V. G.

MULTIVECTORIAL NATURE OF IDENTIFICATION
WITHIN THE FRAMEWORK OF SOCIOLINGUISTIC RESEARCH.....88

СОДЕРЖАНИЕ

Полховская Е. В., Рейнова А. В.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ
МОРФОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ
АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ
(НА ПРИМЕРЕ СЛОЖНОСОСТАВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ).....101

Сухоруков А. Н.

ПЕРСИДСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ:
ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.....110

3. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛИСТИКИ

Егорова Л. Г., Сурган М. А.

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ В ВОВЛЕЧЕНИИ ГРАЖДАН
В ПРИНЯТИЕ БЮДЖЕТНЫХ РЕШЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ).....121

Зайцев Е. Р.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ:
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....129

Лучинский Ю. В.

ПЕРВЫЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ Е. Д. ФЕЛИЦЫНА:
МАЙКОПСКИЙ ЦИКЛ.....138

Перевозова О. В.

НОВОСТНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕНТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СМИ
В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:
ВОВЛЕЧЕННОСТЬ И РЕФЛЕКСИЯ АУДИТОРИИ.....148

4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Богоявленская Ю. В., Стремякова М. С.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ОБРАЗА ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА ВО ФРАНЦУЗСКОМ
ПРЕДВЫБОРНОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ.....161

Ершов Ю. М.

ВОЕННЫЙ ФОТОРЕПОРТАЖ:
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА И АВТОРСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ.....173

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Первых Д. К.</i> НАРРАТИВНЫЙ «ФОЛЬКЛОР» КАК ИНФОРМАЦИОННОЕ ОРУЖИЕ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО.....	180
<i>Шилина А. Г., Субботина О. А.</i> ФАСЦИНАТИВНО-МАРКЕТИНГОВАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЗНАКОВ Z, V, O В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОГО МАССМАРКЕТА.....	191
<i>Яблоновская Н. В., Каримова Г. Э.</i> КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ КОНТЕНТ В СОВРЕМЕННЫХ КРЫМСКОТАТАРСКИХ МЕДИА: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ.....	202
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	215